

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ

В ы п у с к 24

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»

Ленинградское отделение

1991

Редколлегия:
академик Д. С. ЛИХАЧЕВ,
В. Э. ВАЦУРО, С. А. ФОМИЧЕВ

Рецензенты:
Л. А. Степанов, М. Н. Виролайнен

Научное издание

ВРЕМЕННОК ПУШКИНСКОЙ КОМИССИИ

Выпуск 24

Утверждено к печати Отделением литературы и языка Академии наук СССР

Редактор издательства *Е. Г. Кащеева*. Технический редактор *П. А. Кругликова*
Корректоры *Н. И. Журавлева* и *Г. И. Тимошенко*

ИБ № 44296

Сдано в набор 11.06.90. Подписано к печати 21.12.90. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура обыкновенная. Фотонабор. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13.50+вкладка (1.25). Усл. кр.-от. 13.74. Уч.-изд. л. 19.51. Тираж 6650. Тип. зак. № 482.
Цена 1 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука» Ленинградское отделение
199034. Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

В $\frac{4603020101-736}{042(02)-91}$ 738-90 (I)

© Коллектив авторов, 1991

ISBN 5-02-027942-0

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий выпуск «Временника Пушкинской комиссии» (двадцать четвертый) сохраняет традиционную структуру данного издания. Продолжая разработку отдельных тем и проблем пушкиноведения, он главной своей задачей ставит подготовку материалов для нового академического Полного собрания сочинений А. С. Пушкина.

Первый раздел — «Материалы и сообщения» — открывается статьей С. А. Фомичева, которая выявляет особенности психологии творчества Пушкина, связанные с возникновением замысла и плана его произведений. В работе О. С. Муравьевой прослеживается мотив «мертвой возлюбленной» в пушкинской поэзии. В статье В. Е. Гусева содержатся новые сведения о творческих отношениях Пушкина и Караджича.

В разделе «Обзоры» продолжена публикация подготовленного В. В. Зайцевой аннотированного указателя пушкиноведческой литературы, появившейся в печати в 1986 г. Здесь же помещается обзор справочных трудов по поэзии Пушкина и его современников, сделанный В. С. Баевским.

Как обычно, крайне разнообразен и обширен третий раздел выпуска «Заметки», в котором освещаются ранее неизвестные факты биографии Пушкина, его литературного окружения. Здесь же дается реальный, историко-литературный и текстологический комментарий к различным произведениям поэта. Статьи Ю. П. Фесенко, Вас. Молкосяна, С. В. Шумихина и К. С. Юрьева образуют группу материалов архивно-источниковедческого характера.

В четвертом разделе помещены сведения о пушкинских конференциях, музеях, выставках и празднествах, о новых памятниках поэту, о спектаклях по пушкинским произведениям и проч., отраженные в газетной периодике 1986 г.

Завершается выпуск таблицей «Родословие А. С. Пушкина» (составитель А. А. Черкашин).

Все цитаты из Пушкина, если цитируемое издание не оговаривается особо, даются по Полному собранию сочинений (М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1949. Т. I—XVI). При ссылках на это издание римская цифра означает номер тома, арабская — номер страницы (дополнительный, «Справочный том», вышедший в 1959 г., обозначается как том XVII). Ссылки на автографы Пушкина, хранящиеся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, даются сокращенно: ПД (т. е. Рукописный отдел Пушкинского Дома, ф. 244, оп. 1), далее указывается номер единицы хранения и в случае необходимости соответствующий лист рукописи.

І. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

С. А. ФОМИЧЕВ

ЗАМЫСЕЛ И ПЛАН

(Из наблюдений над рукописями Пушкина)

В работе писателя над произведением следует выделять четыре разнокачественных этапа:

- замысел и план,
- черновая рукопись,
- беловая рукопись,
- корректура и выход книги в свет.

Разумеется, данная схема алгебраична. В действительности творческий процесс может протекать и иначе: некоторые стадии в иных случаях могут быть пропущены (сразу беловая рукопись) или же нам неизвестны (только книга), а иногда не доведены до конца (черновой набросок). Нужно учитывать и индивидуальные навыки писателей (так, корректура для Пушкина почти равна окончательному тексту, не то у Л. Толстого и Достоевского). Но всё же выделение именно этих этапов полезно, так как каждый из них имеет особое значение в общем движении замысла. Первый из них — подготовительный, в окончательном тексте прямо не присутствующий (остраненный). Он составляет одну из самых сокровенных «тайн ремесла», тот переход из жизни в художественный мир, который доступен лишь творчески одаренной личности.

Как возникает замысел? У каждого писателя по-своему. Известно, например, что Гоголю он особо трудно давался (ср. замыслы «Ревизора» и «Мертвых душ»), но разве его творческая гениальность по этому признаку может быть поставлена под сомнение? Пушкин же был замыслами переполнен.

«Пушкин, — вспоминал Н. В. Гоголь в письме к С. Т. Аксакову от 22 декабря 1844 г., — нарезавши из бумаги ярлыков, писал на каждом по заглавию, о чем когда-либо потом ему хотелось припомнить. На одном писал: *Русская изба*, на другом: *Державин*, на третьем имя тоже какого-нибудь замечательного предмета, и так далее. Все эти ярлыки накладывал он целою кучею в вазу, которая стояла на его рабочем столе, и потом, когда случалось ему свободное время, он вынимал наудачу первый билет; при

имени, на нем написанном, он вспоминал вдруг все, что у него соединялось в памяти с этим именем, и записывал о нем тут же, на том же билете все, что знал. Из этого составились те статьи, которые печатались потом в посмертном издании его сочинений и которые так интересны именно тем, что всякая мысль его там осталась живьем, как вышла из головы».¹

«Писать стихи любил он преимущественно осенью, — вспоминал П. А. Плетнев. — Тогда он до такой степени чувствовал себя расположенным к этому занятию, что и из Петербурга нарочно уезжал в деревню, где оставался до половины декабря. Редко не успевал он тогда окончивать всего, что у него заготовлено было в течение года».²

Действительно, зарождение замысла у Пушкина нередко от воплощения отделялось годами. Мне уже приходилось писать о том, что в его рукописном материале мы имеем редкую возможность увидеть проблески сиюминутно мелькнувших творческих откровений, зафиксированных графически — в рисунках, подчас намечающих темы будущих его произведений.³ Иногда же замысел фиксировался в кратком плане: так, в январе 1826 г. на полях рукописи пятой главы «Евгения Онегина» (ПД, № 835, л. 80) Пушкин делает помету «Жид и сын. Граф», т. е. предвосхищает коллизию «Скупого рыцаря».⁴

Существует достаточно стойкое представление, что работу над новым произведением Пушкин начинал непременно с плана.

«Пушкин неизменно считал, — пишет Д. Д. Благой, — что только наличие предварительного, четко осознанного, строго продуманного и твердо осуществляемого плана — своего рода архитектурного проекта будущего здания — способно обеспечить какому бы то ни было произведению искусства слова, будь то небольшое стихотворение или поэма, пьеса, роман, подлинную и совершенную художественность».⁵

Призывая «рассматривать планы Пушкина не только как наброски художественного произведения, а как существенную фазу художественного мышления (с этим можно согласиться!), Б. С. Мейлах столь же жестко констатировал: «Все возрастающее значение, которое придавал им (планам. — С. Ф.) Пушкин, можно объяснить эволюцией творческого метода, все в большей степени сочетавшего глубину обобщений с четкостью образов и строгой композиционной формой, его осознанной целенаправленностью, не терпевшей длинот, немотивированных вторжений лишних для сюжета линий».⁶

¹ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. М., 1952. Т. 12. С. 406—407. — Вероятно, имелись в виду записи для «Table-talk».

² Плетнев П. А. Сочинения и переписка. СПб., 1885. Т. 1. С. 375.

³ См.: Временник Пушкинской комиссии. Л., 1988. Вып. 22. С. 11.

⁴ В 1826 г., вероятно, мелькнула в воображении поэта мысль о первой сцене пьесы: «Граф» в плане — это едва ли не будущий «граф Делорж».

⁵ Благой Д. Д. Мастерство Пушкина. М., 1955. С. 73.

⁶ Мейлах Б. С. Художественное мышление Пушкина как творческий процесс. М.; Л., 1962. С. 199.

Подобные утверждения, казалось бы, зиждятся на теоретических тезисах Пушкина. Выработка плана в его представлении — творчество, откровение, а не следование образцам: «Есть высшая смелость: смелость изобретения, создания, где план обширный объемлется творческою мыслию» (XI, 61). Отсюда его оценка создания Данте: «...единый план Ада есть уже плод высокого гения» (XI, 42). С другой стороны, понятны претензии Пушкина к «планщику» Рылееву: «Что сказать тебе о думах? во всех встречаются стихи живые (<...>) Но вообще все они слабы изобретением и изложением. Все они на один покров: составлены из *общих мест* (Loci topici). Описание места действия, речь героя и — нравоучение» (XIII, 175). Впрочем, кажется, это замечание относится только к стихам (ср. в адрес того же Рылеева: «Я право более люблю стихи без плана, чем план без стихов» — XIII, 245), для повествовательной прозы же Пушкин готов признать возможность использования старых образцов. «Умный человек, — рассуждает героиня «(Романа в письмах)», — мог бы взять готовый план, готовые характеры, исправить слог и бессмыслицы, дополнить недомолвки — и вышел бы прекрасный, оригинальный роман» (VIII, 50). Думается, что это размышление не чуждо собственной творческой практике Пушкина. В любом случае он всегда стремился к стройной архитектонике произведения и потому осуждал «лирический беспорядок» оды, «детский план» Байронова «Корсара», «беспомощный план» «Федры» Расина, недостаток плана в «Горе от ума». Впрочем, и о своих произведениях Пушкин подчас отзывался не лучше, замечая, например, о «Кавказском пленнике»: «Простота плана близко подходит к бедности изобретения» (XIII, 371), а «Бахчисарайский фонтан» вообще постоянно называя «бессвязными отрывками» (XIII, 73, 75).

Нетрудно заметить, что Пушкин употреблял слово «план» в значении «общей мысли» произведения — замысла, охватывающего и связывающего воедино все его элементы, а вовсе не как предварительный конспект, программа будущего сочинения. В конце первой главы «Евгения Онегина» он, например, пишет:

Я думал уж о форме плана,
И как героя назову;
Покаместь моего романа
Я кончил первую главу
(VI, 30)

Такая «форма плана», перспектива замысла (постоянно меняющаяся, правда) у Пушкина, конечно, была на каждый момент конкретной работы над текстом романа, но за редчайшим исключением (в «Евгении Онегине») он не фиксировал ее на бумаге.

В то же время фиксированный план для пушкинской творческой практики обычен. Можно выделить несколько видов таких планов.

Во-первых, это уже упоминавшийся выше *план-заготовка* (обычно первая фиксация замысла впрок), как, например,

«ярлыки», о которых вспоминал Гоголь, или план «Скупого рыцаря».

Привычен для Пушкина был и *краткий назывной план* (перечень основных героев и событий). Таковы планы «Руслана и Людмилы» (двух эпизодов поэмы), «Кавказского пленника», «Бахчисарайского фонтана», «Цыган», «Полтавы» (эпизодов), «〈Тазита〉», «Медного всадника» (второй части) и некоторых других произведений. В качестве примера приведем план поэмы «Бахчисарайский фонтан»:

Гарем
Мария
Гирей и Зарема
Монах⁷ — Зарема и Мария
Ревность. Смерть М(арии) и Зар(емы)
Бахчисарай(ский) Ф(онтан)
(IV, 402)

Этот план довольно точно выдержан Пушкиным в окончательном тексте произведения. Почему же оно воспринималось как «бессвязные отрывки»? Очевидно, Пушкин имел в виду некий «общий замысел» (вероятно, поэмы «Таврида», от которой отпочковался «Бахчисарайский фонтан»), с которым он «не справился».

В других случаях Пушкин прибегал к *плану-конспекту*, который, даже если был краток, представлял собой предложения с глагольными формами. Таков, например, план «Гавриилиады»:

«Святой дух призвав Гавриила описывает ему свою любовь и производит в сводники. [Гавриил влюблен] Сатана и Мария» (IV, 368). Некоторые произведения намечаются Пушкиным и в форме перечня, и в форме конспекта, как, например, поэма о разбойниках.⁸

I. Разбойники, история двух братьев. —

II. Атаман и с ним дева; хлад его etc. — песнь на Волге. —

III. Купеческое судно, дочь купца.

IV. Сходит с ума» (IV, 373)

«Вечером девица плачет, подговаривает <...> молодцы готовы отплыть; есаул — где-то наш атаман — — Они плывут и поют.»

Под Астраханью разбивают корабль купеческой; он берет другую — — та сходит с ума новая не любит и умирает — он пускается на все злод(ейства) Есаул предает его —» (IV, 372).

Можно (как это фактически делает Б. С. Мейлах) утверждать, что в зрелом творчестве Пушкин все чаще прибегает к планам-

⁷ Д. Д. Благой считает это слово опиской — вместо «Евнух» (см.: Б л а г о й Д. Д. Мастерство Пушкина. С. 82—83). Важно, однако, понять, почему такая ошибка произошла: вероятно, это след связи с замыслом «Тавриды».

⁸ Пушкин говорил, что написал и уничтожил эту поэму, оставив лишь один ее эпизод («Братья разбойники»), но это, несомненно, обычная для него мистификация.

конспектам, хотя и не всегда. Вероятно, выбор того или иного вида плана в творческом сознании писателя зависел прежде всего от жанра задуманного произведения: для лиро-эпического жанра ему было достаточно краткой записи, там же, где роль сюжета повышалась, более необходимым становился конспект. Недаром первые подробные предварительные разработки потребовались Пушкину для замыслов «〈Бовы〉» и так же сориентированного на авантюрную сказочную повесть, но оригинального по сюжету «〈Мстислава〉»: «*План*. Владимир, разделив на уделы Россию, остается в Киеве; молодые богатыри со скуки разъезжаются; с ними Илья Муромец и Добрыня — печенеги нападают на Киев — Владимир посылает гонцов к сыновьям — дети его собираются — кроме *Мстислава*, Илья едет за ним — Мстислав — при нем молодые богатыри — идут на *косоков* — [Мстислав] в горах. Оставленные богатыри разъезжаются — Илья едет далее встречает своего сына — сражается с ним — находит его и везет к отцу — Царевна за ними едет — она пристаёт к печенегам — сражение — *de grands combats et des combats encore* (большие сражения и снова сражения, — *С. Ф.*): а) На Киев нападают соединенные народы — в) [Боги языческие] изгнанные крещением их одушевляют» (V, 157).

Кроме этого подробного плана, Пушкин занимался также тщательной предварительной разработкой отдельных эпизодов поэмы (см.: V, 157).

Можно не сомневаться, что столь же подробный предварительный план был записан Пушкиным для поэмы «Руслан и Людмила», хотя он до нас и не дошел. То же мы видим и на предварительной стадии работы над замыслом «Бориса Годунова»: сначала записывается конспект соответствующих глав «Истории государства Российского», потом — собственно пушкинский план, также довольно точно следующий канве событий, почерпнутых в «Истории» Карамзина (в дальнейшем Пушкин далеко отходит от этого плана).

Отмечу и еще одну достаточно часто проявляющуюся особенность пушкинских планов на примере предварительно оформленного замысла комедии об игроке (1824):

«Вальберхова вдова. Сосницкий ее брат. Брянский любовник Вальберховой. Рамазанов. Боченков [и〈гроки〉] 〈?〉 С〈осницкий〉 дает завтрак. Брянский принимает гостей. Рамазанов узнает Брянского. Изъяснения. Пополам. Начинается игра. С〈осницкий〉 все проигрывает, гнет Величкина на карту. Отчаянье его» (VII, 368).

В данном случае очевидна опора Пушкина на традиционные амплуа, обозначенные фамилиями актеров петербургского театра. Не надо думать, что в окончательном тексте были бы сохранены эти имена — отнюдь. Но намечая будущий сюжет, Пушкин «закладывает» в него определенные характеры героев. То же в планах «Дубровского» (Островский), «〈Романа на Кавказских водах〉» (Якубович-Кубович), «〈Русского Пелама〉» (Пелам-Пельмов, Завадовский и общество умных). «Двух танцовщиц» (Истомина, Завадовский), «Капитанской дочки» (Перфильев, Шванвич).

К трем основным типам пушкинских планов (заготовка, пере-
чень, конспект) примыкают еще два, однако планами их можно
назвать лишь условно, хотя они выполняют сходную функцию
в творческом процессе (первоначальная фиксация замысла).

Это, во-первых, *прозаическая программа* предполагаемого,
трудно дающегося стихотворного текста. Например, прежде чем
писать в «Евгении Онегине» Письмо Татьяны, Пушкин набрасыва-
ет его программу.

«[У меня нет никого.] [Я знаю вас уже.] Я знаю, что вы прези-
раете и пр. Я долго хотела молчать — я думала, что вас увижу,
[вы] я ничего не хочу, я хочу вас видеть — [я] у меня нет никого.
Придите, вы должны быть то и то. Если нет, меня бог обманул
[и я] — но перечитывая письмо, я силы не имею под<писать>
отгадайте, я же. . .» (ПД, № 835; л. 5).

Такие программы для особенно ответственных кусков сти-
хотворного текста довольно часто встречаются в черновиках Пуш-
кина («Наполеон», «Ты прав, мой друг — напрасно я презрел»,
«В крови горит огонь желанья», комедия об игроке, «〈Езерский〉»
и проч.). Эти программы возникают в случаях затруднения отчет-
ливо выразить поэтическую мысль и сразу же реализуются в сти-
хах. Тем интереснее единственная сохранившаяся программа
ненаписанного стихотворения (может быть, вступления к ка-
кому-то обширному замыслу), которую Б. В. Томашевский печатает
в основном корпусе стихотворений Пушкина.⁹

«PROLOGUE»

«Я посетил твою могилу — но там тесно; les morts m'en
distrayant (мертвые меня отвлекают, — С. Ф.) — теперь иду на
поклонение в Царское Село и Баболово.

Царское Село! (Gray) les jeux du Lycée, nos leçons. . . Delvig
et Kuchelbecker, la poesie — (Грей, лицейские игры, наши
уроки. . . Дельвиг и Кюхельбекер, поэзия, — С. Ф.).

Баболово».

И во-вторых, следует отметить *эпиграфы в функции плана*.

Вообще эпиграфам Пушкин придавал большое значение —
вспомним, например, эпиграфы в «Капитанской дочке», в «Пове-
стях Белкина», в «Пиковой даме». Но обычно подбор их происхо-
дил на окончательной стадии работы над текстом. Иногда же они
предваряли текст, намечая «общий план» произведения, основную
мысль: в поэмах «Кавказ» («Кавказский пленник»), «Таврида»,
«Цыганы», в «〈Арапе Петра Великого〉».

Так, намеченные для «Цыган» на первоначальной стадии ра-
боты эпиграфы: «Мы люди смиренные; девы наши любят волю —
что тебе делать у нас. *Молд. песня*» и «Под бурей рока — твердый
камень, || В волненьях страсти — легкий лист. Князь Вязем-
ский» — в окончательном тексте оказались не нужны; они выпол-

⁹ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1977. Т. 3. С. 362.

нили свою роль в качестве перспективы общего замысла и впоследствии были отброшены.

Так классифицируются пушкинские планы по их основным типам. Но едва ли не интереснее увидеть их место в работе Пушкина над своим произведением. Выше уже приводились распространенные мнения о том, что планом якобы всегда предварялось пушкинское произведение. Отчасти такое впечатление объясняется механическим принципом размещения планов в разделе «Варианты» собраний сочинений, когда они или предваряют черновые варианты текста, или же помещаются в конце (очевидно, как материал вспомогательный), — вне зависимости от того, на каком этапе движения рукописи они действительно возникали. А здесь выясняется картина довольно любопытная. Оказывается, в творческой практике Пушкина мы встречаем следующие виды планов (по их соотношению с черновыми и беловыми рукописями):

- предварительные (предшествующие работе над текстом),
- оформившиеся после первоначального наброска текста (иногда довольно пространного),
- корректирующие (планы очередных эпизодов, обычно не предусмотренных первоначальным замыслом),
- ретроспективные (возникшие после окончания работы над рукописью).

Предварительные планы произведений в творческой практике Пушкина не столь уж часты и иногда существенно отличаются от сюжетной канвы написанного произведения, как, например, план «Станционного смотрителя» (план датируется 9 сентября 1830 г. — одновременно с «Гробовщиком», новая повесть пишется 13—14 сентября).

«Рассуждение о см<отрителях> — вообще люди несч<астные> и добр<ые>. Приятель мой см<отритель> вдов. Дочь. — Тракт сей уничто<жен>. Недавно поехал я по нем — дочери не нашел. Ист<ория> дочери. — Любовь к ней писаря. — Писарь за нею в П<етер>-Б<ург> видит ее на гуляньи. Возвр<атясь> находит отца мертв<ым>. [Дочь прие<зжает>.] Могила за околицей. Еду прочь. Писарь умер — ямщик мне рассказы<вает> — о дочери» (VIII, 661).

Более того, чем подробнее Пушкиным разрабатывался план, тем меньше была вероятность завершения (или даже начала) работы над этим произведением (ср. планы «<Бовы>», «<Мстислава>», «<Влюбленного беса>», повести о стрельце, драмы «<Папесса Иоанна>», «Двух танцовщиц» и проч.). Собственно, из этого правила мы знаем только одно исключение: роман «Капитанская дочка», в работе над которым — на стадии планов в основном — было намечено и отвергнуто несколько редакций, которые по имени главного героя можно назвать «башаринской», «перфильевской», «шванвичевской», «валуевской» и, наконец, «гриневской». Дело, конечно, тут не в имени героя, а в концепции произведения, складывающейся на протяжении пяти—шести лет (случай для Пушкина уникальный!).

В большинстве же подобных случаев, обдумывая план, Пушкин пережил для себя ненаписанное (или недописанное) произведение, «проиграл» свой замысел до конца — и пошел дальше, обратившись к другим произведениям, которые подчас несут в себе рудименты отброшенных планов (так, в коллизии «Бахчисарайского фонтана» справедливо отмечают подобие ненаписанной поэмы о разбойниках). И потому в творческой биографии Пушкина оставшиеся в планах произведения также должны учитываться.

Более характерный для Пушкина случай — не предварительный план, а план-реализация уже намеченного в тексте замысла («Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «〈Вадим〉», «Цыганы», «〈Тазит〉», «Рославлев» и проч.). Так, приступив к замыслу «Цыган», Пушкин сначала с обычной тщательностью работает над черновиком начала поэмы (приход Алеко в табор), соответствующим 62 строкам окончательного текста (всего в произведении 569 строк), и лишь потом набрасывает план, довольно точно впоследствии выдержанный:

Старик
Дева
Алеко и Мариола
Утро, Медведь, селенье опустелое
Ревность
Признание
Убийство
Изгнание —

(IV, 453)

В черновиках «Медного всадника» первый план вообще появляется после того, как написаны были две трети текста (Вступление и первая часть):

[Пустое место]
[На другой день все в пор(ядке)]
Сумасшедший
[Холодный ветер] [до(ждь)] <?>
Конь
Петр(овский) <?> па(мятник) <?>
Остров

(V, 467)

Иными словами, Пушкину, как правило, был необходим «разгон» — только потом планирование.

Столь же часто поэт прибегает к плану корректирующему, к наметке очередного, сравнительно небольшого куска текста. Так, начав работу над «Полтавой» (а ведь это должно было быть обширное полотно, основанное на исторических фактах и включающее «романическую» фабулу), доверившись лишь «мысли общей», которая несомненно служила компасом творческой работы, и записав вчерне около двадцати листов большого формата в тетради ПД, № 838, он только на л. 44 помечает первый план:

Мария, [Мазе(па)] Чуйкевич
Донос [казнь] — ночь пред казнью —
Мать и Мария — сумасшедш(ая)
Измена — Полтава

(V, 211)

На л. 46 появляется план очередного эпизода:

Чуйкевич едет
Между тем Мазепа — сношения с езуитом
[болезни] — Известие о доносе

(V, 214)

Позже на оставшемся свободном поле л. 40 намечается характеристика Мазепы:

Портрет Мазепы
[Его ненависть]
[Его замыслы]
[Его сношения] с П(етром) и К(арлом)
[Его хитрость]
[Пиры]
[Ночи]
[Но у него есть враг]
[Сей враг есть Кочубей]
[Решается донести]
[<нрзб.>]
[Встревоженн(ый) гетман]
[доверяет <?>]

(V, 198)

Нередко Пушкин также прибегает (это отчасти заметно уже в приведенных выше планах «Полтавы») к плану ретроспективному, заново организующему уже написанный текст, перемещающему его фрагменты в новом порядке.

Так, в белой рукописи «Русалки» замысел не доведен до конца и сцены следуют в такой последовательности:

Берег Днепра. Мельница (Мельник, дочь его)
Княжеский терем (Свадьба. Молодые сидят за столом. Гости.
Хор девушек)

Светлица (Княгиня и мамка)
Днепр. Ночь
Днепровское дно (Терем русалок)
Берег

Но на обороте этой рукописи Пушкин заново наметил расположение записанных сцен:

Мельник и его дочь
Свадьба
Княгиня и мамка
Русалки
Князь, старик и Русалочка
Охотники

(VII, 336)

Здесь, как очевидно, изменен первоначальный порядок сцен после третьей (далее теперь следует сразу пятая сцена, потом соединенные вместе четвертая и шестая сцены, а также намечается новый, финальный эпизод).

Но и это еще не все. В той же беловой рукописи, позже, Пушкин расставляет цифры: у сцены «Светлица» — II, у сцены «Днепр. Ночь» — III, у сцены «Днепровское дно» — I; кроме того, в сцене III перед первым монологом Князя со знаком вставки помечает: «Невольно к этим грустным берегам» (т. е. согласно другой помете девять строк монолога Князя из сцены «Берег»). Эту переработку можно понять как новое изменение порядка центральных сцен (с сохранением двух первых) и с оставшимся предположением дополнить пьесу ненаписанной сценой «Охотники». Именно в таком виде пушкинская «Русалка» была однажды воспроизведена Б. В. Томашевским в одномомнике сочинений Пушкина (ГИХЛ, 1929) — в дальнейшем он отказался от такой трактовки. В последнее время ее дополнительно аргументировал в своих статьях и в своей постановке на сцене В. Э. Рецеттер.¹⁰

Но ведь можно понять цифровые пометы Пушкина иначе (в устных выступлениях к этому склонялся и В. Э. Рецеттер) — как весь корпус пьесы в новой, окончательной и вполне завершенной редакции, в составе только трех сцен:

«Днепровское дно»,
«Светлица»,
«Днепр. Ночь» (с указанным дополнением монолога Князя).

Нельзя не признать, что в таком виде пушкинская пьеса обладает вполне исчерпывающим смыслом, а также композиционной стройностью — было бы полезно воспроизвести в печати именно эту редакцию в соответствии с последним ретроспективным планом Пушкина. Против такого решения, собственно, восстает только, так сказать, «эстетическое чувство»: боязнь пожертвовать внутренне совершенными, поистине превосходными сценами «Берег Днепра. Мельница» и «Княжеский терем» (перенести их в «Варианты»). Но разве сам Пушкин, во имя стройности плана, ясности «мысли общей», не шел подчас на такие сокращения? Разительный пример того — окончательный текст поэмы «Домик в Коломне», в беловой рукописи состоявшей из 56 строф, в печатной же редакции лишь из сорока.

Как особый вид ретроспективного плана в практике Пушкина часто встречается также прием циклизации ряда произведений в одно целое.

Предрасположенность пушкинского творчества к циклизации вообще является его характерной чертой, будь то лирика, проза, драматургия или критика. Чаше, конечно, тот или иной цикл намечался с первых шагов, но порой в одно целое собирались

¹⁰ См.: Рецеттер В. 1) Над рукописью «Русалки» // Вопр. лит. 1976. № 2. С. 218—262; 2) О композиции «Русалки» // Рус. лит. 1978. № 3. С. 90—105.

произведения, написанные ранее и осмысляемые первоначально как вполне самостоятельные. Так, еще в лицейскую пору возник так называемый «бакунинский цикл» из девяти элегий,¹¹ а в 1836 г. в плане неосуществленного сборника стихотворений¹² — цикл «Стихи, сочиненные во время путешествия (1829)» в таком составе:

«Дорожные жалобы»,
«Калмычке»,
«На холмах Грузии»,
«Монастырь на Казбеке»,
«Обвал»,
«Кавказ»,
«Из Гафиза (Лагерь на Ефрате)»,
«Делибаш»,
«Дон».

Остается опять с сожалением констатировать, что в качестве единого целого данное произведение никогда в печати не воспроизводилось.

То же следует сказать и об «Опыте отражения некоторых нелитературных обвинений» (1830), окончательный план которого был намечен автором ясно и недвусмысленно:

§ 1

О личной сатире. Кит(айский) анекд(от) — Сам-съешь.

§ 2

О нравственности. О Графе Н(улине). Что есть безнравственное сочинение. — О Видоке.

§ 3

О лит(ературной) аристокр(атии) — о дворянстве.

§ 4

Разговор о примеч(ании)

Заключение

(XI, 409)

Текст, соответствующий каждому из этих пунктов, нам полностью известен, и тем не менее до сих пор некоторые фрагменты печатаются или отдельно (например, «О записках Видока»), или же в составе другого пушкинского произведения «Опровержение на критики» (также при жизни писателя не опубликованного и, как вполне очевидно, приведенным выше планом «Опыта» впоследст-

¹¹ В печати этот цикл по «Тетради Никитенко», воспроизведен в сборнике «Русские Пропилеи» (М., 1919. Т. 6).

¹² См. об этом в статье Н. В. Измайлова «Лирические циклы в поэзии Пушкина конца 20—30-х годов» в его книге «Очерки творчества Пушкина» (Л., 1975. С. 222—223).

вии откорректированного); тем самым одно из самых оригинальных литературно-критических произведений Пушкина до сих пор остается в полной мере не оцененным. Одну из причин такого положения дел следует, вероятно, видеть в том, что как само собой разумеющееся у Пушкина предполагается наличие «предварительного, строго продуманного и твердо осуществленного плана». Анализ различных видов пушкинских планов, как мне представляется, должен развеять это стойкое заблуждение. Ретропективный план, по-видимому, должен быть признан в качестве недвусмысленного выражения его окончательной авторской воли.

В заключение особо подчеркну, что фиксированный план не всегда был нужен Пушкину. Не случайно до нас не дошли, например, планы его произведений, восходящие к избранным им литературным источникам («Пир во время чумы», «Анджело», «Сказка о золотом петушке»); необходимые изменения в сюжетных коллизиях здесь намечались, очевидно, или уже при чтении чужого произведения или в свободном процессе работы над своим. В более усложненном, отчасти остространном виде тот же принцип торжествовал в произведениях, лишь отчасти сориентированных на литературные образцы. Скажем, в «Домике в Коломне» совершалось свободное развертывание сюжетной темы, связанное с начальной «болтовней» по поводу стихотворной техники и лишь в дальнейшем отталкивающееся от Байронова «Беппо» по принципу оппозиций: Юг — Север (Россия), Венеция — Коломна, Карнавал — Святки (переодевание). Особенно важен здесь прецедент романа в стихах «Евгений Онегин», первоначально задуманного по образцу «Дон Жуана» Байрона (судя по первой главе, герой и автор готовы были также отправиться в путешествие по странам и континентам), но уже со второй главы получившего совершенно иное направление. Однако и позже Пушкин не перестает доверять свободному и непредсказуемому развертыванию сюжета романа, ориентируясь в дальнейшем не на литературный образец, а на саму действительность и свою судьбу.

Вряд ли поэтому можно согласиться с И. М. Дьяконовым, который уверенно заключает: «Поэт, от которого до нас дошли планы и предварительные записи почти всех поэм, драм, повестей, даже для некоторых лирических стихотворений, не мог сделать исключения для своего главного, „постоянного“ труда и начать его без ясного плана, без продуманного замысла от завязки до развязки. То обстоятельство, что план этот до нас не дошел, следует отнести к числу случайностей».¹³

Замысел в данном случае осмысливается как мгновенный творческий импульс-озарение, который обязательно фиксируется предварительным, в деталях продуманным планом. В творческой же практике Пушкина нередко замысел был не вспышкой, а горением — процессом, длящимся на протяжении всей работы над произведением.

¹³ Дьяконов И. М. Об истории замысла «Евгения Онегина» // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1982. Т. 10. С. 78.

О. С. МУРАВЬЕВА

ОБРАЗ «МЕРТВОЙ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ» В ТВОРЧЕСТВЕ ПУШКИНА

В старых пушкиноведческих работах, которые редко включаются ныне в научный оборот, мы можем встретить необычные для современных интерпретаций высказывания о присутствии в творчестве Пушкина «бодлеровских» и даже «некрофильских» настроений. Об этом писали В. Вересаев,¹ Вл. Ходасевич;² вероятно, близкие по смыслу наблюдения имел в виду В. Брюсов, намереваясь написать статью «Темное в душе Пушкина».³ Точно и ясно эта проблема была поставлена в блестящей и бесстрашной книге Д. Благого «Социология творчества Пушкина».⁴ Не смущаясь непривычным и даже эпатажирующим характером своих наблюдений, исследователь последовательно развил тему «бодлеровских настроений» у Пушкина и глубоко проанализировал под этим углом зрения ряд пушкинских произведений. Но несмотря на всю убедительность наблюдений и выводов Д. Благого они не были взяты на вооружение другими пушкинистами. Более того, общее представление о Пушкине, складывающееся на протяжении последующих десятилетий, исключало самое допущение, что Пушкину могли быть присущи подобные настроения. И это общее представление, не обязательно четко формулируемое, но безусловно присутствующее в сознании исследователей, довело их восприятию; некоторые темы и образы, присутствующие в пушкинских текстах, то ли осознавались как запретные, то ли в самом деле ускользали из поля зрения. Даже сам Д. Благой уже не возвращался к ним в своих позднейших обобщающих работах. Так постепенно создалось положение, при котором полученные когда-то интересные выводы оказались забытыми и вытесненными

¹ Вересаев В. В двух планах: Статьи о Пушкине. М., 1929. С. 162—163.

² Ходасевич Вл. Поэтическое хозяйство Пушкина. Л., 1924. С. 145—151.

³ Брюсов В. Я. Мой Пушкин. М.; Л., 1929. С. 3.

⁴ Благой Д. Д. Социология творчества Пушкина. М., 1931. С. 125, 183—184, 201—206.

из пушкиноведения.⁵ Разумеется, можно посмотреть на все это иначе и счастье приведенные выше соображения доказательством нежизненности этих выводов, отвергнутых последующим развитием науки. Тем более что сейчас эти выводы могут вызвать недоверие из-за того, что в упомянутых работах они включены в устаревшую ныне концепцию или излагаются в непринятой в современной науке манере рассуждений. Но именно поэтому и представляется необходимым обратиться сегодня к этой теме, затронутой в работах почти шестидесятилетней давности, попытаться по мере возможности дополнить и заново обосновать их выводы, включить их в современную филологическую проблематику.⁶

Обратимся к одному из самых очевидных воплощений этой темы у Пушкина. В 1826 г. он начал писать странное стихотворение, оставшееся незаконченным.

Как счастлив я, когда могу покинуть
Докучный шум столицы и двора
И убежать в пустынные дубровы,
На берега сих молчаливых вод.

О, скоро ли она со дна речного
Подыметя, как рыбка золотая?

Как сладостно явление ее
Из тихих волн, при свете ночи лунной!
Опутана зелеными власами,
Она сидит на берегу крутом.
У стройных ног, как пена белых, волны
Ласкаются, сливаясь <и> журча.
Ее глаза то меркнут, то блистают,
Как на небе мерцающие звезды;
Дыханья нет из уст ее, но сколь
Пронзительно сих влажных синих уст
Прохладное лобзанье без дыханья.
Томительно и сладко — в летний зной
Холодный мед не столько сладок жажде.
Когда она игривыми перстами
Кудрей моих касается, тогда
Мгновенный хлад, как ужас, пробегает
Мне голову, и сердце громко бьется,
Томительно любовью замирая.
И в этот миг я рад оставить жизнь,
Хочу стонать и пить ее лобзанье —
А речь ее. . . Какие звуки могут
Сравниться с ней — младенца первый лепет,
Журчанье вод, иль майский шум небес,
Иль звонкие Бояна Славья гусли.

(III, 36–37)

⁵ Нужно отметить, что подобная проблематика вновь затронута в книге В. С. Непомнящего «Поэзия и судьба» (М., 1983. С. 346–348, 353, 357).

⁶ Дело еще и в том, что эти идеи уже начинают «переоткрывать», а это и несправедливо, и неплюдотворно. Так, в статье Р. Дуганова «Опыт драматических изучений» (Театр. 1987. № 2) развиваются мысли, близкие концепции Д. Благого, но сама книга Благого ему, очевидно, неизвестна.

Стихотворение удивительно не своим фантастическим сюжетом, а реалистически точным и психологически достоверным воплощением этого сюжета. Этот подбор ласковых слов, эти оттенки ощущений придают немислимой ситуации эмоциональную убедительность. Протвоестественное воспевание любовных ласк как чего-то холодного, охлаждающего находит неожиданную параллель с утолением жажды в жаркий день и получает необыкновенную поэтическую силу. Эта женщина — русалка — живая, но в то же время и мертвая, и она влечет героя именно этой страшной двойственностью своего существа.

Вл. Ходасевич писал об этом стихотворении: «...областительное ощущение мертвой как живой, ощущение горькое и сладострастное. Это одно из не самых светлых и безобидных пушкинских чувств, но оно подлинно пушкинское, — грозящее гибелью и сулящее „неизъяснимы наслажденья“⁷. Ни в одном из произведений Пушкина образ мертвой возлюбленной не был воплощен в таком зримом, чувственно осязаемом облике; этот образ как бы ушел в подтекст его поэзии, но он мерцает, проросчивает то здесь, то там на протяжении всего пушкинского творчества.⁸

Наиболее очевидно подразумевается он в стихотворении «Яныш королевич» из «Песен западных славян» и драме «Русалка», где незаконченный сюжет предполагает, по всей вероятности, аналогичное продолжение: встретив погибшую возлюбленную в облике русалки, князь влюбляется в нее с новой силой. Образ мертвой возлюбленной угадывается в «Заклинании» (1830):

Явись, возлюбленная тень,
Как ты была перед разлукой,
Бледна, хладна, как зимний день,
Искажена последней мукой. . .

(III, 246)

и в стихотворении «Для берегов отчизны дальней» (1830) с его спокойной и уверенной надеждой:

Твоя краса, твои страданья
Исчезли в урне гробовой —
А с <ними> поцалуй свиданья. . .
Но жду его; он за тобой. . .

(III, 257)

Говоря об этих двух стихотворениях, Д. Благой подчеркивает особый характер лирического чувства: в «Заклинании» поэт хочет

⁷ Ходасевич Вл. Поэтическое хозяйство Пушкина. С. 146.

⁸ В. Вересаев обратил внимание на то, что «перед Пушкиным неотступно стоит обольстительный призрак какой-то давно умершей его возлюбленной, и он страстно тянется к ней всем своим существом и воспевает ее в целом ряде стихотворений» (В двух планах. С. 30). Но если Вересаев, очевидно, имеет в виду какой-то факт пушкинской биографии, то Д. Благой обозначил особую «тему мертвой возлюбленной» в творчестве Пушкина, утверждая, что «она лежит в основе боддинской любовной лирики» (Социология творчества Пушкина. С. 206—208).

видеть возлюбленную именно на грани умирания («как ты была перед разлукой»), а в элегии «Для берегов отчизны дальней» он вспоминает именно «незабвенный час» разлуки. Исследователь делает тонкое наблюдение, что в этой связи образов приобретает особый смысл эпитет «хладеющие» («мои хладеющие руки»). Нужно упомянуть и незавершенный отрывок 1823 г.: «Придет ужасный [час] . . . твои небесны очи / Покроются, мой друг, туманом вечной ночи. . .», где поэт как будто не решился воплотить в слове волнующий воображение образ; но, обрываясь на загадочных фразах: «. . .буду ждать. . . [но чего?] . . . Чтоб силою мечтанья моего. . .» (II, 296), стихотворение позволяет предположить тот же сюжет с мертвой возлюбленной. В стихотворении «Под небом голубым страны своей родной» (1826) летает над поэтом «младая тень» любимой прежде и забытой женщины. В черновом варианте «Воспоминания» (1828) возникали «два призрака младае, / Две тени милые», которые «говорят . . . мертвым языком / О тайнах счастья и гроба» (III, 651). В «Бахчисарайском фонтане» (1821—1823), когда «по дворцу летучей тенью / Мелькала дева. . .», автор, гадая: «Чью тень, о други, видел я?», как бы проговаривается: «Я помню столь же милый взгляд / И красоту еще земную. . .» (IV, 170). Тот же образ витает в стихотворениях уже совсем далеких по сюжету: в элегии «Не пой, красавица, при мне» (1828), где неотвязен «призрак милый, роковой» некой «далекой бедной девы», представляющийся неизменно «ночью», «при луне» (III, 109); в «Прощании» (1830) («В последний раз твой образ милый / Дерзаю мысленно ласкать») (III, 233), где «могильный сумрак» вдруг окутывает живую женщину, и разлука с ней описывается и воспринимается как вечная разлука — смерть. И наконец, неудивительно, что одна из пяти сказок Пушкина это «Сказка о мертвой царевне».

Все эти произведения можно, конечно, «расташить» в разные стороны, прикрепив к разным источникам, являющимся в самом деле разными;⁹ а все «тени» и «призраки» объявить просто метафорами. Но это было бы лишь уходом от проблемы. Все произведения имеют какие-нибудь источники, но их смыслы, далеко не исчерпывающиеся тем фактом, — жизни или литературы, — от которого оттолкнулось воображение поэта, вступают во взаимодействие в контексте его творчества, обнаруживая устойчивые мотивы и внутренние закономерности. Попытаемся же найти источник не какого-то отдельного из упомянутых произведений, но источник самого этого навязчивого образа мертвой возлюбленной, к которому снова и снова обращается поэт, варьируя его в разных воплощениях. То он принимает облик зримый и чувственный; то превращается в тень, призрак, за которым лишь подразумевается сколько-нибудь конкретный образ; то уходит в метафору, чистую метафору, которую невозможно и нелепо

⁹ Подробное рассмотрение вопроса об источниках и адресатах упоминаемых нами стихотворений см.: Макогоненко Г. П. Творчество Пушкина в 1830-е годы. Л., 1974. С. 32—52.

было бы реализовывать, но которая рождена, провоцирована все тем же комплексом впечатлений.

Источником могла бы быть какая-то реальная ситуация жизни Пушкина, но подобными сведениями мы не располагаем.¹⁰ Придавать особое значение в этой связи смерти Амалии Ризнич нет оснований. Во-первых, ряд стихотворений, о которых идет речь, написан до ее смерти; во-вторых, она умерла, когда чувство Пушкина к ней уже угасло; во всяком случае смерть ее не была для поэта каким-то страшным ударом, трагедией, навсегда оставившей след в его душе и определившей восприятие любовного сюжета как такового.¹¹ Но самое главное, в этих пушкинских стихотворениях звучит вовсе не тоска по живой женщине, ныне умершей, а именно любовь к мертвой, ощущение мертвой как живой. Особый оттенок переживаемого чувства объединяет эти стихотворения с другими, где речь идет о живой женщине, отличающейся некоторыми характерными чертами. Образ мертвой возлюбленной включается в общий мотив увядания, болезненности, ущерба.¹²

Отметим в скобках, что термин «мотив» в литературоведении употребляется достаточно условно и неопределенно.¹³ Мы здесь понимаем «мотив» не как тематическое единство, но как цепь неких первообразов, из которых складывается, от которых отталкивается тот или иной законченный поэтический образ. Поиск таких первоэлементов в глубине поэтических образов и выстраивание их в закономерно связанную цепь и позволяют выделить устойчивый поэтический мотив. При этом выделенный мотив носит достаточно условный характер, так как мы несколько переакцентируем образный строй стихотворения, наделяя интересующие нас элементы повышенной репрезентативностью. Но это должно стать лишь одним из этапов исследования текста: на минуту извлеченные на поверхность и осмысленные как нечто самодовлеющее мотивы должны затем снова раствориться в тексте, углубив и расширив его общий смысл. Так что, отыскивая в разных произведениях Пушкина мотивы, связанные с образом мертвой возлюбленной, мы отнюдь не покушаемся на общий смысл этих произведений.

Итак, в целом ряде пушкинских произведений мы обнаруживаем образы и настроения, явно перекликающиеся с темой мертвой возлюбленной. Прежде всего это Инеза из «Каменного гостя». Дон Гуан вспоминает: «. . . Странную приятность | Я находил в ее

¹⁰ Т. Г. Цявловская в статье «Неясные места биографии Пушкина» отмечает, что Пушкин постоянно вспоминает об умершей женщине, но этот момент его биографии совершенно не прояснен (Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1962. Т. 4. С. 44—45).

¹¹ См.: Щеголов в П. Е. Пушкин: Очерки. СПб., 1912. С. 214.

¹² Эту связь отметил Д. Благой, говоря о «странной приязни» Пушкина «к ущербу, к увяданию», отмечая «влюбленность в прощальную, уходящую, умирающую красоту» (Социология творчества Пушкина. С. 201, 203, 208—210).

¹³ Перечень и краткий анализ существующих интерпретаций этого термина см.: Лермонтовская энциклопедия. М.; Л., 1980. С. 290—291.

печальном взоре | И помертвевших губах. Это странно <...> А голос | У ней был тих и слаб — как у больной. . . » (VII, 139). Дон Гуан находил ту же прелесть и в Доне Анне, лежащей в обмороке:

О как она прекрасна в этом виде!
В лице томленье, взор полузакрытый,
Волненье груди, бледность этих уст. . .

(VII, 314 — черновой текст)

Образ больной девушки, обреченной на смерть, но необыкновенно привлекательной для поэта, возникает в стихотворении 1820 г.

Увы, зачем она блистает
Минутной, нежной красотой?
Она приметно увядает
Во цвете юности живой. . .
Увянет!
и т. д.

(II, 143)

Этот образ затем будет развит в стихотворении «Осень» (1833).

<...> любовник не тщеславный,
Я нечто в ней нашел мечтою своенравной.

Как это объяснить? Мне нравится она,
Как, вероятно, вам чахоточная дева
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бедняжка клонится без ропота, без гнева.
Улыбка на устах увянувших видна;
Могильной пропасти она не слышит зева;
Играет на лице еще багровый цвет.
Она жива еще сегодня, завтра нет.

(III, 319—320)

Д. Благой справедливо придавал особое значение этому образу «Осени» — «умирающей возлюбленной»; в самом деле, Пушкин здесь открыто признается в своей приверженности этому странному идеалу.

Неудивительно, что, познакомившись с поэзией Сент-Бева, Пушкин особо отметил аналогичный женский образ. В своем отзыве о книгах стихотворений Сент-Бева¹⁴ «Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme» и «Les Consolations, poésies par Sainte Beuve» он с восхищением пишет: «...с какой меланхолической прелестью описывает он, например, свою Музу!» и цитирует отрывок, где «обожаемая Муза» — бедная незаметная девушка — противопоставляется «блистающей одалиске», «юной и розовой Пери», «белокрылой и голубокрылой фее» (XI, 197). Далее Пушкин неодобрительно замечает: «Правда, что сию прелестную картину оканчивает он медицинским описанием чахотки; муза его харкает кровью: „...раздирающий кашель | Прерывает ее песню,

¹⁴ Статья напечатана в «Литературной газете» (1831. № 32).

испускает крик со свистом | И извергает кровавые сгустки из ее
больной груди“» (XI, 198).

Натурализм в поэзии был Пушкину чужд, но сам образ чахоточной девы-музы необыкновенно близок, настолько близок, что можно было бы заподозрить одного из поэтов в заимствовании. Но Шарль Сент-Бев не знал русского языка, а у Пушкина аналогичные образы появлялись и до 1829—1830 гг. (когда вышел в свет первый сборник Сент-Бева) и были прочно укреплены в поэтическом мире целого ряда его произведений. Знаменательно, что здесь же Пушкин приводит обширную цитату из стихотворения Сент-Бева, называя его «совершеннейшим изо всего собрания», где создан женский образ, отдельные черты которого явно перекликаются с Татьяной Лариной: «Я всегда знал ее задумчивой и строгой; | Ребенком она редко принимала участие | В забавах веселого детства; <...> Теперь она сама мать и жена, | Но это скорее по рассудку, чем по любви. | Ее мирное счастье умеряется уважением. <...> .. тихо течет эта скромная доля, | Кротко уступая влечению долга» (XI, 198—199). Разумеется, героиня стихотворения Сент-Бева во многом и не похожа на Татьяну: ей чужда мечтательность, она безукоризненно владеет собой, она никогда не влюблялась. Но тот факт, что Пушкин отметил именно это стихотворение, говорит о его пристрастии к определенному женскому образу. Стихотворение Сент-Бева «Моя Муза» не могло послужить источником для пушкинской «Осени», но их внутренняя связь указывает на один из источников самого этого мотива в лирике Пушкина. Образ Музы Сент-Бева был вызывающе полемичен, возмущенные критики относили стихотворение к «больничной поэзии», обвиняя поэта в пристрастии к уродливому и болезненному.¹⁵ Но Пушкину эпатирующий эстетический идеал Сент-Бева был близок и понятен; и это говорит о том, что в его приверженности аналогичным образам был определенный «эстетический голод», усталость от привычных избитых идеалов красоты. Интересно, что Пушкин усматривает в этом отнюдь не извращенность, но искренность: «Бедный Делорм обладал свойством чрезвычайно важным <...> свойством, без которого нет истинной поэзии, т. е. искренности вдохновения» (XI, 201). При этом Пушкин дает понять, что «искренность вдохновения», вообще говоря, требует известной свободы от норм общепринятой морали; недаром Делорм, исправленный «советами приятелей, людей степенных и нравственных», утратил, по мнению Пушкина, это драгоценное свойство. «К несчастью должны мы признаться, что, радуясь перемене человека, мы сожалеем о поэте» (XI, 201). Правда, тут же Пушкин делает развернутую оговорку: «Сохрани нас боже быть поборниками безнравственности в поэзии...» (XI, 201) и т. д. Разумеется, мы и не подозреваем в этом поэта. Однако, говоря об образе мертвой возлюбленной у Пушкина,

¹⁵ См.: Шафаренко И. Я. Шарль Сент-Бев и его литературный двойник // Сент-Бев Ш. Жизнь, стихотворения и мысли Жозефа Делорма. Л., 1986. С. 310.

нельзя не отметить, что он обусловлен и особой изощренностью поэтического вкуса, равнодушного к общепризнанным ценностям, и готовностью следовать ему безоглядно, даже приходя в противоречие со всеми нормами эстетики и литературной этики. Но не забудем при этом, что, с другой стороны, этот эстетический идеал у Пушкина оказывается тесно связанным с нравственными категориями: безропотность и покорность в той или иной степени отличают и чахоточную деву, и Инезу, и Татьяну. Ассоциативные связи, ведущие от чахоточной девы-осени к Татьяне, отметил В. С. Непомнящий: ¹⁶ «... так нелюбимое дитя в семье родной» — «она в семье своей родной казалась девочкой чужой»; «красою тихую, блистающей смиренно» — «все тихо, просто было в ней»; «унылая пора... прощальная краса» — «Татьяны бледные красы», «неубранна, бледна... тихо слезы льет рекой». Добавим, что ассоциативные переключки обнаруживаются и между Татьяной и Инезой: «... мало было в ней истинно прекрасного» — «никто б не мог ее прекрасной назвать». Очевидно, здесь нет речи об обязательном для Пушкина сочетании этих этических и эстетических характеристик; но есть все основания полагать, что в его художественном сознании они в чем-то друг другу неизменно соответствовали. Именно этим обусловлено внутреннее родство очень далеких образов, принадлежащих в сущности разным сферам художественного мира Пушкина. Так, Татьяна — «верный идеал» — образ, отмеченный бледностью, неброской прелестью, унылостью, именно этим и нравится, как «нравится» осень, как «нравится» чахоточная дева. Но если мы вспомним, что Татьяна представляется поэту «русской душой», то невольно всплывают строки из «Домика в Коломне»: «Поет уныло русская девица, | Как музы наши грустная певица» (V, 86). В этом лирическом отступлении поэмы определен эмоциональный настрой, узнаваемый в национальном характере на всех уровнях его воплощения:

Фигурно иль буквально: всей семьей,
 От ямщика до первого поэта,
 Мы все поем уныло. Грустный вой
 Песнь русская. Известная примета!
 Начав за здравие, за упокой
 Сведем как раз. Печалию согрета
 Гармония и наших муз и наших дев.
 Но нравится их жалобный напев.

(V. 87)

Оказывается, то общее, что объединяет нацию в одну семью, и состоит в том, что печаль и унылость не вызывает скуки и раздражения, но напротив: «согревает», «нравится», влечет. Так, постоянно варьируемый у Пушкина образ печальной болезненной девушки с бледной красой и жалобными песнями становится воплощением «русской девы» и «русской музы».

¹⁶ Непомнящий В. С. Поэзия и судьба. С. 346—348.

Здесь, пожалуй, нам нужно сделать «теоретическое отступление», ибо может показаться, что, сцепляя друг с другом образы пушкинской поэзии, мы зашли слишком далеко. Что же общего может быть между образом «мертвой возлюбленной», рожденным игрой изощренного поэтического воображения, балансирующим уже на той опасной грани, где красота вот-вот и перейдет в свою противоположность, чтобы насытить пресыщенное эстетическое чувство; что общего между ним — и образом «русской музыки», связанным безусловно с размышлениями поэта о национальном характере и о своеобразии народного творчества? Однако ответ на этот вопрос не столь очевиден и однозначен, как кажется.

Вопрос нуждается в уточнении: в каком смысле общее? В смысле концептуальном, в отношении того, что принято называть идейно-художественным содержанием, ничего общего действительно нет. Но в смысле чисто поэтического содержания — неясного, зыбкого комплекса образов, настроений, ассоциаций — общее явно есть. «Устойчивые лексические повторы», о которых писал Р. Якобсон,¹⁷ — знак такой общности, проявляющейся, быть может, не вполне осознанно. Сближение образов по принципу повторяющихся слов «унылый», «бледный» и т. д. и связанных с ними ассоциаций отнюдь не является формальным, напротив, такое сближение может помочь нам заглянуть, так сказать, в подтекст пушкинской лирики, определяющий рождение и развитие поэтических мотивов.

Вместе с тем было бы, конечно, недопустимым упрощением связать напрямую русалку, чахоточную деву, Татьяну и русскую музыку. Все эти образы связаны, собственно, не столько между собой, сколько каждый из них связан с одним и тем же психологическим феноменом. Этот феномен проясняется при соотнесении между собой целого ряда пушкинских произведений. Подчеркнем, что мы сближаем их не по тематике и не по смыслу, порой более чем далеким, но исключительно по принципу противопоставления и принципу предпочтения.

Все, что ликует и блестит,
[Наводит] скуку и томленье.

Отдайте мне метель и вьюгу
И зимний долгий мрак ночей.

«Весна, весна, пора любви», 1827 (III, 62)

Цветы последние милей
Роскошных первенцев полей.

Так иногда разлуки час
Живее сладкого свиданья.

«Цветы последние милей», 1825 (III, 423)

Дни поздней осени бранят
обыкновенно,
Но мне она мила...

Так нелюбимое дитя в семье
родной
К себе меня влечет.

Осень, 1830 (III, 319)

¹⁷ См.: Я к о б с о н Р. Стихи Пушкина о деве-статue, вакханке и смиреннице // Alexandr Puškin. A symposium on the 175-th anniversary of his birth. New York, 1976. P. 3—26.

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.

Иные, лучшие мне дороги права;
Иная, лучшая потребна мне свобода.

«Из Пиндемонти», 1836 (III, 420)

Нет, я не дорожу мятежным
наслаждением. . .

О, как милее ты, смиренница моя!

1830—1832 (III, 213)

Ни красотой сестры своей,
Ни свежестью ее румяной
Не привлекла б она очей

— «Неужто ты влюблен в меньшую?»
— А что? — «Я выбрал бы другую,
Когда б я был как ты поэт».

«Евгений Онегин» (VI, 42, 53)

Никто б не мог ее прекрасной
Назвать. . .

И верно б согласились вы,
Что Нина мраморной красою
Затмить соседку не могла,
Хоть ослепительна была.

«Евгений Онегин» (VI, 172)

Он изменил! . . Но кто с тобою,
Грузинка, равен красотой?

Но я для страсти рождена,
Но ты любить, как я, не можешь;
Зачем же холодной красотой
Ты сердце слабое тревожишь?

«Бахчисарайский фонтан» (IV, 159, 166)

Все эти, повторяем, порой далекие по теме поэтические высказывания в самом своем существе определяются одним и тем же феноменом, лежащим ниже, глубже текста. Там, в тумане предощущений, где рождаются поэтические образы, кроется та «своей нравственной мечта», та особенная изощренность эстетического и нравственного чувства, которое неизменно предпочитает общепринятому и общепризнанному — своевольно и независимо избранное; яркому и бьющему в глаза — неброское и утонченное; активному и напористому — покорное и смиренное; воплощенному и очевидному — скрытое и ждущее воплощения.¹⁸

Видимо, здесь и кроются истоки того своеобразного женского образа, о котором шла речь. Иногда он строится на более или менее явных противопоставлениях: Татьяна—Ольга и Татьяна—Нина; вакханка—смиренница; в «Бахчисарайском фонтане» Мария—Зарема; в «Пире во время Чумы» Мэри—Луиза; в «Каменном госте» Инеза—Лаура; в «Сказке о мертвой царевне» царевна—царица. Иногда такой контрастной пары нет, но этот женский образ неизменно привлекает поэта примерно одними и теми же чертами, не очень соответствующими расхожим представлениям о привлекательности. При этом роль какого-то полемического начала здесь, видимо, очень незначительна. Скорее можно говорить о желании уяснить для себя некое чувство, осознаваемое как странное: «. . .странную приятность я находил. . .»; «. . .я нечто в ней

¹⁸ Близкое по смыслу сближение проделал Р. Якобсон, объединив стихотворения «Нет, я не дорожу» и «Поэту» по принципу «заговорного противопоставления своего, высшего суда и восторга минутному шуму и назойливым восторгам вакханки и толпы» (Там же. С. 25).

нашел <...> как это объяснить? <...> вероятно <...> вам порою нравится...»; «...верно б, согласились вы...». И при этом совершенно безусловно стремление следовать этому влечению, этому душевному инстинкту, каким бы странным он ни казался окружающим и даже самому себе. Это и есть та «искренность вдохновения», без которой, по мнению Пушкина, «нет истинной поэзии».

С другой стороны, рождение образа «мертвой возлюбленной» обязано такой особенности художественного мироощущения Пушкина, которую можно было бы назвать магнетизмом губельного.¹⁹ Эта особенность пушкинского мироощущения нашла выражение еще в ранних стихотворениях «Мне бой знаком — люблю я звук мечей» (1820) и «Война» (1821), но, пожалуй, наиболее открыто и властно прозвучал этот мотив в «Маленьких трагедиях». Справедливо отмечено, что через все «Маленькие трагедии» с их крайним напряжением страстей проходят образы смерти. При этом несомненно, что «образ смерти настойчиво просвечивает через все образы „наслаждений“». ²⁰ В «Каменном госте» особенно отчетливо проявлена связь между «неизъяснимыми наслаждениями», которые сулит все то, что «губелью грозит», и тем женским образом, о котором у нас идет речь. Ведь именно Дон Гуана, находящего «странную приятность» в «печальном взоре и помертвевших губах», «манит особая острота любовных упоений „при мертвом“, перед лицом смерти, у самого ее рубежа». ²¹ Этим и вызвано роковое приглашение командору присутствовать при свидании его убийцы с его вдовой.²² Важно подчеркнуть, что Дон Гуан настойчиво идет навстречу смерти не потому, что ему не дорога жизнь, а потому, что в этой близости смерти он ищет и обретает истинное наслаждение. И если возможная гибель становится необходимым условием наслаждения, он это условие принимает. Так, и другой герой Пушкина говорит: «Разве жизнь уж такое сокровище, что ее ценою жаль и счастья купить? <...> И я стану трусить, когда дело идет о моем блаженстве? Что жизнь, если она отравлена унынием, пустыми желаниями! И что в ней, когда наслаждения ее истощены?» («Мы проводили вечер на даче...» — VIII, 424). В «Пире во время чумы» связь «наслаждения» со смертельной угрозой декларируется как некий безусловный закон: «Все, все, что губелью грозит, | Для сердца смертного таит | Незъяснимы наслажденья...» (VII, 180). Строки «Девы-Розы пьем дыханье — | Быть может — полное Чумы!» (VII, 181) — вызывают в памяти слова лирического героя стихотворения «Как счастлив я, когда могу покинуть»: «...в этот миг я рад оставить жизнь, | Хочу стонать и пить ее лобзанье» (III, 36—37). Сознание же «беззакон-

¹⁹ «...не только влюблен он в „вянущую“, уходящую, ушедшую, мертвую красоту, но и сам ищет смерти, горит „жаждой губели“; от присутствия всего того, что грозит губелью, смертью, испытывает высшее упоение, род экстаза» (Б л а г о й Д. Социология творчества Пушкина. С. 220).

²⁰ См.: Д у г а н о в Р. Опыт драматических изучений. С. 86, 87.

²¹ Б л а г о й Д. Социология творчества Пушкина. С. 216.

²² Там же. С. 218—219.

ности», запретности таких наслаждений, ясно ощущающееся в «Маленьких трагедиях», вполне может быть отнесено и к сюжету с «мертвой возлюбленной», которому тем самым сообщается особенное напряжение.

Так один неотвязный женский образ постоянно варьируется в творчестве Пушкина в самых разных воплощениях. Влечение к нему то осмысливается как проявление национального характера, то находит себе литературные параллели в поэзии Сент-Бева, то преломляется в субъективно-психологическом плане. А когда тот же образ приходит в соприкосновение со страстью к «неизъяснимым наслаждениям», которые ждут на краю, на пределе, на границе между жизнью и смертью, — тогда неудержимое поэтическое воображение, легко переходя границы реальности, создает фантастический образ «мертвой возлюбленной», влекущий сильнее и неотвязнее, чем любая земная красота.

Таким образом, несколько экстравагантный и эпатирующий образ русалки из стихотворения «Как счастлив я, когда могу покинуть...» оказывается тесно связанным с целым комплексом эстетических и психологических особенностей поэтического мироощущения Пушкина. Эти особенности, конечно, не следует абсолютизировать. В необъятном художественном мире Пушкина находилось место самым разным, порой несводимым настроениям и устремлениям. Выделенный нами мотив «мертвой возлюбленной» — это один из многих устойчивых поэтических мотивов Пушкина, которые во всей сложности взаимосвязей и делают его творчество не сводом произведений, но целостным художественным миром со своими внутренними законами.

В. Е. ГУСЕВ

ПУШКИН И ВУК КАРАДЖИЧ

Студеным февральским днем 1819 г. почтовый возок доставил Вука Караджича в Петербург. Путь его лежал из Вены через Львов, Краков, Варшаву, Вильну, Псков. Знаменитому реформатору сербохорватского литературного языка и собирателю сербских народных песен было тогда 32 года. Незадолго перед тем он издал две «Песнарицы» — первые сборники сербских народных эпических и лирических песен и грамматику сербского языка, а теперь привез с собой в Петербург 100 экземпляров только что вышедшего в свет «Сербского словаря». Смело начавший просветительскую деятельность, связанную с идеями Первого сербского национального восстания, Караджич нуждался в поддержке русской общественности; за этим он и приехал из Вены в Россию. Надежды его не обманули. Молодого сербского филолога приветливо встречали в Петербурге и Москве, Новгороде и Пскове, Твери и Туле, Киеве и Кишиневе. . . Он провел в России девять месяцев, работал в архивах и библиотеках, ознакомился с жизнью русского общества, с бытом и нравами русского народа, с русской наукой и литературой. О своем отношении к оказавшей ему гостеприимство стране, о поддержке своих научных замыслов, об удачах и неудачах, о выдающихся деятелях русской литературы начала XIX в. он сообщал в письмах друзьям. Поездка в Россию оставила неизгладимый след в памяти сербского просветителя и имела важные последствия в его судьбе. Он познакомился с директором Института восточных языков Ф. Аделунгом, с меценатом графом Н. Румянцевым, с издателями «Древних российских стихотворений» Кирши Данилова К. Калайдовичем и А. Малиновским (которые за год до приезда Караджича выпустили в свет новое, дополненное издание этого замечательного сборника народных песен, привлекшее внимание сербского собирателя).

В Петербурге Караджич прожил три месяца — с 25 февраля по 26 мая (ст. ст.). Особенно близко сошелся он с П. Кеппенем, принявшим самое деятельное участие в его судьбе; в марте 1819 г.

в «Благонамеренном» Кеппен поместил статью о сербском госте и его «Словаре». Встречался и беседовал он с Карамзиным и поэтом И. Дмитриевым, с другом Пушкина Александром Тургеневым. . . Общение с русскими литераторами и филологами укрепляли уверенность Караджича в значении его трудов для зарождавшегося тогда славяноведения и в ценности собранных им произведений сербского фольклора. «Сербский словарь» быстро разошелся по рукам русских писателей и ученых, а его составитель был награжден серебряной медалью Российской Академии. Многих интересовала деятельность Караджича — собирателя сербских народных песен. Он привез несколько экземпляров «Малой простонародной славено-сербской песнарицы», изданной в Вене в 1814 г., и рукопись нового сборника сербских песен. Петербургские друзья сербского собирателя оказались первыми читателями и ценителями этого рукописного сборника, который Караджич предполагал издать в России, но за недостатком времени и по другим обстоятельствам не смог этого сделать.¹

Один экземпляр «Малой простонародной славено-русской песнарицы» достался Пушкину (он сохранился в его библиотеке). Как это произошло и как воспринял приезд Караджича в Петербург поэт? Ни прямых, ни косвенных свидетельств о встрече Пушкина с Караджичем нет, хотя трудно допустить, чтобы Караджич ничего не слышал о юном блистательно начавшем литературную деятельность поэте и чтобы Пушкин не знал о приезде Караджича в Петербург. Какие же обстоятельства помешали их знакомству?

Незадолго до приезда Караджича Пушкин тяжело заболел. А. Тургенев, принимавший близкое участие в его судьбе, писал 12 февраля в Варшаву П. Вяземскому: «Пушкин слег», а 19 февраля сообщал ему же: «Пушкина не видал еще, но он должен быть неприступен».² «Неприступный» даже для ближайших друзей Пушкин, естественно, был тем более «неприступен» для сербского гостя в первые недели пребывания его в Петербурге. А. Тургенев встретился с юным другом только 11 марта, когда тот уже выздоровел, но находился в настолько подавленном состоянии, что стал хлопотать о зачислении на военную службу и об отъезде из Петербурга. На следующий день после встречи с Пушкиным А. Тургенев пишет Вяземскому, что их общий друг «не на шутку собирается в Тульчин, а оттуда в Грузию и бредит уже войною».³ Таким образом, хотя Пушкин и мог уже узнать от Тургенева о приезде Караджича и о цели его приезда, ему было не до знакомства и встречи с сербским собирателем народных песен.

Но почему и в последующие недели марта, в апреле и в мае не состоялось личное знакомство Пушкина с Караджичем? На этот вопрос трудно ответить однозначно. Возможно, причиной тому

¹ Вукова преписка. Београд, 1908. Књ. II. С. 254.

² Остафьевский Архив кн. Вяземского. СПб., 1899, Т. 1. С. 191—193.

³ Там же. С. 202.

были события личной и литературной жизни поэта, его театральные увлечения, с особой силой развившиеся в первой половине 1819 г. Но вероятнее всего, причину следует искать в условиях пребывания Караджича в Петербурге. Думаю, что у Пушкина не могло тогда возникнуть желания встречаться с Караджичем по простой причине: обстоятельства пребывания сербского просветителя сложились так, что он оказался в среде академической, причем консервативной, далекой и враждебной Пушкину. Как признается сам Караджич в письме к Мушицкому, он проводил время «в обществе графов и князей, генералов и министров».⁴ Демонстративное внимание к сербскому гостю со стороны президента Российской Академии адмирала Шишкова, от которого зависел успех научных замыслов Караджича, и редактора журнала «Вестник Европы» Каченовского, претендовавшего на приоритет в обращении русских литераторов к сербскому языку и фольклору, — внимание этих противников Пушкина и его друзей в литературно-общественной борьбе могло насторожить поэта и даже быть поводом для предубежденного отношения к Караджичу. К тому же было известно, что одной из целей приезда Караджича в Петербург было стремление заручиться поддержкой в издании перевода на сербский язык «Нового завета» и содействия в археографическом обследовании сербских монастырей. Видимо, у Пушкина могло сложиться представление о Караджиче как о единомышленнике шовинистско-клерикальной, реакционной части русской интеллигенции. Интерес же Пушкина к событиям в Сербии и к сербскому фольклору тогда, весной 1819 г., еще не проявился, а только этот интерес и мог побудить поэта искать встречи с Караджичем.

Сербский просветитель, со своей стороны, также едва ли проявил большую заинтересованность в знакомстве с Пушкиным и, возможно, также был предубежден вследствие неблагоприятных отзывов в консервативной среде о юном вольнодумце и атеисте. Во всяком случае, вряд ли Караджич мог предугадать тогда в двадцатилетнем поэте гения русской поэзии и будущую славу России. Для него современная русская литература была представлена прежде всего Карамзиным, Дмитриевым и Жуковским. В одном из писем он сообщал, что на обеде у Карамзина «видел современного первого поэта русского Жуковского».⁵ Дарственная надпись «первого поэта» на своем портрете — «Победителю-ученику от побежденного учителя» — была Караджичу неизвестна. Впрочем, вероятно, все же он слышал о незаурядном таланте и первых успехах Пушкина от его старших друзей, с которыми встречался, — от Карамзина и А. И. Тургенева. Нельзя недооценивать тот факт, что у Пушкина появились экземпляры «Сербского словаря» и «Малой простонародной славено-сербской песнарицы», изданной в Вене в 1814 г.; Караджич, возможно, передал их Пушкину через А. Тургенева. Тогда, весной 1819 г., Пушкин

⁴ Вукова переписка. Кн. II. С. 253.

⁵ Там же.

оставил песенный сборник без внимания, но спустя полтора года новые обстоятельства в жизни поэта, а также незадолго перед тем появившаяся (в июне 1820 г.) в «Вестнике Европы» (т. 112, № 14, 15) большая статья «О сербских народных песнях» (автором ее был Каченовский), основанная на материалах двух сборников Караджича («Малой <...> песнарицы» и «Народной сербской песнарицы», изданной в 1815 г.), побудили Пушкина вспомнить и приезд Караджича в Россию, и его книгу. . .

Духовная встреча Пушкина с Караджичем состоялась в Бессарабии осенью 1820 г., когда, оказавшись в ссылке в Кишиневе, поэт узнал, что за год до него здесь же в течение месяца (август 1819 г.) жил и общался со своими соплеменниками — воеводами и друзьями по Первому сербскому восстанию — Караджич. Теперь сам Пушкин, сочувственно относившийся к освободительной борьбе балканских народов, и в их числе сербов, познакомился с воеводами, нашедшими здесь убежище, и заинтересовался их рассказами о восстании и о приезде Караджича.

Прибывший в Кишинев в августе 1820 г., незадолго до приезда туда Пушкина, И. П. Липранди, находившийся с поэтом в дружеских отношениях, вспоминал: «Пушкин очень часто встречался у меня с сербскими воеводами, поселившимися в Кишиневе — Вучичем, Ненадовичем, Живковичем, двумя братьями Македонскими и пр., доставлявшими мне материалы <...> От упомянутых же воевод он собирал песни и часто при мне спрашивал о значении тех или других слов для перевода».⁶ В другом месте Липранди рассказал о своей поездке совместно с Пушкиным в декабре 1821 г. в Измаил и Тучков, о том, как в Тучкове поэт быстро сблизился с семьей купца Славича и от свояченицы хозяина записал песню со словами «иллирийского наречия».⁷ Так Пушкин первый из русских литераторов стал собирателем сербскохорватских песен, как бы подхватив почин Вука.

Теперь поэт с увлечением слушает рассказы о событиях в Сербии, о Георгии Петровиче Черном (Карагеоргии) и князе Милоше Обреновиче, о судьбе семьи вождя Первого сербского восстания; поэтическим откликом на эти рассказы стало стихотворение «Дочери Карагеоргия». Характерно, что это вообще, по-видимому, первое стихотворение, написанное ссыльным поэтом (в Кишинев он приехал 21 сентября 1820 г., а стихотворение датировано 5 октября). Тогда же Пушкин познакомился с Н. С. Алексеевым, который по поручению генерала Киселева делал выписки из относившихся к архиву дипломатических отношений с Сербией документов, подписанных главнокомандующими русской армии

⁶ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1974. Т. 1. С. 305—306. — Разрядка моя, — В. Г.

⁷ Там же. С. 310. — Ссылка на «иллирийское наречие» могла означать, что текст песен отличался от собственно сербского языка и отражал особенности лексики и произношения в Хорватии.

Михельсоном, Прозоровским, Багратионом, Каменским и Кутузовым. Несомненно, что от Алексеева поэт узнал немало интересных сведений о сербских восстаниях. Все это не могло не воздействовать на творческое воображение Пушкина, и именно здесь, в Бессарабии, в душу его заронились зерна будущих поэтических замыслов, давшие всходы много лет спустя в «Песнях западных славян». Не слушай Пушкин подлинные сербские песни в исполнении воевод, их воспоминания и рассказы, вряд ли смог бы он создать свой шедевр — одной талантливой мистификации П. Мериме было бы недостаточно. Значение этого факта трудно переоценить.

На протяжении 1820—первой половины 30-х гг. в русской периодике постоянно появлялись сведения о сербском фольклоре, об изданиях Караджича. В 1824 г. в журнале «Сын отечества» было напечатано «Известие о новой книге», в котором сообщалось о выходе в свет нового собрания сербских песен в трех книгах, изданных в Лейпциге Караджичем.⁸ Примечательно, что все три книги оказались в библиотеке Пушкина (к этому факту мы еще вернемся). Почти одновременно в «Северном Архиве» была опубликована статья Н. Цертелева «Славянские песни различных наречий», где, в частности, говорилось и об изданиях Караджича, на основе которых автор характеризовал своеобразие и ценность сербских песен.⁹ Отклик польского фольклориста В. Бродзинского на «Народные сербские песни» (*Dziennik Warszawski*. 1826) был перепечатан в переводе на русский язык в «Вестнике Европы» (1826, № 13) под заглавием «О народных песнях славян».

Особенно много материалов находим в «Московском Телеграфе». Здесь рецензировались все издания Караджича — как вышедшие ранее, так и новые: «Српски рјечник» (Сербский словарь. Вена, 1818), немецкий перевод «Сербской грамматики» с предисловием И. Гримма (Лейпциг, 1823—1824), «Опыт переложения Священного писания на сербский язык» (Вена, 1824), «*Serbische Hochzeitslieder*» («Сербские свадебные песни», собранные Караджичем и изданные в Пеште в 1824 г.); «Денница. Забавник за годину 1826», «Сербский альманах» (на 1826, 1827 и 1828 гг.), переводы сербских песен, изданных Караджичем, на немецкий язык и др.¹⁰ Все эти рецензии сопровождалась самыми высокими оценками деятельности Караджича, в них указывалось на европейское признание его трудов, обращалось внимание на значение их для русской культуры. Сообщая о песенных сборниках Караджича, рецензент «Московского Телеграфа» представлял их читателям: «Сии народные песни Издатель списал сам из народных

⁸ <Г р е ч Н.>. Рец. на: Народне српске пјесме / Скупио и и на свијет издао Вук Стеф. Караџић. У Липисци, 1823—1824. Књ. I—III // Сын Отечества. 1824. Ч. 94, № 26. С. 241—249.

⁹ Северный Архив. 1824. Кн. 9. С. 103—112.

¹⁰ Московский Телеграф. 1827. Ч. XIII, Критика; 1829. Ч. XXV, Иностранная литература, и др.

сказаний (. . .) Гете и Гримм обратили на них особое внимание». ¹¹ В большом обзоре Н. Полевого читаем: «Нам приятно указать читателям на труды сербского литератора В. С. Караджича, коих достоинство уже признано ученою Европою и заслуживает особенное внимание и одобрение каждого славянина». ¹² Полевой отмечает самоотверженное и преданное служение Караджича отечественной литературе, его плодovitость, ставит его труды в ряд самых важных достижений современной науки: «Издание сербских песен произвело столь же сильное впечатление, как Фориелево собрание песен новогреческих». ¹³ Заканчивая свой обзор изданий Караджича, Полевой апеллирует к деятелям русской науки и литературы: «Подвиг сербского литератора, собравшего народные песни своей отчизны, не должен ли напомнить нам, что мы до сих пор не подумали сделать этого с нашими русскими песнями и спокойно смотрим, как они постепенно обезображиваются и истребляются в народе». ¹⁴ Этот призыв был услышан. Собрание народных песен, начатое А. Х. Востоковым и Н. А. Цертелевым, развернулось в России в 1830-х гг. благодаря энергичной деятельности П. В. Киреевского; в эту акцию включились Пушкин, Гоголь, Кольцов и другие писатели. Пушкин передал свои записи, произведенные в 1824—1825 гг. в с. Михайловском и в 1833 г. в Болдино и Оренбургской губ., Киреевскому, но его собранию суждено было увидеть свет нескоро. Без преувеличения можно сказать, что пример Караджича, пропагандируемый русскими журналами, был поучительным и вдохновляющим для русских и украинских собирателей народных песен и сыграл заметную роль в истории российской фольклористики.

Не остались в стороне от этого движения и «Литературная газета» Дельвига, и «Телескоп» Надеждина и Белинского. В «Литературной газете», в частности, была опубликована статья Романович «Пение морлаков» (далматинских славян, или хорватов, населяющих Адриатическое побережье), там же приветствовалось издание книги П. Мериме «Гузла». ¹⁵ В «Телескопе» появилась статья «Сербская словесность», в которой сопоставлялись записи Караджичем подлинных народных песен («настоящее Вуково собрание сербских песен») и «Гузла», которая определялась как «счастливая мистификация Мериме». ¹⁶ Характеризуя сербскую народную поэзию как «живое зеркало национальности сербской», автор утверждал, что народность в сербской литературе «воссоздается под предводительством знаменитого Вука Караджича». ¹⁷ Пройдет немного времени, и в «Телеграфе» под наблюдением Белинского будет опубликована большая статья Ю. Ве-

¹¹ Там же. 1826. Ч. VII, № 4, Критика. С. 362.

¹² Там же. 1827. Ч. XIII, № 2, Критика. С. 138.

¹³ Там же. С. 145.

¹⁴ Там же. С. 147.

¹⁵ Литературная газета. 1830. № 30. С. 241—242. Ср.: Там же. № 7. С. 55—56.

¹⁶ Телескоп. 1832. Ч. IX, № 12. С. 507—508.

¹⁷ Там же. С. 505.

нелина «О характере народных песен у славян задунайских», материалом для которой послужит четвертая часть «Народных сербских песен» Караджича, изданная в Вене в 1833 г. Эту статью Белинский назвал «прекрасной».¹⁸ Изданная позже отдельной брошюрой работа Венелина действительно была замечательным для своего времени опытом характеристики народной поэзии сербов и болгар.¹⁹ Характеризуя песенное собрание Караджича, Венелин обращает внимание на преобладание в нем «историко-героических рапсодий» над лирикой и замечает: «...то, что мог собрать Вук Стефанович, составляет только часть того сокровища, которое еще рассеяно в народе».²⁰

Все эти материалы и оценки не могли быть не замеченными Пушкиным. Соотнося их с собственным опытом записи русских и сербохорватских песен, размышляя над сопоставлениями в печати «счастливой мистификации Мериме» с подлинными сербскими песнями, обращаясь к хранившимся в его библиотеке двум песенным сборникам Караджича, Пушкин постепенно пришел к замыслу «Песен западных славян». Но, может быть, самым сильным стимулом для поэта была деятельность А. Востокова, давшего первые образцы переложений на русский язык песен из собрания Караджича. Переводы его были опубликованы в «Библиографических листах» (1825) и в «Трудах Вольного общества сочувствующих просвещения и благотворения» (1825, ч. 30); они появлялись в альманахе «Северные цветы» на 1825, 1826 и 1827 гг. и были отмечены одобрительным отзывом Н. Полевого.²¹ Пушкин, ознакомившись с этими переводами, воспринял их как образец, но вместе с тем позже вступил в творческое состязание с Востоквым-поэтом.²² Замечу также, что в 1820—1830-х гг. появились и другие переложения и стилизации сербских и хорватских песен: так, в альманахе «Календарь муз» (1826) — «Сербская песня» П. Ободовского, в «Галатее» (1829, ч. X, № 49) — за подписью «Эмиль» песня «Могила на берегу Моравы», в «Литературных прибавлениях к „Русскому инвалиду“» (1833, № 95) — «Иллирийская баллада» и «Умиравший Гайдук» (из книги Мериме «Mosaïque»), обе за подписью И. Д. (И. Дмитриев?). Последняя баллада в переводе И. Козлова позже была опубликована

¹⁸ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М.; Л., 1955. Т. 2. С. 64.

¹⁹ См.: Гусев В. Е. Вук Караджич и русская фольклористика // Русская литература. 1964. № 2. С. 154—155.

²⁰ Венелин Ю. О характере народных песен у славян задунайских. М., 1835. С. 79.

²¹ Московский Телеграф. 1827. Ч. XIII, № 2, Критика. С. 145.

²² А. Х. Востоков опубликовал следующие песни: «Марко Краевич в темнице», «Братья Якшичи», «Смерть любовников», «Свадебный поезд», «Строение Скадра», «Яна Мизеница», «Сестра у братьев», «Девушка и солнце», «Асан-агиница». Об отношении Пушкина к опыту Востокова см.: Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1961. С. 279. См. также: Органџева Цв. О переводах српских епских песама у руској литератури за Вукова живота // Анали филолошког факултета. Књ. IV. Вуков зборник. 1. Београд, 1964 [1965]. С. 320—322.

в «Библиотеке для чтения» (1834, ч. IV), а в переводе Л. Якубовича — в «Московском наблюдателе» (1836, ч. IX). Эти и подобные опыты следует также принять во внимание, обращаясь к проблеме пушкинских переводов сербских песен.

Время создания «Песен западных славян» определялось в пушкиноведении по-разному. Первой точкой отсчета иногда принималась дата издания книги П. Мериме «La Guzla» (Paris; Strasburg, 1827). Сообщения о ее выходе в свет и одновременно догадки о мистификации французского писателя высказывались в русской печати уже в начале 1828 г. («Отечественные записки». 1828. № 5). Тогда же, по-видимому, познакомился с книгой и Пушкин. Но вряд ли замысел «Песен западных славян» возник у поэта сразу (во всяком случае, никакими прямыми свидетельствами или косвенными данными для такого предположения мы не располагаем). Б. В. Томашевский, отказавшись от высказанной ранее им датировки (1826—1829), отодвинул дату создания цикла к 1832 г.²³ Но еще Анненков относил время написания «Песен западных славян» к лету 1833 г.²⁴ Современное пушкиноведение, кажется, единодушно датирует их 1833 г. С. А. Фомичев убедительно аргументирует догадку, что в основном Пушкин завершил весь цикл болдинской осенью 1833 г. (за исключением стихотворения «Конь», написанного в 1834 г.).²⁵

Случайно ли создание «Песен западных славян» приходится на 1833 г.? Чтобы ответить на этот вопрос, следует еще раз вспомнить некоторые приведенные выше факты и привести другие соображения. В статье, опубликованной в «Телескопе» в конце 1832 г. (ч. IX, № 12), особенно отчетливо проводилось сравнение между записями народных песен Караджича и «счастливой мистификацией Мериме», причем, не отрицая литературных достоинств последней, автор статьи «Сербская словесность» отдавал предпочтение «настоящему», т. е. подлинному, собранию сербских песен.²⁶ Можно предположить, что именно эта статья способствовала вызреванию замысла Пушкина, в основе которого лежало соединение избранных сербских народных песен, опубликованных Караджичем и записанных самим поэтом, с избранными текстами из книги Мериме и с другими фольклорно-литературными источниками. Толчком к воплощению замысла могли послужить два факта: во-первых, выход в свет в 1833 г. 4-го (последнего) тома «Народных сербских песен»

²³ Томашевский Б. В. Пушкин и южные славяне // Научный бюллетень ЛГУ. Л., 1946. № 11—12.

²⁴ Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М., 1984. С. 336.

²⁵ Фомичев С. А. «Песни западных славян» Пушкина: История создания, проблематика и композиция цикла // Духовная культура славянских народов: Литература, фольклор, история. Л., 1983. С. 136.

²⁶ Догадки о мистификации Мериме высказывались, как мы отметили, сразу же по выходе в свет «Гузлы», но особенно в 1832 г. (кроме названной статьи в «Телескопе» см.: Московский телеграф. 1832. Ч. 46, № 13. С. 74).

(три тома, изданных за 10 лет до этого, у Пушкина уже были); во-вторых, образование в 1833 г. автономного сербского княжества в новых расширенных границах, закрепленное в специальном указе (хатт-и-шериф). Это событие возвращало память и поэтическое воображение Пушкина к началу освободительной борьбы сербов — к Первому и Второму сербским восстаниям, к его деятелям — Карагеоргию и князю Милошу, к мифологии сербского народа и его поэзии, связанной с событиями и героями освободительной борьбы. Ограничиться только одним источником — «Гузлой» Мериме — Пушкин не мог не только потому, что ему была известна вторичность этой книги, но и потому, что, как следует из полного названия ее, образцом и ориентиром для Мериме служили «Песни иллирические» — хорватские, далматинские (те же хорватские, но приморские), а также боснийские (т. е. сербохорватские, но мусульманские) и герцеговинские. Интересы же русской литературной общественности начала XIX в. и интересы самого Пушкина связывались прежде всего с православной Сербией и с деятельностью Караджича как собирателя сербских песен. Бессарабские впечатления и встречи поэта, его опыт собирателя также в основном были связаны с участниками сербских восстаний и их песнями (запись хорватской песни в Тучкове, возможно, лишь эпизод). Таким образом, литературные источники «Песен западных славян» (книга Мериме и другая книга — «Путешествие по Далмации» аббата Фортиса, тоже находившаяся в библиотеке Пушкина и сохранившая его закладку между 114 и 115 страницами 1-го тома)²⁷ необходимо и закономерно дополнялись и преодолевались обращением к подлинной фольклорной (сербской в основном) традиции. Права исследователь «Песен западных славян», когда приходит к выводу, что, обращаясь к разнородным источникам, Пушкин стремился «создать на их основе произведения, которые бы русскими читателями узнавались, идентифицировались как фольклорные»;²⁸ при этом, по мысли автора, особенно существенно, что народный дух и фольклорность воссозданы поэтом «не только на стилистическом (<...>) но и на концептуальном уровне», т. е. Пушкину удалось воссоздать «особую систему ценностей, существующих внутри определенного типа сознания».²⁹ Правда, с О. С. Муравьевой трудно согласиться, когда она вслед за А. И. Яцимирским полагает, будто Пушкин «не стремился соблести сербский колорит», и называет рассматриваемый цикл «неким общеславянским фольклором».³⁰ Думаю, что прав В. Г. Белинский, который уловил здесь «роскошь местного колорита»,³¹ да и сама О. С. Муравьева в другом месте справедли-

²⁷ L'Abbe Fortis. Voyage en Dalmatie. Traduit de L'Italien. Bern, 1778. V. 1—2.

²⁸ Муравьева О. С. Из наблюдений над «Песнями западных славян» // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983. Т. 11. С. 153.

²⁹ Там же. С. 154, 158. — Имеется в виду народно-мифологическое сознание.

³⁰ Там же. С. 153.

³¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М.; Л., 1955. Т. 7. С. 552.

во пишет, что «Пушкин уловил и передал специфику сербского эпоса и вместе с тем придал композиционную завершенность „Песням западных славян“». ³² Разумеется, творческая художественная переработка Пушкиным источников не подлежит сомнению, и потому «Песни западных славян» — не сборник переводов или переложений, а оригинальное целостное создание гениального поэта. ³³

Не касаясь пушкинского шедевра в целом, ³⁴ ограничимся лишь переводами поэта из сборника Караджича и спорной проблемой так называемых «стилизаций» Пушкина, связанных с сербским фольклором.

Как установил еще В. И. Чернышев, в «Песни западных славян» Пушкин включил (под названием «Соловей») перевод песни «Три највеће туге...» из «Малой славено-сербской песнарицы» 1814 г. и песни «Бог ником дужан не остаје...» (озаглавив перевод «Сестра и братья») из сборника «Народне српске пјесне» (1823, књ. 1), где в конце текста, между с. 308 и 309, оказалась закладка Пушкина. Кроме того, из первого сборника поэт перевел начало баллады «Асан-агиница» (в переводе Пушкина — «Что белеется на горе зеленой...»), а из второго сборника начало песни «Коњ се срди на господара...» (с. 107, № 163; в переводе Пушкина — «Не видала ль, девица, коня моего...»). ³⁵ Эти фрагменты, а также набросок «Менко Вуич грамоту пишет...» (написанные позже основного состава «Песен западных славян» — в конце 1834 г.), вызваны были, вероятно, желанием поэта расширить состав цикла перед сдачей его в печать, но переводы остались

³² Муравьева О. С. Из наблюдений над «Песнями западных славян». С. 157. — На близость «Песен» «духу сербской народной поэзии» обратил внимание еще Пл. Кулаковский (См.: Кулаковский Пл. Славянские мотивы в творчестве Пушкина. Речь к торжественному акту Императорского Варшавского университета 26 мая 1899 года // Русский филологический вестник. Варшава, 1899. № 3—4. С. 1—22).

³³ Свообразие и смысл композиции «Песен западных славян» удачно охарактеризованы С. А. Фомичевым («Песни западных славян» Пушкина. С. 140—142).

³⁴ Обширная исследовательская литература на русском языке учтена и отражена в названных работах О. С. Муравьевой и С. А. Фомичева. Дополним ее лишь несколькими ссылками на зарубежные публикации, относящиеся к теме нашей статьи: Беркопец О. Пушкинские переводы сербохорватских песен // Slavia. Praha, 1937. Roč. XIX, seš. 3. S. 416—440; Johnson D.-S.-L. Pushkin and serbian tradition // The Slavonic and East European review. London, 1956. Vol. 34, № 83. P. 388—407; Органџијева Цв. О преводама српских епских песама у руској литератури за Вукова живота; Пенчић С. «Хасанагиница» у пушкинском преневу // Научни састанак слависта у Вукове дане. Београд, 1974. Бр. 4, св. 1. С. 531—541; Венелова Т. К нулевому пра-тексту: Заметки о балладе «Будрыс и его сыновья» // Alexandr Puškin. Symposium. II. New York (...). Nov. 18 and 19, 1978. Columbus (Ohio), 1980. P. 79—87; Пенчић С. Пушкин и српско народно стваралаштво // Прилози проучавањ а српско-руских књ ижевних века. Прва половина 19 ст. Нови Сад, 1980. С. 40—56.

³⁵ Чернышев В. А. С. Пушкин и сербские и русские народные песни // Изв. Отд-ния лит. и яз. АН СССР. 1948. Т. 7, вып. 2. С. 159—164.

незаконченными, и Пушкин при завершении оформления цикла отказался от своего намерения.³⁶

Характерно, что собственно сербские мотивы (два перевода из сборников Караджича и два текста из трех своих «стилизаций») Пушкин сконцентрировал во второй части «Песен западных славян», сведя здесь к минимуму переводы из «Гузлы» (причем сюда он отнес и единственный ярко выраженный сербско-черногорский текст из книги Мериме — «Бонопарт и черногорцы»).³⁷ Это предпочтение знаменовало движение художественного мышления Пушкина от «счастливой мистификации» Мериме к подлинности первоисточника, усиливало сербский и собственно фольклорный элементы в финале «Песен западных славян». Пушкинский цикл в целом поэтому следует рассматривать не как подражание Мериме, а как своего рода творческий спор с французским писателем. Ориентации Мериме на хорватско-далматинский и боснийско-мусульманский ареалы Пушкин противопоставляет диалог «иллирийского», католического, и мусульманского вариантов южнославянской культуры с сербско-православным ее вариантом, раскрывая сходство того и другого и внутреннее единство их в общности исконно славянского героико-мифологического мировосприятия исторической трагедийности, нравственного идеала и поэтического мышления. Так в конечном счете возникает художественная идея целостности пестрого и неоднородного на первый взгляд мира южных славян — сербов и хорватов, боснийцев, черногорцев, герцеговинцев. Принимая во внимание это стремление Пушкина к уравновешенности католического, мусульманского и православного элементов, достоверной представляется догадка С. А. Фомичева, что Пушкин отказался от завершения перевода «Асан-агиницы» и от включения ее в цикл, поскольку эта баллада повествует о боснийцах-мусульманах.³⁸ Необходимо добавить: отказ Пушкина вызван был и тем, что в «Малой славено-сербской песнарице» текст этой баллады — не подлинно фольклорная запись Караджича, а отредактированная им перепечатка из сборника А. Фортиса (книга которого послужила источником для прозаического перевода Мериме). Этот отказ Пушкина тем более знаменателен, что он не мог не оценить выдающихся художественных достоинств баллады, приобретшей европейскую известность (ее перевели Гете, В. Скотт, Нодье, русский же читатель познакомился с ней благодаря Во-

³⁶ Отбирая образцы, Пушкин ориентировался не на героическую эпiku, а в основном на жанр баллады (см.: Пенчић С. Пушкин и српско народно стваралаштво. С. 47).

³⁷ Замечу также, что какие бы источники ни легли в основу стихотворения «Яныш королевич», Пушкин и ему придал сербский фольклорный колорит (типичное для южнославянского фольклора имя героини Елица, упоминание о мифологических «вилах», река Морава — одна из крупнейших рек в Сербии, воспетая в сербских песнях); из чешского фольклора заимствовано лишь имя Либуше.

³⁸ Фомичев С. А. Песни западных славян Пушкина. С. 140.

стокову); своему фрагменту поэт придал целостный характер.³⁹

Спорным представляется распространенное мнение, что стихотворения «Песня о Георгии Черном» и «Воевода Милош» — «стилизации» Пушкина его собственного сочинения. Думаю, что прав был Б. В. Томашевский, предполагавший, что эти стихотворения являются результатом собирательства поэта в Бессарабии.⁴⁰ Если тексты и не воспроизводят буквально записанные Пушкиным песни (непосредственных параллелей в опубликованных другими собирателями сербского фольклора обнаружить не удалось), это не означает, что их сюжеты — лишь вымысел поэта. Рассказы, предания и песни, в которых упоминается имена Карагеоргия и Милоша Обреновича безусловно бытовали в среде участников сербских восстаний (о чем свидетельствовал и И. П. Липранди), и нет ничего невероятного, что они послужили источником для Пушкина. Имя Карагеоргия неоднократно встречается в текстах, вошедших в «Малую простонародную славно-сербскую песнарицу» и в «Народну српску пјеснарицу»: в песнях «О смерти Кулина Капетана», «О почетку србске буне проти Дахује 1804 лета», «О битки србској с турцима на Мишарском польу»,⁴¹ — и эти песни также были известны Пушкину. Прямым указанием на то, что «Песня о Георгии Черном» является услышанным редким вариантом подлинного сербского произведения, является примечание самого Пушкина: «По другому преданию, Георгий сказал товарищам: „Старик мой умер, возьмите его с дороги“» (III, 1; 369). Естественно, что в народной памяти и в эпосе образ Карагеоргия как вождя сербского восстания предстает в героическом свете. Но не исключена возможность, что в условиях соперничества между Карагеоргием и князем Милошем Обреновичем и их сторонниками возникали и песни, снижающие образ Карагеоргия, в частности, представляющие его отцеубийцей; Пушкина же привлек балладный сюжет, в котором обнаруживается трагический мотив вынужденного убийства отца, угрожавшего «туркам выдать ослушного сына, объявить убежище сербов», чем в сущности оправдывается поступок сына.

Отзвук конфликта между Карагеоргием и Милошем и коварного замысла князя «известить» соперника достоверно уловлен и в незаконченной наброске «Менко Вуич грамоту пишет. . .». Но в «Песнях западных славян» Пушкин «снял» конфликт и противопоставление двух деятелей освободительной борьбы сербов,

³⁹ Югославский исследователь не принимает распространенное в советском пушкиноведении определение пушкинского перевода как «необработанного и незаконченного стихотворения», доказывая, что он представляет собою вполне целостное произведение «в соответствии с личным чувством поэта и его личной внутренней идеей» (Пенчић С. Пушкин и српско народно стваралаштво. С. 51—52), и отмечая самостоятельную ценность пушкинского переложения (Там же. С. 53). См. также: Пенчић С. «Хасанагиница» у пушкинском препеву.

⁴⁰ Томашевский Б. В. Пушкин и южные славяне // Науч. бюл. ЛГУ. 1946. № 11—12. С. 46.

⁴¹ Сабрана дела Вука Стеф. Караџића. Београд, 1965. Књ. 1. С. 126, 290, 296—301, 315—316, 318.

поместив рядом стихотворения, где оба представлены как зачинатели этой борьбы.⁴² И Карагеоргий, и князь Милош в концепции Пушкина оказываются не противниками, не соперниками, а равнозначными деятелями сербских восстаний. Так поэтическая правда, преобразуя эмпирическую действительность, становится высшей исторической истиной.

Мы коснулись лишь наиболее существенных сторон соотношения деятельности Караджича и Пушкина. Предстоит еще выяснить ряд обстоятельств и конкретных фактов. В частности, важно было бы ответить на вопросы, ознакомился ли Караджич с «Песнями западных славян» и как он воспринял пушкинские переводы песен из своих сборников.⁴³ Дальнейшие изыскания и обобщение уже произведенных исследований позволят постигнуть во всей полноте смысл и значение духовной встречи Пушкина и Караджича для взаимодействия русской и сербской культур.

⁴² Ср.: Трубицын Н. Два сербских юнака в изображении Пушкина // Пушкин и его современники. Пг., 1917. Вып. 28; Благой Д. Д. Два стихотворения Пушкина о Георгии Черном // Славяне и запад. М., 1975. С. 17—31, 29—55; Двойченко-Маркова Е. М. Пушкин в Молдавии и Валахии. М., 1978. С. 67—75. О «перекличке» пушкинской «Песни» с черногорским вариантом народной песни о Георгии см.: Медриш Д. Н. Фольклоризм Пушкина // Вопросы поэтики. Волгоград, 1987. С. 25—34.

⁴³ Ни «Библиотеки для чтения», где были опубликованы «Песни западных славян», ни отдельного издания их, ни даже сочинений Пушкина в библиотеке Караджича не оказалось (по данным каталогов в Ленинграде и Белграде). Возможно, что о переводах Пушкина Караджичу было известно от Срезневского, который перевел несколько песен и ознакомил со своими переводами Караджича. Позднее, вспоминая об этом, Срезневский ссылался на опыт Пушкина (Срезневский И. И. Замечания об эллическом размере славянских народных песен. СПб., 1861; ср.: Добрашиновић Г. Вуков живопис од И. И. Срезневског // Срезневски Измаил Ивановић. Вук. [Београд, 1987]. С. 112, примеч.). Высокую аргументированную оценку пушкинским переводам сербских народных песен дают современные югославские исследователи Цв. Органджиева и С. Пентич.

II. ОБЗОРЫ

В. В. ЗАЙЦЕВА

ПУШКИНИАНА 1986 ГОДА

- Абрамович С. Л. Пушкин. Труды и дни: Из хроники 1836 года // Звезда. 1986. № 11. С. 153—171; № 12. С. 163—177.
- Абызова Е. Н. «Борис Годунов» // Абызова Е. Н. Модест Петрович Мусоргский. 2-е изд., испр. М.: Музыка, 1986. С. 72—95 (Рус. и сов. композиторы).
- Агеева Л., Лавров В. Праздник поэзии // Аврора. 1986. № 6. С. 70—76. Пушкинский заповедник в рассказах С. С. Гейченко.
- Агранович С. З., Рассовская Л. П. Осмысление фольклорно-мифологических мотивов в процессе формирования реалистического метода А. С. Пушкина: «Песнь о вещем Олеге» // Русская поэзия XVIII—XIX вв. Жанровые особенности. Мотивы. Образы. Язык: Межвуз. сб. науч. тр. / Куйбышев. пед. ин-т им. Куйбышева. Куйбышев, 1986. С. 41—53.
- Агранович С. З., Рассовская Л. П. Роль сказочного сюжета в изображении исторического процесса в трагедии А. С. Пушкина «Скупой рыцарь» // Содержательность художественных форм: Межвуз. сб. / Куйбышев. гос. ун-т. Куйбышев, 1986. С. 37—51.
- Айзерман Л. С. «Дум высокое стремленье» // Лит. в shk. 1986. № 3. С. 27—36. Изучение темы «Декабристы и Пушкин» в школе.
- Антокольский П. Г. «Евгений Онегин» // Пушкин А. С. Евгений Онегин. Днепропетровск: Проминь, 1986. С. 5—21 (Шк. 6-ка). Впервые: Пушкин А. С. Евгений Онегин. М., 1963. С. 5—20.
- Архангельский А. «Медный всадник» в контексте истории // Вопр. лит. 1986. № 1. С. 271—277. — Рец. на кн.: Knigge A. Puškins Verserzählung «Der eherne Reiter» in der Russischen Kritik: Rebellion oder Unterwerfung. Amsterdam, 1984. 245 S.
- Архангельский А. Н. «Нет истины, где нет любви»: О содержат. роли противительного союза «но» у А. С. Пушкина // Рус. речь. 1986. № 1. С. 21—26.
- Асеев Б. Н. А. С. Пушкин // Асеев Б. Н. История русского драматического театра первой половины XIX в. Рус. театр. историография; Драматургия и репертуар первой четверти века; Грибоедов; Пушкин; Екатерина Семенова; Алексей Яковлев. Учеб. пособие / Гос. ин-т театр. искусства им. А. В. Луначарского. М., 1986. С. 95—142.
- Ахматова А. А. О Пушкине / Сост., подгот. текста и коммент. Э. Г. Герштейн. // Соч. В 2-х т. М.: Худож. лит., 1986. Т. 2: Проза; Переводы. С. 6—179.
1. Слово о Пушкине; Последняя сказка Пушкина; «Сказка о золотом петушке» и «Царь увидел пред собой». Комментарий; «Адольф» Бенжамена Константа в творчестве Пушкина; «Каменный гость» Пушкина. II. Гибель Пушкина. Прил.: <Две версии>. <Отношение общества к Пушкину>. <О семейной переписке Карамзиных>; Александрина. Прил.: Наброски к окончанию статьи; Пушкин и Невское взморье. Заметки: «Камен-

ный гость» Пушкина. Дополнения 1958—1959 годов и заметки для новой редакции; Болдинская осень (8-я глава «Онегина»); Две новые повести Пушкина; О XV строфе второй главы «Евгения Онегина»; Пушкин в 1828 году.

А х м а т о в а А. А. Стихи и проза / Вступ ст. Д. Т. Хренкова; Примеч. Э. Г. Герштейн. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1986. 366 с.

С. 291—298: «Пушкин и Невское взморье» [первые: Прометей. М., 1974. Т. 10. С. 226—234]. С. 299—317: «„Каменный гость“ Пушкина» [первые: Пушкин. Исследования и материалы. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 185—195]. С. 312—317: «К статье „Каменный гость“ Пушкина». Дополнения 1958—1959 гг. [первые: Вопр. лит. 1970. № 1. С. 150—206]. С. 318—319: Слово о Пушкине [первые: Звезда. 1962. № 2. С. 171—172].

А х м а т о в а А. А. Тайны ремесла / Сост., вступ. ст. и примеч. Н. В. Вялициной. М.: Сов. Россия, 1986. 144 с. (Писатели о творчестве).

С. 21: «Слово о Пушкине. 11 июня 1944». С. 22—24: «Слово о Пушкине». С. 24—33: «Последняя сказка Пушкина». С. 33—49: «„Адольф“ Бенжамена Константа в творчестве Пушкина». С. 50—69: «„Каменный гость“ Пушкина». С. 69—71: «К статье „Каменный гость“ Пушкина». Дополнения 1958—1959 гг. С. 71—74: «Болдинская осень (VIII глава «Онегина»)». С. 75—78: «Две новые повести Пушкина». С. 79: «„Уединенный домик на Васильевском“». № 10. Может быть примечание». С. 80—81: «Пушкин и дети». С. 81—82: «Все было подвластно ему».

А ш и м б а е в а Н., Р о г и н с к и й А. «...В вибрациях его меди» // Даугава. 1986. № 12. С. 110—115. — Рец. на кн.: О с п о в а т А. Л., Т и м е н ч и к Р. Д. «Печальную повесть сохранить...»: Об авторе и читателях «Медного всадника». М.: Книга, 1985.

Б а б а д ж а н о в а К. Уроки Пушкина: Историзм А. С. Пушкина и тетралогия С. Бородина «Звезды над Самаркандом» // Звезда Востока. 1986. № 6. С. 154—160.

Б а г и р з а д е И. К. История освоения и переводов прозы А. С. Пушкина в Азербайджане // Русская классика в Азербайджане: Темат. сб. науч. тр. / Азерб. ун-т им. С. М. Кирова. Баку, 1986. С. 69—74.

Б а г н о В. Е. Драматургия Кальдерона в творческом восприятии Пушкина // Iberica. Кальдерон и мировая культура. Л.: Наука, 1986. С. 97—110.

Б а ж о в П. П. Через всю жизнь // Соч. в 3-х т. М.: Правда, 1986. Т. 3. С. 319—326 (Б-ка «Огонек»).

Первые: Огонек. 1949. № 23.

Б а р и н о в М. Праздники в Михайловском / Публ. С. Малиновской-Бариновой // Новый мир. 1986. № 10. С. 200—212.

Б а р у з д и н С. А. Прощание: Рассказ // Б а р у з д и н С. А. Два измерения... Повести и рассказы. М.: Известия, 1986. С. 417—426 (Б-ка «Дружбы народов»).

Пушкин и Д. В. Веневитинов.

Б а р х а т о в А. Урок классики // Октябрь. 1986. № 6. С. 207—208. — Рец. на кн.: К р а с у х и н Г. В присутствии Пушкина. М.: Сов. писатель, 1985.

Б а с м а н о в А. Потаенный Пушкин // Огонек. 1986. № 25. С. 9. — Рец. на кн.: Ф е й н б е р г И. Л. Читая тетради Пушкина. М.: Сов. писатель, 1985.

Б а т у р о в а Т. К. Проблема лирических жанров в «Литературной газете» А. С. Пушкина и А. А. Дельвига // Русская поэзия XVIII—XIX вв.: Межвуз. сб. науч. тр. / Куйбышев. пед. ин-т им. Куйбышева. Куйбышев, 1986. С. 54—64.

Б а у м а н Е. «Борис Годунов» // Актеры и роли. М., 1986. С. 19—23. (Союзинформкино; № 8).

Об экранизации С. Бондарчука.

Б е г л и е в а М. Н. Роль лингвистического анализа при изучении стихотворения А. С. Пушкина «Памятник» // Рус. яз. и лит. в туркм. шк. 1986. № 1. С. 16—20.

Б е л а я Е. В. Лингвистическая организация текста прозаических миниатюр

А. С. Пушкина: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук / АН СССР. Ин-т рус. яз. М., 1986. 22 с.

«Отрывки из писем, мысли и замечания», «Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям», «Заметки и афоризмы разных годов». Б е л е н ь к и й Г. И. Методическое руководство к учебнику-хрестоматии «Родная литература» для 7 класса. 5-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1986. 253, [2] с. С. 51—88: Уроки. А. С. Пушкин. «В Сибирь». «Анчар». «Капитанская дочка».

Б е л и н с к и й В. Г. Сочинения Александра Пушкина // Б е л и н с к и й В. Г. Избранные статьи / Вступ. ст. и примеч. С. Машинского. Переизд. М.: Дет. лит., 1986. С. 110—184.

Статьи 5, 8, 9.

Б и к б у л а т о в а И. Х. Пробуждая чувства добрые. (Нравственное воспитание на уроках лит.): Кн. для учителя. Казань: Тат. кн. изд-во, 1986. 121, [2] с.

С. 72—84: «Душа... жива для дружбы, для любви». [Тема урока: А. С. Пушкин. Лирика дружбы]. С. 95—104: «Я думал уж о форме плана...». [Темы сочинений по роману «Евгений Онегин»].

Б и л и н к и с Я. С. Автор в «Евгении Онегине» // Б и л и н к и с Я. С. Русская классика и изучение литературы в школе: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 1986. С. 69—78.

Впервые под загл. «Об авторском присутствии в „Евгении Онегине“»: Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1975. Т. 34, № 6. С. 515—522.

Б и т о в А. Г. Статьи из романа. М.: Сов. писатель, 1986. 319 с.

С. 175—209: «Профессия героя» [впервые, в изм. ред., под загл. «Три „Пророка“»: Вопр. лит. 1976. № 7. 145—174]. С. 210—308: «Предположение жить: (Воспоминание о Пушкине)» [впервые: Ч. 1—IV // Звезда. 1986. № 1. С. 153—176; Ч. V—VII, под загл. «Воспоминание о Пушкине» // Знамя. 1985. № 12. С. 195—226].

Б о б р и н с к а я Е. Угадать характер // Театр. жизнь. 1986. № 17. С. 32—33: ил.

«Пушкин на прогулке» и «А. С. Пушкин. Эскиз к гриму» — работы В. С. Якута.

Б о к и й И. С. Ветвь пушкинского рода: Полтав. потомки поэта. Очерки. 2-е изд., доп. Харьков: Прапор, 1986. 141, [2] с.: ил.

Болдинские чтения [1985] / Музей-заповедник А. С. Пушкина в с. Б. Болдине; Горьк. ун-т им. Н. И. Лобачевского. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1986. 173, [2] с.

Содерж.: «Евгений Онегин»: Поэтика, проблемы интерпретации. Ю. М. Никишов. «Евгений Онегин»: Проблема жанра; В. А. Викторovich. К проблеме художественно-философского единства «Евгений Онегина»; И. Л. Альми. Сентенция в словесной ткани романа «Евгений Онегин»; А. Россина. Элегическая традиция в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин». — Творчество Пушкина: Жанры, поэтика, литературные традиции. Г. В. Москвичева. Некоторые вопросы жанровой специфики трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов»; Л. С. Сидяков. Из наблюдений над текстом «Медного всадника»: К проблеме фантастического в поэме; В. А. Грехнев. О лирических финалах Пушкина; С. А. Фомичев. Лирические циклы в творческой эволюции Пушкина; Л. И. Вольперт. Тема игры с судьбой в творчестве Пушкина и Стендаля: «Красное и черное» и «Пиковая дама»; Л. А. Степанов. «Отличительная черта в наших нравах...»: К поэтике комического в «Капитанской дочке»; В. С. Листов. К истории создания «грибодовского» эпизода из «Путешествия в Арзрум»; Г. В. Краснов. «История моего времени...»: Концепция личности в Дневнике Пушкина 1833—1835 годов; С. В. Шешунова. О системе мотивов «Повестей Белкина» как цикла; Н. И. Михайлова. К литературному фонду поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник». — Пушкинское краеведение. Н. Ф. Филатов. Пушкины и Болдино в первой половине XVII века.

Б о л о т о в а Е. Прикосновение: О пушкинском цикле на радио // Лит. обозрение. 1986. № 7. С. 89—92.

Передача «Пушкинский час». Ведущий В. С. Непомнящий.

- Бонди С. М. О поэзии Пушкина; О романе Пушкина «Евгений Онегин» // Пушкин А. С. Стихотворения; Евгений Онегин. Для сред. и ст. шк. возраста / Ст. о творчестве А. С. Пушкина и примеч. С. Бонди; Худож. Н. Компанец, Киев: Веселка, 1986. С. 5—10; 252—285.
Впервые: Пушкин А. С. Стихотворения; Евгений Онегин. М.: Дет. лит., 1968. С. 3—8, 245—270.
- Бонди С. М. О романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»; Пояснительные статьи // Пушкин А. С. Евгений Онегин / Предисл., примеч. и пояснит. ст. С. М. Бонди; Рис. Н. Кузьмина; Грав. А. Павлова. М.: Дет. лит., 1986. С. 5—50; 251—303.
Впервые: Пушкин А. С. Евгений Онегин. М.: Детгиз, 1957. С. 5—56; 254—302.
- Борев Ю. Б. Творческая история произведения как источник его интерпретации // Генезис художественного произведения: Материалы сов.-фр. коллоквиума / Ин-т мировой лит. им. Горького. М., 1986. С. 64—78.
На примере «Медного всадника».
- Бочаров С. Г. Проблема реального и возможного сюжета: («Евгений Онегин») // Там же. С. 143—155.
- Бочкарев В. А. О некоторых особенностях жанровой структуры «(Сцен из рыцарских времен)» А. С. Пушкина // Русская драматургия XVIII—XIX вв. (Жанровые особенности; Мотивы; Образы; Язык): Межвуз. сб. науч. тр. / Куйбышев. пед. ин-т им. Куйбышева. Куйбышев, 1986. С. 38—52.
- Брагинский И. С. О западно-восточном синтезе в поэзии Пушкина // Брагинский И. С. Западно-восточный литературный синтез и творчество С. Айни. (Проблемы и портреты). Душанбе: Ирфон, 1986. С. 48—70.
1. Заметки. 2. Стихотворение «Виноград».
Впервые: Народы Азии и Африки. 1965. № 4. С. 117—126; 1966. № 4. С. 139—146.
- Букалов А. М. Превращения «Царского арапа» // В мире кн. 1986. № 6. С. 68—70: ил.
«(Арап Петра Великого)» в инсценировках, опере, переводе.
- Бядуля З. Анчар. (Рассказ учителя) / Пер. с белорус. Б. Яковлева // Бядуля З. Серебряная табакерка: Миниатюры; Картинки; Рассказы; Повесть; Сказка. М.: Худож. лит., 1986. С. 134—138.
Написано в 1937 г.
- Бялик Б. Необходимость социальных критериев // Лит. обозрение. 1986. № 11. С. 33—38.
Полемика со статьями В. С. Непомнящего «Судьба одного стихотворения», Н. Я. Эйдельмана «Секретная аудиенция» и Р. Гальцевой, И. Родянской «Журнальный обзор классики».
- Ваншенкин К. Я. Зимняя дорога. М.: Сов. Россия, 1986. 143 с. (Писатели о творчестве).
С. 3—8: «Зимняя дорога» [впервые: Лит. учеба. 1978. № 5. С. 205—207]. С. 8—12: «Буря мглою небо кроет». [Написано в 1983 г.].
- Вацуро В. Э. Из записок филолога // Рус. речь. 1986. № 3. С. 15—22. С. 16—19: «„Площадной шут“ в пушкинской эпиграмме». [«*Ex ungue leonem*»].
- Вацуро В. Э. Из записок филолога // Рус. речь. 1986. № 4. С. 17—21.
«Тощий кот на кровле». [Цитаты из «Карикатуры» И. И. Дмитриева у Пушкина]. — «Могильный голос» Вольтера в пушкинском послании. [«К вельможе»].
- Вацуро В. Э. «Книг, ради бога, книг!» (А. С. Пушкин) // «Они питали мою музу...»: Книги в жизни и творчестве писателей. М.: Книга, 1986. С. 8—28.
Круг чтения Пушкина.
- Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины»: Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. 2-е изд., доп. М.: Книга, 1986. 382 с.

Впервые: М. И. Гиллельсон. «Славная смерть „Телескопа“». С. 165—183; В. Э. Вацуро. «Дневник цензора», «Начальник канцелярии Бенкендорфа», «Никитенко против Никитенко». (В гл.: «Между Сциллой и Харибдой»). С. 210—240.

Рец.:

Ходоров А. Служение и честь // Нева. 1987. № 6.

С. 171—172.

Яковлев С. Циничное презрение к мысли // Новый мир. 1987. № 5. С. 263—267.

Венедиктов Г. К. Ю. Венелин и А. Пушкин // Сов. славяноведение. 1986. № 3. С. 83—92.

Виленичк Б. Я. Неверные прочтения: (А. Лацис как «пушкинист») // Текст, контекст, подтекст / Сост. и отв. ред. Ю. В. Ванников, Ю. А. Сорокин; АН СССР, Ин-т языкознания. Всесоюз. центр переводов. М., 1986. С. 120—126.

К с. 123: автор считает доказательства, относящиеся к началу 2-й главы, ошибочными.

Виленичк Б. Я. «Русский Н» среди аббревиатур «Евгения Онегина» // Рус. лит. 1986. № 2. С. 229—231.

Вильскер Л. Ранние переводы Пушкина на иврит // Год за годом: Лит. ежегодник. 2/86. М.: Сов. писатель, 1986. С. 349—355.

Власова Л. Д. Функции вопросительных предложений в стихотворном синтаксисе А. С. Пушкина // Способы и средства связи языковых единиц в тексте: Сб. науч. тр. / Курск. гос. пед. ин-т. Курск, 1986. С. 62—70.

Вовк И. И. Традиции пушкинской реалистической элегии и позднее элегическое творчество С. А. Есенина // Миропонимание и творчество романтиков: Межвуз. темат. сб. науч. тр. / Калинин. гос. ун-т. Калинин, 1986. С. 125—137.

Вогман Л. Его последний год // В мире кн. 1986. № 2. С. 86. — Рец. на кн.: Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 году. Л.: Наука, 1984.

Войнич Л. В. А. С. Пушкин — корреспондент, читатель и критик журнала «Сын отечества» / Харьк. гос. пед. ин-т им. Сковороды. Харьков, 1986. 9 с. Библиогр.: с. 9. Деп. в ИНИОН АН СССР 31.07.87, № 30618.

Волков Г. Н. Три лика культуры. М.: Мол. гвардия, 1986. 335 с.: ил. С. 85—109: «Я числюсь по России» [впервые: Коммунист. 1979.

№ 8. С. 67—80]. С. 111—143: «Пушкин и Чаадаев: Высокое предназначение России» [впервые: Новый мир. 1978. № 6. С. 250—266].

Волович Н. Квартира Пушкина на Арбате // Наука и жизнь. 1986. № 8. С. 92—96: ил. с. V.

Волшебные места, где я живу душой: В садах Лицея; На берегах Невы; Губерния Псковская; Под сенью дедовских дубров [Фотоальбом] / Сост. и авт. текста А. М. Гордин; Фот. В. П. Мельников. Л.: Лен-издат, 1986. 254, [1] с.: ил.

Пушкинские места Ленинграда, Пскова, Псковского края.

Враская О. К истории работы А. Н. Бенуа над повестью А. С. Пушкина «Пиковая дама» // Пушкин А. С. Пиковая дама / Ил. А. Н. Бенуа. Л.: Художник РСФСР, 1986. С. I—IX. — Факс. изд.: СПб.: Изд-ва Р. Голике и А. Вильборг. 1911.

1-е факс. изд.: 1979.

Временник Пушкинской комиссии: Сб. науч. тр. Вып. 20 / АН СССР, Отд-ние лит. и яз. Пушкинская комис. — Л.: Наука. 1986. 214 с.

Содерж.: Предисловие. — I. Материалы и сообщения. В. П. Старк. Стихотворение Пушкина «Завидую тебе, питомец моря смелый...»; М. Л. Гаспаров. Перевод Пушкина «Из Ксенофана Колофонского»; В. А. Сайтанов. Прощание с царем; Г. С. Княбе. Тацит и Пушкин; О. И. Михайлова. Портреты А. Д. Абабелек. — II. Обзоры. В. В. Зайцева. Пушкиниана 1982 года; В. В. Головин. Недошедшие произведения Пушкина; Л. П. Февчук. О некоторых прижизненных графических портретах Пушкина. — III. Заметки. В. Б. Сандомирская.

О первом наброске стихотворения «Увы! зачем она блистает...»: (К вопросу о датировке); В. С. Баевский. О театральных строфах «Евгения Онегина»; Н. И. Михайлова. К источникам ремарки «Народ безмолвствует» в «Борисе Годунове»; Я. Л. Левкович. Из наблюдений над «арзрумской» тетрадью Пушкина. 1. Глава «Евгения Онегина» «Странствие». 2. «Гете имел большое влияние на Байрона...» 3. «Илиада Гомера»; В. Д. Рак. Ирвинговская реминисценция в «Каменном госте»; С. Н. Тихомирова. К расшифровке «Второй программы» автобиографических записок Пушкина; В. С. Листов. К истории пушкинских заметок о Дельвиге; М. Б. Рабинович. Фамилии в романе «Дубровский»; В. В. Мерлин. Об одном из источников стихотворения «Я возмужал [среди] печальных бурь...»; И. С. Чистова. О двух стихотворных переводах А. Дюма из Пушкина; Г. И. Довгалло. Новое о знакомых Пушкина Севастьяновых; Л. А. Черейский. Пушкин и Н. Г. Ломоносов; С. А. Кибальник. Две записки А. И. Тургенева к Н. И. Гнедичу. — IV. Хроника. По страницам газет 1982 года; Список иллюстраций; Указатель произведений Пушкина (по материалам «Временника Пушкинской комиссии», вып. 1—20).

- Гаврилов А. Рец. на кн.: Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 году: Предыстория последней дуэли. Л.: Наука, 1984 // Новый мир. 1986. № 1. С. 268—269.
- Гарбер Е. Счастливый адрес Пушкина // Театр. жизнь. 1986. № 11. С. 26. Квартира Пушкина на Арбате.
- Гаспаров М. Л., Смирин В. М. «Евгений Онегин» и «Домик в Коломне»: Пародия и самопародия у Пушкина // Тыняновский сборник: Вторые Тыняновские чтения / АН Латв. ССР, Ин-т философии и права. Рига: Зинатне, 1986. С. 254—264.
- Гвозникова И. М. Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии в рукописном наследии А. С. Пушкина // Малоизученные источники по истории Башкирии. Уфа, 1986. С. 55—64.
- Гдалин А., Робинсон Д. Пушкин в произведениях медальерного искусства // Сов. коллекционер: Сб. статей / Всесоюз. о-во филателистов. М.: Радио и связь, 1986. Вып. 23. С. 89—97; Вып. 24. С. 120—132.
- Гейченко С. С. В стране, где Сороть голубая / Авт.-сост. С. С. Гейченко; Худож. С. С. Верховский; Фот. Ю. Г. Белинского. М.: Сов. Россия, 1986. 127 с.: цв. ил., фот. Фотоальбом.
- Гейченко С. С. Завет внуку: Новеллы о Михайловском. Для ст. шк. возраста / Предисл. авт.; Послесл. П. Антокольского и др.: Оформл. Г. Ордынского; Фот. Е. П. Кассина, Н. В. Зимина, А. В. Колганова. М.: Дет. лит., 1986. 285, [2] с.: ил.
- Гейченко С. С. У Лукоморья: Рассказы хранителя Пушкинского заповедника / Предисл. М. Дудина. Рис. В. М. Звонцова [5-е изд., доп.] Л.: Лениздат, 1986. 494 с.: ил.
- Гоголь Н. В. Собр. соч. В 7 т. / Под ред. С. И. Машинского и М. Б. Храпченко. Т. 6. Статьи / Коммент. Ю. В. Манна. М.: Худож. лит., 1986. 543 с. С. 10—14: «„Борис Годунов“: Поэма Пушкина». С. 56—61: «Несколько слов о Пушкине».
- Голышева А. И. Алфавитный указатель к поэзии Пушкина // Вопр. лит. 1986. № 12. С. 257—258. — Рец на кн.: Pushkin. A. Concordance to the Poetry by J. Thomas Shaw. Ohio, 1984.
- Грехнев В. А. Поэтика жанров в лирике Пушкина: Автореф. дис. ... докт. филол. наук / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Свердловск, 1986. 30 с.
- Григорьев А. А. Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина: Ст. 1. Пушкин. — Грибоедов. — Гоголь. — Лермонтов // Григорьев А. А. Искусство и нравственность / Вступ. ст. и коммент. Б. Ф. Егорова. М.: Современник, 1986. С. 70—111 (б-ка «Любителям рос. словесности»). Из лит. наследия).
Впервые: Рус. слово. 1859. № 2.

- Григорьева Е. Н. Романтическая лирика и роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: (Тема судьбы) // Диалектика формы и содержания в языке и литературе. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1986. С. 37—39.
- Гринев Р. «Магический кристалл» Пушкина // Иностран. лит. 1986. № 6. С. 244—246. — Рец. на кн.: Thun N. Puschkinbilder. Bulgakow. Tujanow. Platonow. Soschtschenko. Zwetajewa. Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1984.
- Громов В. А. «Союз искусства с критикою»: (Пушкин—Белинский—Тургенев) // Громов В. А. Писатель и критика. Тула: Приок. кн. изд-во, 1986. С. 3—30.
- Громов В. А. «Я ученик Пушкина»: И. С. Тургенев // «Они питали мою музу...»: Книги в жизни и творчестве писателей. М.: Книга, 1986. С. 29—42.
- И. С. Тургенев — читатель Пушкина.
- Гуляев Н. А. Концепция личности в романтическом творчестве Байрона и Пушкина // Вопросы романтического миропонимания, метода, жанра и стиля: Межвуз. темат. сб. науч. тр. / Калинин. гос. ун-т. Калинин, 1986. С. 3—19.
- Гущо О. Р. Эволюция художественной условности в творчестве А. С. Пушкина. (Южные поэмы, роман «Евгений Онегин»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. М., 1986. 16 с.
- Дейч Г. М. Архивные документы о Пушкине // Рус. лит. 1986. № 3. С. 143—147.
- Обзор пушкинских материалов ЦГИА СССР. Публикуются: Дело о вторичном зачислении Пушкина на службу в Коллегию иностранных дел в 1831 г.; Письмо Н. Н. Пушкиной от 1 февраля 1837 г. о назначении опеки над детьми; Переписка собств. е. и. в. канцелярии с министром финансов об отпуске В. А. Жуковскому 10 000 р. на погребение А. С. Пушкина.
- Демин В. В надежде на талисман // Искусство кино. 1986. № 11. С. 32—40.
- О фильме Р. Балаяна «Храни меня, мой талисман». См. ст. Б. Руннича «На фоне Пушкина» (с. 25—32).
- Дербенёв Г. И. Об особенностях строфы «Воспоминаний в Царском Селе» А. С. Пушкина // Вклад вузовской науки в дело ускорения научно-технического и социального прогресса: Тез. докл. юбил. науч.-практ. конф. г. Омск, 8—10 дек. 1986 г. / Омск. пед. ин-т им. А. М. Горького. Омск, 1986. Ч. 2. С. 69—71.
- Сопоставление «Воспоминаний в Царском Селе» (1814) с элегией К. Н. Батюшкова «На развалинах замка в Швеции».
- Дерюгин А. А. О композиции «Отрока» А. С. Пушкина: (А. С. Пушкин и Плутарх) // Жанр и композиция литературного произведения: Межвуз. сб. / Петрозавод. ун-т им. О. В. Куусинена. Петрозаводск, 1986. С. 61—63.
- Джуанышпеков Н. Связи частные и общие // Рус. яз. и лит. в казах. шк. 1986. № 8. С. 14—18.
- Влияние «Узника» на стихотворение С. Сейфуллина «Тулпарым» («Мой крылатый скакун»).
- Дмитриев В. Г. Лицейский «сверчок» // Дмитриев В. Г. Придуманные имена: (Рассказы о псевдонимах). М.: Современник, 1986. С. 77—95.
- Псевдонимы Пушкина.
- Дмитриева Е. Е. Эпистолярный жанр в творчестве А. С. Пушкина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. М., 1986. 16 с.
- Добролюбов Н. А. Сочинения Пушкина. Седьмой, дополнит. том. Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1857 // Собр. соч. В 3 т. / Сост. и вступ. ст. Ю. Г. Буртина; Примеч. Е. Ю. Буртиной. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1: Статьи, рецензии и заметки. 1853—1858. С. 334—348.

- Доризо Н. К. России первая любовь: Мой Пушкин; Стихотворения, поэмы, проза. М.: Современник, 1986. 527 с.
- Друзья Пушкина: Переписка; Воспоминания; Дневники. В 2 т. / Сост., биогр. очерки и примеч. В. В. Кунина. М.: Правда, 1986. Т. 1—2.
- Енишерлов В. Друзья Пушкина — потомки Кутузова: Из чехосл. Пушкинианы // Огонек. 1986. № 22. С. 28—30; ил. 4-я с. обл.
- Енишерлов В. Поиски прошлого // Огонек. 1986. № 5. С. 24—26; ил. «Зайдем к Смирдину». [Библиотека А. Ф. Смирдина в Праге]. — «Замок на Нитре». [Литературный музей А. С. Пушкина. Бродзяны. ЧССР].
- Епатко Ю. Где он, пушкинский автограф? // Нева. 1986. № 1. С. 206; ил. Орывок из публикации А. Громачевского (Древняя и новая Россия. 1876. № 5) об автографе Пушкина — отрывке из поэмы «Цыганы», принадлежавшем Н. К. Штейнбену.
- Еремеев А. Э. А. С. Пушкин и А. И. Герцен: (К вопросу о художественных функциях философского обобщения в форме ист. анекдота в прозе 1830-х гг.) // Проблемы метода и жанра / Том. гос. ун-т им. Куйбышева. Томск, 1986. Вып. 13. С. 183—196.
- Еремин Б. Москва—Арбат—Пушкин // В мире кн. 1986. № 6. С. 57—59; ил. Квартира Пушкина на Арбате.
- Еремин М. Во славу Отчизны и Свободы // Пушкин А. С. Поэмы: Полтава; Медный всадник. М.: Дет. лит., 1986. С. 65—90. (Шк. 6-ка). О поэме Пушкина «Полтава».
- Жива память о великом русском поэте // Литва лит. 1986. № 4. С. 184—185. Об открытом после реставрации Лит. музею А. С. Пушкина в Маркучае.
- Житомирская С. В. Ужель та самая Татьяна?.. Наталья Фонвизина: Судьба и легенда // Знание — сила. 1986. № 11. С. 36—38; ил.
- Жуков Ю. Н. Возвращение на родину Пушкинского музея А. Ф. Онегина // Вопр. истории. 1986. № 8. С. 183—187. Документы (оригиналы и копии писем и телеграмм), обнаруженные в ЦГА РСФСР.
- Зуева Т. В. Сказки А. С. Пушкина с народно-поэтической стилиевой основой // Проблемы взаимовлияния фольклора и литературы: Межвуз. сб. науч. тр. / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. М., 1986. С. 56—78.
- Иванова Т. Без готовых решений // Сов. экран. 1986. № 19. С. 8—9; ил. О фильме «Храни меня, мой талисман». Авт. сценария Р. Ибрагимбеков. Реж.-постановщик Р. Балаян.
- Иванчук И. А. Влияние на становление стилистических норм русской разговорной речи: (По материалам писем Пушкина и его современников) // Функционирование языка и норма: Межвуз. сб. науч. тр. / Горьк. гос. пед. ин-т им. Горького. Горький, 1986. С. 42—50.
- Иезуитов А. Н. Об издании Академического собрания сочинений и писем А. С. Пушкина в 35 томах // Вестн. АН СССР. 1986. № 10. С. 77—84.
- Ильичев А. В. Образы-символы в стихотворении А. С. Пушкина «Бесы»: (Фольклорные источники) // Материалы XXIV Всесоюз. науч. студ. конф. «Студент и науч.-техн. прогресс». Филология / Новосиб. ун-т им. Ленинского комсомола. Новосибирск, 1986. С. 59—65.
- Ильичев А. В. Структура лирического сюжета и композиция «каменноостровского» цикла А. С. Пушкина // Диалектика формы и содержания в языке и литературе. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1986. С. 58—59.
- Ишимбаева Г. Г. Фольклор русского и немецкого исторического романа / Башк. ун-т им. 40-летия Октября. Уфа, 1986. 22 с. Библиогр.: с. 22. Деп. в ИНИОН АН СССР 18.06.86, № 25574. «Капитанская дочка» Пушкина и «Штаны господина фон Бредова» В. Алексанса.

- Казарин В. П. Лермонтов и Пушкин: К проблеме своеобразия романтизма 1830-х годов // Мировопонимание и творчество романтиков: Межвуз. темат. сб. науч. тр. / Калинин. гос. ун-т. Калинин, 1986. С. 59—72.
- Каплан И. Е. Послание другу: (А. С. Пушкин. «К Пушину») // Рус. яз. в шк. Вильнюс, 1986. № 4. С. 17—20.
(И. И. Пушину) («Мой первый друг, мой друг бесценный»).
- Каратаев М. Пушкин в казахской литературе // Собр. соч. В 3 т. / Вступ. ст. Е. В. Лизуновой; Коммент. Б. Е. Кариной. Алма-Ата: Жазушы, 1986. Т. 1: Статьи; Очерки. С. 30—43.
Впервые: Лит. Казахстан. 1937. № 2—3. С. 36—46.
- Карпов А. Проблемы литературной преемственности // Звезда. 1986. № 7. С. 202—204. — Рец. на кн.: Макогоненко Г. П. Гоголь и Пушкин. Л.: Сов. писатель, 1985.
- Касаткина В. Н. Поэтический диалог А. С. Пушкина с Ф. Н. Глинкой и В. Ф. Раевским // Жанрово-стилевое взаимодействие лирики и эпоса в русской литературе XVIII—XIX веков: Межвуз. сб. науч. тр. / Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской. М., 1986. С. 36—53.
- Кателина Л. С. Устойчивые словосочетания, включающие эпитеты, в поэмах А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. С. Никитина, Н. А. Некрасова // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Лексика и грамматика в сопоставительном аспекте: Межвуз. сб. науч. тр. / Воронеж. гос. ун-т им. Ленинского комсомола. Воронеж, 1986. С. 79—83.
- Кашкимбаева Б. Вертикальный контекст: Анализ «Ариона» А. С. Пушкина // Рус. яз. и лит. в казах. шк. 1986. № 12. С. 13—17.
- Кибальникова С. А. От «Барышни-крестьянки» к «Дубровскому»; О художественной прозе А. С. Пушкина // Пушкин А. С. Барышня-крестьянка: Дубровский. Л.: Дет. лит., 1986. С. 5—16, 110—119.
- Кирлюк З. В. Искусство создания литературного характера. Киев: Вища шк.; Изд-во при Киев. ун-те, 1986. 119, [1] с.
На материале творчества Пушкина и других писателей первой трети XIX в.
- Кирнозе З. И. Мериме — Пушкин // Проблемы филологии Западной Сибири и Урала: Тез. докл. обл. конференции, посвященной 400-летию образования первого в Сибири русского города Тюмени / Тюмен. гос. ун-т: Регион. совет по филол. наукам; Головной совет по комплексной программе «Духовная культура Урала». Тюмень, 1986. С. 185—186.
- Кирпотин В. Я. Автобиографический очерк об изучении Пушкина // Кирпотин В. Я. Начало: Автобиогр. страницы. М.: Сов. писатель, 1986. С. 216—245.
- Классическое наследие и современность. Проблемы методологии и методики изучения литературы в вузе в свете решений XXVII съезда КПСС и реформы общеобразовательной и профессиональной школы: Тез. докл. межвуз. обл. науч.-практ. конф. литературоведов (13—16 мая 1986 г.). Вып. 1 / Куйбышев. пед. ин-т им. В. В. Куйбышева. Куйбышев, 1986. 208 с.
С. 24—26: С. З. Агранович, Л. П. Рассовская. Историко-культурная основа и развитие темы пира в антологической лирике А. С. Пушкина: (Опыт ист.-функционального исслед.) С. 26—28; В. П. Скобелев. А. С. Пушкин. «Выстрел». Фабула и сюжет: (К проблеме соотношения метода и стиля). С. 28—30; Н. М. Могилевская. Историческая проза А. С. Пушкина: Проблемы современного истолкования. С. 30—32; Д. Н. Медриш. Еще два пушкинских стиха? [«Расходились по поганскому граду»]. С. 32—33; Г. В. Макаровская. Функции иронии в «Истории села Горюхина»: (На путях к позитивной концепции русской истории). С. 33—35; М. Л. Нольман. Четыре гимна: (О единстве «Маленьких трагедий» Пушкина). С. 35—37; В. А. Бочкарев. Временное и вечное в драматургии А. С. Пушкина: (К вопросу об историзме «Маленьких трагедий»). С. 78—80; А. В. Князев. Созвучие идей и образов «Скупого рыцаря» А. С. Пушкина с «Братьями Карамазовыми» Ф. М. Достоевского. С. 111—113; А. М. Асадуллин. Пушкинские традиции изображения Петербурга в поэзии акмеистов.
- Ковалевская Е. А. К истории комментирования стихотворения А. С. Пушкина

«Недоконченная картина» // Русская литература и зарубежное искусство: Сб. исслед. и материалов / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1986. С. 299—305.

К о г а н Л. А. Был ли «повержен» Вальсингам? (К проблеме философ. интерпретации «Пира во время чумы») // Вопр. философии. 1986. № 12. С. 71—80.

К о з и н ц е в Г. Маленькие трагедии. 1969—1973 // Собр. соч. В 5 т. Л.: Искусство, 1986. Т. 5: Замыслы; Письма. С. 147—174.

К о л о м и н о в В. В., Ф а й н ш т е й н М. Ш. А. С. Пушкин — член Российской Академии // Коломинов В. В., Файнштейн М. Ш. Храм муз словесных: (Из истории Рос. Академии). Л.: Наука, 1986. С. 96—103 (Сер. «Страницы истории нашей Родины» / АН СССР).

К о л о с о в а Н. А. О роли Пушкина в формировании общественно-политической терминологии // Язык и общество. Отражение соц. процессов в лексике: Межвуз. науч. сб. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1986. С. 106—111.

К о н о н х и л а В. Рец. на кн.: Г н у т о в В. П. Поэт в краю степей необозримых. Ростов-на-Дону, 1985 // Дон. 1986. № 4. С. 153—154.

К о н с т а н т и н о в а Н. Г. Варьирование как принцип тематической композиции лирического стихотворения: (Варианты и основные тексты стихотворений) // Язык и композиция художественного текста: Межвуз. сб. науч. тр. / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. М., 1986. С. 38—46.

К о н ч и н Е. В. Вижэ-Лебрэн? Или...: Гипотезы; Предположения // Панорама искусств. 9: Сб. статей. М.: Сов. художник, 1986. С. 249—258.

Л. Е. Вижэ-Лебрэн и Пушкин. Комментарий к «Пиковой даме».

К о р е ц к и й В. И. История русского летописания второй половины XVI—начала XVII в. / АН СССР, Ин-т ист. СССР. М.: Наука, 1986. 271 с.

С. 234—265: Гл. 6. Пушкины в Смутное время и летописец из их рода.

К о р м а н Б. О. Лирика и реализм. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1986. 95 с. С. 78—94: Гл. 4. Метод и материал: (Стихотворение А. С. Пушкина «Поэт и толпа») и романтическая традиция).

На материале творчества Пушкина, Лермонтова и др.

К о р о б к о в С. Поэт перед лицом судьбы // Театр. 1986. № 10. С. 75—80.

«Пророк» (Пушкинский триптих) В. Кобекина: Либретто В. Кобекина по драм. произведениям и стихам А. С. Пушкина. Муз. руководитель и дирижер Е. Бражник. Реж.-постановщик А. Титель. Художники-постановщики Э. Гейдебрехт, Ю. Устинов, Хормейстер В. Копанев. Балетмейстер И. Каньгин. Театр оперы и балета. Свердловск.

К р а с н о б о р о д ь к о Т. И., Л о б а н о в а Л. П. На пути к «Современнику» // Рус. лит. 1986. № 3. С. 134—142.

Предыстория создания пушкинского «Современника».

К р а с н о в Н. Окаменевшая сосна: Повесть [о Пушкине и Поволжье] // Кубань. 1986. № 5. С. 4—36; № 6. С. 1—22.

К р е м е н ц о в Л. П. Великая книга // Пушкин А. С. Евгений Онегин. Ташкент: Укитувчи. 1986. С. 3—18 (Б-чка узб. шк.).

К р и ш т о ф Е. Г. Уроки Пушкина // Криштоф Е. Г. Люди, которых я люблю: Рассказы о добре и зле. Симферополь: Таврия, 1986. С. 273—351.

«Пушкин и Александр I». — «...». Как душа, неразделим и вечен...». — Письма [Пушкина]. — «В поисках дома».

К р ю к о в А. «Пушкин выпил со старушкой...»: Заметки о поэтических волнениях на темы отечественной культуры // В мире кн. 1986. № 11. С. 82—84.

К у г у л ь т и н о в Д. Желай мне здравия, калмык! // Огонек. 1986. № 52. С. 7.

К у д р я в ц е в а Л. С. Себя как в зеркале я вижу: Рассказ о портретах А. С. Пушкина. М.: Малыш. 1986. 24, [3] с.: ил.

К у з н е ц о в а О. В. Эпичность авторского сознания как жанрообразующий принцип романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» // Проблемы стиля и жанра в русской литературе XIX—начала XX веков: Сб. науч. тр. / Свердлов. гос. пед. ин-т. Свердловск, 1986. С. 14—22.

К у з ь м и н а Л. И. Привилегия подлинности // Нева. 1986. № 11. С. 166—167. — Рец. на кн.: А. С. Пушкин и его время в изобразительном искусстве первой половины XIX века. Л.: Художник РСФСР, 1985.

К у л а г и н А. «Тотчас разбуджу» или «тебя разбуджу»? // Вопр. лит. 1986. № 10. С. 276—278.

Чтение 3-й строфы стихотворения Пушкина «Я здесь, Инезилья...».

- Кулаковский А. Е. Главнейшие достоинства поэзии Пушкина // Кулаковский А. Е. Наступление лета: Стихи и проза. М.: Современник, 1986. С. 320—323.
- Написано в 1897 г.
- Кулешов В. И. Неясные места биографии А. С. Пушкина // Кулешов В. И. В поисках точности и истины. М.: Современник, 1986. С. 3—29.
- Кулинич А. В., Мацапура В. И. А. С. Пушкин и украинский читатель: К 150-летию со дня смерти поэта. Киев, 1986. 48 с. (О-во «Знание» УССР. Сер. 6. «Лит. и искусство», № 11).
- Кумпан К. А. Блок — участник венгерского издания Пушкина. Ст. 1 // А. Блок и основные тенденции развития литературы начала XX века. Тарту, 1986. С. 62—75 (Учен. зап. Тарт. ун-та. Вып. 735; Блок. сб. 7).
- Курганов Е. Темира Вейдемейер (Херхеулидзе) — литератор пушкинского круга // Кавкасиони: Лит. сб. Тбилиси: Мерани, 1986. Вып. 4. С. 353—361. Публикуется переписка Т. С. Вейдемейер с В. А. Жуковским (1829—1849 гг.).
- Курьлина З. Пушкинский праздник в Варшаве // Рус. яз. за рубежом. 1986. № 1. С. 125—126.
- II конкурс чтцов произведений Пушкина, происходивший в филиале Института русского языка им. А. С. Пушкина в Варшаве (апр. 1985 г.).
- Латынина А. Личность и история // Вопр. лит. 1986. № 7. С. 243—250. — Рец. на кн.: Эйдельман Н. Я. Пушкин: История и современность в художественном сознании поэта. М.: Сов. писатель, 1984.
- Лацис А. Непрочтенные строки // Лит. учеба. 1986. № 6. С. 205—214. }
Текстологический анализ стихотворения Пушкина «Пора, мой друг, }
пора».
- Лацис А. О пушкинском послании в Сибирь // Лит. учеба. 1986. № 1. С. 218—223.
- Лацис А. Письмо из Болдина к невесте // Рус. речь. 1986. № 4. С. 22—26.
- Лебедев Е. Н. «Не вовсе я умру...»: (Традиции Ломоносова в рус. поэзии XIX века) // Вопр. лит. 1986. № 11. С. 133—152.
- Ломоносов и Пушкин.
- Лебедева Э. Вдохновительница поэта // Нева. 1986. № 6. С. 201—207.
- А. П. Керн в жизни и поэзии Пушкина.
- Левкович Я. Л. Письма Пушкина к жене // Пушкин А. С. Письма к жене / Изд. подгот. Я. Л. Левкович; АН СССР, Лит. памятники. Л.: Наука, 1986. С. 87—106.
- Лейченко А. Е. Фронтовые дороги «Онегина»: Быль военных лет // Библиотекарь. 1986. № 7. С. 52—53.
- Лиخачев Д. С. Об одном из путей зеленого строительства // Художественное творчество: Вопросы комплексного изучения. 1986. Человек—природа—искусство / АН СССР. Науч. совет мировой культуры. Комис. комплексного изучения худож. творчества. Л.: Наука, 1986. С. 253—254.
- О необходимости создания «Пушкинского парка» в Москве.
- Лихачев Д. С. Память истории священна. М.: Правда, 1986. 63 с. (Б-ка «Огонек»; № 6).
- С. 23—28: «Светлое имя — Пушкин». С. 41—43: «Крестьянин, торжествуя...» [первые: Ли х а ч е в Д. С. Литература—реальность—литература. Л.: Сов. писатель, 1981. С. 12—15].
- Логвиненко В. Я. «Величайшая гордость наша» // Рассказы о Пушкине: Сб. худож. произведений. / Сост. В. Я. Логвиненко и А. И. Логвиненко. Киев: Рад. шк., 1986. С. 5—16.
- Лузянина Л. Н. «Отрывки из писем, мысли и замечания» А. С. Пушкина: Своеобразие жанра и историко-литературное значение // Малые жанры в русской и советской литературе: Межвуз. сб. науч. тр. / Киров. пед. ин-т им. В. И. Ленина. Киров, 1986. С. 60—68.
- Стилистическая и жанровая специфика произведения.
- Лукашин А. Рождение повести: Пугачевская тема в жизни и творчестве А. С. Пушкина; Хронология // Пушкин А. С. Капитанская дочка. Пермь: Кн. изд-во. 1986. С. 5—38.
- Лукьянова Л. «Пиши мне на Арбат...»: 18 февраля в Москве открылся новый музей А. С. Пушкина // Огонек. 1986. № 9. С. 28—29: ил.

- Магазаник Э. Чтение классики как творческий импульс у большого художника, или эстафета творческой преемственности: (Заметки, фрагменты) // Особенности восприятия художественного творчества и литературный процесс / Самарк. ун-т им. Навои. Самарканд, 1986. С. 168—179.
- I. Пушкин — Гоголь. II. Лермонтов по следам Пушкина. III. Пушкин и Горький. IV. И еще о «мелких» откликах на пушкинские мотивы.
- Мазья М. Родословная русского реализма // Нева. 1986. № 6. С. 165—166. — Рец. на кн.: Макогоненко Г. П. Гоголь и Пушкин. Л.: Сов. писатель, 1985.
- Маймин Е. А. Рец. на кн.: Бабеев Э. Т. Из истории русского романа XIX в.: Пушкин, Герцен, Толстой. М.: Изд-во МГУ, 1984 // Филол. науки. 1986. № 1. С. 87—88.
- Макаров А. А. Лирическая книга поэта: (Генезис пушкинского лирического канона) // Генезис художественного произведения: Материалы сов.-фр. colloquium / Ин-т мировой лит. им. Горького. М., 1986. С. 186—190.
- Поэтические сборники Пушкина.
- Макаровская Г. В. «Философические письма» Чаадаева в оценке Пушкина // Освободительное движение в России: Межвуз. науч. сб. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1986. Вып. 11. С. 8—29.
- Макогоненко Г. П. Тема Петербурга у Пушкина и Гоголя // Пушкин А. С., Гоголь Н. В. Петербургские повести / Сост., вступ. ст. и примеч. Г. П. Макогоненко; Ил. Н. Е. Бочаровой. М.: Правда, 1986. С. 5—42.
- Мальчукова Т. Г. О жанровых традициях в «Анфологических эпиграммах» А. С. Пушкина // Жанр и композиция литературного произведения: Межвуз. сб. / Петрозавод. ун-т им. О. В. Куусинена. Петрозаводск, 1986. С. 64—82.
- Мамонтов А. Кимура Сёити: «Моим сердцем владеют Пушкин и Чехов» // Азия и Африка сегодня. 1986. № 2. С. 49—51.
- Маргалитадзе Р. А. Вступительное слово учителя при изучении стихотворения А. С. Пушкина «Няне» // Рус. яз. в груз. шк. 1986. № 2. С. 72—76.
- Мартиновская А. И. Гуманизм лирики А. С. Пушкина в статьях В. Г. Белинского // Русская поэзия XVIII—XIX вв.: Межвуз. сб. науч. тр. / Куйбышев. пед. ин-т. им. Куйбышева. Куйбышев, 1986. С. 64—76.
- Мартиросян И. Г. «Путешествие в Арзрум» А. С. Пушкина в исследованиях литературоведов республик Закавказья // Современные концепции в литературоведении. Баку, 1986. С. 133—140. Деп. в ИНИОН АН СССР 22.07.87, № 30442.
- Медриш Д. Н. К творческой истории «Песни о Георгии Черном» из цикла «Песни западных славян» А. С. Пушкина // Фольклорная традиция в русской литературе: Сб. науч. тр. / Волгоград. пед. ин-т им. Серафимовича. Волгоград, 1986. С. 24—32.
- Мейен Е. Речевое интонирование поэтических текстов в вокально-поэтической симфонии «Пушкин» А. Петрова // Проблемы истории русской и советской музыки: Сб. тр. / Гос. муз.-пед. ин-т им. Гнесиных. М., 1986. Вып. 88. С. 68—82.
- Мельник В. И. «Всех нас... учитель и образец...»: (Неопубликованное письмо И. А. Гончарова об А. С. Пушкине) / Рус. яз. и лит. в кирг. шк. 1986. № 3. С. 60—63.
- Письмо Гончарова к А. А. Краевскому от 5 января 1887 г. (Отдел рукописей ГПБ).
- Мельников Л. Цвет стихов Пушкина // Техника молодежи. 1986. № 3. С. 58.
- Мерлин В. Каков Кирджали? // Лит. учеба. 1986. № 2. С. 194—198. ✓
- К изучению творчества А. С. Пушкина.
- Милованова О. О. Проблемы истории и теории драмы на страницах «Литературной газеты» А. Дельвига и А. Пушкина // Классическое наследие и современность. Проблемы методологии и методики изучения литературы в вузе в свете решений XXVII съезда КПСС и реформы общеобразовательной и профессиональной школы: Тез. докл. межвуз. обл. науч.-практ. конф. литературоведов (13—16 мая 1986 г.) / Куйбышев. пед. ин-т им. В. В. Куйбышева. Куйбышев, 1986. Вып. 2. С. 131—133.

- Михайлов А. Л. Открытие Пушкина // Михайлов А. Л. Избранные произведения. В 2 т. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1: Ритмы XX века. Панорама поэзии. С. 413—430.
- Написано в 1973 г.
- Михайлова Р. Ф. Памятник А. С. Пушкину в Святогорском монастыре // Проблемы развития русского искусства XVII—первой половины XIX века: Темат. сб. науч. тр. / Ин-т живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина. Л., 1986. С. 62—71.
- Мой души предел желанный: А. С. Пушкин на юге / Худож. фотолит. композиция Е. Дерлеменко. Худож. оформл. и макет Е. А. Дерлеменко; Авт. очерка «Пушкин на юге» (с. 7—19) Ю. М. Нагибин; Пер. очерка на фр. яз. О. В. Татариновой. Киев: Мыстэцтво, 1986. 319 с.: ил.
- Морозкина Е. Н. Псковская земля. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Искусство, 1986. 175 с.: ил.
- С. 130—138: 7. К Пушкину. [Святогорский монастырь. — «Михайловские рощи»].
- Московская изобразительная Пушкиниана: Альбом / Гос. музей. А. С. Пушкина; Авт.-сост. Л. И. Вунч, Е. В. Муза, Е. В. Павлова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изобразит. искусство, 1986. 367 с.: ил. Библиогр. в примеч.: с. 347—356.
- Содерж.: Е. В. Муза. Вступление. — Е. В. Павлова. Портреты Пушкина. — Е. В. Муза, Е. В. Павлова. Портреты современников Пушкина. — Л. И. Вунч. Виды пушкинских мест. — Список сокращений. — Примеч. — Именной указ.
- Мудров Ю., Скобкина Л. Пушкин и его время // Художник. 1986. № 3. С. 48—59: ил.
- Обзор выставки «А. С. Пушкин и его время в изобразительном искусстве XIX—XX веков» (ВМП. Ленинград).
- Музей А. С. Пушкина и П. И. Чайковского в Каменке: Фотоальбом / Фото М. Голяка, В. Соловского; Вступ. слово В. Шевченка, Київ; Мистецтво, 1986. На укр. и рус. яз.
- Муравьева О. С. Художественный мир «Пиковой дамы» // Пушкин А. С. Пиковая дама. / Вступ. ст., примеч. О. С. Муравьевой. М.: Книга, 1986. С. 5—80.
- Мурьянов М. Ф. Пушкин о Дельвиге // Рус. речь. 1986. № 3. С. 29—32.
- О неоконченной статье Пушкина «Дельвиг».
- Назарова Л. Н. Далеке от берегов Невы // В мире кн. 1986. № 10. С. 84. — Рец. на кн.: Басина М. Я. Далеке от берегов Невы. Л.: Дет. лит., 1985.
- Нгуен Вьет Тьы. Произведения Пушкина во вьетнамских школах // Рус. яз. за рубежом. 1986. № 5. С. 47—49.
- Небольсин С. А. Прошлое и настоящее: Статьи о литературе. М.: Современник, 1986. 303 с.
- С. 36—39: «Певец человеческой, правильной жизни: (Пушкин)». С. 82—96: «Немногословный судья: (О драмах Пушкина)». С. 254—265: «Весь я не умру...»: О непереводаемости Пушкина.
- Никольская Т. Футуристы и Пушкин // Традиции и новаторство в советской литературе: Сб. науч. тр. / Латв. гос. ун-т им. П. Стучки. Каф. рус. лит. Рига, 1986. С. 57—64.
- Никольский В. А. Пушкинские строки в произведениях Салтыкова-Щедрина // Читатель в творческом сознании русских писателей. Межвуз. темат. сб. науч. тр. / Калинин. гос. ун-т. Калинин, 1986. С. 148—155.
- Николюкин А. Новые работы американских пушкинистов // Иностран. лит. 1986. № 6. С. 243—244.
- Обзор работ П. Дебречени, А. Бриггса, Л. О'Белл и Д. Клейтона.
- Новиков В. И. Пушкинский круг // Новиков В. И. Русский Парнас. М.: Знание, 1986. С. 42—61 (Новое в жизни, науке, технике. Лит.; № 8).
- Новиков И. А. Пушкин в Михайловском: Роман / Послесл. М. Новиковой-Принц. М.: Сов. Россия, 1986. 364 с.
- Новиков И. А. Пушкин на юге: Роман. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1986. 381 с.

- Новые зарубежные исследования творчества А. С. Пушкина: Сб. обзоров / Ред.-сост. А. Н. Николоюкин. Е. М. Дьяконова; АН СССР, ИНИОН. М. 1986. 210 с.
- Содерж.: От редакции. — I. Творчество Пушкина и болгарская литература; Пушкин и польская культура; Пушкин в Венгрии; Творчество Пушкина в восприятии чехословацких литературоведов; Переводы произведений Пушкина в Китае в 1980-е годы; Пушкин в кубинской критике. — II. Американская пушкинистика: (История и современность); Наследие Пушкина в исследованиях западногерманских литературоведов; Взгляд английской критики на Пушкина; Пушкин в Испании; Пушкин во французской критике; Пушкин в современной итальянской критике; Творчество Пушкина в датском и норвежском литературоведении; Обзор канадского журнала, посвященного Пушкину; Переводы и восприятие Пушкина в Японии; Пушкин в литературной критике Южной Индии; Указ. имен.
- Нольман М. Судьба Пушкина // В мире кн. 1986. № 11. С. 86—97. — Рец. на кн.: Бурсов Б. И. Судьба Пушкина. Л.: Сов. писатель, 1985.
- Овчинникова С. Т. «И с вами снова я...» // Дошк. воспитание. 1986. № 2. С. 47—50.
- К открытию мемор. музея-квартиры Пушкина на Арбате.
- Овчинникова С. Т. «Москва, я думал о тебе!» // Сов. женщина. 1986. № 8. С. 16—18: ил.
- Музей-квартира Пушкина на Арбате.
- Овчинникова С. Т. Подвижнический труд // Октябрь. 1986. № 9. С. 206—208. — Рец. на кн.: Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М.: Современник, 1984; М.: Книга, 1985.
- Овчинникова С. Т. А. С. Пушкин и его дети // Дошк. воспитание. 1986. № 6. С. 46—49.
- Одесский государственный литературный музей: Путеводитель. Одесса: Маяк, 1986. 144 с.
- С. 19—28: «Культурная и литературная жизнь Одессы пушкинского времени (20-е годы XIX века)». С. 29—34: «Литературная жизнь Одессы в 30—40-е годы XIX века».
- Одинокое В. Г. «Слово о полку Игореве» в оценке А. С. Пушкина // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. 1986. № 14. Сер. ист., филол. и философии. Вып. 3. С. 33—37.
- Озеров Л. Петербургская повесть о Петре и Евгении // Пушкин А. С. Поэмы: Полтава; Медный всадник. М.: Дет. лит., 1986. С. 113—125.
- Осипов Ю. И. Вечность Михайловского // Осипов Ю. И. Мезонин поэта: Музейные эскизы. М.: Мол. гвардия, 1986. С. 15—24 (Б-ка журн. ЦК ВЛКСМ «Мол. гвардия»; № 7 (218)).
- Павлов Г. Идеал и реальность // Наш современник. 1986. № 1. С. 183—184. — Рец. на кн.: Кузнецова А. Моя мадонна. М., 1984; Роман-газета. 1985. № 20.
- Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания / Вступ. ст. К. Чуковского. М.: Правда, 1986. 512 с.: ил. (Лит. воспоминания). С. 35—36: «Пушкин». С. 222—226: «Анненков — издатель Пушкина».
- Панова Е. А. Перечислительные конструкции в стихотворном синтаксисе А. С. Пушкина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. Филол. фак. М., 1986. 17 с.
- Парсамов В. «И братья меч вам отдадут» // Тез. докл. конф. по гуманитарным и естественным наукам студ. науч. о-ва. Рус. лит. / Тарт. ун-т. Студ. науч. о-во. Тарту, 1986. С. 10—12.
- Анализ строки.
- Пахолок З. А. Редупликация в двух аспектах языкового единства: (На материале произведений А. С. Пушкина) // Рус. языкознание: Респ. межвед. науч. сб. Киев. 1986. Вып. 12. С. 90—95.
- Пашнина Г. В. Кого рисовал А. С. Пушкин? // Урал. следопыт. 1986. № 7. С. 65—69: ил.
- Автопортреты поэта. — «О, милая, повсюду ты со мной...». — Екатерина Писланты.

- Пирназаров М. Восточные мотивы в творчестве А. С. Пушкина // Сравнительное изучение национальных литератур: Сб. науч. тр. / Ташк. гос. пед. ин-т им. Низами. Ташкент, 1986. С. 20—27.
- Пихоя Р. Книголюбия Пушкины // Урал. следопыт. 1986. № 10. С. 64—65.
Судьба книг XVII в., принадлежавших окольничему С. Г. Пушкину (Б-ка Уральского ун-та).
- Поддубная Р. Н. О жанровой поэтике сказок А. С. Пушкина: (К вопросу о соотношении фольклорной и литературной сказки в творчестве писателя) // Вопр. рус. лит. Львов, 1986. Вып. 2. (48). С. 24—30.
- Поздняев М. В краю чужом, в пустынном море...: Из книги «Дом Пушкина» // Кодры. 1986. № 6. С. 138—146.
- Поздняев М. В родной земле скиталец // Сельская молодежь. 1986. № 4. С. 50—53: ил.
- Поздняев М. Пять месяцев // Октябрь. 1986. № 1. С. 202—204. — Рец. на кн.: Овчинникова С. Т. Пушкин в Москве: Летопись жизни А. С. Пушкина с 5 декабря 1830 г. по 15 мая 1831 г. М.: Сов. Россия, 1984.
- Поздняков А. Последняя дорога // Сов. фильм. 1986. № 9. С. 14, 15 (фото).
О работе над фильмом по сценарию Я. А. Гордина. Реж. Л. Менакер.
- Поляков М. Я. Вопросы поэтики и художественной семантики. 2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1986. 480 с.
Гл. III. Стиль. Стилистика. Риторика. 4. Открытая и закрытая форма драмы: «Вадим Новгородский» и «Борис Годунов» (с. 137—149). Гл. V. Поэтическая фразеология в контексте эмблематики. 4. Античность в поэзии Батюшкова, Гнедича и Пушкина (с. 269—274). Гл. IX. Традиция как мера современности. 2. Традиция и законы жанра: «Евгений Онегин» (с. 419—439).
- Пономарева Е. А. Пушкин в Москве // Рус. яз. в нац. шк. 1986. № 12. С. 33—38: ил.
Пушкинские места.
- Попова Н. И. Скорбный лист // В мире кн. 1986. № 6. С. 87—88. — Рец. на кн.: Шубин Б. Скорбный лист, или История одной болезни. М., 1984; М., 1985.
- Порудоминский В. И счастье было так возможно... // Смена. 1986. № 14. С. 16—18: ил.
- Музей-квартира Пушкина на Арбате.
- Потресов В. Вслед за «Историей Пугачева»: К 150-летию выхода в свет первого издания «Капитанской дочки» А. С. Пушкина // В мире книг. 1986. № 6. С. 70—71: ил.
- Проблемы современного пушкиноведения: Межвуз. сб. науч. тр. / Ленингр. пед. ин-т им. А. И. Герцена. Л., 1986. 164 с.
Содерж.: Э. В. Слинкина. Повесть А. С. Пушкина «Цезарь путешествовал...»: Соотношение поэзии и прозы. — Э. В. Слинкина. Тема судьбы в лирике А. С. Пушкина 20—30 гг. — К. И. Соколова. Два стихотворения А. С. Пушкина 1832 года: «Красавица» и «К***» («Нет, нет, не должен я, не смею, не могу...»). — Н. Л. Вершинина. Лирическая поэзия 1760-х годов и ранний Пушкин. — Е. Е. Дмитриева. Поэтика французских писем Пушкина. — Е. И. Лысенкова. О проблеме трагического характера в драматическом фрагменте Шиллера «Деметриус» и трагедии Пушкина «Борис Годунов». — Д. Н. Крыстева. «Эпический характер» темы Петра I и поиски А. С. Пушкина в ее художественном осмыслении. — Д. Д. Квасов. Письма Пушкина к А. О. Ишимовой. — В. Н. Голыцына. Цыганская тема в творчестве М. Цветаевой и некоторые вопросы пушкинской традиции. — В. В. Мусатов. Об одном пушкинском сюжете в «диалоге» М. Цветаевой и О. Мандельштама 10-х годов. — Н. В. Питолина. Шевырев о Пушкине. — В. И. Ширинкина. А. С. Пушкин и судьбы русской литературной критики 1820—1830-х годов: Заметка «О критике». — И. В. Полковникова. Восприятие лирики А. С. Пушкина в 7 классе. — А. И. Голышева. Американская пушкиниана 70-х и начала 80-х гг. — Е. А. Маймин. Борис Викторович Томашевский: Очерк-воспоминание.
- Прозоров Ю. «Современник» и современность: К столетию десятилетия выхода в свет первого номера «Современника» // Нева. 1986. № 4. С. 151—158.

Пугачев В. В. Десятая глава «Онегина» или поэма? // Проблемы истории культуры, литературы, социально-экономической мысли: Межвуз. науч. сб. К 100-летию акад. Н. М. Дружинина. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та. 1986. С. 191—201.

Гипотеза о X главе «Евгения Онегина» как самостоятельной поэме. Пушкин: Исслед. и материалы. Т. 12 / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1986. 415 с.

Содерж.: Предисловие. — I. Статьи. С. М. Бонди. Шестистопный ямб Пушкина; А. А. Гозенпуд. Пушкин и русский театр десятых годов XIX в.; Л. С. Сидяков. «Арап Петра Великого» и «Полтава»; Н. Н. Петрунина. О повести «Станционный смотритель»; В. Е. Ветловская. «Иных уж нет, а те далече...»; Ю. М. Лотман, М. Ю. Лотман. Вокруг десятой главы «Евгения Онегина»; С. А. Кибальник. Антологические эпиграммы Пушкина; Л. С. Осповат. «Влюбленный бес». Замысел и его трансформация в творчестве Пушкина 1821—1831 гг.; Л. И. Вольперт. Пушкин и Стендаль: (К проблеме типологической общности). — II. Материалы и сообщения. С. А. Фомичев. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 832.: (Из текстологических наблюдений); Я. Л. Левкович. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 841.: (История заполнения); Н. И. Михайлова. Творчество Пушкина и ораторская проза 1812 года; Н. Я. Эйдельман. Карамзин и Пушкин: Из истории взаимоотношений; В. Э. Вацуро. Из историко-литературного комментария к стихотворениям Пушкина; А. В. Анникин. Первая глава «Евгения Онегина» в произведениях и высказываниях Маркса и Энгельса; Ю. С. Сорokin. «Магический кристалл» в «Евгении Онегине»; А. Ю. Лемин. Из истории одного стихотворения Пушкина [«Когда б не смутное влечение»]; Р. В. Овчинников. О Елагиных и Харловых из пушкинской «Истории Пугачева»; Т. И. Красноробородько. О русском аналоге пушкинского «Современника». — III. Из истории пушкиноведения: Рядом с Пушкиным. С. Д. Селиванова. О Сергее Михайловиче Бонди; Список трудов С. М. Бонди по пушкиноведению / Сост. В. В. Зайцева; К. П. Богоевская. Т. Г. Цявловская — пушкинист; Список трудов Т. Г. Цявловской по пушкиноведению / Сост. В. В. Зайцева; Указатель имен; Указатель произведений Пушкина.

Пушкин и русская литература: Сб. науч. тр. / Латв. гос. ун-т им. П. Стучки, Каф. рус. лит. Рига, 1986. 147 с.

Содерж.: От редакции. — Ф. П. Федоров. Пространственно-временная структура стихотворения А. С. Пушкина «К***» («Я помню чудное мгновенье...»). — О. Н. Скачкова. К вопросу о структуре лирического субъекта в лирике А. С. Пушкина 1830-х годов. — Ю. М. Лотман. Замысел стихотворения о последнем дне Помпеи. — М. Ю. Лотман. Путь Пушкина к прозе. — Л. И. Вольперт. Тема безумия в прозе Пушкина и Стендаля («Пиковая дама» и «Красное и черное»). — Н. Е. Мясоедова. Мемуарная форма в художественной прозе А. С. Пушкина. — А. А. Алешкевич. О малых жанрах критической и публицистической прозы А. С. Пушкина («Отрывки из писем, мысли и замечания»). — Л. С. Сидяков. Жизнь писателя и литература в литературном сознании первых десятилетий XIX века (Жуковский — Пушкин). — Е. А. Тоддес. Неизвестные тексты Кюхельбекера в записях Ю. Н. Тьяннова. — А. Л. Осповат. Две реплики Тютчева по поводу смерти Пушкина. — Л. В. Спроге. Мотив «Рыцаря Бедного» в поэзии символистов: (Организация художественного единства книги стихов Эллиса «Арго»). — Э. Б. Мекши. Пушкинская традиция в поэме Есенина «Анна Снегина». — Р. Д. Тименчик. Ахматова и Пушкин: Заметки к теме. III. «Невидимых звон копыт...». — Г. Ершофф. О первых переводах на немецкий язык поэмы А. С. Пушкина «Цыганы».

Рец.:

Равдин Б. Пушкинский сборник // Даугава. 1986. № 10. С. 119—121.

Пушкин Г. Г. Все пушкинское принадлежит России / Беседу вел С. Коломенский; Ил. Н. Кузьмина // Студ. меридиан. 1986. № 6. С. 25—28: ил.

Беседа с праправнуком поэта.

- Пушкин Г. Г. Да, правнук я, но не поэт / Беседу вел А. Дацкевич // Сельская новь. 1986. № 6. С. 24—25 (фото).
- Пушкинские Горы / Сост. и авт. текста А. М. Савыгин; Фот. В. П. Мельникова; Худож. Е. П. Гаврилов. Л.: Лениздат, 1986. [16] л.
Проспект.
- Пушкинские Горы: Фотопутеводитель / Авт.-сост. и авт. текста А. М. Савыгин. М.: Сов. Россия, 1986. 111 с.: ил.
- Пушкинские места в Одессе: Приглашение [на заседание] / Одесская гор. орг. ДОК УССР; Секция книги Дома ученых; Одесский гор. клуб любителей миниатюрных книг. Одесса, 1986. [13] с.; ил.
- Пушкинский альманах «Ди» — 86 // Декор. искусство СССР. 1986. № 6. С. 34—43: ил.
Содерж.: Е. В. Сочина. Образ поэта в интерьере эпохи. — Д. Швидковский. В те дни, когда в садах лица. — Р. Коваль. Кондитерская на углу Невского и Мойки. — И. Чижова. В гостях у Пушкина. [Музей «Дача Китаева»]. — Н. Михайлова. Лубок Двенадцатого года в пушкинских строках.
- Пушкинский музей Онегина // Наука и жизнь. 1986. № 12. С. 49.
Реф. ст.: Жук Ю. Возвращение на Родину Пушкинского музея А. Ф. Онегина // Вопр. истории. 1986. № 8. С. 183—187.
- Раевский Н. А. Портреты заговорили: Ист.-лит. исследования. Алма-Ата: Жазушы, 1986. 447 с.
- Разумовская М. В. К вопросу о некоторых литературных традициях в «Станционном смотрителе» // Рус. лит. 1986. № 3. С. 124—134.
- Реизов Б. Г. История и теория литературы: Сб. статей. Л.: Наука, 1986. 318, [1] с.
С. 187—193: «Пушкин и Андре Шенье»: (Элегия «Безумных лет угасшее веселье. . .») [впервые, под загл. «Воспоминание из Андре Шенье у Пушкина»: Поэтика и стилистика русской литературы. Л.: Наука, 1971. С. 127—133]. С. 194—201: «Из комментариев к „Евгению Онегину“ («Кто жил и мыслил. . .»)» [впервые: Современные проблемы литературоведения и языкознания. М.: Наука, 1974. С. 246—254].
- Марк Рейзен. Автобиографические записки. Статьи. Воспоминания / Сост. и ред. Е. А. Грошевой. 2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1986. 301, [1] с.
Раздел «Жизнь и сцена». С. 99—105: «Борис Годунов». С. 147—149: «Руслан и Людмила». С. 163—168: «Снова „Борис Годунов“». — Раздел «Статьи и воспоминания». С. 230—233: Р. Захаров. Мой Руслан.
- Решетников Л. В. Поездка к поэту // Решетников Л. В. Встречи: Заметки поэта о литературе и литераторах. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1986. С. 5—48.
Впервые: Сиб. огни. 1974. № 6. С. 152—170.
- Розанова С. «Многому я учусь у Пушкина». Л. Н. Толстой // «Они питали мою музу. . .»: Книги в жизни и творчестве писателей. М.: Книга, 1986. С. 43—60.
- Розанова С. Толстой и пушкинская Россия: (В кругу друзей и современников Пушкина) // Вопр. лит. 1986. № 1. С. 130—162.
- Романенко Н. Юный кишиневец — читатель и почитатель Пушкина // Кодры. 1986. № 11. С. 140—144.
О выписках Б. П. Хашдеу из посмертного издания сочинений Пушкина 1838—1841 гг., сделанных в 1851—1853 гг.
- России сердце не забудет: Рус. писатели — А. С. Пушкину / Сост., подгот. текста и примеч. И. Т. Трофимова; Предисл. С. С. Гейченко. М.: Дет. лит., 1986. 254, [1] с.: ил.
- Руденская М. П., Руденская С. Д. «Наставникам . . . за благо воздадим». Царскосельский — Александровский Лицей 1811—1917. Пушкинский Лицей — мемориальный музей. «В садах Лицея» — памяти места: Очерки. Л.: Лениздат, 1986. 319 с.
- Рупин Б. На фоне Пушкина // Искусство кино. 1986. № 11. С. 25—32.
О фильме Р. Балаяна «Храни меня, мой талисман». См. ст. В. Демина «В надежде на талисман» (с. 32—40).

- Рыбин М. В. В пушкинские дни 1899 года. . . : (Страничка из истории московской Поливановской гимназии) / Публ. М. В. Рыбина // Встречи с прошлым: Сб. материалов ЦГАЛИ. 3-е изд. М.: Сов. Россия, 1986. Вып. 3. С. 62—68.
- Рыльский М. Ф. Пушкин по-украински // Рыльский М. Ф. Искусство перевода: Статьи; Заметки; Письма. М.: Сов. писатель, 1986. С. 144—154. Впервые: О. С. Пушкин: (Статті та матеріали). Київ, 1938.
- Савельева Л. И. Античность в русской романтической поэзии: (Поэты пушкинского круга). Казань; Изд-во Казан. ун-та. 1986. 79 с.
- Савченко Н. К. Онегин в творческом сознании Достоевского // Проблемы жанра и взаимодействие литератур / Казах. гос. ун-т им. С. М. Кирова. Алма-Ата, 1986. С. 20—25.
- Садыхов М. З. М. Ф. Ахундов и русская литература. Баку: Язычы, 1986. 237 с. Гл. II. М. Ф. Ахундов и русско-азербайджанские литературные связи 30-х годов. Личные и творческие контакты. 2. А. С. Пушкин (с. 102—124).
- Сайтанов В. А. К тайне гибели Пушкина // Вопр. лит. 1986. № 4. С. 245—252. — Рец. на кн.: Абрамов и Ч. С. Л. Пушкин в 1836 году: (Предыстория последней дуэли). Л.: Наука, 1984.
- Сайтанов В. А. Неизвестный цикл Пушкина // Пути в незнаемое: Писатели рассказывают о науке. М.: Сов. писатель, 1986. Сб. 19. С. 361—395.
О новой датировке стихотворения «Пора, мой друг, пора» и возникающем в связи с этим цикле стихотворений 1835 года.
- Сайтанов В. А. Стихотворная книга: Пушкин и рождение хронологического принципа // Редактор и книга: Сб. статей. М.: Книга, 1986. Вып. 10. С. 123—160.
Структура изд.: Пушкин А. С. Стихотворения. СПб., 1826; Ч. 1—4. СПб., 1829—1835.
- Салиева Л. К. Проблема передачи национального своеобразия подлинника: (На материале перевода романа «Евгений Онегин») // Лингво-стилистические особенности функциональных жанров. Переводческий аспект: Сб. науч. тр. / Ташк. гос. ун-т им. В. И. Ленина. Ташкент, 1986. С. 78—81.
- Самвелян Н. Г. Пушкин — против Радищева и Пушкин — за него // Самвелян Н. Г. Пока сердца для чести живы: Рассказы о русской культуре. Кн. для учащихся ст. классов. М.: Просвещение, 1986. С. 111—118.
- Сапожков С. Театр одной пушкинской сказки («Сказки о рыбаке и рыбке») // Дет. лит. 1986. № 7. С. 25—27.
- Сапожков С. Фольклорно-сказочные мотивы в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина: К 150-летию повести Пушкина «Капитанская дочка» // Лит. в шк. 1986. № 1. С. 66—68.
- Сарнов Б. Стоит ли столько мучиться, чтобы узнать так мало: (К спорам о десятой главе «Евгения Онегина») // Вопр. лит. 1986. № 10. С. 188—202.
Впервые: О статьях Л. Тимофеева и Вяч. Черкаского «Апокриф? Или...» (Прометей. М., 1983. Т. 13); Ю. М. Лотмана и М. Ю. Лотмана «Вокруг десятой главы „Евгения Онегина“» (Пушкин: Исследования и материалы. М., 1986. Т. 12. С. 124—151).
Рец.:
- Песков А. Все поделить // Вопр. лит. 1987. № 3. С. 229—233.
- Сафонов В. А. Вечное мгновение: Этюды и размышления о литературе. 2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1986. 518, [1] с.
С. 296—337: «Узкий путь и тесные врата» [О последних днях Пушкина]. С. 510—517: «Имя Пушкинского Дома. . .»: О последнем стихотворении Александра Блока.
- Сахаров В. «Слово о полку Игореве» в художественной системе А. С. Пушкина // Альманах библиофила. М.: Книга, 1986. Вып. 21. С. 203—210.
- Сергеев М. Прадед Пушкина: Сибирские злоключения арана Петра Великого // Сергеев М. С Иркутском связанные судьбы. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1986. Кн. 1. С. 12—63.
Впервые: Ангара. Иркутск. 1970. № 6. С. 56—87.
- Сироткина С. XV конференция в Болдине // Вопр. лит. 1986. № 5. С. 269—272.
«Болдинские чтения» 1985 г.

- Скачкова О. Н. Жанровый «диалог» в ранней лирике А. С. Пушкина и в романе «Евгений Онегин» // Республиканская научно-теоретическая конференция молодых ученых и специалистов по общественным наукам «Некоторые проблемы развития общественных наук в свете решений XXVII съезда КПСС»: Тез. докл. / Латв. гос. ун-т. им. Стучки. Рига, 1986. С. 171—173.
- Славин В. И. Великому поэту России // Ленингр. панорама. 1986. № 6. С. 25—26: ил.
- О памятниках Пушкину в Ленинграде.
- Смольников И. Ф. Болдинская осень. Л.: Дет. лит., 1986. 142, [2] с.
- Советско-японский симпозиум по литературоведению (4; июнь 1985. Москва) [Доклады] / Отв. ред. Г. Бердников, К. Рехо; АН СССР, Ин-т мировой лит. М.: Наука, 1986. 87, [2] с.
- Содерж.: От редакции. — А. Л. Гришунин. Пушкин и развитие русской литературы. — С. Отюкити Кусака. А. С. Пушкин: Его влияние на японскую поэзию. — Н. Н. Скотов. А. С. Пушкин: Исторические предпосылки и контекст. — Тэцуо Ёнэкава. К вопросу интерпретации стихотворения «Деревня» Пушкина. — Ю. М. Лотман. К проблеме типологической характеристики реализма позднего Пушкина. — Сигэо Курихара. К проблематике «Песен западных славян» А. С. Пушкина. — В. И. Сахаров. Эволюция романтического героя в творчестве Пушкина. — Цукуи Садао. Функция образа старика в поэтике Пушкина.
- Соколов А. А. Пушкин в Москве // Рус. яз. за рубежом. 1986. № 5. С. 4—43. Прил.: М. Ю. Гастева. Задания (с. 43—44).
- Соколова Н. А. Модификация медитативной лирики: (Анализ текста) // Жанр и композиция литературного произведения: Межвуз. сб. / Петрозавод. ун-т им. О. В. Куусинена. Петрозаводск, 1986. С. 83—89.
- Анализ стихотворений Пушкина «Туча» и Лермонтова «Тучи».
- Сорокина И. Дело жизни // Урал. 1986. № 4. С. 180—182. — Рец. на кн.: Никитин А. Пушкин и Урал. Пермь: Пермск. кн. изд-во, 1984.
- Соронкулов Г. У. Опыт стимулирования самостоятельного чтения русской поэзии киргизскими школьниками // Рус. яз. и лит. в кирг. шк. 1986. № 5. С. 10—15.
- Изучение лирики Пушкина в 8-м классе.
- 150-летие пушкинского «Современника» // День поэзии. 1986. М.: Сов. писатель, 1986. С. 148—150.
- С. 148—149: А. С. Пушкин. Из статей и заметок. С. 149—150: В. Лазарев. Дар видения.
- Стрежнев И. В. «Блистательные вершины русской культуры»: М. В. Ломоносов и А. С. Пушкин. // Слово о Ломоносове. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1986. С. 166—181.
- Строганов М. Написано в Болдине // Вопр. лит. 1986. № 3. С. 234—237. — Рец. на кн.: Краснов Г. В. Пушкин: Болдинские страницы. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1984.
- Строганова Е. Н. Стихотворение Пушкина «Герой» в черновиках «Войны и мира» // Читатель в творческом сознании русских писателей: Межвуз. темат. сб. науч. тр. / Калинин. гос. ун-т. Калинин, 1986. С. 54—65.
- Студнева А. И. Присоединительные связи в композиционно-синтаксической структуре повести А. С. Пушкина «Метель» // Язык и композиция художественного текста: Межвуз. сб. науч. тр. / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. М., 1986. С. 85—94.
- Студнева А. И. Союз «и» в синтаксисе художественной прозы А. С. Пушкина // Лексическая и грамматическая семантика: Межвуз. сб. науч. тр. / Смол. пед. ин-т им. К. Маркса. Смоленск, 1986. С. 83—90.
- Сурков Е. Гоголь и Пушкин: Проблемы и решения // Вопр. лит. 1986. № 5. С. 234—241. — Рец. на кн.: Макогоненко Г. П. Гоголь и Пушкин. Л.: Сов. писатель, 1985.
- Таракановский Г. Г. Скульптор Б. И. Орловский. Тула: Приок. кн. изд-во, 1986. 128 с.: ил. (Наши славные земляки).
- С. 74—80: «„Медная бабушка“ Пушкина». С. 99—103: «Грустен и весел вхожу, ваятель, в твою мастерскую. . .» [Пушкин и Орловский. Стихотворение Пушкина «Художнику»].

- Тарасов Б. Н. А. С. Пушкин и П. Я. Чаадаев: (Эпизоды творческой дружбы) // Тарасов Б. Н. В мире человека. М.: Современник, 1986. С. 276—292.
- Тименчик Р. Д. Адмиралтейская игла // Рус. речь. 1986. № 3. С. 23—28.
Реминисценция 54-го стиха «Медного всадника» в поэзии поэтов начала XX в.
- Типы текста и специфика функционирования языковых средств: Межвуз. сб. / Куйбышев. гос. ун-т. Куйбышев, 1986. 152 с.
С. 92—100: Н. Г. Константинова-Витт. Функционирование абстрактных субстантивов в лирических произведениях А. С. Пушкина. С. 100—115: Е. А. Панова. О некоторых экспрессивно-семантических свойствах перечислительных рядов в стихотворном синтаксисе А. С. Пушкина. С. 115—122: Т. И. Смирнова. Ритмическая организация художественного текста и закономерности функционирования форм типа «зимой—зимой» в произведениях А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. С. 130—140: И. А. Иванчук. Окказиональная метафора в эпистолярной А. С. Пушкина и его современников.
- Тихонов Н. С. Пушкин и советская поэзия // Собр. соч. В 7 т. М.: Худож. лит., 1986. Т. 6: Воспоминания; Публицистика. С. 136—157.
Написано в 1944 г.
Впервые: Тихонов Н. С. Писатель и эпоха. М.: Сов. писатель, 1972. С. 305—327.
- Трубе Л. Л. А. С. Пушкин о М. В. Ломоносове: (К 275-летию со дня рождения великого ученого) // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва. 1986. Т. 118, вып. 5. С. 444—447.
- Турбин В. Н. Традиции Пушкина в творчестве Есенина: «Евгений Онегин» и «Анна Снегина» // В мире Есенина: Сб. статей. М.: Сов. писатель, 1986. С. 264—284.
- Тымчишин В. В. Пушкин в Молдавии / Худож. оформление и фото В. М. Синицкого. Кишинев: Тимпул, 1986. 127 с.: ил.
- Тюнькин К. И. Белинский и Пушкин // Лит. в шк. 1986. № 3. С. 19—26.
- Тюрин В. В. «И ненавижу деспотизм...» // Тюрин В. В. На земле Садко. Л.: Лениздат, 1986. С. 73—82.
Новгород в творчестве Пушкина.
- Фаворский В. А. Об искусстве, о книге, о гравюре / Сост. и вступ. ст. Е. С. Левитина. М.: Книга, 1986. 239 с.
Гл. «О своих работах в гравюре и книге». С. 150—151: [«Домик в Коломне»]. С. 168—172: «О том, как я оформлял „Бориса Годунова“ Пушкина». С. 172—178: «Как я оформлял „Маленькие трагедии“ Пушкина».
- Фейнберг И. Л. Абрам Петрович Ганнибал — прадед Пушкина: Разыскания и материалы. / Отв. ред. А. Б. Давидсон; Сост., подгот. текста, вступ. ст. и подбор ил. М. И. Фейнберг. 2-е изд. М.: Наука, 1986. 126 с.: ил.
- Фомичев С. А. Поэзия Пушкина: Творческая эволюция / Отв. ред. акад. Д. С. Лихачев; АН СССР, Отд-ние лит. и яз., Пушкин. комис. Л.: Наука, 1986. 304 с.
- Фридкин В. Дневник Джона Рэндольфа Клея [секретаря американского посольства в Петербурге. 1830—январь 1831 г.]. // Наука и жизнь. 1986. № 5. С. 144—151.
- Фридлиндер Г. М. Пушкин и проблема народности литературы // Рус. лит. 1986. № 3. С. 30—54.
- Хентова С. Пушкинские образы [в творчестве Д. Шостаковича] // Сов. музыка. 1986. № 10. С. 57—61.
- Ходасевич В. Ф. Пушкин // День поэзии. 1986. М.: Сов. писатель, 1986. С. 151—152.
Написано в 1922 г.
- Цветаева М. И. Проза: Автобиограф. проза; Воспоминания о поэтах; Мой Пушкин; Лит.-критич. статьи. Кишинев: Лумина, 1986. 544 с.
С. 331—372: «Мой Пушкин» [написано в 1937 г.]. С. 373—402: «Пушкин и Пугачев» [написано в 1937 г.].

- Цветков Д. А. Старица и окрестности / Лит. обработка и новый текст М. Майстровского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Моск. рабочий, 1986. 140, [2] с.: ил. С. 92—103: «Памятные имена. Пушкин Александр Сергеевич».
- Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. 4-е изд., стереотип. М.: Искусство, 1986. 445, [1] с.: ил.
- Черейский Л. А. Пушкин и Северный Кавказ. Ставрополь: Кн. изд-во, 1986. 110 с.: ил.
- Чижов А. «Под бурями судьбы жестокой. . .» // Кодры. 1986. № 9. С. 149—151. Реминисценции из книги Иова в стихотворениях Пушкина «Я пережил свои желанья» и «Кто, волны, вас остановил».
- Чижова И. Б. Загадки портретов // Художник. 1986. № 9. С. 47—50: ил. Портреты женщин пушкинского окружения (Анна М. Виельгорская, А. П. Волконская, в замужестве Дурново и С. В. Комаровская, урод. Всевитинова). (ВМП. Ленинград).
- Чумаков Ю. Н. Жанр стихотворного романа и философские основы массовой и классической культуры // Философские проблемы взаимодействия литературы и культуры: Межвуз. сб. науч. тр. / Новосиб. пед. ин-т. Новосибирск, 1986. С. 63—72. «Евгений Онегин» Пушкина.
- Чумаченко А. А. История, драма, документ: (А. С. Пушкин и М. П. Погодин) / Ин-т мировой лит. АН СССР им. А. М. Горького. М., 1986. 25 с. Библиогр.: с. 24. Деп. в ИНИОН АН СССР 11.09.86, № 26827.
- Шайтанов И. Цельность исследования // Вопр. лит. 1986. № 6. С. 236—243. — Ред. на ки.: Фейсберг И. Читая тетради Пушкина. М.: Сов. писатель, 1985.
- Шарафадина К. И. Пушкинский канон лирического жанра «Послание»: (Теория жанра как обоснование его поэтики) // Вклад вузовской науки в дело ускорения научно-технического и социального прогресса: Тез. докл. юбил. науч.-практ. конф. г. Омск, 8—10 дек. 1986 г. / Омск. пед. ин-т им. А. М. Горького. Омск, 1986. Ч. 2. С. 67—68.
- Шаталов С. Е. Герои романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». М.: Просвещение, 1986. 95 с. Для учащихся 8-го класса.
- Шеншин Н. Музыкальное окружение Пушкина // Отблески. М.: Мол. гвардия, 1986. Вып. 5. С. 40—43.
- Шолохов С. Л. «Моцарт и Сальери» А. С. Пушкина: Пьеса и ее судьба в русском искусстве XX в. (Театр. Кинематограф. Телевидение): Автореф. дис. . . канд. искусствоведения / Ленингр. гос. ин-т театра, музыки и кинематографии им. Н. Черкасова. Л., 1986. 20 с.
- Штедтке К. «Египетские ночи» и вопрос об искусстве: (К проблеме интекста в статье Достоевского «Ответ Русскому вестнику») // Учен. зап. Тарт. ун-та. 1986. Вып. 720: Тр. по знаковым системам. 19. С. 133—144.
- Шульгин А. В. Экспрессивно-стилистическая окраска некоторых атрибутивных сочетаний в прозе А. С. Пушкина и в литературном языке наших дней // Лингвистические исследования. 1986. Соц. и системное на различных уровнях языка / АН СССР, Ин-т языкознания. М., 1986. С. 234—242.
- Шустов А. Н. Загадка пушкинской строки // Ленингр. панорама. 1986. № 6. — С. 27. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный. . .» («Александрейский столп»).
- Эйдельман Н. Я. В пушкинском зеркале // Знание — сила. 1986. № 6. С. 41—45. «А в ненастные дни. . .». — «Лет шестьдесят назад». — «Шестьдесят лет спустя. . .».
- Чтение рукописи «Пиковой дамы» Пушкина.
- Эйдельман Н. Я. Две тетради: (Заметки пушкиниста) // Пути в неизвестное: Писатели рассказывают о науке. М.: Сов. писатель, 1986. Сб. 20. С. 284—316. Пушкинские тетради № 842 (2373) и № 845 (2374).

Эйхенбаум Б. М. О прозе. О поэзии: Сб. статей / Сост., подгот. текста О. Эйхенбаум; Вступ. ст. Г. Бялого. Л.: Худож. лит., 1986. 456 с.

С. 29—44: «Путь Пушкина к прозе» [впервые: Пушкинист. М.; Пг.: ГИЗ, 1922 [обл.: 1923] Т. 4. Пушкинский сборник памяти проф. С. А. Венгерова. С. 59—74]. С. 77—93: «Пушкин и Толстой» [впервые: Лит. современник. 1937. № 1. С. 136—147].

Эпштейн М. Н. Фауст и Петр: (Типолог. анализ параллельных мотивов у Гете и Пушкина) // Гетевские чтения. 1984 / АН СССР, Науч. совет по истории мировой культуры, Комис. по изучению творчества Гете и культуры его времени. М.: Наука, 1986. С. 184—202.

Впервые, под загл. «Фауст на берегу моря»: Вопр. лит. 1981. № 6. С. 89—110.

Яворская Л. К. Поэма Пушкина «Кавказский пленник» в оценке П. А. Плетнева // Русская поэзия XVIII—XIX вв.: Межвуз. сб. науч. тр. / Куйбышев. пед. ин-т им. Куйбышева. Куйбышев, 1986. С. 32—40.

Литература в школе. 1986. № 6.

К 150-летию со дня смерти А. С. Пушкина. С. 6—15: Ю. И. Селезнев. Пушкин и народ: («Памятник» в контексте творчества поэта) / Публ. М. Кузнецовой-Селезневой. С. 15—20; Э. В. Силина. Своеобразие лирики Пушкина 30-х годов. С. 21—28; Л. С. Айзерман. «Лед и пламень» [изучение «Евгения Онегина»]. С. 29—35; М. И. Медовой. «Живой и цельный мир»: (Заметки об изучении поэтики романа «Евгений Онегин»). С. 42—49; И. И. Аркин. Система уроков литературы в VIII классе: (Опыт проблемного планирования). [«Евгений Онегин»]. С. 55—58; В. М. Григорьев. «Мое Захарово...»: (О школьном клубе друзей игры). С. 74—75: Мемориальный музей «Квартира А. С. Пушкина на Арбате»: (К иллюстрациям на обложке).

Памятники Отечества: Альм. Всерос. о-ва охраны памятников истории и культуры. № 2 (14). М.: Сов. Россия, 1986. 166 с.

150-летию со дня смерти Александра Сергеевича Пушкина посвящается. Содерж.: Д. С. Лихачев. Слово о Пушкине. — Б. Л. Модзалевский, М. В. Муравьев. «Мой предок Рача мышцей бранной Святому Невскому служил»: Родословная роспись рода Пушкиных [Сведения о прямых предках и потомках Пушкина из книги «Пушкины. Родословная роспись» (Л., 1932)]. — Е. В. Павлова. «Известен впрямь мой будет вид»: Иконография Александра Сергеевича Пушкина. — Л. И. Вуич. «Некогда соперничество между Москвой и Петербургом действительно существовало»: Москва и Петербург в начале девятнадцатого века. — А. Сопротский. «Я знаю: век уж мой измерен»: Заметки о рождении и смерти А. С. Пушкина. — А. Е. Басманов. «Сады прекрасные, под сумрак ваш священный Вхожу с поникшею главой...»: Летний сад. — Т. А. Князева. «На досуге отобедай У Пожарского в Торжке»: Пушкинское кольцо Верхневолжья. — Вл. Вельяшев. «Мне видится мое селенье»: Захарово. — С. Горбачева, С. Ямщиков. «В кругу расчисленного светил». Портреты Пушкинской поры: Рассказ реставраторов. — Е. Зименко. «О мертвецах, о подвигах Бовы»: Лубок. — Н. Н. Гончарова, С. К. Жегалова. «Три девицы под окном Пряли поздно вечерком»: Крестьянский быт пушкинской поры. — И. А. Духин. «То в кибитке, то в карете»: Колокольчики пушкинской поры. — С. Т. Овчинникова. «Я женат и счастлив»: Музей-квартира Александра Сергеевича Пушкина на Арбате. — Л. И. Звягинцев. «Храни меня, мой талисман»: О перстнях Пушкина. — М. Ю. Лермонтов. Смерть поэта. — М. Д. Артамонов. «Любовь к отеческим гробам»: Пушкинский некрополь Москвы. — Ю. И. Осипов. «Не зарастет народная тропа». — С. С. Гейченко. «... Мир и сон тригорских нив»: Пушкинский заповедник. — Л. Ю. Огинская. «И назовет меня всяк сущий в ней язык. Книжная графика национальных республик. — В. П. Енишерлов. «... Есть память обо мне, Есть в мире сердце, где живу я»: Пушкинский музей в Бродзяхнах. — И. Н. Бочаров, Ю. П. Глушак ова. «Когда б имел я сто очей, То все бы сто на вас глядели»: Венецианская пушкиниана. — И. С. Зильберштейн. «Иско-

ро силою вещей Мы очутились в Париже». Парижские находки: Воспетая Пушкиным [М. Н. Волконская]; Дневник Аннет Олениной. — А. А. Кр а с и к о в. «От саркосельских лип до башен Гибралтара»: О памятнике А. С. Пушкину в Мадриде [работы О. Комова].

ДОБАВЛЕНИЯ К БИБЛИОГРАФИИ 1985 ГОДА

- Багно В. Е. К источникам поэмы «Великий инквизитор» // Достоевский. Материалы и исследования / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1985. Сб. 6. С. 107—119.
С. 114—118: 2. [«Моцарт и Сальери» и «Великий инквизитор»].
- Заяц В. С. К вопросу о жанрово-стилистических особенностях «Сказки о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина. Л., 1985. 23 с. Деп. в ИНИОН АН СССР 2.01.86. № 23604.
- Машенко Н. М. Александр Сергеевич Пушкин // Машенко Н. М. Музыка и живопись в творчестве писателей. 2-е изд., доп. и перераб. Киев: Вища шк., 1985. С. 20—30.
- Пушкинские сборники Калининского университета [Библиогр. список] // «Шестидесятые годы» в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина: Сб. науч. тр. / Калинин. гос. ун-т. Калинин, 1985. С. 147—148.
- Сура т И. З. Жанр стихотворной сказки в русской литературе 1830-х годов: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1985. 25 с.
С. 9—17: Гл. 2. Расцвет сказки в творчестве Пушкина и Жуковского 1831 года.
- Чулков В. И. Читатель в переходных художественных системах // Проблема автора в художественной литературе: Межвуз. сб. науч. работ / Удм. ун-т им. 50-летия СССР. Устинов, 1985. С. 38—44.
Проблема формирования «идеального читателя» в переходные литературные эпохи. На материале поэмы «Руслан и Людмила» Пушкина.

В. С. БАЕВСКИЙ

СПРАВОЧНЫЕ ТРУДЫ ПО ПОЭЗИИ ПУШКИНА И ЕГО СОВРЕМЕННОКОВ

Введение

За последние годы появился ряд обширных справочных трудов, которые могут оказать значительную помощь исследователям поэзии Пушкина и первой половины XIX в. вообще. Частично они рецензировались в нашей научной литературе.¹ Задача настоящего обзора — показать, что созданные усилиями исследователей-одиночек и целых коллективов у нас в стране и за рубежом, они к настоящему времени образуют систему капитальных пособий, о которой мечтали несколько поколений ученых. Правда, эта система далека от завершения и пребывает в становлении. Тем важнее, может быть, подвести итоги сделанного, выявить лакуны.

¹ Любарева Е. Новые работы о рифме // *Вопр. лит.* 1974. № 3; Грибушин И. Судьба и законы русской рифмы // *Урал.* 1974. № 6; Минералов Ю. И. О русской рифме // *Москва.* 1975. № 2; Новокшенов П. Лермонтов и электроника // *Неделя.* 1974. 12—19 авг. (№ 33); Голышева А. Словарь пушкинских рифм // *Вопр. лит.* 1976. № 5; Кулешов В. Все о Лермонтове // *Лит. газета.* 1981. 23 сент.: Безъязычный В. Первая персональная // *Сов. культура.* 1981. 29 дек.; Рождественский Р. С любовью к Лермонтову // *Правда.* 1982. 21 мая; Семибратова И. В. О библиографической информации в «Лермонтовской энциклопедии» // *Сов. библиография.* 1982. № 5; Латынина А. Образ поэта // *Лит. обозрение.* 1983. № 6; Мейлах Б. Персональные энциклопедии. . . // *Вопр. лит.* 1982. № 9; Руднев П. А. Рец. на кн.: Гаспаров М. Л. *Очерк истории русского стиха: Метрика; Ритмика; Рифма; Строфика.* М.: Наука, 1984. 318 с. // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* 1985. № 3; Кормилов С. Четыре века русского стихосложения // *Вопр. лит.* 1985. № 6. — Настоящее примечание не претендует на полноту. В частности, не отмечены многочисленные рецензии на «Лермонтовскую энциклопедию», не ориентированные на специалиста-филолога. Укажем также зарубежные рецензии: Scherr B. P. Rev.: Shaw J. T. Batiushkov: A Dictionary of the Rhymes & A Concordance to the Poetry. Madison, 1975; Baratynskii: A Dictionary of the Rhymes & A Concordance to the Poetry. Madison, 1975 // *Slavic Review.* 1977. № 2; Lampl H. Rev.: Shaw J. T. Batiushkov: A Dictionary of the Rhymes & A Concordance to the Poetry. Madison, 1975; Baratynskii: A Dictionary of the Rhymes & A Concordance to the Poetry. Madison, 1975 // *Wiener Slavistisches Jahrbuch,* 1979 (XXV); Lampl H. Rev.: Shaw J. T. Pushkin's Rhymes: A Dictionary. Madison, 1974 // *Wiener Slavistisches Jahrbuch,* 1976 (XXII); Ivask G. Rev.: Shaw J. T. Pushkin's Phymes: A Dictionary. Madison, 1974; Batiushkov: A Dictionary of the Rhymes & A Concordance to the Poetry. Madison, 1975; Baratynskii: A Dictionary of the Rhymes & A Concordance to the Poetry. Madison, 1975 // *Новый журнал.* № 123; Lilly I. K. Rev. Русское стихосложение XIX в. М., 1979 // *Folia Slavica.* 1979. № 3; Scherr B. P. Rev.: Русское стихосложение XIX в. М., 1979 // *Slavic and East European Journal.* 1981. № 1.

Интенсивность этой работы в большой степени связана с развитием ЭВМ и все более широким использованием их в филологических исследованиях. Однако сделанное в 70—80-х годах опирается на идеи и опыты новаторов-предшественников. Пути поэтической лексикографии намечены в статье А. Белого «Пушкин, Тютчев, Баратынский в зрительном восприятии природы».² Важную роль сыграл «Словарь языка Пушкина», в создании которого участвовали акад. В. В. Виноградов, С. Г. Бархударов, Г. О. Винокур, Д. Д. Благой, Б. В. Томашевский, а также большая группа высококвалифицированных исследователей.³ При создании многочисленных метрических справочников учитывались опередившие свое время труды, выполненные под руководством Б. И. Ярхо.⁴ Классификация строфических форм была намечена в монографической статье Б. В. Томашевского «Строфика Пушкина».⁵

Основными типами справочных трудов, на которых мы предполагаем остановиться, являются частотные словари и списки, конкорданции, словари рифм, материалы по метрике и строфике.

ЧАСТОТНЫЕ СЛОВАРИ И СПИСКИ

Поэтическая лексикография исходит из представления о слове как о важнейшем носителе смысла. «В руках чуткого критика словари — ключи к тайнам духа поэтов».⁶ А. Белый составил частотные списки имен существительных, имен прилагательных и глаголов, обозначающих солнце, месяц, небо, воздух, воду в стихах Пушкина, Баратынского и Тютчева. Он элиминировал словоупотребления, общие для всех трех поэтов, и, оперируя остальными, показал особенности восприятия природы каждым из поэтов.

В «Словаре языка Пушкина» приведены частоты слов, но это не частотный словарь: в частотном словаре слова располагаются не по алфавиту, а по убыванию их частот. Весьма содержательный проспект частотного словаря языка Пушкина был опубликован давно.⁷ С ним связана ценная статья Р. М. Фрумкиной «Статис-

² Биржевые ведомости. 1916, 26 июля; перепечатана в кн.: Белый А. Поэзия слова. Пг., 1922; вновь перепечатана в кн.: Семиотика. М., 1983. См. также Митрошкин В. Ю. Андрей Белый — исследователь поэтической лексики // А. Блок и его окружение: Блоковский сборник. VI. Тарту, 1985.

³ Словарь языка Пушкина: В 4 т. М., 1956—1961; Приложения. М., 1956; Новые материалы к словарю А. С. Пушкина. М., 1982.

⁴ Лапшина Н. В., Романович И. К., Ярхо Б. И. 1) Метрический справочник к стихотворениям А. С. Пушкина. М., 1934; 2) Из материалов «Метрического справочника к стихотворениям М. Ю. Лермонтова» // Вопросы языкознания. 1966. № 2 и 4.

⁵ Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1958. Т. 2; перепечатано без каталога строфических форм Пушкина в кн.: Томашевский Б. В. Стих и язык. М.; Л., 1959.

⁶ Белый А. Из книги «Поэзия слова» // Семиотика. М., 1983. С. 551.

⁷ Материалы к частотному словарю языка Пушкина (проспект): Предварительные публикации / АН СССР. Институт языкознания. Сектор структурной и прикладной лингвистики. М., 1963.

тическая структура лексики Пушкина».⁸ Можно только пожалеть, что частотный словарь языка Пушкина до сих пор не издан. Он позволил бы получить ценные сведения о языке, стиле и тематике Пушкина в разных жанрах, о соотношении в них более частотных, менее частотных и редких слов. Предварительные наблюдения показывают, что наиболее частотные слова, несущие основные темы пушкинского творчества, стилистически нейтральны. Все 200 наиболее частотных слов пушкинского словаря и сейчас принадлежат к самым частотным в русском языке. Из 500 самых частотных слов пушкинского словаря только 48, т. е. 10 %, воспринимаются как устаревшие или значительно изменили систему значений; поэтому-то мы и ощущаем язык Пушкина как близкий, чуть ли не современный. Стилистическая дифференциация пушкинской лексики и ее жанровая дифференциация ярче всего проявляются на словах средней частоты (от 50 до 10 словоупотреблений во всем творчестве Пушкина). Редкие слова снова производят впечатление более или менее нейтральных, однако эта часть словаря, количественно весьма преобладающая, требует специального обстоятельного исследования.

В «Лермонтовской энциклопедии» (М., 1981) помещены важные данные о частотной структуре языка писателя: алфавитный список всех слов с указанием совокупных частот употребления каждого слова и отдельно в стихах, драматургии и прозе;⁹ алфавитный список слов, употребленных в стихах, с разбиением на три периода, так что можно проследить эволюцию поэтической лексики; частотный список 1012 самых частотных слов лермонтовского словаря; таблицы, отражающие статистическую структуру лермонтовской лексики. Во вступительной заметке дано беглое сопоставление с частотным списком лексики Пушкина.

Обширный справочный материал по языку Пушкина и его современников содержится в цикле работ норвежского литературоведа проф. Г. Хетсо.¹⁰ Мы посвятили ему особый обзор,¹¹ поэтому здесь отметим лишь самое существенное. Пушкинскую эпоху Г. Хетсо ограничивает 1810—1839 гг. (за три года до начала

⁸ Вопросы языкознания. 1960. № 3. С. 78—81.

⁹ На с. 718 явно по ошибке вместо «С — стихи, Д — драматургия, П — проза» при объяснении значений колонок таблицы напечатано: «С — стихи, Д — драматургия, П — поэзия».

¹⁰ K j e t s a a G. 1) Лексика стихотворений Лермонтова: Опыт количественного описания / Universitetet i Oslo. Slavisk-baltisk institutt. Meddelelser. № 2. 1973; 2) A Quantitative Norm for the Use of Epithets in the Age of Puškin // Russian Romanticism. Stockholm, 1979; 3) Style and Norm // Dikt og idé / Osloer Beitrage zur Germanistik. Oslo, 1981; 4) A Norm for the Use of Poetical Language in the Age of Puškin: A Comparative Analysis / Universitetet i Oslo. Slavisk-baltisk institutt. Meddelelser. № 33. 1983; 5) Tjutčev's Vocabulary: A Quantitative Approach // Russian Poetics. Columbus (Ohio), 1983; Х е т с о Г. 1) Несколько замечаний о лексике стихотворений М. Ю. Лермонтова // Scando-Slavica, 1973; 2) Стиль и норма // Linguistica. XIV. Tartu, 1981.

¹¹ Тематические и ключевые слова в языке русской поэзии первой половины XIX века: Обзор работ Г. Хетсо за 1973—1985 годы // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. № 5.

творческого пути — три года спустя после его завершения) и выделяет 20 наиболее значительных поэтов этой эпохи, для чего использует специально разработанную процедуру, обеспечивающую объективный подход: по шести историко-литературным трудам и двум библиографическим указателям отобрано 20 имен, которые упоминаются чаще других. Так, в начале списка оказывается, конечно, Пушкин (1945 упоминаний), в конце — Веневитинов (117 упоминаний). Подобным же образом определяется список наиболее значительных поэтов лермонтовской эпохи, которая ограничивается 1820—1849 гг. 14 имен оказываются общими для обоих списков.

Далее ставится вопрос об определении «лексической нормы» эпохи. Тексты поэтов берутся не полностью, а выборочно, но выборки эти статистически значимы. Количества употреблений каждого слова всеми поэтами суммируются, после чего слова располагаются по убыванию их абсолютных частот, т. е. количества употреблений, в поэтическом языке эпохи. Г. Хетсо приводит списки самых частотных имен существительных, имен прилагательных и глаголов — по 50 каждой части речи — в «лексической норме» эпохи и аналогичные данные по языку Пушкина, Лермонтова, Баратынского, Тютчева, Фета.

Работа с «лексической нормой» эпохи и частотными словарями и списками отдельных поэтов может быть особенно продуктивной при разграничении «тематической» и «ключевой» лексики.¹² Тематические слова отражают понятия, основные для данного поэта, и отличаются, как правило, наивысшей частотностью. Ключевые слова в наибольшей степени отражают индивидуальность поэта; частотность их в текстах данного поэта значительно преобладает над средней употребительностью этого слова в изучаемую эпоху. Например, эпитет «милый» занимает первое место в частотном списке имен прилагательных Баратынского, и он же стоит на первом месте в «лексической норме» эпохи; следовательно, это тематическое слово поэзии Баратынского. В то же время имя существительное «ночь» является наиболее частым у Фета, тогда как в «лексической норме» оно занимает лишь 18-е место; следовательно, это ключевое слово поэзии Фета. Необходимо отметить, что вся работа по обработке лексики в университете Осло ведется с помощью ЭВМ средней мощности «CDG 3300».

Таким образом, к настоящему времени накоплен значительный опыт составления частотных словарей поэтов пушкинской эпохи и работы с ними. Вместе с тем ясно, что работа эта по сути только начата. Оценивая уже сделанное, можно утверждать, что у данного направления исследований хорошие перспективы.

¹² Guiraud P. Les caractères statistiques du vocabulaire. Paris, 1954. P. 61—67.

КОНКОРДАНЦИИ

Конкорданция — это алфавитный указатель слов, содержащихся в определенном тексте, с обозначением контекстов, в которых слова встречаются. В качестве конкорданции к произведениям Пушкина может быть использован и используется «Словарь языка Пушкина». Под руководством профессора Мэдисонского университета Дж. Т. Шоу (США) созданы конкорданции к поэзии Батюшкова, Баратынского и Пушкина.¹³ Можно отметить два самых важных отличия конкорданций проф. Шоу от «Словаря языка Пушкина». Словарь охватывает все произведения и письма Пушкина, конкорданции — только стихотворные произведения поэтов. В словаре обозначены адреса всех словоупотреблений, а контексты, в которых слова употреблены, приведены лишь выборочно; в конкорданциях приведены все контексты (объемом в одну стихотворную строку), в которых данное слово употреблено поэтом. При составлении конкорданций использована ЭВМ «IBM 360».

Конкорданции, подготовленные проф. Шоу, представляют собой указатели не слов, а словоформ. Каждая форма слова выделена особо, и о ней сообщены следующие данные: все стихи (строки), в которых она у данного поэта встречается; точные адреса этих стихов; общее количество употреблений этой словоформы в стихах поэта и количество стихов, в которых эта словоформа встречается. Так, словоформа «еду» находится в стихах «В дальний еду край» («Козак»), «К Катакази еду в дом» («Раззевавшись от обедни...»), «Еду, еду в чистом поле» («Бесы»), «Нынче сам я не еду, вас я шлю на победу» («Будрыс и его сыновья»), «Я еду, еду, не свищу» («Руслан и Людмила») и «Нынче ж еду! — Тут он топнул» («Сказка о царе Салтане...»). Отмечено, что данная словоформа встречается 8 раз в 6 стихах.

Если же нас интересуют сведения не об отдельной словоформе, а об употребительности слова в целом, мы должны найти в конкорданции все формы нужного слова и суммировать данные о количестве их употреблений и количестве стихов, в которых они встречаются. Конкорданции открывают широкие перспективы исследования поэтической лексики, топики, тематики, идейного содержания, традиций. Однако при пользовании конкорданциями проф. Шоу не оставляет и чувство огорчения. В памяти компьютера были все данные, нужные для создания и частотного словаря. Сравнительно простая программа могла бы вывести на печать частотные словари поэзии Пушкина, Батюшкова, Баратынского.

¹³ Shaw J. Thomas. 1) Batiushkov: A Dictionary of the Rhymes & A Concordance to the Poetry. Wisconsin, 1975; 2) Baratynskii: A Dictionary of the Rhymes & Concordance to the Poetry. Vol. 1—2. Columbus, 1985. Рец.: Левин Ю. Д. Конкорданция поэзии Пушкина // Русская литература. 1987. № 1. С. 212—214.

Так сделано в конкорданции к Тютчеву,¹⁴ которая имеет и ряд других отличий. Это указатель не словоформ, а слов; например, в статье «Ель» объединены все формы, в которых это слово употреблено в поэзии Тютчева: ель (им. п. ед. ч.), ели (им. п. мн. ч.), елей (р. п. мн. ч.). Если нас интересует количество употреблений какой-то одной словоформы, мы должны выбирать все случаи ее употребления среди примеров других форм данного слова. Поскольку Тютчев написал мало, такая операция обычно не требует ни времени, ни труда, но составлять таким образом пушкинский справочник было бы вряд ли целесообразно.

В отличие от конкорданций проф. Шоу, где каждая словоформа приводится в контексте одного стиха (строки), Б. Билокур представляет каждое словоупотребление в «полном контексте» (a complete context — p. vii). Практически это значит, что большая часть примеров охватывает два стиха, в отдельных же случаях они разрастаются еще больше. Например, статья «Баснословный» регистрирует два словоупотребления, причем первый контекст охватывает два стиха, а второй — пять. «Баснословной былью веет| Из-под мраморных громад»; «Я знал ее еще тогда,| В те баснословные года,| Как перед утренним лучом| Первоначальных дней звезда,| Уж тонет в небе голубом». Из-за малого объема тютчевского поэтического наследия составитель имел возможность приводить обширные цитаты, сохраняя относительную компактность конкорданции, однако целесообразность такого решения представляется сомнительной. В каждом случае весьма нелегко решить, какой объем контекста является «полным». Думается, например, что «полным контекстом» для слова «молчанье» является все поэтическое наследие Тютчева. Во всяком случае, стих «Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья. . .» — явно недостаточный контекст, а между тем именно так представлено это словоупотребление в конкорданции.

Справочное пособие по Тютчеву выполнено с помощью ЭВМ «IBM 1701», однако вся подготовительная работа проведена вручную: исследователь должен был взять на себя и объединение различных форм слова в одну статью, и выделение «полных контекстов». Построение конкорданций проф. Шоу, где эти трудности обойдены, выглядит более рациональным. Впрочем, конкорданция Б. Билокура имеет свои преимущества (главное, она сопровождается частотным словарем), и при продолжении этой работы — при составлении подобных справочных пособий к поэтическому творчеству других пушкинских современников — будет несомненно учтен опыт конкорданций как к Пушкину, Батюшкову, Баратынскому, Тютчеву, так и к десяткам других писателей (Гомеру, Колриджу, Прусту, Мандельштаму и др.).

¹⁴ Bilokur B. A Concordance to the Russian Poetry of Fedor I. Tiutchev. Providence (USA), 1975.

Выход в свет «Словаря рифм Пушкина», подготовленного проф. Шоу, был приурочен к 175-летию со дня рождения поэта.¹⁵ Вся техническая часть была выполнена на ЭВМ «UNIVAC 1108». За словарем пушкинских рифм последовали словари рифм Батюшкова и Баратынского, изданные вместе с конкорданциями к стихам этих поэтов (выходные данные см. в предыдущем параграфе), подготовленные по той же программе. В «Лермонтовскую энциклопедию» включен словарь рифм Лермонтова, также подготовленный с помощью ЭВМ.

В предисловии к «Словарю рифм Пушкина» проф. Шоу подчеркивает, что книга представляет собой не исследование, а лишь орудие исследования (с. 7). В действительности она является результатом большой аналитической работы, причем некоторые решения составителя безусловно конструктивны, другие же представляются спорными (что не лишает их значительного интереса).

Для упорядочения обширного сложного материала вводятся два центральных понятия — рифменная серия (the rhyme set) и рифменная пара (the rhyme pair). Рифменная серия может объединять от двух до весьма значительного количества стихов. Так, в первом послании к Чаадаеву «славы» — «забавы» образуют серию, объединяющую два стиха; в «Послании Лиде» содержится самая длинная у Пушкина рифменная серия, проходящая через все стихотворение и объединяющая 30 стихов: «Купидон» — «трон» — «тон» — «закон» — «поклон» — «звон» — «спасен» — «Нинон» — «Зенон» — «Катон» — «Цицерон» — «стон» — «смешон» — «мудрен» — «прельщен» — «рассержен» — «обольщен» — «умен» — «жен» — «влюблен» — «Платон» — «в хитон» — «сон» — «сон» — «он» — «вознесен» — «лишен» — «отлучен» — «ослеплен» — «он». В пределах каждой серии рифмующие слова рассматриваются парно. В серии из двух слов имеется, естественно, одна рифменная пара, в серии из трех слов — три пары (первое слово соотносится с вторым — одна рифменная пара, первое соотносится с третьим — вторая рифменная пара, второе с третьим — третья пара) и т. д. Для серии из 30 слов получаем 435 пар, а всего в пушкинских стихах насчитывается 22 691 рифменная пара. Каждая из них получает в словаре характеристики, отражающие их фонологическую (насколько она зафиксирована в орфографии), морфологическую и синтаксическую структуры.

Выделение рифменных серий — весьма сложная задача. С одной стороны, возникают сомнения, являются ли членами одной серии близко расположенные конечные слова, если их буквенный (звуковой, фонемный) состав совпадает не полностью. Например, «Словарь рифм Пушкина» объединяет в одну серию конеч-

¹⁵ Shaw J. Thomas. Pushkin's Rhymes: A Dictionary. Wisconsin, 1974.

ные слова «желанье» — «призыванье» — «упованья» — «свиданья». В то же время у Пушкина ни разу слово на -анье не рифмуется со словом на -анья в сериях из двух слов. Поэтому безоговорочно объединять четыре слова из послания к Чаадаеву в одну серию нельзя. Здесь мы имеем дело с теневой рифмой, когда две пары точных рифм связаны между собой менее точным совпадением фонем (и букв), что и должно быть отмечено. С другой стороны, не всегда ясно, через сколько стихов слова, подходящие как члены серии, перестают восприниматься в качестве таковых. С третьей стороны, иногда вызывает сомнение принадлежность к той или иной серии конечного слова при орфографическом «е» в ударном слоге. При компьютерной обработке материала возникают дополнительные трудности: в «Словаре рифм Пушкина» подряд идут серии «вообще» — «вогще» и «ружье» — «ее». Эти и подобные им случаи проф. Шоу учитывает и обсуждает, но решения его не всегда убедительны.

Для представления рифм в справочнике выработана сложная система. Сперва приводится рифменный сегмент: часть конечного слова от ударной гласной до конца. Сообщается, сколько раз он встречается в конечных словах пушкинских стихов, причем отдельно отмечаются рифмующие слова, отдельно — нерифмующие. После рифменного сегмента даны в форме отдельных словарных статей рифменные серии, которые его содержат. Статья включает много данных: отмечаются все случаи богатой рифмы, поглощающей, мозаической, омонимической, тавтологической. Указывается адрес каждой серии. Большое место уделено грамматическим характеристикам: согласно современным представлениям, чем более контрастируют грамматические характеристики рифмующих слов, тем более актуализируются лексические их значения, тем более рифма насыщается смыслом.¹⁶

Грамматические характеристики обобщаются в категории «морфолого-синтаксический контраст». Эта важная характеристика вычисляется для каждой рифменной пары. Проф. Шоу при слабой разработанности вопроса применил здесь ряд новаторских решений. Некоторые из них вызывают несогласие.

Контраст исследуется по семи грамматическим признакам для любых частей речи и оценивается целыми числами от 0 до 7. Если все признаки членов рифменной пары совпадают, контраст оценивается баллом 0; если члены рифменной пары отличаются всеми признаками, балл равен 7. В стихах из «Кавказского пленника» рифменный морфолого-синтаксический контраст равен нулю.

¹⁶ См.: Якобсон Р. К лингвистическому анализу русской рифмы // Jakobson R. Studies in Russian Philology / Michigan Slavic Materials. Ann Arbor, 1962. № 1; Самойлов Д. Книга о русской рифме. 2-е изд. М., 1982. С. 15.

На нем броня, пищаль, колчан,
Кубанский лук, кинжал, аркан.

(IV, 100)

В стихах из главы I «Евгения Онегина» контраст равен семи.

Защитник вольности и прав
В сем случае совсем не прав.

(VI, 15)

Уже здесь возникают сомнения. Грамматические признаки слишком различны, чтобы их контраст уравнивался. Даже контраст в одной и той же грамматической категории не должен измеряться одной и той же величиной у разных частей речи. Например, категория рода у имени существительного, имени прилагательного и глагола по-разному актуальна, между тем во всех трех случаях она оценивается баллом 1, если различает слова в рифменной паре. Вероятность ошибки усугубляется тем, что, если члены рифменной пары принадлежат к разным частям речи, морфолого-синтаксический контраст возрастает еще на 1, 2 или 3 балла: при контрасте причастия с прилагательным — на 1 балл, при контрасте существительного с прилагательным — на 2 балла и т. п. Ясно, что никак не доказано, что контраст между существительным и прилагательным ровно в два раза больше, чем контраст между причастием и прилагательным.

На следующем этапе выводятся коэффициенты морфолого-синтаксического контраста по стихотворению в целом (для больших произведений — по главам, другим подобным разделам). Они получаются как среднее арифметическое баллов всех рифменных пар. Между тем, как было сказано, вряд ли возможно обращаться с введенными условно баллами как с натуральными числами.

Отметим, впрочем, что при некоторой осторожности полученными коэффициентами пользоваться можно. Мы склонны интерпретировать их не как абсолютные числа, а как точки на шкале порядка, показывающие, в рифмах какого из двух стихотворений контраст больше. «Кто, волны, вас остановил. . .» имеет коэффициент контраста 1.72, «Возрождение» — 2.66, а «Добрый совет» — 4.75. Можно считать, что контраст рифменных пар в «Возрождении» больше, чем в «Кто, волны, вас остановил. . .», а в «Добром совете» больше, чем в «Возрождении». Но утверждать, что рифменная система «Возрождения» именно в полтора раза более контрастна, чем рифменная система «Кто, волны, вас остановил. . .», мы бы не решились.

Средние коэффициенты по большим жанровым подразделениям таковы: роман в стихах — 3.95, поэмы — 3.83, лирика — 3.68, драматургия — 3.56, сказки — 3.16. Средний коэффициент по всему творчеству — 3.72. Если рассматривать эти данные как шкалу порядка, то противится нашей интуиции лишь отдаленное от начала положение драматургии. Но трагедии написаны почти

сплошь белым стихом, рифма возникает в них лишь спорадически, и рассматривать их в общем ряду нецелесообразно.

Если отмеченные выше особенности описания грамматических признаков рифмы вызывают сомнения, то другие представляются бесспорно тонкими и нужными. Подход проф. Шоу позволяет, например, выявить различия между грамматическими характеристиками предиката «сиял» в следующих двух фрагментах из стихотворения «Ангел», где, на первый взгляд, этот предикат тождествен:

В дверях эдема ангел нежный
Главой поникшею сиял,
А демон мрачный и мятежный
Над адской бездною летал.

<...>

«Прости, он рек, тебя я видел,
И ты недаром мне сиял:
Не все я в небе ненавидел,
Не все я в мире презирал».

(III, 59)

В первом фрагменте «сиял» стоит в третьем лице, во втором фрагменте — во втором (у глаголов прошедшего времени, как известно, категория лица носит потенциальный характер и определяется синтаксическим контекстом). В первом фрагменте предикат «сиял» управляет дополнением в творительном падеже, во втором — дополнением в дательном падеже. На фоне общности других грамматических признаков контраст категорий лица и падежного управления образует со- и противопоставление, отражающее со- и противопоставление двух образов пушкинского стихотворения. Подобные материалы, между прочим, помогают понять, почему Пушкин не гнушался «рифмой наглагольной».

Во вступительной статье проф. Шоу делает важные замечания о рифменной системе «Евгения Онегина» (с. XXIX). Им отмечены длинные серии рифм, выходящие за привычные подразделения онегинской строфы. В строфе XXXI главы IV через начальные восемь стихов проходят всего две переплетающиеся рифменные серии: «пишет» — «дышит» — «услышит» — «пишет» и «молодой» — «остротой» — «живой» — «рекой». Между предпоследней и последней строфой главы VIII проф. Шоу отмечает рифменный перенос (введем этот термин по аналогии с синтаксическим переносом), связавший последнее двестише предыдущей строфы со 2, 4, 6 и 7-м стихами последующей: «кристалл» — «различал» — «читал» — «сказал» — «идеал» — «отъял». Сверх того отметим, что стихи 2-й и 4-й первой из рассматриваемых строф имеют тот же рифменный сегмент: «идеал» — «знал». По сути одно и то же созвучие повторяется на протяжении двух

строф, притом важнейших — заключительных строф заключительной главы романа! Сколь далеки эти следы сложного, интенсивного рифменного мышления поэта от ходячего представления о застывшей схеме онегинской строфы!

В начале своих справочников проф. Шоу помещает алфавитный список всех конечных слов из стихов поэта (рифмованных и нерифмованных) с указанием количества употреблений и основных грамматических категорий. Далее следует основной раздел, где рифменные серии упорядочены по принципу обратного словаря (от конца к началу); здесь же указаны адреса рифменных серий. «Словарь рифм М. Ю. Лермонтова» в сжатом объеме представляет совмещение некоторых свойств обоих этих разделов. Материал расположен по алфавиту конечных слов, здесь же указано, с какими словами рифмуется данное слово, и приведен его адрес. Несомненным достоинством этого словаря является его компактность. Но столь же несомненны и недостатки. Во-первых, отсутствует характеристика рифменных пар и серий — как с точки зрения фонетической или фонологической, так и с точки зрения грамматической; во-вторых, практически невозможно извлечь из общего списка рифменные пары любого нужного исследователю вида — с мужскими либо женскими клаузулами, с определенными ударными гласными и т. п.

Существующие словари рифм Батюшкова, Пушкина, Баратынского и Лермонтова предоставляют в наше распоряжение обширный материал, который, надо надеяться, станет предметом исследования во многих направлениях. Хочется подчеркнуть эту особенность словарей рифм. Они могут использоваться не только для справок, но и в качестве базы разнообразных монографических и сравнительных исследований. Сегодня мы можем указать лишь одну работу такого рода.¹⁷

МАТЕРИАЛЫ ПО МЕТРИКЕ И СТРОФИКЕ

Здесь в сущности приходится говорить об одном уникальном коллективном труде. Это «Русское стихосложение XIX в. Материалы по метрике и строфике русских поэтов» (М., 1979).¹⁸ В него вошли очерки о стихе Жуковского и Батюшкова (подгот. С. А. Матяш), Востокова (подгот. М. Ю. Лотман), Пушкина (подгот. М. Ю. Лотман и С. А. Шахвердов), Дельвига (подгот. Л. Т. Сенчина), Баратынского (подгот. С. А. Шахвердов), Кольцова (подгот. А. Н. Беззубов), Тютчева (подгот. Л. П. Новинская). Кроме того, в том включен очерк о стихе Полонского — поэта послепушкинской поры, — подготовленный О. А. Орловой.

¹⁷ S h a w J. T h o m a s. Stressed Vowel Contrast in Rhyme Sets in Batiushkov's Poetry // Poetica slavica. Ottawa, 1981.

¹⁸ Редакционная коллегия: Гаспаров М. Л. (отв. ред.), Гиришман М. М., Тимофеев Л. И.

Редакционная коллегия проделала большую работу по унификации всех очерков; вместе с тем она допустила определенную долю своеобразия в каждом из них в зависимости от особенностей материала и исследовательской позиции авторов. В основном это своеобразие выражается в наличии дополнительных указателей, каталогов метрических и строфических форм и комментариев. О каждом из поэтов приводятся следующие обязательные данные: фонд метрических и строфических форм его поэзии; эволюция его метрики и строфики на протяжении творческого пути; каталог метрических форм, позволяющий установить, какие стихотворные размеры встречаются в каких произведениях, и подобный же каталог строфических форм.

Центральным в книге является очерк о стихосложении Пушкина. Такое место ему принадлежит и по значению поэта, и по объему, и по обстоятельности проработки обширного материала. Классификация метрических и строфических форм здесь основана на более сложных началах, чем в других очерках. Сперва они описываются по «формально-статистическому» принципу, затем — по «функционально-статистическому». С «формальной» точки зрения единицей учета является стих (строка), строфа. В результате анализа тут мы узнаем, сколько стихов данной формы, сколько строф такого-то строения написал Пушкин. С «функциональной» точки зрения единицей учета является стихотворение, а в результате анализа мы узнаем, сколько стихотворений определенного метрического и строфического облика написал поэт. Эпиграф к главе I «Пиковой дамы»

А в ненастные дни
Собирались они
Часто;
Гнули — бог их прости! —
От пятидесяти
На сто,
И выигрывали,
И отписывали
Мелом.
Так, в ненастные дни,
Занимались они
Делом.

(VIII, 227)

с «формальной» точки зрения распадается на восемь стихов двустопного анапеста и четыре стиха одностопного хорей. С «функциональной» точки зрения, все может быть представлено двояким образом: как одно произведение, написанное логоэдическим стихом, и как двенадцать строк логоэдического стиха. Надо думать, что именно такой разносторонний подход к задаче дает всеобъемлющий, пригодный для самых разных целей перечень стиховых форм.

Принятый в книге порядок представления материала страдает

одним существенным недостатком. Если нас интересует стихотворный размер и строфическая структура какого-либо определенного стихотворения, по справочнику это установить почти невозможно. Здесь имеются указатели «от формы к стихотворению», но нет алфавитных индексов стихотворений «от стихотворения к форме»: можно узнать, какие метрические и строфические формы встречаются в каких стихотворениях, но нельзя установить, какова метрическая и строфическая структура данного текста. Относительно поэзии Пушкина этот недостаток отчасти возмещен изданием брошюры, содержащей отсутствующий в «Русском стихосложении XIX в.» алфавитный индекс.¹⁹ В дальнейшем строго необходимо объединение всех указателей в одном издании.

Не приходится сетовать на отсутствие исследований, основанных на данных метрических и строфических справочников. Почти все они легли в основу монографических трудов о стихосложении поэтов, получили отражение в статьях и диссертациях. Весьма желательно, чтобы подобной работой были охвачены и другие поэты пушкинской поры, в первую очередь Лермонтов.²⁰

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

1. Справочными пособиями охвачены далеко не все стороны языка и стиха пушкинского времени. В этом нашло отражение общее положение дел в лингвистической поэтике и стиховедении. Имеются справочные труды по лексике, но нет их по основным уровням языка — по фонологическому, морфологическому, синтаксическому, сверхфразовых единств (целого текста); непонятно даже, как они должны выглядеть. Созданы обстоятельные справочники по трем аспектам стихотворной речи — по метрике, строфике и рифме, но нет справочников по ритмике. Здесь открываются новые ответвления лингвопоэтических, стилистических, стиховедческих исследований творчества Пушкина и его современников.

2. Одна из ближайших и наиболее осуществимых задач — создание указателей ритмико-синтаксических фигур. Их изучение было начато О. М. Бриком,²¹ его работа послужила стимулом к созданию новаторских книг акад. В. М. Жирмунского и Б. М. Эй-

¹⁹ Лотман М., Шахвердов С. Материалы по стихосложению А. С. Пушкина. 1. Алфавитный метрический и строфический индекс стихотворных произведений: Предварительные публикации / Институт русского языка АН СССР. М., 1983. Вып. 161.

²⁰ Необходимо исправить ошибку, не отмеченную и рецензентами «Русского стихосложения XIX в.». § 2 очерка о Кольцове начинается словами: «Специальных работ о стихе Кольцова нет» (с. 334), тогда как за шесть лет до этого вышла монографическая статья: Соваля И. В. С. Ритмическое своеобразие стихотворений А. В. Кольцова // Традиции и новаторство в русской литературе. М., 1973. С. 143—192.

²¹ Брик О. М. Ритм и синтаксис // Новый Леп. 1927. № 3—6. С. 15—20, 23—29, 32—37, 33—39.

хенбаума, что и отмечено на первых страницах их трудов,²² а также ряда других исследований. Нами было предпринято сплошное описание ритмико-синтаксических фигур в свободном стихе Е. Винокурова, под нашим руководством была выполнена аналогичная дипломная работа по «Василию Теркину» А. Твардовского.²³ Эти опыты показали, что ритмико-синтаксические фигуры дают ясную индивидуализированную характеристику каждому стиху как живому явлению поэтической речи.

3. Необходимо обратить внимание на книгу М. Л. Гаспарова, которая представляет собой единственное целостное исследование истории русского стиха, но в то же время может служить для справок по разным периодам, в том числе и по первой половине XIX в.²⁴ Так, в главе III «Время Жуковского и Пушкина» сосредоточен большой статистический материал по метрике, ритмике, строфике и рифме. Все эти данные сгруппированы в связи с эволюцией жанров и поставлены таким образом в связь с основными эстетическими движениями эпохи.

4. Анализ уже осуществленных справочных трудов позволяет высказать ряд общих замечаний.

При использовании ЭВМ необходимо участие исследователя на заключительной стадии работы, перед выводом на печать окончательного текста. Он должен расслоить все случаи, когда одна и та же буква обозначает разные звуки (фонемы) в словаре рифм, все омонимические словоформы в частотном словаре и конкорданции (чтобы «прав» как имя существительное родительного падежа множественного числа и «прав» как категория состояния не попадали в одну статью; чтобы не объединялись в одной статье «Дон» как название реки и Дон как составная часть имени Дон Гуана). Конечно, все это можно предусмотреть в алгоритме и программе для ЭВМ, но только ценой неоправданного их усложнения.

Желательно пополнить справочные труды некоторыми сведениями первостепенной важности, отражающими основные стиховые характеристики. В словарях рифм в высшей степени желательно отмечать, в каком стихотворном размере возникает каждая рифменная серия; в частотных словарях хотелось бы видеть,

²² Ж и р м у н с к и й В. М. Теория стиха. Л., 1975. С. 433; Э й х е н б а у м Б. М. О поэзии. Л., 1969. С. 328. — Книжки В. М. Жирмунского «Композиция лирических стихотворений» (1921) и Б. М. Эйхенбаума «Мелодика русского лирического стиха» (1922) опубликованы раньше статьи О. М. Брика, но написаны, по свидетельству их авторов, под влиянием его доклада о ритмико-синтаксических фигурах в ОПОЯЗЕ.

²³ См.: Б а е в с к и й В. С. Стих русской советской поэзии. Смоленск, 1972. С. 80—91; Б о г а т ы р е в а Т. Н. Интонационное богатство поэмы А. Т. Твардовского «Василий Теркин». Смоленск, 1970 (машинопись).

²⁴ Г а с п а р о в М. Л. Очерк истории русского стиха. М., 1984. — Важный справочный материал по метрике и ритмике пушкинского времени содержит вопреки ее заглавию и более ранняя книга того же автора: Современный русский стих. М., 1974.

сколько раз данное слово употреблено в рифме, как оно по частотности распределено среди стихотворных размеров.

Все виды справочников имеет смысл делать комплексно. Тогда весьма трудоемкую работу по введению в память ЭВМ корпуса текстов поэта с необходимыми характеристиками каждого слова и каждого стиха придется проделать лишь однажды. Затем, меняя программы, можно будет получить частотный словарь, конкорданцию, словарь рифм, разные каталоги метрических и строфических форм, а также другие справочные труды, как, например, конкорданцию ритмико-синтаксических фигур.

III. ЗАМЕТКИ

НОВЫЙ АВТОГРАФ ПУШКИНА

17 ноября 1988 г. в Лондоне на аукционе «Сотби'з» Советский Фонд культуры приобрел неизвестное ранее письмо А. С. Пушкина. Предварительно в одном из каталогов, изданных этой знаменитой фирмой, письмо было воспроизведено факсимильным способом и описано; в частности, сообщалось, что его адресат — «чревоушатель» Александр Ваттемар, что речь в нем идет о предполагавшихся гастролях Ваттемара в Москве, что дата его — 20 июля 1834 г., что данное письмо связано с письмом Пушкина к М. Н. Загоскину от 9 июля 1834 г. и, наконец, что поэт пользовался гончаровской бумагой.¹ 9 сентября 1989 г. автограф был передан Пушкинскому Дому, в Рукописном отделе которого и будет отныне храниться (ф. 244, оп. 1, № 1773). Позднее В. П. Енишерлов опубликовал его в журнале «Наше наследие».²

Никола-Мари-Александр Ваттемар (Vattemare, 1796—1864) — французский актер, который был наделен удивительной способностью изменять голос и вообще почти мгновенно перевоплощаться. Ко времени его появления в России (май 1834 г.) Ваттемар, или, как его здесь обычно называли, господин Александр, был уже широко известен. Сообщая петербуржцам о начале его гастролей, «Северная пчела» писала: «Сегодня в среду, 23-го мая, на Александринском театре будет дано первое представление недавно прибывшим сюда г. Александром (<...> он будет играть пять ролей в комедии „Хитрый слуга“. Пред нами лежат сотни листов английских, французских, немецких, голландских, венгерских газет, в которых он единогласно объявлен единственным и неподражаемым артистом в своем роде».³

Выступления Ваттемара в северной столице продолжались до конца июля; всего он дал более пятнадцати представлений на Александринской и Михайловской сценах; успех их был весьма велик. В свою очередь известность Ваттемара как актера способствовала его знакомству с рядом русских писателей, среди которых были И. А. Крылов, В. А. Жуковский, И. И. Козлов и Пушкин. Отношения их складывались по-разному. Поэта-слепца Ваттемар посетил несколько раз, и тот, растроганный таким вниманием, отблагодарил его прочувствованным

¹ Sotheby's: Music, Continental Manuscripts and Printed Books, Science and Medicine. Oxford, 1988. P. 108—109.

² Наше наследие. 1989. III (9). С. 5—7. К приведенным здесь сведениям об автографе следует добавить, что он представляет собой двойной лист со следами сгибов и вафельной облаткой, которой письмо было запечатано.

³ Северная пчела. 1834, 23 мая. № 115.

стихотворением «К господину Александру» («Весь мир дивит твой дар чудесный...»). Что же касается Пушкина, то к общению с ним Ваттемар стремился по преимуществу движимый страстью коллекционера.

Странствия по Европе и повсеместный интерес к его замечательному искусству позволили Ваттемару собрать огромное количество автографов великих людей — «почти всех государей и принцев Европы, славнейших политиков, генералов, ученых, поэтов Англии, Франции, Голландии и Германии».⁴ К этому перечню следовало бы добавить и Россию. Во всяком случае, нет сомнений, что именно для коллекции Ваттемара и по его просьбе Пушкин написал на отдельном листке евангельское изречение — своеобразную характеристику столь пленившего его искусства этого *Ventriloque*'а⁵ — «*Voŕtre nom est Légion car vous êtes plusieurs*». У Ваттемара оказался и другой автограф Пушкина — листок с записью двух первых стихотворений цикла «Подражания древним» («Чистый лоснится пол...» и «Славная флейта, Феон»), скорее всего подаренный ему поэтом, хотя сколько-нибудь достоверных данных на этот счет не существует.⁶

Однако знакомством с Пушкиным Ваттемар воспользовался и для иной — более прозаической — цели: собираясь на гастроли в Москву, он передал через поэта свои условия М. Н. Загоскину, в то время директору Московских императорских театров. Сообщая эти условия, Пушкин всячески рекомендовал ему актера: «Г. Александр, — писал он 9 июля 1834 г., — очень замечательное лицо (или даже лица), собирается в Москву и предлагает Вам следующие условия: доход за представления пополам с дирекцией (издержки спектакля на ее счет) и бенефис. Удостоьте меня Вашим ответом и потешьте матушку Москву».⁷ Загоскин медлил с ответом, так что Ваттемару, гастроли которого в Петербурге подходили к концу, пришлось обратиться к поэту вторично,⁸ а вскоре пришел и ответ — для актера неутешительный,⁹ о чем Пушкин и известил его в письме от 20 июля 1834 г., текст которого и перевод приводятся ниже.¹⁰

⁴ Там же. 1834, 2 июля. № 146.

⁵ См. письмо к Н. Н. Пушкиной от 26 мая 1834 г. (Пушкин. Письма к жене. 1986. С. 58).

⁶ О судьбе этих автографов и вообще коллекции Ваттемара см.: Алексеев М. П. Из истории русских рукописных собраний // Неизданные письма иностранных писателей XVIII—XIX веков. М.; Л., 1960. С. 21—22; Соловьева О. С. Новые данные об автографах Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1962. М.; Л., 1963. С. 12—17.

⁷ Пушкин. Письма последних лет. 1834—1837. Л., 1969. С. 60.

⁸ Ответную записку Пушкина см.: Там же. С. 67. Поскольку *terminus ad quem* для нее теперь известен, датировку ее можно уточнить: «Не позднее 19 июля 1834 г.» (вместо «вторая половина июля», как это было принято до сих пор). Соответственно следует изменить и комментарий к письму Пушкина Загоскину от 9 июля 1834 г.

⁹ Этим и объясняется тот факт, что московские гастроли Ваттемара так и не состоялись и в августе 1834 г. он покинул Россию (см.: Там же. С. 237).

¹⁰ В дальнейшем Ваттемар оставил актерское поприще и помимо собирательства посвятил себя делу, которому придавал большое значение, — международному обмену культурными ценностями и в первую очередь книжными дублетами; следом этой его деятельности явилась целая серия печатных «призывов», «отчетов», «заметок», «посланий» и т. п., изданных главным образом в США, где Ваттемар провел несколько лет.

Chambellan,

Je viens de recevoir une lettre de Zagoskine
(le directeur du théâtre de Moscou)
Il me dit qu'il serait charmé de
vous avoir à Moscou - mais
qu'il ne peut vous proposer que
les conditions que vous avez acceptées
à Pétersbourg - c'est une rivalité
de capitales. Je suis fâché,
Monsieur, que mon intervention
n'ait pas produit un meilleur
effet.

Je vous salue de tout mon
cœur.

A. Pouchkine

20 juillet
(1834)

Pouchkine, Alexandre, 1834

Письмо А. С. Пушкина А. Ваттемару от 20 июля 1834 г.

Je viens de recevoir une lettre du chambellan Zagoskine (le directeur du théâtre de Moscou). Il me dit qu'il serait charmé de vous avoir à Moscou - mais qu'il ne peut pas vous proposer que les conditions que vous avez acceptées, à Pétersbourg - c'est une rivalité des capitales. Je suis fâché, Monsieur, que mon intervention n'ait pas produit un meilleur effet.

Je vous salue de tout mon cœur.

20 juillet.

Adresse: Monsieur Monsieur Alexandre.

A. Pouchkine.

Перевод:

Я только что получил письмо от камергера Загоскина (директора Московского театра). Он уведомляет меня, что был бы рад видеть вас в Москве — но может предложить вам лишь те условия, которые вы приняли в Петербурге, — это соперничество столиц. Я огорчен, милостивый государь, что мое вмешательство не оказалось более действенным.

Приветствую вас от всего моего сердца.

20 июля.

А. Пушкин.

Адрес: Милостивому государю господину Александру.

П. Р. Заборов

«ПУШКИН УЧИЛ МЕНЯ БОКСИРОВАТЬ...»

Многочисленные воспоминания современников донесли до нас немало интереснейших и ярких эпизодов из жизни Пушкина, черты его непоседливого характера, его симпатии, антипатии и многое другое. Но среди этих самых разнообразных эпизодов тот, что сообщен П. П. Вяземским, явно стоит особняком, выделяясь на фоне русского быта первых десятилетий XIX в. Вот что рассказал Вяземский об общении с ним — в то время семилетним ребенком — Пушкина: «В 1827 году Пушкин учил меня боксировать по-английски, и я так полюбился к этому упражнению, что на детских балах вызывал желающих и нежелающих боксировать, последних вызывал даже действием во время сальных танцев. Всеобщее негодование не могло поколебать во мне сознания поэтического геройства, из рук в руки переданного мне поэтом-героем Пушкиным. Последствия геройства были, однако, для меня тягостны: меня перестали возить даже на семейные праздники...

Эти непедагогические забавы поэта объясняются и оправдываются его всегдашним взглядом на приличие. Пушкин неизменно в течение всей своей жизни утверждал, что все, что возбуждает смех, — позволительно и здорово, все, что разжигает страсти, — преступно и пагубно... Пушкин так же искренно сочувствовал... юношескому брожению впечатлений, как и чистосердечно, ребячески забавлялся с ребенком».¹

Сообщение Вяземского-младшего, известное уже более ста лет и давно введенное в научный оборот, все еще терпеливо ждет своего объяснения. Дело здесь, конечно, в том, что случай это особый, лежащий на пересечении двух совершенно разнородных областей знания: литературоведения и истории отечественного спорта. Сам характер проблемы определяет необходимость оперировать как фактами биографии, сведениями об окружении Пушкина, его эпохе, так и фактологией появления английского бокса на русской почве.

Так или иначе, но факт этого необычного спортивного увлечения до сих пор остается не объясненным ни литературоведами, ни историками спорта. Со-

¹ Собр. соч. кн. П. П. Вяземского. 1876—1887 / Изд. графа С. Д. Шереметьева. СПб., 1893. С. 511—512, 513.

гласно традиционной датировке, бокс как вид спорта появился в России лишь в середине девяностых годов прошлого века. Сообщение же П. П. Вяземского ставит под сомнение сложившуюся версию. Возникает вопрос: не начал ли этот вид английского единоборства культивироваться у нас на целых семь десятилетий ранее, чем это принято считать в настоящее время?

Единственная, хотя и не очень удачная попытка разобраться в данной проблеме была предпринята четверть века назад в польской спортивной печати Лукашем Едлевским. В небольшой статье «Пушкин в боксерских перчатках»² автор ставил вопрос о том, как мог Пушкин научиться боксировать, если в его время бокс в России еще не практиковался, а выезжать за границу ему не доводилось?

Действительно, в какие годы, где, с чьей помощью и в силу каких обстоятельств мог поэт приобрести навыки в спорте, который у него на родине еще не существовал? Итак, начнем с ответа на вопрос когда.

Из слов Вяземского следует, что в 1827 г. его «спортивный наставник» уже был знаком с боксом. Следовательно, навыки эти Пушкин приобрел в пределах первых двадцати восьми лет своей жизни. Верхняя временная граница, таким образом, очевидна; попытаемся определить нижнюю.

Маловероятно, чтобы Пушкин мог познакомиться с боксерским искусством в детские годы. Родители, а затем его лицейские наставники едва ли могли допустить подобные «непедагогические забавы». А вот обстоятельства южной ссылки возможность ознакомления с этим видом единоборства делают вероятной. В окружении завязанного англомана «полумилорда» М. С. Воронцова вполне могли быть люди, знавшие английский бокс. Столь же вероятно, что такие люди существовали в приморском портовом городе Одессе. Недаром В. И. Даль, приведя в словаре просторечный глагол «бóксать», не забыл сделать помету: «...слово, перенятое в наших гаванях, говоря о драке и задоре заморских матросов...».

К тому же в те годы у Пушкина возникает реальная необходимость позаботиться о своей безопасности. Его отношения с кишиневским дворянством складывались не самым лучшим образом, и он знал, что его недруги отнюдь не склонны прибегать к небезопасной дуэльной процедуре.

Приятель Пушкина подполковник И. П. Липранди рассказывал ему: «...у них в обычае нанять несколько человек, да их руками отдубасить противника».³

Так, может быть, это и могло понудить Пушкина поднатореть в английском «полезном искусстве самозащиты»? Не будем, однако, преувеличивать реальные возможности бокса, особенно бокса тех лет.

Свидетельства лиц, знавших Пушкина на юге, подтверждают, что он нашел куда более трезвый и надежный выход из положения: носил с собой два пистолета. Те самые, которыми ему чуть было не пришлось воспользоваться во время ссоры с богатырски сложенным полковником лейб-гвардии Уланского полка Ф. Ф. Орловым.

Впоследствии, по свидетельству того же И. П. Липранди, Пушкин перестал носить пистолеты, «а вооружился железной палкой восемнадцать фунтов весу». Это тоже давало возможность в опасной ситуации удерживать нападавших на расстоянии, а при крайней необходимости любой точный удар такой тростью наверняка выводил бы из строя одного из них.

² Jedlewski L. Puszkín w rękowicach // Sportowiec. 1960. N 52. С. 21—22.

³ Барте́нев П. И. Пушкин в Южной России. М., 1914. С. 110.

Таким образом, вряд ли можно отнести появление боксерских навыков у Пушкина к периоду южной ссылки.

Л. Едлевский предположил, что Пушкин освоил бокс с помощью французской книги П. Игана «Боксиана, или Энциклопедия старого и современного бокса».⁴ Она являлась переводом с английского и вышла в свет в 1824 г.⁵ Таким образом, польский автор относит изучение Пушкиным бокса ко времени не ранее михайловской ссылки.

Отвлекаясь пока от оценки самой возможности освоения бокса с помощью данной книги, обратимся к михайловскому периоду с интересующей нас точки зрения.

Заманчиво связать боксерские навыки Пушкина с его увлечением Байроном в эти годы. Совсем ведь не случайны слова его соседа и приятеля А. Н. Вульфа: «Пушкин, по крайней мере, в те годы, когда жил здесь, в деревне, решительно был помешан на Байроне; он его изучал самым старательным образом и даже старался усвоить себе многие привычки Байрона. Пушкин, например, говаривал, что он ужасно сожалеет, что не одарен физической силой, чтоб делать, например, такие подвиги, как английский поэт, который, как известно, переплывал Геллеспонт. . .».⁶

Кроме того, известно, что несмотря на свою хромоту автор «Чайльд Гарольда», по его собственному выражению, «работал в перчатках», «неплохо боксировал» и немало гордился этим.

Однако при всех, казалось бы, подходящих для желания овладеть боксом условиях михайловский период приходится отвергнуть. Едва ли мог Вульф не сообщить в своих воспоминаниях о такой броской и эксцентричной детали, как бокс, если бы располагал сведениями на этот счет.

И совсем уже неподходящим для боксерских занятий является последний год михайловского заточения и время после его окончания по 1827 г. включительно. Сильные потрясения после декабрьских событий 1825 г., горькая участь близких Пушкину участников восстания, да и многочисленные разъезды поэта в тот период — все это вряд ли могло стимулировать интерес к боксу. Стоит вспомнить также, что к тому времени поэт уже достиг двадцатисемидвадцативосьмилетнего возраста.

Внимательный читатель, вероятно, уже заметил, что время петербургской юности поэта (1817—1820 гг.) мною выше рассмотрено не было. Я специально оставил напоследок этот период, поскольку он требует особенно внимательного изучения. Пожалуй, это именно тот период, когда овладение Пушкиным боксерскими навыками является наиболее вероятным. За это говорят не только юный возраст поэта, впервые обретенная им свобода взрослой жизни и ее весьма бурный характер. Дело в том, что именно в эти годы у восемнадцатидвадцатилетнего Пушкина возникает реальная необходимость в приобретении боксерских навыков, умении постоять за себя в кулачной потасовке. Больше того, среди его озорных знакомых того времени имелся человек, который побывал в Англии и вполне мог познакомиться там с основными приемами бокса.

⁴ Egan P. *Boxiana ou Encyclopedie du pugilat ancienne et moderne*. 1824.

⁵ Английский оригинал: Egan P. *Boxiana: Sketches of ancient and modern Pugilism*. London, 1812. Vol. 1.

⁶ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985. Т. 1. С. 447.

Анализ одного из пушкинских писем позволяет достаточно уверенно говорить об уже имевшихся к тому времени как у самого Пушкина, так и у иных из его знакомых определенных боксерских навыках.

Чем же отличался этот сравнительно мало изученный, но психологически значительно более сложный, чем это может поначалу показаться, период — петербургская юность поэта?

Это было время, когда юный Пушкин, вырвавшись наконец из своей лицейской «кельи», очертя голову устремился в ту бурную жизнь, которую вела определенная часть петербургской, в основном военной, гвардейской молодежи.

Еще в последние свои ученические годы, после прихода нового директора Е. А. Энгельгардта, лицеисты уже не ощущали прежнего строгого надзора и чувствовали себя значительно свободнее. Среди тех, кто особенно увлеченно пользовался нежданной свободой, был, конечно, и Пушкин. Он познакомился и сблизился со многими офицерами расквартированного по соседству в Царском Селе лейб-гвардии Гусарского полка. Нетрудно представить, с каким искренним восторгом смотрел впечатлительный юноша на этих взрослых мужчин, лихих гуляк, овеянных славой недавних победных сражений с наполеоновской армией. Офицерская карьера, а скорее всего ее чисто внешняя яркая сторона, этакая гусарская удаля, столь сильно привлекала Александра, что иной для себя судьбы по окончании Лицея он уже не мыслил. «Начать службу кавалерийским офицером была его ученическая мечта»,⁷ — говорит один из основоположников пушкиноведения П. В. Анненков.

Однако служба в гвардейской кавалерии требовала немалых денежных средств. Но как Александр ни добивался своего, скуповатый Сергей Львович твердо стоял на том, что службу в лейб-гусарах семейный бюджет не выдержит, и предлагал сыну вступить в один из пехотных гвардейских полков, где расходы были бы меньшими.

Трепетные жизненные планы, от которых выпускник Лицея еще долго не хотел отказаться, тем не менее так и остались неосуществленными. Пушкин был определен на службу в Государственную коллегию иностранных дел с чином X класса — коллежский секретарь. «Я забываю свои гусарские мечты <...> смилив немирные желанья» (II, 85), — невесело заметит поэт. Однако даже не получив возможности осуществить свою мечту о военной службе, он живет той же бесшабашной жизнью, что и его приятели-офицеры — «рыцари лихие Любви, Свободы и вина» (II, 95).

И едва ли не первое место среди них занимала поистине легендарная в своем роде личность — лейб-гусар П. П. Каверин — знаменитый гуляка, лихой повеса и бретер. Много лет спустя другой гусар не без симпатии вспоминал о нем в своем блестящем романе «Герой нашего времени», где Печорин с откровенной иронией отвечал Грушницкому, «повторяя любимую поговорку одного из самых ловких повес прошлого времени, воспетого некогда Пушкиным: Где нам дуракам чай пить!».⁸

Действительно, не раз встречаем мы имя Каверина в ранних пушкинских стихотворениях. Еще в годы учения Александр шутливо, но не без гордости написал:

⁷ Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М., 1985. Т. 1. С. 42.

⁸ Лермонтов М. Ю. Соч. В 6 т. М.; Л., 1957. Т. 6. С. 300.

Я сам в себе уверен,
Я умник из глупцов,
Я маленький Каверин,
Лицейский Молоствов.⁹

(I, 284)

А впоследствии и своего Онегина поэт подшутил с хлебосольным гусаром, разумеется, тоже на почве ресторанных кутежей:

К *Talon*¹⁰ помчался: он уверен,
Что там уж ждет его Каверин.
Вошел: и пробка в потолок,
Вина кометы брызнул ток...

(VI, 11)

П. А. Плетнев, говоря о Пушкине того времени, имел все основания отметить: «Три года, проведенные им в Санкт-Петербурге по выходе из Лицея, отданы были развлечениям большого света и увлекательным его забавам».¹¹

«Жуковский здесь, весь изменился; Пушкин — также, и ишалился», — писал А. И. Тургенев князю П. А. Вяземскому в 1818 г.¹² А Е. А. Карамзина не слишком сильно преувеличивала, когда через два с половиной года после этого сообщала тому же Вяземскому: «Pouchkine a tous les jours des duels...».¹³

Однако не следует забывать, что именно тогда в беспокойной и утомительно-шумной карусели петербургской жизни Пушкин сумел создать такие замечательные зрелые произведения, как ода «Вольность», стихотворения «К Чаадаеву», «Деревня», поэму «Руслан и Людмила» в основной ее части. Известно, что замысел возмущившей царя оды «Вольность» родился в разговоре с тем же Кавериним. Этот отчаянный гусар был широко образованным человеком; учился подобно Ленскому в Германии, в Геттингене, и входил в декабристский Союз благоденствия. Л. А. Черейский, давший в своей ценной работе обширнейшую галерею лиц, окружавших Пушкина, отмечает: «Молодой Пушкин несомненно принимал участие в кутежах и проделках Каверина, но, с другой стороны, их связывали общие литературные интересы».¹⁴

Так или иначе, но В. В. Вересаев имел все основания отнести в своем известнейшем труде «Пушкин в жизни» именно к петербургским годам такие озорные и малопочтенные проделки, как драка с немцами в Красном кабачке. То же самое говорит об этом периоде М. А. Цявловский: «Общение Пушкина с П. В. Нащокиным, живущим очень широко и беспутно. Пушкин в компании приятелей Нащокина принимает участие в драке с немцами в загородном ресторане „Красный кабачок“ и в других развлечениях такого рода».¹⁵

⁹ П. Х. Молоствов, как известно, офицер того же лейб-гвардии Гусарского полка.

¹⁰ Известный ресторатор (примечание А. С. Пушкина — VI, 191).

¹¹ Плетнев П. А. Сочинения и переписка. СПб., 1885. Т. 1. С. 367.

¹² Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым // Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 1. С. 117.

¹³ Пушкин всякий день имеет дуэли. . . (Фр.) — см.: Письма Н. М. Карамзина к князю П. А. Вяземскому // Старина и новизна. СПб., 1897. Кн. 1. С. 98.

¹⁴ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1988. С. 175.

¹⁵ Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., 1951. Т. 1. С. 199—200.

Здесь, вероятно, имеет смысл привести источник, донесший до нас известие об этих «баталиях». В письме к жене из Москвы в мае 1836 г. Пушкин сообщал о скандальном случае драки гусарского офицера А. Н. Киреева с «простолудином»: «У нас в Москве, все слава богу смирно: бой Киреева с Яром произвел великое негодование в чопорной здешней публике. Нащокин заступает за Киреева очень просто и очень умно: что за беда, что гусарский поручик напился пьян и побил трактирщика, который стал обороняться? Разве в наше время, когда мы били немцев на Красном кабачке, и нам не доставалось, и немцы получали тычки сложа руки?» (XVI, 117).

Семнадцать лет Нащокин «в службу вступил подпрапорщиком 1819 года марта 25 дня лейб-гвардии в Измайловский полк. . .».¹⁶ Именно в этом качестве он и принимал участие во многих озорных проделках вместе с Пушкиным.

«После смерти отца, молодой Нащокин, избалованный богатой матерью, предался свободной и совершенно независимой жизни», — вспоминал Н. И. Куликов со слов самого Павла Воиновича.¹⁷ А Н. В. Гоголь писал Нащокину: «Вы провели по примеру многих бешено и шумно вашу первую молодость, оставив за собою в свете название повесы. Свет остается навсегда при раз установленном от него же названии. Ему нет нужды, что у повесы была прекрасная душа, что в минуты самых повесничеств сквозили его благородные движения, что ни одного бесчестного дела им не было сделано <. . .».¹⁸

Что же представляли собой «сражения» в известном пригородном петербургском трактире «Красный кабачок»? ¹⁹

Не следует думать, что это были всего лишь тривиальные ссоры в питейном заведении. Совсе нет! Это было одно из тех разудалых развлечений столичной офицерской молодежи, в которых принимал участие и толстовский Пьер Безухов. При чем «плюходействие» отнюдь не являлось самоцелью, оно входило в состав не слишком добродетельного, но достаточно старого увеселения молодых петербургских «служителей Марса». Этой традиции, освященной по меньшей мере двумя десятилетиями, придерживалось не одно поколение гвардейских офицеров. И главный интерес для молодых гуляк представляла даже не сама потасовка, а предшествовавший ей фривольный розыгрыш немецких посетительниц трактира. Ссора же становилась неизбежным финалом такого розыгрыша, поскольку вполне естественно, немцы решительно выступали на защиту своих дам.

«Жаль мне, — вспоминал Ф. В. Булгарин, — когда подумаю, как доставалось от наших молодых повес бедным немецким бюргерам и ремесленникам, которые тогда любили веселиться со своими семействами в трактирах на Крестовском Острове, в Екатерингофе, и на Красном Кабачке. Молодые офицеры ездили туда, как на охоту. Начиналось тем, что заставляли дюжих маминек и тетушек вальсировать до упаду, потом спаивали муженьков, наконец затягивали хором известную немецкую песню: *Freu't euch des Lebens*,²⁰ упираясь на слова: *Pflücke die Rose*,²¹ и наступало волокитство, оканчивавшееся обыкновенно баталией.

¹⁶ Из указа об отставке поручика П. В. Нащокина. Цит. по: Раевский Н. Друг Пушкина Павел Воинович Нащокин // Раевский Н. Избранное. М., 1978. С. 346.

¹⁷ Куликов Н. И. Александр Сергеевич Пушкин и Павел Воинович Нащокин // Русская старина. 1880. Т. 29. С. 991.

¹⁸ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. М.; Л. 1952. Т. 12. С. 72—73.

¹⁹ Слово «ресторан», точнее «ресторация», тогда еще не успело войти в обиход.

²⁰ Радуйтесь жизни. (Нем.)

²¹ Сорви розу. (Нем.)

Загородные разъезды содержались тогда лейб-казаками, братьями уланов. Кутили всю ночь, а в девять часов утра все являлись к разводу, кто в Петербурге, кто в Стрельне, в Петергофе, в Царском Селе, в Гатчине, и как будто ничего не бывало. Через несколько дней приходили жалобы, и виновные тотчас сознавались, по первому спросу, кто был там-то. Лгать было стыдно. На полковых гауптвахтах всегда было тесно от арестованных офицеров. . .».²²

Рассказанное Булгариным относится к середине первого десятилетия прошлого века, и тогда традиция офицерской «охоты» уже процветала. Отметим, что среди повес названы офицеры, чей полк был расквартирован в Царском Селе. В другом месте автор воспоминаний прямо указывает: «Лейб-гусары следовали, по большей части, духу удалства. . .».²³

Разумеется, и во времена пушкинской юности его знакомые царскосельские лейб-гусары не могли оставаться в стороне от подобной «истинно гусарской» забавы. Едва ли не участвовал в них и знаменитый поручик Каверин. Есть основания предполагать, что эту компанию лейб-гусаров нередко делил с Пушкиным и Нащокин. Существует свидетельство о том, что еще с лицейских лет Пушкин «попал в среду стоявшей в Царском Селе лейб-гусарской молодежи. Там бывали и философы, вроде Чаадаева, и эпикурейцы, вроде Нащекина».²⁴ Последний мог присоединиться к лейб-гусарам только после своего выхода из пансиона и вступления в военную службу. Эскапады в Красном кабачке являлись одной из тех совместных «молодых проказ» Пушкина и Нащокина, о которых, как вспоминала супруга Павла Воиновича, рассказывал ей много лет спустя сам поэт.

Юный Пушкин воспринял это не самое похвальное удалое развлечение из рук своих старших товарищей — офицеров. Воспринял почти в том же героическом свете, в каком виделись впоследствии и Павлу Вяземскому преподнесенные ему Пушкиным боксерские экзерсисы. Прodelки в Кабачке были совершенно лишены националистического привкуса и всецело зиждились на гусарской лихости и удалстве.

Хотя Александр был пропорционально сложен и достаточно ловок, этот среднего роста юноша едва ли мог противостоять взрослым мужчинам с мускулистыми руками ремесленников. Единственное, что могло прийти ему здесь на помощь, — это приемы английского бокса.

Именно этот нелегкий вид спорта и самозащиты давал навыки нанесения сильных ударов в наиболее уязвимые места на теле противника и защиты от его ударов. Кроме того, бокс той эпохи учил еще и пользоваться при столкновении плотную подножками, которые допускались правилами.

Главным же являлось то, что основной техникой бокса был тогда так называемый прямой удар, т. е. удар, наносимый по кратчайшему расстоянию — прямолинейной траектории — за счет резкого выпрямления руки в локте. Удар этот, о котором подробная речь еще впереди, был краеугольным камнем английского бокса и признавался даже единственным технически правильным ударом. Именно на нем базировалось искусство «фехтования кулаками», умение наносить удары, не получая ответных. Вовремя нанесенный встречный прямой останавливал

²² Воспоминания Фадея Венедиктовича Булгарина: Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. СПб., 1846. Ч. 2. С. 144—145.

²³ Там же. С. 141.

²⁴ Ю з е ф о в и ч М. В. Памяти Пушкина // Русский архив. 1880. Т. 3. С. 433.

бросившегося вперед противника, удерживал на расстоянии, лишая его возможности сблизиться для проведения ответного удара или для того, чтобы схватиться вплотную. Частокол быстрых прямых ударов надежно отгораживал боксера даже от более сильного противника. А подобная тактика представляла собой как раз то, что было необходимо Александру и его задиристым приятелям в Красном кабачке.

Нельзя забывать, однако, что все это оставалось бы весьма вероятным, но лишь только предположением, которое едва ли могло быть принято в качестве достаточно убедительного довода. К счастью, подобный довод мы получаем из рук самого Пушкина. Довод этот основывается на идеальной точности пушкинской речи, на его тщательно выверенном и всегда не случайном словоупотреблении.

Задумавшись над тем, почему в цитированном выше письме поэт из всего богатого синонимического ряда русских слов, означающих удар, выбрал, казалось бы, не самое характерное и выразительное слово «тычок»? (Если, разумеется, не иметь в виду, что речь идет о боксе). Что это, случайность? Нет нужды доказывать, что неточности в употреблении слова у Пушкина никогда не было, а тем более в пору его наивысшего творческого расцвета — в 1836 г.

Быть может, в письме всего лишь дословно приведена речь Нащокина? Но для того, чтобы подобные сомнения отпали сами собой, вполне достаточно вспомнить, в каком виде вышли из-под пушкинского пера «Записки П. В. Н(ащокина), им диктованные в Москве, 1830» (XI, 189). И это при том условии, что друг поэта при всех своих достоинствах никогда не был слишком большим грамотеем, а тем более стилистом. Пушкинская редакция, равно как и его собственный авторский стиль, всегда одинаково безупречны.

Для того чтобы понять, какой единственный смысл мог вложить в это слово поэт, сделаем небольшой лингвистический анализ.

В настоящее время в силу причин, о которых будет сказано ниже, слово «тычок» не только стало малоупотребительным, но вместе с тем и утратило иные из своих былых значений, уступив их более широкому понятию «удар». Но в прошлом различие в значении этих двух слов ощущалось достаточно четко.

Широкий смысл слова «удар», как известно, охватывает и понятие «тычок». Но в более узком значении — собственно удар — имеется существенное и важное для кулачного боя отличие от «тычка». Нанести удар — это совершить действие, которое определяется предварительным замахом руки и последующим движением кулака к цели по криволинейной траектории. В отличие от собственно удара тычок предполагает прямолинейное движение кулака и отсутствие замаха. Это означало, что удар обладал большей силой, но требовал для своего нанесения и большего времени. Тычок же был более быстрым, но менее сильным. Если в нашем современном речевом обиходе такое различие может показаться не очень существенным, то в практике былого кулачного боя — как русского, так и английского — оно имело большое значение. В широко распространенных русских кулачных боях особенно часто использовались более сильные удары с размаху. А тычкам из-за их меньшей силы придавалось второстепенное значение. В английском же боксе главным было умение наносить «прямые удары», т. е. тычки, которые, сохраняя свою быстроту, вместе с тем за счет рациональной техники исполнения приобретали и сокрушительную силу. Эта «тычковая» техническая особенность английской системы боя бросалась в глаза и, как правило, отмечалась иностранцами при первом же с ней знакомстве.

Так, немцы называли боксерский удар не ударом (Schlag), а толчком или, что здесь еще более точно, тычком (Stoss). То же самое происходило и с нашими

соотечественниками, в чем нетрудно убедиться на целом ряде достаточно наглядных примеров.

Выдающийся драматург А. В. Сухово-Кобылин был не только большим любителем конного спорта, но несомненно имел достаточное представление и об английском боксе. Об этом говорит вложенная им в уста Расплюева забавная фраза об обидчике, поколотившем его за шулерство: «У него, стало быть, правило есть: ведь не бьет, собака, наотмашь, а тычет кулачищем прямо в рожу...».²⁵

На страницах первого русского спортивного журнала «Охотник» была предпринята попытка объяснить в переводе с немецкого приемы бокса, и сделано это было в таких словах: «Бокс состоит соответственно не в ударах, а только в толчках».²⁶ Переводчик шел от немецкого термина «Stoss» и не сообразил или не решился перевести его более точным, но просторечным русским словом «тычок».

Через шесть лет после этого пионер бокса в нашей стране М. О. Кистер издал первое на русском языке руководство по этому виду спорта, в котором говорил: «Правильный удар — горизонтальный (в русском кулачном бою — «тычком» или «ширма»), причем рука вытягивается во всю длину (straight arm)... Остальные удары хотя и считаются неправильными, но признаются...».²⁷

В терминологии сокольской гимнастики, практиковавшейся у нас в конце прошлого — начале нынешнего века, прямой удар тоже именовался «тычком».

Как видим, во всех этих случаях на протяжении ста лет разница между «тычком» и собственно ударом неуклонно ощущалась и даже подчеркивалась. Но за последние полвека и особенно на протяжении «телевизионных» десятилетий бокса различие между этими двумя понятиями оказалось в нашей речи в значительной степени утраченным.

Вместе с тем весьма показательным, что для такого писателя старшего поколения, как В. А. Каверин указанная разница сохранялась до наших дней, и в одном из его произведений мы читаем: «Паша Перов ударил Бугаева по лицу, да не ударил, а ткнул по-боксерски, сперва слева, потом справа».²⁸

Думаю, все это достаточно наглядно показывает, что при необходимости подыскать русский эквивалент английскому термину «прямой удар», как правило, останавливаются именно на слове «тычок», которое наиболее точно отвечает смыслу. В таком значении употребил его и Пушкин, пересказывая в письме речь Нащокина. Очевидно, что подобное словоупотребление обретает смысловую точность только при обозначении боксерских прямых ударов. Если же предположить иное, мы придем к абсурдной ситуации. Когда молодые повесы почему-то ограничивались в потасовке лишь тычками, несмотря на то что в инстинктивной схватке, вне приемов бокса, характерны отнюдь не тычки, а именно «маховые» удары.

При этом, разумеется, не следует преувеличивать степень боксерской подготовки Пушкина и его соговарищей. По всей вероятности, она не могла не быть примитивной и достаточно поверхностной. Этим, в частности, и объясняется тот откровенно отмеченный в письме факт, что и самим задирам доставались тумачи от обиженных немецких бюргеров и ремесленников. Вместе с тем несомненно, что

²⁵ Сухово-Кобылин А. В. Свадьба Кречинского // Сухово-Кобылин А. В. Трилогия. М.; Л., 1959. С. 76. — Разрядка автора статьи.

²⁶ Охотник. 1888. № 31. С. 490.

²⁷ Кистер М. О. Английский бокс. Boxing: Руководство с рисунками. СПб., 1894. С. 25.

²⁸ Каверин В. Загадка // Октябрь. 1984. № 1. С. 85.

Пушкин хорошо знал те уязвимые точки, в которые и сегодня целят боксеры, стараясь сбить своего соперника на землю: нижняя челюсть и солнечное сплетение. О первой из них Пушкин упомянул в «Гавриилиаде», где сатана сбивает архангела с ног ударом «прямо в зубы», а о второй мы читаем в устном рассказе поэта, записанном В. П. Титовым и впоследствии опубликованном,²⁹ — это удар «под ложку».

Интересно отметить, что Пушкин еще и в другом случае употребил слово «тычок» в его, так сказать, чисто бойцовском значении, хотя и в переносном смысле.

Практика традиционных русских кулачных боев породила ряд пословиц, говорящих о тычке: «От тычка не уйдешь»; «За тычком не гонись»; «Хочешь, дерись, а за тычком не гонись», и др.³⁰

В одном из писем Пушкина П. А. Вяземскому мы находим: «Твое рассуждение о пословице русской не пропадет. К числу благороднейших принадлежит и сия: за тычком не угонишься, т. е. не хлопочи о полученном тычке. Кстати о тычке: читал ли ты в Телескопе статью Ф(еофилакта) Косичкина?» (XIV, 221).

Речь в письме шла о том, что после справедливой критики, которой был подвергнут роман Булгарина «Иван Выжигин», Н. И. Греч выступил со статьей «Литературные замечания», пытаясь смягчить «тычки», полученные его литературным единомышленником. Результатом, однако, стал новый и еще более чувствительный «тычок»: под псевдонимом Феофилакт Косичкин Пушкин опубликовал в журнале «Телескоп» уничтожающую статью, направленную не только против Булгарина, но и против самого Греча.

Вероятно, на этом вопрос о времени и причинах приобщения Пушкина к боксу в основном может считаться исчерпанным, и теперь есть возможность говорить о том, каким образом он мог приобрести эти навыки.

Упомянутый выше польский автор полагал, что Пушкин штудировал французский перевод «Боксианы». Но о знакомстве Пушкина с этой книгой ничего неизвестно. Да и научиться боксу с ее помощью было невозможно, так как основная часть книги отведена повествованию о жизни и выступлениях известных боксеров. Сравнительно же небольшое вступление посвящено отнюдь не объяснению приемов бокса, а всего лишь советам о режиме, питании и методах тренировки боксеров, уже достаточно хорошо знакомых с техникой бокса.

Л. Едлевский назвал французское издание, по всей вероятности, исходя из знания Пушкиным французского языка. Но в те годы ни на одном из иных языков, кроме английского, боксерские руководства еще не были изданы. Вместе с тем теоретическая возможность освоения этого вида единоборства по какой-либо литературе имела. Уже в конце XVIII столетия в Англии издавалась книга с пространственным, вполне в духе своего времени названием: «Искусство защиты с помощью рук, или Система бокса, понятно объясненная в серии уроков. Сочинение ученика Хамфриза и Мендозы».³¹

Но Пушкин, зная в совершенстве французский, английским владел явно в недостаточной степени. Даже в ноябре 1825 г. в письме из Михайловского

²⁹ В. П. Титов назвал записанную им повесть «Уединенный домик на Васильевском» и опубликовал ее в альманахе А. А. Дельвига «Северные цветы» на 1829 год под псевдонимом Тит Космократов.

³⁰ См.: Даль В. Толковый словарь. М., 1935. Т. 4. С. 459.

³¹ The art of manual defense: or System of boxing, perspicuously explained in a series of lessons / By pupil both of Humphreys and Mendoza. 3-d ed. London, 1799.

он пишет П. А. Вяземскому о своем большом желании изучать английский и невозможности осуществить это в деревне (XIII, 243). Конечно, перевод боксерского руководства с английского мог быть сделан и каким-то лицом из окружения Пушкина, однако такое допущение представляется маловероятным.

Реальнее предположить, что боксерские навыки Пушкин перенял у кого-либо из своих знакомых. Бокс как вид спорта в России, разумеется, еще не существовал, но были отдельные лица, владевшие его приемами. Среди них поручик Преображенского полка граф Ф. В. Ростопчин, тот самый, который впоследствии (в 1812 г.) стал военным губернатором Москвы. Во время пребывания в Англии в конце XVIII в. он наблюдал поединок известных боксеров Джексона и Рейна. По словам очевидца, боксерское искусство Рейна так понравилось поручику, что он «вздумал брать у него уроки: он нашел, что битва на кулаках такая же наука, как и бой на рапирах».³²

Стоит заметить при этом, что Ростопчина связывали узы дружеских отношений с отцом лейб-гусара П. П. Каверина Павлом Никитичем.³³

Очевидно, одним поручиком Ростопчиным дело не могло ограничиться. Русско-английские контакты росли. Англичане приезжали в Россию, русские бывали в Англии. Так, ряд наших морских офицеров проходил практику в британском флоте, который признавался наилучшим и где знание бокса считалось само собой разумеющимся. Кроме того, в среде русского дворянства намечалась тенденция к англомании. Все это создавало более широкие, чем прежде, возможности для ознакомления с английским боксом.

Справедливости ради стоит также сказать, что у русской интеллигенции тех лет малоизвестный бокс, равно как и русский кулачный бой, были сильно не в чести. Бокс расценивался как необъяснимая грубая и варварская причуда просвещенных сынов Альбиона. Увлечение же русских этим видом спорта рассматривалось как оригинальничанье или откровенное озорство. И все же некоторые наши соотечественники решались пренебречь общественным мнением и находили в себе смелость заняться боксом, видя в нем главным образом способ самозащиты.

Сейчас уже вряд ли удастся точно установить, кто же явился учителем Пушкина в этой области, но наиболее вероятным претендентом кажется нам М. А. Щербинин.

Имя этого «резвого друга забавы» мы тоже встречаем в одном из ранних пушкинских стихотворений, которое так и озаглавлено «К Щербинину». Известно, что он вместе с Пушкиным и лейб-гусарским корнетом В. Д. Олсуфьевым участвовал в устроенной Кавериним 27 мая 1819 г. веселой пирушке, которая также оставила мимолетный след в стихотворном пушкинском наследии. Щербинин состоял в военной службе и участвовал в заграничном походе 1813—1814 гг., но был не боевым офицером, а всего лишь чиновником канцелярии квартирмейстера Главного штаба. Ю. Н. Щербачев так пишет об этом своем отдаленном родственнике: «В феврале 1812 года определился на военную службу в свиту государя императора по квартирмейстерской части, участвовал в кампании через Европу во Францию, причем все время состоял, вместе со средним братом Алек-

³² Записки графа Е. Ф. Комаровского. Библиотека мемуаров издательства «Огни». СПб., 1914. С. 20.

³³ Щербачев Ю. Н. Приятели Пушкина Щербинин и Каверин. М., 1913. С. 39.

сандром Андреевичем, при начальнике штаба государя императора генерал-адъютанте В. М. Волконском».³⁴

Щербачев считал важным специально подчеркнуть, что М. А. Щербинин как во время военной кампании, так и по ее завершении в силу своих служебных обязанностей постоянно находился при Волконском и «государе императоре». Совершенно неожиданно эта деталь оказалась достаточно важной и в нашем поиске.

Известно, что после победного завершения войны с Наполеоном «кочующий деспот» Александр I посетил союзную Британию, — разумеется, вместе со своим «штабом», который, скорее, представлял собой не военное учреждение, а всего лишь походную свиту, непременно включавшую и царских квартирмейстеров.

Как ни странно, но этот визит высоких гостей оставил свой след не только в европейской истории, но и в хронике английского бокса. Так, знаток старого британского спорта Генри Даунс Майлс вспоминал о пребывании монарших гостей в Лондоне: «15 июня 1814 года в доме лорда Лоутера в Пол Мол было устроено боксерское празднество, на котором присутствовали император России, Платов, Блюхер и другие. Выступление так понравилось этим воинственным людям, что было решено повторить представление в еще более широком масштабе, пригласив короля Пруссии, наследного принца, князя Мекленбургского и других лиц. Главными исполнителями явились Джексон, Крибб, Бельчер, Оливер, Пейнтер и Ричмонд. Заинтересовавшаяся иностранная знать хотела видеть бокс, и в помещении Анжело было проведено несколько блестящих выступлений. Утверждают, что Джексон заразил своих зрителей боксерской лихорадкой, но, кажется, что при этом он не приобрел ни одного ученика из их числа. Если это и факт, то, уж конечно, из ряда вон выходящий».³⁵

Здесь хочется подчеркнуть, что англичане сочли необходимым «попотчевать» высоких гостей, словно неким деликатесом, зрелищем своего национального вида спорта, которым традиционно гордились. Выступления, продемонстрированные перед монархами, очевидно, не могли не заинтересовать и сопровождавших их лиц. Имел ли право военный чиновник-квартирмейстер попасть на представление, рассчитанное на столь важных особ? Вероятно, да; хотя, быть может, занимал соответствующее его положению место. К тому же выступления боксеров в Англии имели традиционно открытый характер.

Если даже допустить, что Щербинин так и не смог попасть ни на одно из целого ряда боксерских выступлений, рассчитанных на особо почетных гостей, то вряд ли он не постарался увидеть это зрелище где-нибудь в другом месте, — в Лондоне сделать это было нетрудно.

Английский историк бокса искренне удивлялся тому, что ни один из почетных гостей, выразивших свое восхищение мастерством выступавших, не пожелал надеть перчатки и стать учеником прославленного чемпиона Джексона. Это неудивительно. Однако естественно было бы предположить, что в подобных условиях боксом мог заинтересоваться молодой и легкомысленный «друг забавы» — русский военный чиновник М. А. Щербинин. Неизвестно, брал ли он в Лондоне уроки бокса или получил только устные наставления по этой части, а может быть, вывез из туманного Альбиона лишь руководство по английскому единоборству, но, на наш взгляд, из всех известных нам приятелей юного Пушкина наиболее

³⁴ Там же. С. 11.

³⁵ Miles H. D. Pugilistica. The history of British boxing. Edinburgh, 1906. P. 100.

вероятным кандидатом на роль человека, знакомого с английским боксом, представляется именно М. А. Щербинин.

Следует также отметить, что Пушкин был первым нашим литератором, который попытался найти русскую глагольную форму, производную от английского слова «бокс». В его время бокс именовали просто английским кулачным боем или использовали непосредственно английское «box», «to box». И еще не одно десятилетие длилась такая неуверенность в использовании этого заимствованного иноязычного слова. Пушкин же сразу нашел его истинно народную русскую форму.

Подвергаясь в печати нападкам своих журнальных недругов, Пушкин не раз обращался к вопросу, достойно ли отвечать на подобные не литературные, а главным образом личные выпады. Яростную и не слишком корректную журнальную полемику он не однажды сравнивал с кулачным боем и на волновавший его вопрос ответил в своей неоконченной статье «(Разговор о критике)» весьма выразительным примером: «. . . посмотрите на англ(ийского) лорда: он готов отвечать на учтивый вызов gentleman и стреляться на кухнерейтерских пистолетах или снять с себя фрак и боксовать на перекрестке с извозчиком. Это настоящая храбрость» (XI, 91).

Здесь у Пушкина впервые в нашей литературе появляется русская форма английского глагола «to box». И пусть слово это вошло в наш литературный язык в иной, более академической и пришедшей из письменной речи форме «боксовать» с заимствованным из немецкого суффиксом, но сама попытка поэта, ее народный характер не могут не вызвать интереса. Пушкин тонко ощущал особенности народной речи, и еще в довоенные годы нам доводилось встречать в просторечии именно ту исконно русскую форму, на которой когда-то остановился поэт: боксовать.

Приведенные здесь высказывания Пушкина позволяют также говорить о некоторых его взглядах на отношение дворянина к простонародью.

Возносясь на поэтические высоты пушкинских творений, мы вместе с тем сегодня едва ли способны достаточно реально представить себе повседневную прозу той эпохи. А проза крепостничества была суровой и беспросветной. Закон номинально защищал и третье сословие, но тем не менее кулачная расправа над простолюдином по любому поводу считалась неотъемлемым правом дворянина. И само собой разумелось, что избиваемый не имел никакого права на самозащиту, не смел поднять руки на своего «благородного» обидчика. Попытка ответить на побои могла стоить смельчаку самой жизни.

Так поступали не только крепостники, но и «просвещенные» помещики, которых беспощадно высмеял Денис Давыдов в стихотворении «Современная песня».

А глядишь: наш Мирабо
Старого Гаврило
За измятое жабо
Хлещет в ус, да в рыло.³⁶

Такое унижительное положение присуще было не только «крепостному человеку», но и свободному простолюдину. Пройдут годы, но М. Е. Салтыков-Щедрин

³⁶ Давыдов Д. Полн. собр. стихотворений. Л., 1933. С. 134 (Б-ка поэта).

все еще будет иметь основания вложить в уста своему персонажу-крепостнику такую симптоматичную фразу об освобождении крестьян: «Я согласен! Только уж тово . . . по мордасам . . . бббуду!».³⁷

Пушкин же вопреки распространенному дворянски амбициозному мнению уверенно признает за простолюдином право на защиту от насилия, даже если таковое исходит от представителей высшего сословия. Это с очевидностью вытекает и из иронических строк письма о чопорной московской публике, которая негодует по поводу «боя Киреева с Яром»; и из слов о кучере, могущем на равных схватиться с английским лордом. Показательно, что одними словами дело вовсе не ограничивалось. События в Красном кабачке доказывают, что Пушкин, всегда столь ревностно стоявший на страже своей чести, отнюдь не считал, что оплеухи оборонявшихся немецких ремесленников и бюргеров способны бросить тень на его честь, поколебать его дворянское достоинство.

В наши дни подобные взгляды представляются естественными. Но тогда даже такой небольшой либеральный шаг вперед кое-что значил. . .

Вот что стоит, на наш взгляд, за теми несколькими строчками о Пушкине и его знании английского бокса, которые оставил П. П. Вяземский в своих воспоминаниях о поэте.

М. Н. Лукашев

РУКОПИСЬ РАЛЛИ-АРБУРЕ О ПУШКИНЕ

Замфир Константинович Ралли-Арбуре (1845—1933) известен как один из активных революционеров-народников. Всю свою жизнь он отдал революционной борьбе. Сотрудничая с М. А. Бакуниным и другими русскими народниками, Ралли-Арбуре активно способствовал распространению социалистических идей. За участие в студенческих волнениях в Москве и Петербурге он был выслан из северной столицы без права поступления в высшие учебные заведения Российской империи. Оказавшись в Румынии, Ралли-Арбуре пропагандирует творчество русских писателей, оказывает моральную и материальную помощь восставшим морякам с броненосца «Потемкин», нашедшим убежище в этой стране.

Обстоятельства вынуждают Ралли-Арбуре принять румынское подданство, но никогда не забывает он Бессарабию и Россию, которые посещает в последний раз в 1924 г. Два года спустя Замфир Константинович пересматривает опубликованные ранее воспоминания и направляет их в редакцию одного из русских журналов. Но, к сожалению, материал остался неопубликованным и хранится в ЦГАОР СССР.¹

В нашей статье мы коснемся лишь первых листов рукописи, которые посвящены семейству Ралли и его взаимоотношениям с А. С. Пушкиным в кишиневский период южной ссылки поэта. Ниже с некоторым сокращением приводится текст рукописи З. К. Ралли-Арбуре, который представляет собой новую редакцию его воспоминаний.

³⁷ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1965. Т. 3. С. 329.

¹ ЦГАОР, ф. 7026, оп. 1, д. 1—25, ч. 1—V.

«Передо мной, на письменном столе стоит давно под стеклом старый дагерротип, отражающий моего отца и мою бедную мать. Дагерротипу почти сто лет. На <нем> отец мой изображен в драгунской каске и плаще времен Николая или Александра I, скорее даже последнего. Это красивый брюнет, с черной бородой, большими грустными глазами, задумчивым обликом. Оба они (родители) погребены близ Кишинева, внутри ограды кладбищенской, известной под именем Рышкановка. На их могиле сохранилась нимфа из мрамора.

Стариком 76 лет я пришел к этой могиле после долгих лет, проведенных в изгнании. Вокруг могилы ни дерева, ни кустарника, одни изрытия земли — полное запустение, а поодаль старенькая, склонившаяся в землю церковь. Это все, что осталось от старой молдавской боярской фамилии Ралли-Арборе, которой последним представителем был я — восьмидесятилетний старик — изгнанник.

Отец мой до женитьбы жил в Бессарабии и в 1820—23 годах был приятелем русского великого поэта Александра Сергеевича Пушкина. И. П. Липранди в своем дневнике пишет по этому поводу следующее об моем деде Замфираки Ралли и об моем отце Константине <...>²

Во время Пушкина семья (Ралли) состояла из деда Замфира Ралли, бабушки Смранды, урожденной Арборе, дочери буковинского боярина Григория Арборе, трех дочерей ее, Екатерины, Мариоры и Елены, и трех сыновей, Ивана, Михаила и Константина, усыновленного бояром Григорием Арборе, который не имел сыновей и лишь двух дочерей Смранду Арборе, мою бабушку, и Сафтику Арборе, мать Когылничану, известного политического деятеля Молдавии. Григорий Арборе оставил в наследство отцу моему Константину Арборе имение Брынзу, находящуюся по ту сторону Прута в Молдавии.

Во время пребывания Пушкина в Кишиневе замужем была только Екатерина, по мужу Стамо. В тридцатых годах старший из фамилии Ралли — Иван — женился на двоюродной сестре Михаила Бакунина Анне Павловне Полторацкой; Михаил же и мой отец Константин Арборе женились на двух родных сестрах Домнике и Ольге Рева, польках, и после смерти деда Замфира, погребенного в Кишиневе при церкви св. Илии, поселились сначала в Черновцах, в Буковине, где и родился я.

Относительно фамилии Ралли существует документ, который указывает на итальянское, а не греческое происхождение этой фамилии, существующей и поныне в Италии. Документ был подарен мне моим двоюродным братом, бароном Виктором Стырча, сыном моей тетки Елены Стырча; он написан на итальянском языке и гласит, что прадед мой Джовани Ралли был сыном Кристофа Ралли, гражданина Венеции, и что за какие-то доблести „pericoli della propria vita“ получил княжеский титул „decorato del titolo di conte“, сын же его Джовани Ралли, отец моего деда Замфира Ралли, подписывался „conti Giovanni Ralli“.

Внизу этого фамильного документа находится следующая скрепка на русском языке: „Сей диплом в Росийско-Императорской Генерально-Консульской канцелярии является и в актовую книгу под № 46, подписанном запискою: «Во уверении чего при подписании Генерального Консула в Молдавии и Бессарабии и с приложением печати свидетельствуется. Яссы, 1 ноября 1802 года. Подписи: Василий Малиновский: Секретарь Волков». Что касается самого документа на итальянском языке, то он датирован «1 сентября 1795 года»“.

² Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний // Русский архив. 1866. № 8—9. Стб. 1217.

Отец мой был в приятельских отношениях с Пушкиным во время его пребывания в Кишиневе; будучи хорошим музыкантом и играя в особенности на мелодие, отец мой прекрасно пел грустные народные молдавские и итальянские песни. Пушкину очень нравились в особенности молдавские народные мотивы, и он всегда просил отца переводить ему текст этих песен. Таким образом, русский поэт записал несколько из народных песен.

Тетушка моя Стамо, во втором замужестве Матиас, передавала мне следующий эпизод из жизни русского поэта. Передаю ее завет так, как он сохранился в моей памяти: „Твой отец, — передавала мне тетушка Стамо, — был довольно близок к Пушкину, и в свою бытность в Кишиневе поэт проводил целые дни в доме моего отца, где жили в то время все три мои брата, все трое неженатые еще.

В доме (Грабовской) потом, много позже, после смерти моего мужа, жил и твой отец, когда женился и переехал из Черновца. Дом Грабовской был на спуске к фонтану, рядом, бок о бок с домом Карла Ивановича Прункула.

Отец твой прекрасно говорил по-французски, много лучше Пушкина, знал Гомера почти наизусть, которого любил цитировать. В доме моего отца никогда не играли в карты, которые были в ходу в домах бояр и русских; в особенности играли в карты у Крупенских, Варфоломей и Катакази. Отец не любил этого, но вечером у него часто занимались музыкой и танцевали. Отец твой, брат Костя, играл прекрасно на мелодие и зачастую пел итальянские и молдавские песни. Пушкин очень любил слушать его пение, в особенности молдавские грустные песни.

Однажды твой отец собрался посетить, по поручению моего отца, одно из отцовских поместий — Долну. Между этим помещением и другим — Юрченами — в лесу находится, как ты знаешь, наша цыганская деревня, принадлежавшая твоему отцу. Вот Пушкин, желая видеть эту своеобразную цыганскую деревню, состоящую из целого ряда землянок, в которых зимуют цыганские семьи, решил посетить ее. Табор этот имел старика-булибашу (старосту), известного своим авторитетом среди юрченских цыган. Старик имел дочь редкостной красоты — Земфиру. Земфира пела цыганские и молдавские песни. Пушкин упросил твоего отца остаться на несколько дней в Юрченах, где мы имели небольшой конак (сельский господский дом) среди обширного виноградника.

Пушкин бросил брата в Юрченах и поселился в шатре булибаша, куда каждый день его слуга Никита должен был приносить своему барину полотенце, мыло и подавать воду для умывания. По целым дням Пушкин и Земфира бродили по лесу; красавица пела песни, а Пушкин слушал. . .

В одно утро Никита нашел своего барина одним-одиношеньким в шатре. Слуга его Никита рассказывал потом, что его барина приворожила цыганка, сплотив настоем каких-то трав“.

После отца осталось у меня много книг на французском и итальянском языках. Также осталась одна книга с рукописями, стихотворениями. Эту книгу давали читать мои родные русскому консулу в Черновцах. Что это за рукописи — не знаю. Я никогда не мог отлучиться (поехать) и взять мой сундук с книгами».

Ознакомившись, таким образом, с сокращенным текстом из рукописи З. К. Ралли-Арбуре, приходишь к выводу, что автор представляет читателям пересмотренный и дополненный рассказ «Из семейных воспоминаний об А. С. Пушкине», опубликованный раньше в историко-литературном журнале «Минувшие годы».³ Стержнем новой редакции воспоминаний является рассказ той же тетушки

³ Р а л л и - А р б у р е З. К. Из семейных воспоминаний об А. С. Пушкине // Минувшие годы. 1908, июль. № 7. С. 1—6.

автора Екатерины Стамо-Матиас, урожденной Ралли (старшей дочери Замфиракия Ралли), с которой Пушкин был в приятельских отношениях и всегда вел с ней «приличный разговор».

В пересмотренных воспоминаниях рассказчица переносит семейные события из дома отца автора в дом ее отца (главы семейства). Уточняется, что в Юрченах имелся «небольшой конак (сельский господский дом)», где остановились Пушкин и один из сыновей Ралли. Последнее сведение подтверждается записями в церковных книгах Юрченского святого архангела Михаила церкви. В ведомости за 1831 г. значит, что дворянская усадьба в Юрченах состояла из 4 домов, обслуживаемых 21 человеком. В Долне, которую собирались посетить приятели, господская усадьба была построена лишь во второй половине 1840-х гг. (во время строительства каменной церкви). В ведомости Богородичной церкви этого села за 1846 г. значит, что господский дом обслуживался 10 дворовыми. До указанного года такие записи в ведомостях не велись (как это было, например, в Юрченской церкви).

По-другому в этой рукописи представляются и литературные увлечения отца Ралли-Арбура Константина. В «семейных воспоминаниях» указывалось, что «он много читал и любимыми его писателями были Вольтер, Жан-Жак Руссо, Кондильяк и Байрон, которого знал наизусть и любил декламировать», в новой же рукописи читаем: «Отец . . . знал Гомера почти наизусть, которого любил цитировать».⁴

В рукописи имеются и другие изменения.

В опубликованных воспоминаниях указывалось, что «брат видел их (Пушкина и Земфиру, — В. М.) держащимися за руки и молча сидящими среди поля»,⁵ а в новой редакции: «По целым дням Пушкин и Земфира бродили по лесу; красавица пела песни, а Пушкин слушал».⁶

Новым и маловероятным в рукописи является сообщение о пребывании в цыганском таборе слуги поэта Никиты.

Необоснованным также представляется сообщение, что Джованни, сын Кристофа Ралли, гражданина Венеции, приходился отцом деду З. К. Ралли-Арбура, коллежскому асессору Замфиру (Замфиракию) Ралли, хотя бы потому что отчество последнего было Емануилович. А исследователь этой родословной Г. Безвеконный, опираясь на фамильные архивы Ралли, указывает, что «по семейным традициям Ралли являются греко-итальянского происхождения. После падения Константинополя много византийцев привилегированного рода, в том числе и Ралли, переезжают с жителямством в Венецию, где за преданную и верную службу вознаграждаются княжескими титулами».

Один из Ралли — Дионисий, тырновский митрополит, — возглавил в свое время болгарское восстание против Османской Порты. Молдавский господарь Михаил Витязул (Храбрый) привлек Дионисия на свою сторону и назначил его митрополитом Молдавии и личным советником в 1600 году»⁷.

З. К. Ралли-Арбура в своем «Географическом словаре Бессарабии» указывает: «Село Лозово (ныне Страшенского района Молдовы, — В. М.) расположено

⁴ ЦГАОР, ф. 7026, оп. 1, д. 1, ч. 1, л. 8.

⁵ Ралли-Арбура З. К. Из семейных воспоминаний об А. С. Пушкине. С. 3.

⁶ ЦГАОР, ф. 7026, оп. 1, д. 1, ч. 1, л. 11.

⁷ Bezvekonnyi G. Ralli-Arbure // Din trecutului nostru. Bucuresti, 1935. N 17—20. P. 75.

на территории бывшего старинного поместья боярина Замфираки Ралли, сопро-вождавшего когда-то в Польшу молдавского господаря Петричейку-Водэ, а в 1672 г. возвратившегося в Молдавию. Помещик дарит земли села Лозово монастырю Каприяна».⁸

Более достоверным положением, утверждающим предыдущую версию о происхождении Ралли, является автопризнание самого Ралли-Арбуре, приводимое Г. Безвикони в биографической статье. «Моя фамилия, — говорил Замфир Кон-стантиневич, — происходит из старинного рода; мои прадеды с обоюдной стороны признавались боярами из Молдавии — Григорий Арбуре и Замфираки Ралли. Пер-вый умер в Молдавии, а второй эмигрировал в свите Петричейку-Водэ (1673) вместе с Хаждеями в Польшу, а возвратившись — располагается с жительством в Бессарабию, где и умирает».⁹ Представляется, что З. Е. Ралли (1769—1831), дед автора рукописи, родившийся более чем на сто лет позже упомянутого Замфираки, является внуком лозовского помещика.

Потомками итальянского гражданина Венеции могли быть одесские помещики Ралли, представителем которых значится некий Степан Иванович Ралли, владе-лец 3 каменных домов в Одессе и 7 тысяч десятин бендерской земли. Окончив юридический факультет Парижского университета, Степан Иванович становится мировым судьей и председателем съезда Бендерского округа.¹⁰

Для закрепления версии об итальянском происхождении кишиневской семьи Ралли автор рукописи наделяет собственного отца Константина знанием итальян-ского языка. Дважды подчеркивает он: «отец мой прекрасно пел грустные народ-ные молдавские и итальянские песни». А в конце главы рукописи знач-ится: «После отца осталось у меня много книг на французском и итальян-ском языках».¹¹

В действительности в семье Ралли никто не владел итальянским языком. В опубликованных «семейных воспоминаниях» Ралли-Арбуре писал об отце со слов своей тетушки: «Отец твой говорил прекрасно по-французски и по-гречески и всегда очень сожалел, что не знает по-немецки».¹²

При поездке по селам совместно с Пушкиным ответное письмо сына Ралли из Юрчен «было написано на греческом языке». При разговоре на политические темы в доме Ралли «было обыкновение говорить на греческом языке».¹³

Сказанное в воспоминаниях подтверждается официальным источником. В годы пребывания Пушкина в Кишиневе младшие дети Ралли учились в местном пан-сионе при духовной семинарии. Здесь изучались «греческий, латинский, русский и молдавский языки обязательно, а французский и немецкий факультативно».¹⁴

В послужном списке второго сына З. Е. Ралли — Ивана, получившего образо-вание в запрутской Молдавии, — значится, что он, Иван Ралли, «русской грамоте — читать и писать — умеет; языки: французский, греческий и молдавский знает».¹⁵

⁸ Arbure Z. Dictionarul geografic al Basarabiei. B., 1904. P. 137.

⁹ Bezviconi G. Zamfir Ralli-Arbure // Analele Moldovei. Vol. 11. P. 109.

¹⁰ ЦГИА, ф. 1343, оп. 51, ед. хр. 3, л. 10.

¹¹ ЦГАОР, ф. 7026, оп. 1, д. 1, ч. 1, л. 12. — Разрядка автора статьи.

¹² Ралли-Арбуре З. К. Из семейных воспоминаний. С. 1. — Разрядка автора статьи.

¹³ Там же. С. 3—4.

¹⁴ Чиботару Ф. Конtribusiей ла история ынвэцэмынтулуй ын Басарабия. Кишинэу, 1962.

¹⁵ ЦГИА, ф. 1343, оп. 28, ед. хр. 561, л. 26.

Пересматривая свои воспоминания, Замфир Константинович пользуется свидетельствами современников Пушкина. Но они не всегда были полны и верны. А поэтому у автора вкрадываются неточности.

На пятом листе рукописи написано: «Во время Пушкина семья (Ралли) состояла из деда Замфира Ралли, бабушки Смаранды, урожденной Арборе, дочери буковинского боярина Григория Арборе, трех дочерей ее, Екатерины, Мариоры и Елены, трех сыновей, Ивана, Михаила и Константина».¹⁶ Без имен это же количество сыновей Ралли приводят в своих дневниках и воспоминаниях И. П. Липранди и Ф. Н. Лугинин.¹⁷ Но все эти показания не точны.

Для подтверждения сказанного обратимся к концу 1821 г., когда в Бессарабии проходят вторые дворянские выборы.

В представленных семьей Ралли для разбора их дворянского звания документах значатся состав, чин, возраст и местожительство каждого из ее членов: «Коллежский ассессор Замфиракий Ралли, 54 года, депутат Верховного Совета, вдов. Имеет детей, сыновей: без чина Григорий, 24 года, холост; без чина Иоан 22 года, холост; Михаил 14 лет, Манолы 13 лет, Константин 10 лет. Дочери: Екатерина 23 года, в замужестве, Марию 19 лет и Елену 8 лет. Все они проживают в Кишиневе».¹⁸

Как видно, в приведенном составе семьи Ралли не фигурирует имя Смаранды, супруги главы семейства и матери детей. Она умирает в мае 1815 г., после рождения шестого сына Дмитрия. Приходилась же Смаранда дочерью буковинскому боярину Дмитрию Арбуре, а не Григорию Арборе. Это подтверждает общее метрическое свидетельство, выданное сыновьям Ралли. Здесь указывается, что восприемником второго сына, Ивана, был брат матери его Янка Дмитриев Арбуре.¹⁹ Значит, Дмитрий Арбуре — потомок известного Луки Арбуре, мудрого сподвижника Стефана Великого, — имел не только дочерей, как указывает З. К. Ралли-Арбуре, но и сыновей.

Автор рукописи, выходя из именной кишиневской семьи, не располагал верными сведениями не только о семействе Ралли, но и о собственных родителях. В опубликованных воспоминаниях отец его фигурирует как Константин Ралли, а на 3-м и 5-м листах рукописи как Константин Арборе, что не подтверждается официальными документами. Неверно и такое свидетельство: «Отец мой умер в 1853 году». На могильной плите у церкви Рышкановка обозначено: «Константин Захарьевич Ралли скончался 21 мая 1856 г.».

Не точны и показания автора рукописи о самом себе. На первом листе он пишет: «Родился я в 1848 г., в Черновцах, Буковина». Черновицкий исследователь В. А. Фрейлих своей находкой опроверг приводимое автором рукописи показание. В книге регистрации новорожденных, сохранившейся при Черновицком областном ЗАГСе, найдена следующая запись о Ралли-Арбуре: «Ралли Замфир родился 14 декабря 1845 г. в г. Черновиц (...). Отец ребенка: Ралли Константин. Мать: Ралли Ольга».²⁰ В пользу приведенных данных говорит и тот факт, что они не соот-

¹⁶ ЦГАОР, ф. 7026, оп. 1, д. 1, ч. 1, л. 5.

¹⁷ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний // Русский архив. 1866. № 8—9. Стб. 1217; Лугинин Ф. Н. Из дневника (1822) // Лит. наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 672.

¹⁸ ЦГИА, ф. 1343, оп. 51, ед. хр. 3, л. 9.

¹⁹ Там же, оп. 28, ед. хр. 561, л. 17.

²⁰ ЧО ЗАГС, ф. 1245, оп. 1, д. 1592, л. 33.

ветствуют заверениям автора в «семейных воспоминаниях». На первой их странице указано, что своего отца З. К. Ралли «очень мало знал», поскольку тот умер, когда сыну «едва минуло 7 лет».

Как в опубликованных воспоминаниях, так и в рассматриваемой рукописи неверны следующие сведения: «Отец мой был в приятельских отношениях с Пушкиным во время его пребывания в Кишиневе» и «Пушкину очень нравились в особенности молдавские народные мотивы, и он всегда просил отца переводить ему текст этих песен».

В современном пушкиноведении эти «семейные воспоминания» считают правдоподобными, в результате чего в некоторых монографиях, брошюрах, буклетах и статьях, посвященных этой проблеме, приводятся неверные сведения.²¹ Так, Константин Ралли представлен юношей с революционными и прогрессивными взглядами, идейным и духовным другом Пушкина,²² часто беседовавшим с поэтом за стаканом густого крестьянского вина²³ и длинными дымящимися чубуками.²⁴

Несостоятельность подобных представлений очевидна, поскольку в 1821 г. Константину было всего 10 лет. Возможно, Пушкин и был дружен с ним, но на уровне его возраста. Цыганская деревня в Юрченах не могла тогда принадлежать Константину, так как по Уставу дворян и Книге дворянской сынovie наделялись именьями лишь в 22-летнем возрасте.²⁵ К выборному 1821 г. такого возраста достигли 24-летний Григорий и 22-летний Иван. Первому отец уступил селение Варзарешты с 57 дворами, а второму — Юрчены с 30 дворами.²⁶ Последнему и принадлежала цыганская деревня. Селение Юрчены перешло Константину только в 1838 г. и принадлежало ему вплоть до его смерти в 1856 г. Это селение перешло затем по наследству его сыну З. К. Ралли-Арбуре, автору рассматриваемых воспоминаний.

Ни в материалах упомянутых архивов, ни в фондах ЦГИА Молдовы нет сведений о военной службе Константина, который изображен в драгунской форме на дагерротипе автора. После десятилетнего пребывания за границей, в Буковине в 1840—1850 гг., Константин возвращается с семьей в Кишинев и в чине губернского секретаря занимает должность члена строительного комитета города.²⁷

Кто же из братьев Ралли был приятелем Пушкина и ездил с ним в Долну и Юрчены, а также посещал цыганскую деревню? По словам Ф. Ф. Вигеля, современника поэта, «Пушкин чрезвычайно любил общество молодых людей». Его привлекали люди с острым умом и сильные духом. Прапорщик Ф. Н. Лугинин вспоминает, что часто видел Пушкина в обществе всех Ралли, братьев Стамати, Руссо и русских офицеров.²⁸ И. П. Липранди говорит, что среди трех сыновей

²¹ См.: Тулбуре Г. Замфир Ралли-Арборе. Кишинэу, 1983. Паж. 16.

²² Трубецкой Б. А. Пушкин в Молдавии. 5-е изд. Кишинев, 1983. С. 79, 125, 134, 245.

²³ Хазип М. «Твоей молвой наполнен сей предел...». Кишинев, 1979. С. 39.

²⁴ Посысаева Т. Прелюдия к «Цыганам» // Учительская газета. 1978, 6 июня.

²⁵ Гуляев П. О выборах дворянских и купеческих в должности по существующим законам и обрядам назначенья с изложением прав и обязанностей. СПб., 1831. С. 33—36.

²⁶ ЦГИА СССР, ф. 1343, оп. 51, ед. хр. 3, л. 9.

²⁷ Крупенский А. Н. Краткий очерк о Бессарабском дворянстве (1812—1912). СПб., 1912. С. 10—13.

²⁸ Лугинин Ф. Н. Из дневника (1822). С. 667—677.

Ралли (Лугинин уточняет: «старших») «в особенности один был очень порядочный молодой человек».

Определить имя «порядочного молодого человека», как и его братьев, помогает письмо Пушкина из Одессы к тому же Вигелю: «...старший брат, как вы уже заметили, [упрямый] глуп, как архиерейский жезл, — Ванька...». В этом же письме поэт извещает, что «самый меньшой» (Константин) спит в одной комнате с Михаилом (XIII, 72).

14-летний Михаил по причинам, указанным Г. Безвикони и Е. М. Двойченко-Марковой, не мог быть близким другом поэта, как и будущие молдавские писатели Александр Донич и Константин Негруци.²⁹ «Ваньку», сверстника Пушкина, очень часто можно было увидеть среди русских офицеров, в том числе с двоюродными братьями А. П. и М. А. Полторацкими. «С первым Пушкин был очень близок», — заметит позже в своих материалах для биографии поэта П. И. Бартнев. Во время службы в армии (1823—1835) Иван женится на родной сестре А. П. Полторацкого Анне, дочери коллежского асессора Крестецкого уезда Новгородской губернии, двоюродной сестре М. А. Бакунина.³⁰

В конце 1823 г. Иван Ралли вместе со своим братом Михаилом подают рапорт о зачислении их в Екатеринбургский пехотный полк 17-й дивизии 6-го корпуса, расквартированного в Бессарабии. Весь корпус участвовал в победоносной войне с турками 1828—1829 гг. Усердие и отличная служба быстро продвигали братьев по служебной лестнице. За смелость и храбрость, проявленные в военных действиях, «Ванька» награждается двумя орденами, серебряной медалью и знаком отличия. В конце декабря 1835 г. штабс-ротмистры Иван и Михаил Ралли увольняются со службы по домашним обстоятельствам и возвращаются в Кишинев. К этому времени нет уже в живых отца с матерью, братьев Григория и Маноила, сестры Марии.

Возвратившись, братья активно включаются в общественную жизнь Бессарабии. Иван значится попечителем Кишиневской гимназии, избирается депутатом дворянства Хотинского уезда.³¹ В течение долгого времени братья добиваются утверждения семейства Ралли в дворянском звании. Герольдия Правительственного Сената затягивала рассмотрение этого вопроса с конца 1821 г., когда специальная комиссия во главе с наместником И. Н. Инзовым признала дворянское достоинство Ралли и внесла в 3-ю часть Родословной книги дворян. Очевидно, дружившая с Пушкиным семья находилась под «тайным полицейским надзором».

В середине прошлого века Иван — владелец Долны — строит здесь два каменных здания: нынешний «поэтический дом Ралли» (М. Шагинян) и православную церковь Рождества Богородицы. Можно предположить, что даты, относящиеся к возведению церкви, связаны с именем Пушкина.

1. Утверждение плана-проекта строительства церкви — июнь 1847 г. (10-я годовщина со дня смерти поэта).

2. Закладка фундамента церкви — апрель 1849 г. (к 50-летию со дня рождения).

²⁹ Двойченко-Маркова Е. М. Пушкин в Молдавии и Валахии. М., 1979. С. 137, 138.

³⁰ ЦГИА СССР, ф. 1343, оп. 51, ед. хр. 3, л. 25.

³¹ Крупенский А. Н. Краткий очерк о Бессарабском дворянстве. С. 2 и 10.

3. Освящение церкви почетным лицом Кишиневской духовной консистории — сентябрь 1852 г. (к 30-летию пребывания поэта в этих местах).³²

Долнинские здания, построенные Иваном, являются единственными строениями из камня в более чем 12 имениях семейства Ралли. «Ванька» в отличие от его родителей, братьев и сестер погребен в 1858 г. в построенной им церкви, а его дети — в ограде последней.

Приведенные сведения создают привлекательный образ Ивана Ралли: высокая культурная эрудиция и образованность, храбрость и воинская доблесть, активная общественная деятельность в Бессарабии, — все это свидетельствует в пользу «порядочного молодого человека», с которым был близок Пушкин и с которым он мог совершить совместную поездку в Долну и Юрчены. В память о дружбе Ралли с великим поэтом, вероятно, и построена каменная церковь в Долне.

Итак, пересматривая свои воспоминания почти в 80-летнем возрасте (спустя около 60 лет с момента беседы с тетушкой Е. З. Стамо-Матиас). З. К. Ралли-Арбуре стремился, вероятно, воздать должное родной Бессарабии, где прошли годы его детства, и России, с которой была связана бурная молодость.

В 1869 г. в Бессарабии, куда был выслан молодой Замфир, он и услышал рассказ своей 70-летней тетушки о событиях 50-летней давности. Из воспоминаний видно, что автор рукописи был мало знаком с историей своего рода, а написанное им, по его собственным словам, являлось плодом и «скелетом всего услышанного и за давностью лет во многом позабытого». Для полноты воспоминаний автор дополняет их сведениями из опубликованных источников — дневников и воспоминаний И. П. Липранди, А. Ф. Вельтмана, В. П. Горчакова, Ф. Н. Лугинина и других знакомых русского поэта по Кишиневу.

Разрыв во времени, отсутствие семейных источников и объясняют наличие в воспоминаниях З. К. Ралли-Арбуре неточностей. Найденные нами местные и архивные материалы исправляют невольно допущенные ошибки. Ценность этих воспоминаний состоит в том, что они раскрывают нам одну из страниц в жизни Пушкина, — связанную с молдавским окружением поэта.

Вас. Молкосян

СЕНТЯБРЬ 1833: А. С. Пушкин и В. И. Даль

Как известно, предприняв в 1833 г. поездку в Оренбург, Пушкин на протяжении всего своего пути по землям Поволжья вел запись сведений о Пугачеве.¹ Но согласно справедливому замечанию Н. В. Измайлова, «особенно настойчиво и тщательно стал он это делать тогда, когда 16 сентября въехал в пределы Оренбург-

³² Приведенные данные записаны на обороте плана церкви. Два письма и план-проект церкви хранятся в филиале музея А. С. Пушкина в с. Пушкино (Молдова).

¹ Во время своего путешествия Пушкин неоднократно получал квалифицированную помощь на местах. В Казани, например, он пользовался поддержкой Е. А. Баратынского (см.: Комарович В. Л. Записи устных рассказов о пугачевщине // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.: JL, 1939. Т. 4—5. С. 19) и К. Ф. Фукса (см.: Фукс А. А. А. С. Пушкин в Казани // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985. Т. 2. С. 256).

ского края».² Здесь же приводится ориентировочная справка о передвижении поэта: в Оренбург он прибыл 18 сентября, 20 сентября выехал из Оренбурга в Уральск, а 23 сентября отбыл из Уральска в Болдино.

Думается, что именно благодаря целенаправленной помощи Даля, который служил чиновником особых поручений при оренбургском военном губернаторе Перовском и имел богатый опыт по сбору фольклора, Пушкин смог в столь короткий срок (по сути дела проездом) услышать чрезвычайно ценные свидетельства о вожде крестьянского восстания. Между тем характер и объем оказанной помощи получил разноречивую трактовку в исследовательской литературе. Например, открытым до сих пор остается важный вопрос о том, сопровождал ли Даль Пушкина в Уральск. Ввиду многоаспектности этого вопроса представляется целесообразным начать настоящую статью с некоторых предварительных замечаний.

Недавно назначенный военным губернатором Перовский³ едва ли отпустил бы Пушкина, путешествующего к тому же с «высочайшего его императорского величества соизволения»,⁴ одного без сопровождения в Уральск. Ведь буквально накануне в расположенной рядом с Оренбургом Бердской слободе за то, что поэт, «вошедши в комнату, не снял шляпы и не перекрестился на иконы и имел большие ногти»,⁵ а также расспрашивал старожилов о Пугачеве (по их словам, «подбивал под пугачевщину»⁶), они прозвали Пушкина «антихристом» и донесли на него.

Тем не менее, надо полагать, Перовский специально предупреждал о предстоящем пушкинском визите⁷ начальника станицы Гребенщикова, который уже с вечера собирал «стариков и старух, помнящих Пугачева».⁸ Причем поэт наведился сюда вместе с хорошо известным в округе директором Неплюевского военного училища К. Д. Артюховым⁹ и Далем, которого, впрочем, местные жители знали еще недостаточно ввиду его недавнего определения на службу и длительного пребывания в дальней командировке (об этой командировке см. ниже). Видимо, пугачевская тема и через 60 лет после восстания была по-прежнему острой для уральских казаков.¹⁰

² Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л., 1975. С. 273.

³ Из Петербурга Перовский выехал 20 мая (см.: Северная пчела. 1833, 25 мая. № 114. С. 454) и прибыл в Оренбург 8 июня (см.: Модестов Н. Н. В. И. Даль в Оренбурге // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1913. Вып. XXVII. С. 21). Здесь же Н. Н. Модестов сообщает о приезде Даля в Оренбург около 29 июля.

⁴ См. об этом: Овчинников Р. В. Встреча в Оренбурге // Рифей. Челябинск, 1981. С. 8.

⁵ Воспоминания купца Н. А. Кайдалова // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1900. Вып. VI. С. 215.

⁶ Даль В. И. Воспоминания о Пушкине // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 261.

⁷ Догадка о приезде с Пушкиным Перовского (см.: Славянский Ю. Л. Поездка А. С. Пушкина в Поволжье и на Урал. Казань, 1980. С. 55) беспочвенна, ибо тогда начисто исключалась бы самая возможность доноса в Оренбург.

⁸ Воспоминания купца Н. А. Кайдалова. С. 214.

⁹ И. А. Бунтова, рассказывая Е. З. Ворониной через два месяца о своем разговоре с Пушкиным, заметила: «Да тут же с ним был и приятель наш, полковник Артюков; уж он бы не захотел ввести нас в беду» (Письма из Оренбурга 1833 года // Русский архив. 1902. № 8. С. 660. — Ср. данную здесь же, на с. 648 характеристику Артюкова).

¹⁰ См.: Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. С. 282—283.

Дополнительно обстановка была накалена тем, что в Оренбуржье в 1832 г. «был полный неурожай и в зиму 1832—1833 страшный голод»,¹¹ а в 1833 г. — засуха.¹² То и дело вспыхивали очаги холеры. Например, в Уральске, куда направлялся поэт, «холера появилась с 31 августа, окончилась 14 сентября: заболело 20 ч(еловек), умерло 13».¹³ Все это, а также строительство православных церквей вызывало волнения среди казачества.¹⁴

Даль пишет о приготовлениях перед поездкой в «бывшую столицу Пугачева» Берды: «Я взял с собою ружье, и с нами было еще человека два охотников. Пора была рабочая, казаков ни души не было дома». Думается, время для посещения выбиралось специально. Под охотниками здесь подразумеваются добровольцы,¹⁵ ведь ниже сообщений об охоте нет вообще. Понимая, какую реакцию вызовет внешний вид и независимое поведение поэта, его интерес к Пугачеву, Даль на всякий случай принял меры предосторожности.

Бесспорно, Перовскому для сопровождения Пушкина в Уральск нужен был абсолютно надежный чиновник, разбирающийся в местных обычаях, способный помочь поэту в его работе, а при необходимости противодействовать холере.¹⁶ У Перовского на новом месте был, естественно, не слишком большой выбор,¹⁷ и кандидатура Даля напрашивалась сама собой. Напомним, что Даль являлся доверенным лицом Перовского.¹⁸

Служивший тогда в Оренбурге К. А. Бух вспоминал: «Когда в сентябре 1833 года приехал Пушкин <...>, Даль ездил провожать его по станицам Уральского и Оренбургского казачьих войск».¹⁹ Этот факт надолго сохранился в памяти местных жителей, о чем свидетельствовал П. Л. Юдин: «Старожилы даже уверяют, что, по поручению Перовского, Даль сопровождал поэта в его поездке по станицам и крепостям (до Уральска) и указывал ему места Пугачевских становищ и погромов».²⁰ П. В. Анненков, опираясь несомненно на рассказ Даля, передавшего ему свои «Воспоминания о Пушкине», писал: «Там (в Оренбурге, — Ю. Ф.) останавливался он (Пушкин, — Ю. Ф.), как мы слышали, в доме самого генерал-губерна-

¹¹ Попов А. В. Холера 1829—33 годов в Оренбургском крае // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1910. Вып. XXI. С. 274.

¹² О грозившем Оренбуржью неурожаяе см.: Северная пчела. 1833, 24 июня. № 140. С. 557; 19 августа. № 186. С. 741.

¹³ Попов А. В. Холера 1829—33 годов в Оренбургском крае. С. 275.

¹⁴ См.: Модестов Н. Н. В. И. Даль в Оренбурге. С. 27.

¹⁵ См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1981. Т. 2. С. 774.

¹⁶ Будучи врачом, Даль имел богатый опыт борьбы с холерой (см.: Модестов Н. Н. В. И. Даль в Оренбурге. С. 17).

¹⁷ В письме от 30 мая 1838 г. Даль писал В. А. Жуковскому из Оренбурга: «... бедный Василий Алексеевич, с тех пор что он в Оренбурге, не один *десяток* ночей просидел до белого света и делал *сам* то, чем в хорошо устроенном дежурстве едва ли займется дежурный штаб-офицер...» (ИРЛИ, ф. 28.028, л. 2—2 об.). Слова, выделенные курсивом, подчеркнуты в автографе.

¹⁸ Об этом см.: Б < а р т е н е в > П. В. И. Даль // Русский архив. 1872. № 10. С. 2027—2028; Мельников П. И. Воспоминания о Владимире Ивановиче Дале // Русский вестник. 1873. № 3. С. 309—310; Модестов Н. Н. В. И. Даль в Оренбурге. С. 23—24.

¹⁹ Бух К. А. О знакомстве с А. С. Пушкиным // Записки Отдела рукописей Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина. М., 1938. Вып. 1. С. 8—9.

²⁰ Юдин П. Л. Памяти А. С. Пушкина. 1. Некоторые подробности о его пребывании в Оренбурге // Русский архив. 1899. № 5. С. 138.

тора и вместе с В. И. Далем объехал Оренбургскую линию крепостей...»²¹ (курсив мой, — Ю. Ф.).

Л. Н. Майков также полагал, что Даль «неразлучно провел с Пушкиным» пять дней — с 18 по 23 сентября.²² Более того, напечатанные по его инициативе (об этом сообщалось в предисловии к публикации) письма Е. З. Ворониной позволяют говорить об отсутствии Даля в Оренбурге вплоть до последних чисел сентября.

Действительно, сообщение о присутствии Даля содержится лишь в четвертом письме — от 2 октября. До этого в трех довольно-таки пространных и «густонаселенных» письмах, в которых отсчет оренбургского времени начинается с двух часов пополудни 20 сентября,²³ ничего не говорится о встрече с Далем. Это тем более бросается в глаза, что Даля нет и в окружении Перовского, постоянно общающегося с Шелашниковыми (Е. З. Воронина проживала вместе с семьей камергера и откупщика П. И. Шелашникова). К тому же 27 сентября жена Даля наносит визит к приезжим, а о самом Дале, вероятно, со слов его жены, корреспондентка уведомляет: «Муж ее литератор; это он пишет под именем Казака Луганского. Он служит у Перовского, женат не более двух месяцев».²⁴ Таким образом, отличавшаяся любопытством Е. З. Воронина только через неделю своего пребывания в Оренбурге услышала о Казаке Луганском. Визит жены Даля без мужа к незнакомым людям также следует воспринять как нечто исключительное. После 2 октября имена молодоженов упоминаются только рядом.

В письме от 2 октября читаем о том, что Даль с женой гостили у Шелашниковых. Причем Даль, несмотря на первоначальную замкнутость, оказался приятным собеседником.

В пятом письме, от 8 октября, говорится о совместном приезде Перовского и Даля на обед, о визите Шелашниковых к Далю (чего до 2 октября не было). Здесь же сказано о том, что вечером Перовский гостил у Шелашниковых «с Далем и его женой». Правда, «Перовский уехал ранее всех», но Даль был душой общества: мастерски читал свои «прекрасно написанные в самых народных русских выражениях» сказки, пел в составе трио, куда входила и его жена, русские песни.

В девятом письме, от 20 ноября, рассказывая о музыкальном вечере, корреспондентка опять высоко оценивает исполнение русских песен упомянутым выше трио и передает рассказ жены Даля о пребывании в их доме Пушкина.²⁵

Безусловно, Е. З. Воронина описывает прежде всего события, в том или ином отношении ее заинтересовавшие. И конечно, таким событием в провинциальной глуши было знакомство с уже довольно известным писателем, приятелем Пушкина. Активное участие супругов Далей в светской и музыкальной жизни Оренбурга в начале октября вызвано, на наш взгляд, естественным желанием молодоженов побыть в обществе, развлечься после очередной многодневной разлуки.

²¹ Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. СПб., 1855. С. 372. — То же самое, используя семейные предания, утверждает племянник поэта Л. Н. Павлицев (см.: Исторический вестник. 1888. № 10. С. 42).

²² Майков Л. 1) Пушкин и Даль // Русский вестник. 1890. № 10. С. 15; 2) Пушкин. СПб., 1899. С. 426.

²³ Корреспондентка сообщает: «Пушкина мы уже не застали здесь: он уехал накануне нашего приезда» (Письма из Оренбурга 1833 года. С. 647).

²⁴ Там же. С. 648. — Не свидетельствует ли употребленная формулировка («это он пишет под именем Казака Луганского») о знакомстве корреспондентки с творчеством Даля?

²⁵ Там же. С. 652, 653, 658.

Появление Даля в Оренбурге в самом конце сентября свидетельствует о том, что он сопровождал Пушкина не только в Уральск, но и дальше, до границ Оренбургского края. Кстати, Пушкин прибыл в Болдино примерно в то же время — 1 октября. Путь от Уральска до имения Языковых, расположенного в 65 верстах от Симбирска, поэт проделал с 23 по 29 сентября (для сравнения, более значительное расстояние между Симбирском и Оренбургом он преодолел за период с 15 по 18 сентября).²⁶ Даже с учетом непогоды, о которой упоминает Пушкин в письме от 2 октября,²⁷ разница в скорости передвижения представляется слишком заметной.

В XIX в. вопрос о совместной поездке Пушкина и Даля в Уральск решался утвердительно. Ввиду общепринятости этой точки зрения дополнительная ее аргументация не требовалась.

Однако в 1916 г. прозвучало мнение о том, что П. В. Анненков неверно понял слова Даля о совместной поездке и «спутал Оренбург с Оренбургской губернией», а сам Даль в своих воспоминаниях о Пушкине «если не прямо, то косвенно приписывает себе более значительную роль».²⁸ Относительно первого заметим: в случае искажения смысла Даль, как он это неоднократно делал,²⁹ несомненно поправил бы П. В. Анненкова. Во-вторых, Даль «не искал покровительства Пушкина» — «Пушкин проявлялся в беседах с ним самыми существенными чертами своей личности».³⁰

На основании рапорта Даля Перовскому, датированного 21 сентября 1833 г., Д. Н. Соколов делает категорическое заключение о присутствии Даля в Оренбурге в то время, «когда поэт был уже на полдороге к Уральску».³¹ Кстати, первый публикатор рапорта отнюдь не считал, будто Даль лично должен был передать рапорт в канцелярию в указанный день, и не ставил под сомнение совместную поездку Пушкина и Даля в Уральск.³² В настоящее время бытуют и точка зрения

²⁶ См.: С л а в я н с к и й Ю. Л. Поездка А. С. Пушкина в Поволжье и на Урал. С. 52, 54, 69. — Пушкин отправился из Уральска в Болдино не через Саратов и Пензу, как предполагал ранее, а по Самаро-Сызранской дороге, что значительно сокращало путь (см.: Б е л ы й А. И. «...завтра еду к яицким казакам...» // Временник Пушкинской комиссии. 1980. Л., 1983. С. 135—136).

²⁷ «При выезде моем (23 сентября) вечером пошел дождь, первый по моем выезде (<...>) и через полчаса сделал дорогу непроходимой. Того мало: выпал снег, и я обновил зимний путь, проехав верст 50 на санях» (XV, 83). Ср. с письмом Е. З. Ворониной от 27 сентября: «Утро. Я проснулась (<...>) и мне бросилась в глаза кровля, покрытая снегом. Как ясно, светло! А было очень ненастно несколько дней сряду. Вчера еще шел весь день проливной дождь». Но, описывая свою поездку на меновой двор 25 сентября, она не упоминает о ненастье (Письма из Оренбурга 1833 года. С. 647). Как видим, полностью непригодным для длительного передвижения был только один день: 26 сентября. Не начал ли Пушкин свой путь из Оренбуржья к Симбирску 25 сентября?

²⁸ С о к о л о в Д. Н. Пушкин в Оренбурге // Пушкин и его современники. Пг., 1916. Вып. XXIII—XXIV. С. 87, 69.

²⁹ См., например: Д а л ь В. И. 1) Приписка к письму А. И. Кошелеву, по поводу возражений на него // Отечественные записки. 1857. № 2, отд. II. С. 134; 2) Заметка о грамотности // Санкт-Петербургские ведомости. 1857, 10 ноября. № 245. С. 1269.

³⁰ М а й к о в Л. Пушкин и Даль. С. 3, 5.

³¹ С о к о л о в Д. Н. Пушкин в Оренбурге. С. 86.

³² См.: М о д е с т о в Н. Н. В. И. Даль в Оренбурге. С. 28—29, 31.

П. В. Анненкова,³³ и точка зрения Д. Н. Соколова.³⁴

Исследователи почему-то решили, что Даль находился в командировке с 17 августа чуть ли не до приезда Пушкина 18 сентября и что оба они въехали в Оренбург едва ли не одновременно.³⁵ Действительно, нам известно предписание Перовского Далю, датированное 17 августа 1833 г.: «... предлагаю вам по поводу отбытия моего на линию отправиться на первый раз в землю уральских казаков, где имеете по соображениям личного моего с вами объяснения обратить внимание на все относящееся до земли сей и ее управления, а особенно в отношении тех обстоятельств, на кои я уже имел случай обратить внимание ваше».³⁶

Как видим, наспех написанное предписание³⁷ лишено конкретизации. Между тем Даль и не мог выехать 17 августа ввиду намеченного на 22 августа (день коронавания Николая I) благотворительного концерта оренбургских любителей музыки в пользу погоревших в Илецкой Защите. Но в последний момент «по случаю простуды первого виолончеля» концерт был отложен.³⁸

Таким образом, становится понятным, почему Даль оказался в Уральске 22 августа.³⁹ Об этом сохранилась и помета в его записной книжке. В конце помещенной здесь «Записки о Башкирских землях...» читаем: «Для составления записки об отдаче некоторых участков земли Уральцам отправился 21-го, а прибыл 22-го авг(уста) в день коронавания Никол(ая) в Уральск».⁴⁰

После этого на л. 20—23 помещены почерпнутые в Уральске сведения под названием «К записке об Уральском Войске». В самом конце этого материала, на л. 23, содержится набросок, озаглавленный «Письмо Н. И. Гречу, из Уральска, 1833 августа 25-го»: «Уехал из Петербурга и не простившись с Вами, имел я намерение писать к Вам с берегов Урала — день за день, и вот уже прошло ровно *десять* (надписано над перечеркнутым словом *шесть*; курсив мой, — Ю. Ф.) недель со дня отбытия моего из столицы. Ныне судьба меня привезла на карандасе в Уральск; здесь столько своеродного и любопытного, что невольно позоывает к перу — может быть Вы кой-что напечатаете из письма моего.

³³ См., например: Порудоминский В. И. Даль. М., 1971. С. 155; Бессараб М. Я. Владимир Даль. М., 1972. С. 91; Шубин Б. М. Дополнение к портретам. М., 1985. С. 86.

³⁴ См., например: Славянский Ю. Л. Поездка А. С. Пушкина в Поволжье и на Урал. С. 63; Попов С. А. Дороги сентября // Рифей. Челябинск, 1981. С. 51; Рахимкулов М. Г. Встречи в Башкирии. Уфа, 1982. С. 28.

³⁵ См., например: Соколов Д. Н. Пушкин в Оренбурге. С. 69; Славянский Ю. Л. Поездка А. С. Пушкина в Поволжье и на Урал. С. 54; Рахимкулов М. Г. Встречи в Башкирии. С. 16.

³⁶ Модестов Н. Н. В. И. Даль в Оренбурге. С. 26.

³⁷ Только спешкой, на наш взгляд, можно объяснить двойное употребление словосочетания «обратить внимание» и двойное упоминание о приватной беседе, неуместное с точки зрения стиля и смысла в одном предложении. Отмеченная небрежность тем более удивительна, что Даль «не имел определенного круга обязанностей» и его служебная деятельность регламентировалась именно этим предписанием (Попов П. Е. Документальные материалы Государственного архива Оренбургской области о деятельности В. И. Даля в Оренбургском крае // Южноуральский археографический сборник. Уфа, 1973. Вып. 1. С. 290).

³⁸ Луганский В. Письмо к издателю из Оренбурга // Северная пчела. 1834, 9 января. № 6. С. 23—24.

³⁹ См.: Луганский В. Письмо к Гречу из Уральска (Окончание) // Северная пчела. 1833, 12 октября. № 231. С. 924.

⁴⁰ ГБЛ, ф. 473, карт. 1, ед. хр. 2, л. 19 об. — В этой записной книжке Даля листы пронумерованы с 1 по 135, а затем в обратном порядке с 1 по 44. Здесь и ниже указываются листы по нумерации, идущей от конца записной книжки.

По рассказам Уральцев предки их. . .».

Заглавие с датой, исправление числительного *шесть* на *десять*, окончание наброска (примерно со слов «что невольню») явно позднейшего происхождения; это видно по цвету чернил. Последнее неоконченное предложение, вероятно, писалось во время движения, о чем свидетельствует неровность, сбивчивость строки и букв.

На обороте л. 23 слева нарисована от руки схема земель Уральского войска, а справа на этом же листе и сверху на л. 24 помещены пояснения к этой схеме. Ниже на л. 24 вновь возникает густо испещренное поправками «Письмо к Гречу, из Уральска (отправлено сентября 25. Оренбург)». Здесь читаем: «Уехав из Питера и не простившись даже с Вами, хотел я писать Вам по прибытии в Оренбург — день за день, и вот уже прошло ровно 12 (цифра надписана над перечеркнутым словом *десять*, — Ю. Ф.) недель⁴¹ со дня отбытия моего из столицы. Ныне судьба привезла меня на карандасе в Уральск. . .».

Указание на дату отправления в скобках, исправление слова *десять* на 12, окончание статьи на л. 28—28 об. (начиная со слов «происходило, чин чином») и вся позднейшая редакция осуществлены чернилами одного цвета. Новое созданый текст в целом соответствует опубликованному в «Северной пчеле».

Учет расположения материалов и вносимых в них изменений в записной книжке Даля позволяет уточнить хронологию его командировки. Если 12-недельный срок отъезда Даля из Петербурга приходился на 25 сентября,⁴² то 10-недельный — на 11 сентября, а 6-недельный — на 14 августа.

Итак, первоначальный замысел статьи возникает около 14 августа и ориентация на это число сохраняется в наброске, начатом в Уральске, куда Даль прибыл 22 августа. Необходимость осмотра земель заставляет отложить работу. На обратном пути Даль пытается дописать набросок (со слов «что невольню»), изменяет временную привязку («десять недель»), в связи с окончательным оформлением замысла проставляет название, а также дату начала работы — 25 августа.⁴³

Написать «Письмо к Гречу» полностью (с сохранением указания на десять недель) Даль смог только по возвращении в Оренбург, около 11 сентября, предварительно набросав схему осмотренных земель с пояснениями.

При встрече с приехавшим 18 сентября Пушкиным Даль показывает ему свою статью и под влиянием бесед с ним производит окончательную правку, проставляет новый срок — 12 недель.

У Даля, например, первоначально было: «На Урале безчинствовал Емеля Пугачев; яицкие казаки дрались с ним, он осаждал самый Оренбург, поставив пушку на колокольню солдатской слободки, — на Урале искала убежища Мария Мнишек».⁴⁴ После исправления: «На Урале явился Стенька Разин, искала убежища Мария Мнишек, безчинствовал Емеля Пугачев; нынешние казаки. . .». Не желая предварять исторический труд поэта, и безусловно по его просьбе Даль убирает

⁴¹ В газете напечатано: «. . . прошло двенадцать недель» (Луганский В. Письмо к Гречу из Уральска // Северная пчела. 1833, 11 октября. № 230. С. 920).

⁴² Следовательно, из Петербурга Даль выехал 3 июля. Эта же дата приведена в кн.: Бессараб М. Я. Владимир Даль. С. 82.

⁴³ Только после сбора материалов, озаглавленных «К записке об Уральском Войске», на что ушло не менее двух-трех дней, Даль обратился к созданию наброска. Но так как работа над ним была сразу же прервана, то вероятнее всего Даль выехал из Уральска для осмотра земель тогда же, 25 августа.

⁴⁴ ГБЛ, ф. 473, карт. 1, ед. хр. 2, л. 25.

факты, использованные в «Истории Пугачева»: об осаде восставшими Яицка и обстреле Оренбурга с колокольни. Причем для отражения последнего эпизода (IX, 26) единственным источником послужил именно рассказ Дала.⁴⁵

Но продолжим цитирование: «...нынешние казаки живя в спокойствии и довольствии представляют проезжему приятную картину порядка, опрятности, достатка, хлебосольства и внимательности к проезжему и какой-то всеобщей служебной учтивости и почтения, которая в сравнении с неповоротливою обходительностью русских мужичков приятно изумляет путешественника. Со вступлением в Уральскую землю вы можете завязать и запечатать кошелек: никто и отнюдь никогда не попросит на водку, никто не возьмет платы за съестные припасы, вам радушно предлагаемые».

Пассаж о проезжем путешественнике начисто отсутствует в первоначальной редакции. Можно утверждать, что речь здесь идет именно о Пушкине, которому ввиду его материальных затруднений⁴⁶ были возмещены дорожные расходы.

Вернувшись из командировки, Даль подал на имя Перовского рапорт: «Объехав по предписанию Вашего превосходительства земли войска Уральского и имея уже честь отдать Вам лично отчет о сей поездке, осмеливаюсь просить покорнейше, дабы следующие мне казенные прогонные деньги за проезд от Оренбурга через Уральск (. . .) в Оренбург, всего за две тысячи и пятьдесят верст, на три лошади, то есть: триста семь рублей и пятьдесят копеек — повелено было от коих сих денег мне выдать».⁴⁷ На рапорте обозначено: «21 сентября 1833, Оренбург».

Легко обнаружить, что приведенный рапорт своей многозначительной ссылкой на приватную беседу удивительно напоминает предписание Перовского от 17 августа. Обращают на себя внимание и совпадения другого рода. Если верить предписанию, Даль отбыл в командировку 17 августа, т. е. в день отъезда Пушкина из Петербурга.⁴⁸ В рапорте указано 2050 верст, а расстояние от Петербурга до Оренбурга официально равнялось 2068 верстам.⁴⁹ Даль говорит о плате за три лошади; Пушкину как титулярному советнику полагалось также три лошади.⁵⁰ Оставляя в стороне вопрос о преодолении Далем всех указанных им верст,⁵¹ заметим, что сумма 307 рублей 50 копеек примерно соответствовала официальным командировочным расходам титулярного советника от Петербурга до Оренбурга. Затраты на дополнительных лошадей⁵² вполне компенсировались безусловно бесплатным для Пушкина проездом в Уральск.

⁴⁵ Об этом см.: Овчинников Р. В. Встреча в Оренбурге. С. 15.

⁴⁶ Об этом см.: Никитин А. Г. Пушкин и Урал. Пермь, 1984. С. 132; Ободовская И., Дементьев М. Вокруг Пушкина. М., 1978. С. 83—86, 121—122, 269—270, 278. — Поэт располагал настолько скромной суммой для путешествия, что испытывал недостаток прогонов «на лишние 500 верст» (XV, 86).

⁴⁷ Белый А. Рапорт Дала // Простор. 1980. № 3. С. 138.

⁴⁸ См.: Пушкин А. С. Письма к жене. Л., 1986. С. 35, 133.

⁴⁹ См.: Почтовый дорожник. СПб., 1829. С. 16—17

⁵⁰ Там же. С. 439.

⁵¹ Выше нами отмечалось, что Перовский добирался от Петербурга до Оренбурга 19 дней. То же расстояние сенатский курьер Григорий Максимов в августе—сентябре 1774 г. преодолел за две недели, столько же времени затратив и на обратный путь (см.: ЦГИА, ф. 468, оп. 32, дело № 2, л. 512). Даль выехал из Уральска 25 августа и преодолел меньшее расстояние за 15—16 дней. При передвижении он несомненно срезал углы. Предложенный в рапорте подсчет верст не подлежал проверке и носил во многом условный характер.

⁵² См.: Рукою Пушкина. М.; Л., 1935. С. 361—362.

Будучи коротко знакомым с Перовским, поэт начинает активно добиваться разрешения на поездку сразу после его назначения оренбургским военным губернатором.⁵³ Бесконтрольно распоряжаясь крупными денежными суммами и щедро раздаривая их,⁵⁴ вынашивая честолюбивые замыслы,⁵⁵ Перовский был кровно заинтересован в написании «Истории Пугачева», ибо это укрупняло значение Оренбургского края и соответственно поста военного губернатора. Поэтому моральное и материальное поощрение Пушкина со стороны Перовского представляется более чем естественным.

По свидетельству всех мемуаристов, за услышанные рассказы Пушкин расплачивался в Оренбуржье наличными. Как сообщает Н. А. Кайдалов (со слов Гребенщикова), старики и старухи в Берде «не хотели принять от него деньги (которые были светленькие и новенькие), называя их антихристовыми и думая, что они фальшивые», т. е. речь идет о деньгах, не бывших еще в употреблении, как будто выданных тут же из казны.

Нам неизвестно, оплачивал ли Пушкин получаемые сведения где-либо еще на своем пути, но по приезде в Оренбург он сделал это на другой день. По всей видимости, сумма, им розданная, была отнюдь не копеечной. Так, Н. Иванов, опираясь на воспоминания очевидцев, утверждает: «За песни молодые казаки и за рассказы — старики и старухи были награждаемы Пушкиным по „царски“: за каждую песню или отдельный эпизод он платил червонец, иных угощал вином, сядя с собой за стол».⁵⁶ В доносе жителей Бердской слободы на поэта, приводимом Н. Ивановым и Далем, говорится: «... дарил золотом».

Следовательно, сумма, обозначенная в рапорте Даля, была выплачена Пушкину золотом.⁵⁷ Червонец равнялся примерно трем рублям в переводе на серебро, рубль серебром приравнялся к трем с половиной рублям ассигнациями.⁵⁸ Не случайно при подсчете стоимости издания «История пугачевского бунта» Пушкин не учитывает «деньги, потраченные на поездку по „пугачевским местам“».⁵⁹ Ведь если дорожные расходы возмещались ему в оба конца, то и незачем было на них указывать.

Из сказанного ясно также, почему Пушкин умалчивает о встрече с Далем, а Даль в «Воспоминаниях о Пушкине» говорит только об *одной* совместной поездке в Берды и только об *одном* червонце («Пушкин дал ей на прощанье червонец»; «червонец наделал большую суматоху»; «привезли и старуху, и роковой червонец»).

21 декабря 1833 г. Перовский распорядился выдать Далю из экстраординарной суммы 1000 рублей ассигнациями за деньги, употребленные им «на разные пред-

⁵³ См.: Никитин А. Г. Пушкин и Урал. С. 139—143.

⁵⁴ См.: Записки генерал-майора И. В. Чернова // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1907. Вып. XVIII. С. 83—87.

⁵⁵ См.: Юдин П. Граф В. А. Перовский в Оренбургском крае // Русская старина. 1896. № 5. С. 411—423; № 6. С. 521, 530.

⁵⁶ Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. VI. С. 229.

⁵⁷ Курс ассигнаций, введенных в 1769 г. Екатериной II, несмотря на все усилия царского правительства, неудержимо падал вплоть до их девальвации в 1839 г. (см.: Настольный энциклопедический словарь Гранат. М., 1901. Т. 5. С. 2391—2392; Зварич В. В. Нумизматический словарь. Львов, 1976. С. 19).

⁵⁸ См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1982. Т. 4. С. 175—176, 590; 1978. Т. 1. С. 26.

⁵⁹ Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962. С. 368.

меты по делам службы».⁶⁰ Что это за «предметы», из документа не видно. Не менее характерна и стоящая на нем надпись: «Уничтожить».⁶¹ Почему документ сохранился, трудно сказать, но почему его следовало уничтожить, совершенно очевидно: деньги предназначались Далю в качестве компенсации. Кстати, 1000 рублей ассигнациями в переводе на серебро равнялись примерно сумме, указанной Далем в рапорте.

Дата на рапорте Даля — 21 сентября — вообще снимала вопрос о какой-либо передаче денег или совместной поездке в Уральск. Созданию камуфляжа способствовало и вышеупомянутое предписание Перовского от 17 августа, дополнительно суживающее возможность контактов между Пушкиным и Далем. Нельзя забывать и о том, что Пушкин и Даль находились в поле зрения III Отделения. Так, вышедшие в 1832 г. сказки Даля были запрещены, а их автор арестован. Через месяц после отъезда Пушкина Перовский получил бумагу об установлении за ним полицейского надзора. Поэтому с большой осторожностью следует относиться к ответу Перовского, удостоверяющего лояльность поэта и утверждающего, будто Пушкин «останавливался» в его доме.⁶² Сам Даль называл местом жительства Пушкина в Оренбурге свой дом.⁶³

В писарской копии «Воспоминаний о Пушкине» с пометами Даля, хранящейся в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, прямо сказано, что Даль перевез поэта от Перовского «к себе».⁶⁴ Впрочем, иначе и быть не могло, ведь Пушкин черпал интересующую его информацию в основном из бесед с Далем. Однако и сейчас вопреки возникающей смысловой неловкости печатают: «...на другой день перевез я его оттуда».⁶⁵ Спрашивается, куда? Ответа на этот вопрос нет и в комментариях. Не пора ли восстановить подлинный текст воспоминаний Даля?

Выше говорилось о том, что «Письмо к Гречу из Уральска» в записной книжке Даля сопровождается пометой: («отправлено сентября 25. Оренбург»). Из этой пометы в публикации «Северной пчелы» воспроизведена только дата. Скорее всего у редакции не было никаких причин считать Оренбург местом отправления статьи.

25 сентября 1833 г. приходилось на понедельник, а почтовым днем в Оренбурге был вторник.⁶⁶ К тому же, вероятно из-за ненастья, почта смогла уйти только

⁶⁰ Модестов Н. Н. Даль в Оренбурге. С. 32.

⁶¹ Там же. С. 6.

⁶² Русская старина. 1883. № 1. С. 78.

⁶³ См.: Бартенева П. И. Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей в 1851—1860 годах. М., 1925. С. 21. — Видимо, этот факт был намеренно опущен в процитированных выше «Материалах...» П. В. Анненкова из-за нежелания дискредитировать официальный ответ здравствовавшего тогда Перовского (В. А. Перовский умер в 1857 г.).

⁶⁴ См.: Прянишников Н. Е. Писатели-классики в Оренбургском крае. Чкалов, 1956. С. 43; Овчинников Р. В. Встреча в Уральске. С. 9; Породоминский В. И. Даль и Пушкин // Русская речь. 1987. № 6. С. 13.

⁶⁵ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 260; Вересаев В. В. Пушкин в жизни. Минск, 1986. С. 329; Жизнь Пушкина. М., 1987. Т. 2. С. 533.

⁶⁶ Во вторник из Оренбурга отправлялась экстр-почта, которая курсировала только между городами Симбирском, Казанью, Нижним Новгородом, Владимиром, Москвою и Петербургом (см.: Северная пчела. 1833, 5 июня. № 123. С. 489). Обычная почта также отправлялась в этот день и «прибывала в Уральск в среду в семь часов вечера» (см.: Попов С. А. Дороги сентября. С. 51).

27 сентября.⁶⁷ Но тогда статья Даля не поспевала в номер от 11 октября, ибо должна была оказаться в Петербурге не позднее 8 октября. Ее предстояло подготовить к печати и набрать в типографии до 10 октября, когда номер представлялся для получения цензурного разрешения.

Приведенные выше сведения о скорости передвижения между Петербургом и Оренбургом свидетельствуют о том, что даже экстра-почта не могла идти быстрее двух недель. Например, информация из Оренбурга, датированная 3 октября (вторник), опубликована в «Северной пчеле» от 25 октября.⁶⁸ Кстати, здесь сообщается о скачках, проводившихся в Уральске с 17 по 20 сентября. По нашему мнению, данная информация принадлежит Далю.⁶⁹ А если так, то мы получаем еще одно косвенное подтверждение отсутствия Даля в Оренбурге до конца сентября.

Казалось бы, отправитель «Письма к Гречу» мог воспользоваться оказией и «продвинуть» его поближе к Москве. Но в связи с непогодой оно опять-таки не попадало в Петербург к 8 октября. Следовательно, указание на Оренбург не соответствовало действительности.⁷⁰ Думается, Даль, сопровождавший Пушкина, при расставании с ним 25 сентября передал ему рукопись, которую тот по дороге в Болдино отослал почтой.⁷¹ Таким образом, сама публикация «Письма к Гречу из Уральска» 11 октября в «Северной пчеле» говорит в пользу совместной поездки Пушкина и Даля в Уральск.

Пушкин безусловно учитывает статью Даля в «Истории Пугачева». У Даля читаем: «...по уверению же некоторых стариков, прадеды их были ушедшие от опалы царя Иоанна Грозного стрельцы (<...> Спрашивается: высокая, черная шапка уральца (<...>) есть ли также хивинская, или это подлинно еще остаток стрелецкой одежды?».⁷² У Пушкина: «Некоторые из ученых яицких казаков почитают себя потомками стрельцов. Мнение сие не без основания, как увидим ниже» (IX, 85).

⁶⁷ В посылаемом с нарочным письме от 30 сентября Е. З. Воронина пишет: «Третьего дня я по почте отправила к тебе письмо (подразумевается ее письмо от 27 сентября, — Ю. Ф.), а сегодня опять пишу» (Письма из Оренбурга 1833 года. С. 649).

⁶⁸ См.: Северная пчела. 1833, 25 октября. № 242. С. 965.

⁶⁹ В этом убеждают текстуальные совпадения со статьей Даля «Скачка в Уральске» (см.: Северная пчела. 1834, 9 ноября. № 255. С. 1019; 10 ноября. № 256. С. 1023—1024). Ср. в информации: «Сперва пущены были 23 лошади заводов собственно Уральского войска; из них прискакали. . .» — в статье: «Сперва пущены были 23 лошади собственно уральских заводов; из них выскакала. . .» (с. 1024); «Потом скакали 32 лошади киргизские. . .» — «Вслед за этим, скакали 30 коней степных, киргизского заводу».

⁷⁰ Такая предосторожность в записной книжке не кажется излишней именно у Даля. В 1823 г. у него на квартире без его ведома был произведен обыск, приведший к обнаружению эпиграммы на адмирала Грейга и его любовницу. В результате Даль был арестован и находился под следствием (см.: Даль В. И. Автобиографическая записка. 1841 // Русская старина. 1878. № 5. С. 182; Лернер Н. Удаление В. И. Даля из Николаева // Русская старина. 1901. № 7. С. 169—170).

⁷¹ Если в имени Языковых поэт приехал 29 сентября, то в Симбирске он мог быть 28 сентября и тогда же воспользоваться местной почтой. Так, письмо, отправленное отсюда 14 сентября, через 7 дней согласно почтовым штемпелям пришло в Петербург (см.: Пушкин А. С. Письма к жене. С. 144). Вероятна отсылка корреспонденции и из имения Языковых, находящегося в одной версте от большого Московского тракта (Там же. С. 142). Следовательно, дата получения письма в Петербурге колеблется между 5 и 8 октября.

⁷² Северная пчела. 1833, 11 октября. № 230. С. 920.

Правда, Пушкин ссылается в основном на «Историческое и статистическое обозрение уральских казаков» А. И. Левшина, хотя сведения о затерянных царских грамотах, о наеме на службу, о рыбной ловле содержатся и в статье Даля. Через десять лет после выхода книги А. И. Левшина Даль как бы подтвердил верность нарисованной здесь картины. Так, описание зимнего рыболовства, которого он еще не мог наблюдать, явно восходит к левшинскому «обозрению» и одновременно, разумеется, опирается на свидетельства уральцев. На наш взгляд, только после перепроверки Далем этнографических изысканий А. И. Левшина Пушкин решил использовать его «обозрение» в своих примечаниях.

Видимо, еще находясь в Петербурге, Пушкин просил Даля о помощи и сообщал о своем намерении приехать прямо к 60-летию со дня начала пугачевского восстания.⁷³ Кстати, в записной книжке Даля был указан пушкинский адрес — дом П. А. Жадимеровского.⁷⁴ Как известно, Пушкин проживал здесь с 1 декабря 1832 г. до середины июля 1833 г.⁷⁵ Поэтому небезосновательно мнение, утверждающее ходатайство Пушкина перед Перовским о принятии Даля на службу.⁷⁶

В своих воспоминаниях Даль пишет: «Пушкин прибыл неожиданный и нечаянный». Последующее изложение резко контрастирует с этой фразой. Пересказывая содержание своих разговоров с Пушкиным, Даль обнаруживает осведомленность, свидетельствующую о предварительной основательной подготовке. Трудно уложить в одну короткую прогулку и перечисленные темы бесед. Однако современный исследователь замечает: «Семь верст — недолгий путь, а уложилось многое».⁷⁷ Не менее симптоматично и другое заблуждение. Н. В. Измайлов так оценивает переданный Далем анекдот об усевшемся на церковный престол Пугачеве: «Очевидно, и самый рассказ, подчеркивающий невежество и примитивность мышления Пугачева, и пренебрежительный тон Даля по отношению к „Пугачу“ не соответствовали представлениям Пушкина о вожде крестьянского восстания».⁷⁸

В «Записках о Пушкине» Даль рассказывает о том, как, сопровождая государя наследника в 1837 г. в Уральск, услышал от одной старухи, что местные жители «царского племени не выдывали от самого от государя Петра Федоровича...». Ниже ее слова поясняются: «То есть — от Пугачева».⁷⁹ Здесь Даль полностью солидаризуется с пушкинскими «Замечаниями о бунте»: «Уральские казаки (особливо старые люди) доньне привязаны к памяти Пугачева. „Грех сказать, говорила мне 80-ти летняя казачка, на него мы не жалуемся; он нам зла не сделал“» (IX, 373). Приводит Пушкин и ответ на его вопрос о Пугачеве казака Пьянова: «Он для тебя Пугачев, отвечал мне сердито старик, а для меня он был великий государь Петр Федорович» (IX, 373).

Впрочем, сопоставление произведений Пушкина и Даля выходит за рамки настоящей работы. К тому же наша основная задача заключалась в ином —

⁷³ Несомненно, Пушкин хотел избежать совпадения с другой датой: 11—15 сентября 1824 г. в Оренбурге был Александр I, причем на 15 сентября приходился день его коронации (см.: Ю д и н П. Л. Император Александр I в Оренбургском крае в 1824 году // Исторический вестник. 1891. № 9. С. 709—713).

⁷⁴ См.: ГБЛ, ф. 473, карт. 1, ед. хр. 2, л. 2.

⁷⁵ См.: Рукою Пушкина. С. 765—768.

⁷⁶ См.: Ч в а н о в М. А. «Пришлите справедливого Даля!...» // Д а л ь В. И. Бикей и Мауляна: Повести; Рассказы; Очерк. Челябинск, 1985. С. 370.

⁷⁷ П о р у д о м и н с к и й В. И. Даль. С. 150.

⁷⁸ И з м а й л о в Н. В. Очерки творчества Пушкина. С. 300.

⁷⁹ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 267.

обратить внимание на некоторые обстоятельства, подтверждающие факт совместной поездки Пушкина и Даля в Уральск.

Ю. П. Фесенко

ИЗ ДНЕВНИКА МОСКОВСКОГО ПОЧТ-ДИРЕКТОРА

А. А. Ахматова заметила как-то, что любые записки начала прошлого века приобретают для нас ценность, если в них встречается имя Пушкина. Замечание очень верно, ибо первая треть XIX в. вошла в наше сознание как «пушкинская», а не «александровская» или «николаевская» эпоха. Многие ее современники удивились бы, узнав, что их имена будут извлечены из забвения только потому, что они оказались в той или иной степени связанными с именем великого поэта. Отставной дипломат, московский почтовый директор Александр Яковлевич Булгаков (1781—1863), долгие годы ведший дневник под заглавием «Современные происшествия и воспоминания мои», вряд ли мог предположить, что интерес историков вызовет не подробная придворная хроника, не многочисленные светские слухи и сплетни, заполняющие сотни исписанных неразборчивым почерком страниц, а в первую очередь упоминания — часто до обидного скупые — об «известном поэте А. С. Пушкине».

Среди своих знакомых Булгаков слыл «ходячей хроникой» новостей, всезнающим коллекционером пикантных подробностей из жизни обеих столиц. В июле 1832 г. он добился назначения на «доверенное, почетное, покойное и выгодное место», как он сам называл пост московского почтового директора. Теперь для пополнения своей осведомленности Булгаков не гнушался использовать служебное положение: т. е. распечатывал и читал чужие письма, выписывая в особые, заведенные им журналы привлекшие его внимание места. Делал он это не только для удовлетворения собственного любопытства: копии с прочитанных писем подозрительного содержания регулярно отправлялись начальнику III Отделения е. и. в. канцелярии генерал-адъютанту Бенкендорфу.

С Пушкиным Булгаков познакомился в сентябре 1826 г., вскоре после возвращения поэта из михайловской ссылки. Они несколько раз встречались в последующие годы, однако дружбою с Пушкиным Булгаков никогда похвалиться не мог. Их отношения не выходили за рамки обычного светского знакомства. Человек другого поколения (старее Пушкина 18 годами), другого круга общения, Булгаков куда более был близок с отцом поэта Сергеем Львовичем или его дядей В. Л. Пушкиным. Отзывы Булгакова о редких встречах с Пушкиным в письмах к брату, петербургскому почт-директору К. Я. Булгакову, как правило, незначительны и не слишком благожелательны. Ретиво взявшись за исполнение своих новых обязанностей, в число коих входила и секретная перлюстрация переписки, Булгаков перехватил письмо Пушкина к жене от 20—22 апреля 1834 г. и нашел нужным переслать его Бенкендорфу, а последний представил царю. Пушкин записал в своем дневнике по поводу этого возмутительного случая: «Московская почта распечатала письмо, писанное мною Н(аталье) Н(иколаевне), и нашел в нем отчет о присяге в(еликого) кн(язя), писанный, видно слогом не официальным, донесла обо всем полиции. Полиция, не разобрав смысла, представила письмо г(осудар)ю, который сторяча также его не понял (<...> Г(осударю) неугодно

было, что о своем камер-юнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностью. — Но я могу быть подданным, даже рабом, — но холопом и шутом не буду и у царя небесного. Однако, какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать к царю (человеку благовоспитанному и честному), и царь не стыдится в том признаться — и давать ход интриге, достойной Видока и Булгарина! что ни говори, мудрено быть самодержавным» (XII, 328—329). В одном письме, содержание которого нам известно по пересказу знакомых Пушкина (он давал его читать перед отправкой), Пушкин просил жену быть осторожнее в письмах и называл Булгакова «негодяем», который распечатывать чужие письма не считает грехом. Письмо это не дошло до адресата.

Понятно, что после этого даже простое светское знакомство между Пушкиным — человеком с сильно развитым чувством собственного достоинства — и сплетником, соглядатаем и доносчиком Булгаковым стало невозможным, хотя в число активных, злобных недругов Пушкина, какими были министр просвещения граф С. С. Уваров или лица, составлявшие окружение графини Нессельроде, Булгаков никогда не входил. Старинный приятель В. А. Жуковского и А. И. Тургенева, многих других «арзамасцев», Булгаков был близко дружен с князем П. А. Вяземским, чему не мешала 11-летняя разница в возрасте. Эти обстоятельства надо учитывать, знакомясь с оценкой личности Пушкина на страницах дневника московского почт-директора.

Дневник велся Булгаковым на протяжении 1825—1858 гг. и представляет собой 16 переплетенных томов. Тома пронумерованы автором: видно, что не хватает первого тома за 1825 г. Хранятся рукописи Булгакова в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР (ф. 79, оп. 1, ед. хр. 4—19). Это своего рода «энциклопедия светской суеты» XIX в. На страницах дневника события, представляющие интерес для потомства, с точки зрения автора, перемешаны с событиями действительно значительными в исторической перспективе. В ход шли как собственные наблюдения и впечатления Булгакова, так и сведения, почерпнутые из писем, в которых он, по выражению Вяземского, «купался, словно осетр в Оке». Комплексное изучение этого несомненно интересного источника еще впереди. На сегодняшний день опубликовано начало дневника за 1825 г. (как раз из недостающего тома) в сборнике «Старина и Новизна» за 1917 г. (кн. 22). Запись Булгакова о дуэли Лермонтова и Мартынова опубликовал Л. Каплан в томе 45/46 (кн. 2) «Литературного наследства», вышедшем в 1848 г. Небольшой фрагмент из дневника опубликован В. Э. Вацуру (Сквозь умственные плотины. М., 1986. С. 206—207).

А. С. Пушкин упоминается на страницах дневника несколько раз: сообщается о женитьбе поэта; цитируется стихотворение «Клеветникам России»; описывается история, разыгравшаяся вокруг опубликования пушкинской сатиры «На выздоровление Лукулла», направленной против министра народного просвещения графа Уварова. Наибольший интерес, на наш взгляд, представляет запись, посвященная дуэли и смерти Пушкина (ЦГАЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 10, л. 32—40).

Во время событий, развернувшихся вокруг дуэли, Булгаков находился в Москве. В описании происходившего он, по его словам, опирался на сведения, доставленные ему от «вернейших источников», а именно: на письмо П. А. Вяземского от 5 февраля 1837 г. (которое Булгаков дословно переписал в своем дневнике) и письмо А. И. Тургенева (очевидно, имеется в виду письмо последнего Булгакову от 29 января 1837 г.). Был знаком Булгаков и с письмом В. А. Жуков-

ского Сергею Львовичу Пушкину, которое наравне с письмом Вяземского на долгие годы стало тогда основным источником сведений о последних днях жизни Пушкина и широко распространялось в списках.

Кое-что в записях Булгакова, посвященных дуэли, неправдоподобно да и просто неверно. В одних случаях ошибается он сам, путаясь во временной последовательности событий (так, «милость» Николая I, взявшего на себя обязанности личного цензора Пушкина, отнесена им к последнему петербургскому периоду жизни поэта, а не к сентябрю 1826 г., как это было на самом деле). В других случаях Булгаков повторяет распространенные в то время заблуждения, такие, например, как версия о знатном происхождении Дантеса от некой коронованной особы (этим современники старались объяснить загадку столь блестящего и удачливого начала карьеры никому не известного эмигранта-легитимиста, прибывшего в Россию «на ловлю счастья и чинов»). Подобные неточности и ошибки понижают, конечно, степень достоверности записи Булгакова. Но означает ли это, что она вообще не заслуживает внимания? Думается, что это не так. Во-первых, запись исходит от современника Пушкина, человека, лично знавшего поэта, — это уже важно и интересно. Сквозящая местами неприязненность к Пушкину ущерба памяти поэта нанести не может. Она, как и повторяющиеся панегирики «милости» и «великодушию» государя (наполняющие страницы дневника в таком обилии, что пришлось сделать купюры, чтобы избежать назойливых повторений), лишь характеризует с определенной стороны личность самого Булгакова. Во-вторых, запись Булгакова представляет интерес как отражение слухов и пересудов, которые вызвала дуэль в тогдашнем высшем свете, — ведь по своим связям он может быть причислен к довольно узкому кругу лиц, особо приближенных ко двору. В этом смысле его записи приобретают особое значение, они — пример того, как трагические события зимы 1836/37 гг. были восприняты верхушкой московского и петербургского общества, той его частью, откуда вышли и непосредственные убийцы Пушкина. И наконец, в-третьих, в записи Булгакова есть некоторые детали и фактические подробности, которые до сих пор в исследованиях пушкинистов не были учтены и в других известных источниках о дуэли Пушкина не встречаются. Несомненно, они были почерпнуты из не дошедшей до нас переписки современников — ведь московский почт-директор, соединяя в своем лице, по образному выражению Ю. М. Лотмана, Шпекина и Загорецкого, был настолько беззащитен в обращении с проходившей через почтамт перепиской, что даже император Николай I не чувствовал себя застрахованным в отношении перлюстрации. Так, царь писал своей сестре Анне Павловне, супруге голландского принца Вильгельма Оранского: «...мне надо много сообщить (<...> об одном трагическом событии, которое положило конец жизни пресловутого Пушкина, поэта; но это не терпит почты».

Публикуя отрывки из дневников Булгакова, мы разбили его длинные периоды, в которых часто затемняется смысл, на отдельные предложения. Недописанные и пропущенные слова отмечены в угловых скобках. Купюры обозначаются отточиями в угловых скобках. Слова, читаемые предположительно, даны в угловых скобках со знаком вопроса. По ходу публикации приводятся необходимые комментарии.

«Россия лишилась великого своего поэта, российского Байрона не стало. Пушкин скончался 29 января в три часа без девяти минут пополудни от раны, полученной им на дуэли. Пушкин был в некотором отношении достоин России, и обстоятельства смерти его принадлежат истории, она должна сохранить все

подробности (. . .) Посвящая, по возможности, немногие досужие мои минуты на составление записок о современных событиях, я не могу умолчать о столь необыкновенном происшествии. Я скажу все, что знаю, а знаю более и достовернее, нежели многие, живущие в самом Петербурге, ибо сведения мне доставлены от (. . .) Вяземского и Тургенева, а они оба, Жуковский и гр(аф) Михаил Виелгурский находились при покойнике безотлучно в последние 30 часов его жизни. Надобно приступить к рассказу, начав оный издалека. Не буду говорить о воспитании Пушкина в Царскосельском лицее, о буйной его молодости, о ссорах с семейством своим, об огорчениях, кои имели от него родители его, о наказаниях, ссылках коим (он) подвергался от правительства, о сочинениях — прекрасных стихах, внушенных ему отличными его дарованиями в стихотворстве и воображением, столь же пылким, как и необузданным и возвышенным. . . Дабы сократить, скажу, что Пушкин наконец влюбился в девицу, прекрасную собою, в Натал(ью) Николаевну Гончарову (. . .) Любовь, наполнившая душу его, укротила прочие страсти его. Он вступил в службу, пожалован камер-юнкером высоч(айшего) двора; он продолжал писать прекрасные стихи, но частые порывы вольнодумства и ума сатирического, ожесточившегося противу всякого правительства, были причиною беспрестанных ссор с цензурою. Желая способствовать к развитию великого таланта Пушкина и вместе с тем удерживать оный в должных пределах, государь, чтобы все согласить, объявил умное и милостивое решение Пушкину, что берет на себя разбор его сочинений. Таковое решение не могло не быть оценено Пушкиным. Он и жена его были приглашаемы на балы во дворце и не токмо на большие, но и на малые в Аничковском дворце. Нат(алья) Никол(аевна) вступила, по праву красоты, ловкости своей в танцах и вкусу, с коим одевалась, в число так называемых модных дам».

Под «ссорами Пушкина с семейством» следует, очевидно, понимать эпизод в начале михайловской ссылки, когда отец поэта Сергей Львович имел несчастье согласиться принять на себя официальный надзор за поведением сына. Это было воспринято Пушкиным как «шпионство» и повлекло резкие объяснения между отцом и сыном. Решение же Николая I взять на себя цензуру пушкинских сочинений, как уже говорилось, было объявлено поэту 8 сентября 1826 г., когда в Чудовом дворце в Кремле впервые встретились привезенный фельдъегерем из Михайловского 27-летний Пушкин и 30-летний новый российский император.

Так называемые «малые» придворные балы в Аничковом дворце, куда допускались лишь самые избранные и близкие царской семье, пользовались высшим престижем по сравнению с большими балами в Зимнем. Известно, что в конце 1833 г., когда Пушкин еще не стал камер-юнкером, он имел столкновение с графиней М. Д. Нессельроде, которая без его ведома повезла на бал в Аничков его жену. «Я не хочу, чтобы моя жена ездila туда, где я сам не бываю», — говорил Пушкин Нессельроде. Что до Н. Н. Пушкиной, то ей в ту пору не могло не льстить ощущение своей «избранности».

«Молодежь толкалась около нее, все искали счастья с нею танцевать, а многие в нее влюблялись. В числе сих последних был некий Дантес, офицер Кавалергардского полка, молодой человек, видный собою. Сей Дантес, как уверяют, сын нынешнего голландского короля. Желая скрыть от королевы и шурина своего, короля прусского, сей плод любви незаконной, он вверил сына своего министру своему в С. Петербурге, барону Гекерну, которым Дантес был усыновлен. Король сделал ему богатое состояние под рукою и оно было передано ему, как будто от Гекерна, который, будучи холостой, объявил Дантеса своим наследником, ввел его в Российскую службу, дав ему и имя свое. Король же, из благодарности за попечение

Гекерна, назначил ему большой оклад и обещал¹ сохранить его при Российском дворе до кончины его. Докучливость сего Дантеса начинала быть Пушкину неприятна, хоть он вовсе не был нрава ревнивого. Полученное Пушкиным безмянное письмо, в коем приложен был патент в звании рогоносца, с другими язвительными шутками, раздражили до того Пушкина самолюбие, что, почитая Дантеса сочинителем оных, он написал ему вызов на поединок. В крайности сей Дантес отвечал, что старания его около Н. Н. Пушкиной не имели иной цели, как любовь его к старшей сестре, в которую он будто бы был влюблен, и для подтверждения им сказанного, он стал подлинно свататься и женился на сестре Пушкиной. Намерение его иметь тем всегдашний доступ к той, которую он подлинно любил, не исполнилось однако же, ибо оскорбленный и недоверчивый поэт объявил новобрачному, чтобы нога его не была у него в доме, что жена его к сестре не будет ездить и всякое сношение прервано будет; что, впрочем, признает его благородным человеком и драться с ним не хочет.

О том, что Дантес якобы был усыновлен Геккерном «... вследствие 500 т. рублей, полученных старым Экерном от Голландского короля», писал в своем дневнике другой московский знакомый Пушкина В. А. Муханов, сообщая, что подробности эти получены им от А. Я. Булгакова. Будущий глава славянофилов, поэт и мыслитель А. С. Хомяков в письме к Н. М. Языкову от 1 февраля 1837 г. говорил о том же: «Грустное известие пришло из Петербурга. Пушкин стрелялся с каким-то Дантесом, побочным сыном Голландского короля» (Московский пушкинист. М., 1927. Вып. 1. С. 49, 57). Упомянул о том, что Дантес сын голландского короля в своей записной книжке другой современник событий — П. Д. Дурново. По-видимому, слухи о знатном происхождении Дантеса, о его богатстве имели широкое распространение в тогдашнем обществе. Позднейшие исследователи выяснили, что слухи эти были ложными и, возможно, инспирировались самими Геккернами.

Вопрос об авторстве полученных Пушкиным пасквилей долгое время оставался одной из важнейших неразрешенных загадок всей преддуэльной истории. Как известно, Пушкин считал автором пресловутого «диплома» Геккерна (одного или же вместе со своим приемным сыном) и оставался при этом убеждением до конца жизни. Друзья Пушкина, в том числе Вяземский, сочли в то время такое предположение недопустимым, но впоследствии свое мнение изменили. После выхода в свет в 1863 г. брошюры А. Н. Аммосова «Последние дни и кончина Александра Сергеевича Пушкина. Со слов бывшего его лицейского товарища и секунданта Константина Карловича Данзаса» все сильнее стало распространяться мнение, что к авторству пасквилей причастен князь П. В. Долгоруков. Смутные слухи об этом носились и раньше, называли также приятеля Долгорукова, князя И. С. Гагарина. Проведенная по просьбе историка П. Е. Щеголева криминалистом А. А. Сальковым в 1927 г. экспертиза почерка заключила, что подлинник «диплома» написан рукой Долгорукова, а в 1964 г. другой эксперт, В. В. Томилин, пришел к тому же выводу. Хотя мотивы Долгорукова оставались неясны, в результате экспертизы его вина представлялась доказанной, до тех пор пока в 1974 г. не была проведена последняя экспертиза, на современном научном уровне. Она опровергла выводы двух предыдущих, и теперь нельзя принимать версию о причастности Долгорукова или Гагарина как нечто не требующее доказательств.²

Основываясь на последних достижениях пушкиноведения, следует признать: первоначальное убеждение Пушкина о том, что разыграли эту грязную интригу Геккерны, — единственно верное. Блестящую психологическую мотивировку поведения обоих Геккернов в ноябре 1836 г., когда составлялись пасквили, дала С. Л. Абрамович в 3-й главе своей книги «Пушкин в 1836 году» (Л., 1984).

Сколько было анонимных писем? Дочь Пушкина графиня Н. А. Меренберг говорила М. И. Семевскому, что в конце 1836 г. ее отец беспрестанно получал

¹ В ркп.: обещанием.

² См.: Хаит Г. По следам предвестника гибели // Огонек. 1987. № 6. С. 20—22.

по почте анонимные письма и пасквили. Посылать их было очень удобно, так как незадолго перед этим была учреждена городская почта. В. В. Вересаев приводит в своей книге «Пушкин в жизни» рассказ няни детей Пушкина о том, что в декабре 1836 г. и в начале января 1837 г. Пушкин при звонке в прихожей выбежал туда и кричал прислуге: «Если письмо по городской почте — не принимать!». В опубликованном «Военно-судном деле» дуэли Пушкина с Дантесом в вопросах к Дантесу упоминаются анонимные письма «в ноябре и после того». Графиня Д. Ф. Фикельмон записала в свой дневник, что Пушкин получил анонимные письма, где «имена его жены и Дантеса были соединены с самой едкой, самой жестокой иронией». Это не может относиться к «диплому», так как в нем не назывались ни Н. Н. Пушкина, ни Дантес. Наконец, давно бытует гипотеза, основанная на довольно недостоверных воспоминаниях дочери Н. Н. Пушкиной-Ланской от второго брака А. П. Араповой, — о том, что непосредственным поводом к дуэли 27 января послужило анонимное письмо, в котором Пушкин извещался о тайном свидании его жены и Дантеса на квартире И. Полетики. С. Л. Абрамович достаточно убедительно доказывает, что свидание это следует отнести к ноябрю 1836 г., т. е. времени до получения пасквилией (которые могли быть вызваны тем, что Дантес не добился желаемого), а не к январю 1837 г. Но отрицается ли этим возможность существования анонимного письма (или писем) помимо «диплома»? М. Яшин, автор интересных, хотя и весьма спорных работ о дуэли Пушкина, считает, что принимать все высказывания современников об анонимных письмах за высказывания об одном лишь «дипломе», размноженном в нескольких экземплярах, — ошибка (Звезда. 1963. № 9. С. 176).

Текст дневника Булгакова можно было бы истолковать так, что вместе с «патентом в звании рогоносца» Пушкин получил анонимное письмо, «наполненное язвительными шутками», т. е. что подметные письма, полученные 4 ноября 1836 г. несколькими друзьями Пушкина и содержащие под двойными конвертами для пересылки поэту тот самый «диплом» или «патент», не были идентичны экземпляру, который получил сам поэт. Можно было бы, если бы это не противоречило тому, что писал сам Пушкин в своем письме Бенкендорфу 21 ноября 1836 г. Письмо Бенкендорфу, по верному замечанию С. Л. Абрамович, — документ очень обдуманый, тщательно отредактированный, в котором нет ничего случайного. Пушкин писал: «Я узнал, что семь или восемь человек получили в один и тот же день по экземпляру т о г о ж е (разрядка наша, — С. Ш., К. Ю.) письма, запечатанного и адресованного на мое имя под двойным конвертом». О других анонимных письмах Пушкин нигде ни словом не обмолвился. Значит ли это, что других подметных писем не было? Исключить подобную возможность нельзя, и свидетельство Булгакова прибавляется к перечню перечисленных выше. Но говорить о существовании других анонимных писем можно только предположительно: вряд ли они когда-нибудь будут найдены. Пушкин, вероятно, уничтожал получаемые им бумаги подобного рода; он не желал знакомить с ними никого, тем более Бенкендорфа, и в черновике упомянутого письма прямо писал шефу жандармов, что не может и не хочет «... ни вручить (<...> писем (<...> ни вводить в большие подробности».

«Дела были в сем положении, но так как Дантес все продолжал преследования свои везде, где только мог он встретить нечаянно предмет своей страсти, Пушкин замечал сие; и узнав, что Гекерн (отец) позволил себе сказать, что женитьба Дантеса не только не удалила его от Пушкиной, но сближала его более с нею, в исступлении мщенья и гнева написал самое ругательное письмо Гекерну, называя его подлецом, а Дантесу послал опять вызов на поединок, прибавив, что ежели <тот> не даст ему удовлетворения, то он ему и отцу его наплюет в глаза везде, где он их не встретит, и что надеется иметь это удовольствие в тот же вечер на балу у графини Разумовской. Гекерн, призвав к себе Дантеса, сказал ему, что делать нечего, что должно эту историю кончить и смыть обиду в крови. Предложение Пушкина было принято, и на другой день (27 числа) условлено было драться. Пушкин поехал на бал, не пустив однакоже туда жену, был очень весел, дабы отвратить всякие подозрения в публике, но Гекерн и Дантес на бал не явились;

чтобы пути все скрыть от самих друзей своих, он тут же, на бале приглашал <их> к себе на следующее утро, в тот час, когда должны были драться, под видом, что хочет им ³ прочесть новое произведение музыки своей. Устроив по приезду с бала дела свои и написав несколько писем, Пушкин поехал на назначенное свидание, не взяв даже с собою секунданта, боясь, что намерение его не было расстроено и не донесли бы правительству. Не доезжая до Комендантской дачи, где должны были драться, Пушкин встретил нечаянно на улице полковника Константина Карл(овича) Данзаса, друга своего и товарища по Царскосельскому лицее, где они оба воспитаны были. Он пригласил его в секунданты свои, и когда Данзас стал отговариваться, то Пушкин отвечал: „Так ты хочешь, чтобы противники мои меня *зарезали*, может быть и не дрались? Я не знаю, сколько их там, а я *один!*“⁴ Данзас не мог не согласиться: и честь и человеколюбие требовали того. Секундантом Дантеса был виконт д'Аршиак, секретарь французского посольства. Кинули жребий, досталось стрелять Дантесу, условленное расстояние было 8 шагов. Пушкин получил ⁵ в живот пулю, она проломилась ему два ребра, но осталась в теле, он упал. Дантес с секундантом подбежали, чтобы подать помощь, но Пушкин сказал ему хладнокровно: „*Vous n'etes pas ici pour me secourir mais pour me tuer ou pour mourir de ma main. Placer vous!*“⁶

Когда он упал, то уронил также пистолет свой в снег, должно было заряжать другой. Пушкин собрал силы и выстрелил, лежа на земле. У Дантеса была перебитая рука, которую он держал перед собою, без сего оплота он имел бы ту же самую рану, которую получил соперник его».

Отметим сразу неточности Булгакова: Пушкин не посылал вызова Дантесу в январе 1837 г. подобно тому, как это было в ноябре 1836 г. Он сам был вызван на дуэль Дантесом от имени Геккерна. По сохранившимся условиям дуэли, воспроизведенным в «Военно-судном деле», дистанция между барьерами была 10, а не 8 шагов. Жребия противники не кидали.

Формально Пушкин должен был бы драться с усыновителем Дантеса — бароном Луи-Борхардом Геккерном. Это обстоятельство заметил еще Данзас. Знал ли Пушкин наперед, что Дантес заменит Геккерна на поединке? Несомненно. Пушкин предугадывал многие события — он хорошо изучил своих противников. Дипломатический статут Геккерна, якобы не позволявший ему принять участие в дуэли, послужил на сей раз отличным прикрытием для трусости барона.

Неожиданно для Пушкина перед ним возникла проблема выбора секунданта. По двум причинам он не желал вначале впутывать в эту историю кого-либо из своих ближайших петербургских знакомых: чтобы друзья не поспешили расстроить дуэль, как это случилось в ноябре (Пушкин твердо решил — быть поединку), и чтобы не подвергать их опасностям последующего расследования и взыскания (правительство Николая I строго преследовало дуэли). Известно, что на балу у графини М. Г. Разумовской вечером 26 января Пушкин предложил статью его секундантом человеку малознакомому — советнику посольства Великобритании Артуру Меджнису. Англичанин переговорил с д'Аршиаком, убедился в том, что примирить противников невозможно, и, не найдя на балу уже уехавшего к тому времени Пушкина, прислал в половине второго ночи ему на дом вежливый отказ.

Пушкин, оставшись без секунданта, вынужден был отвечать на настойчивые требования д'Аршиака, что заранее принимает секунданта, выбранного противной стороной, будь то хоть бы ливрейный лакей Геккернов. В черновике записки к д'Аршиаку есть такие строки: «Я не имею ни малейшего желания посвящать

³ В ркп.: ему.

⁴ Здесь и далее выделено Булгаковым.

⁵ В ркп.: получа.

⁶ Вы здесь не для того, чтобы мне помогать, а чтобы меня убить или быть мною убитым. Станьте на место! (Фр.)

петербургских зевак в мои семейные распри, отыскивая себе секунданта; лично я в нем не нуждаюсь — так как вызывает меня и считает себя оскорбленным г-н Геккерн-сын, пусть он мне его и находит. . . ». Писались эти строки, смысл которых противоречил дуэльным правилам, хотя Пушкин был опытным дуэлянтом, в то время, когда уже пришел отказ Меджниса и Пушкин понял, что никто из приглашенных вчера (предположительно это могли быть П. А. Вяземский и А. И. Тургенев) к нему не явится. Тогда он и послал за Данзасом.

В своем исследовании «Дуэль и смерть Пушкина» П. Е. Щеголев, основываясь на конспективных заметках Жуковского — источнике очень надежном, подтвержденном многими другими, категорически отвергал как легендарную историю о случайной встрече Пушкина с Данзасом на улице. Он считал, что Данзас был приглашен Пушкиным (не после ли того, как время, назначенное Тургеневу и Вяземскому, прошло?) и предупрежден о дуэли заранее. Булгаков в своем дневнике дает, с одной стороны, традиционную версию случайной встречи, а с другой — утверждает, что при встрече с Данзасом Пушкин сразу заговорил о дуэли.

Почему же в показаниях следственной комиссии Данзас утверждал, что Пушкин, встретя его на улице, не вдаваясь ни в какие объяснения, повез его в дом французского посольства, разговаривая по дороге «о предметах посторонних с совершенным хладнокровием»? По закону, человек, оказавшийся в положении Данзаса, должен был выяснять все возможности примирения дуэлянтов и при отсутствии таких возможностей отказаться от участия в дуэли (что, например, сделал Меджнис) и донести о готовящемся поединке полиции (чего Меджнис не сделал). Данзас представил свое положение таким образом, что отказаться без ущерба для чести ему было весьма затруднительно, — Пушкин, якобы не спросив согласия своего товарища, заявил д'Аршиаку: «Вот мой секундант» и указал на Данзаса. Данзас добавлял в своих показаниях, что, уже согласившись, он «имел надежду, хотя весьма слабую, к примирению». Надо сказать, что в отдельных случаях наказание для секунданта могло быть гораздо более жестким, нежели два месяца гауптвахты, которыми отделался Данзас, — вплоть до разжалования в солдаты.

Подобным же образом излагаются события и Аммосовым в его книге; однако некоторое сомнение в точности передачи всех деталей вызывает то, что запись Аммосова сделана 26 лет спустя после дуэли и только «со слов» Данзаса, т. е. подвергалась обработке составителем брошюры.

Как обстояло дело в действительности, мы, конечно, сейчас знать не можем. Однако Данзас, — храбрый офицер, человек порядочный и честный, вдобавок не входивший в число «друзей-примирителей», — вполне подходил для роли секунданта. И нет ничего психологически противоречивого в том, что Пушкин объяснил ему предварительно, для чего они едут во французское посольство и свидетелем какого разговора он предлагает ему быть.

Остановимся на переданных Булгаковым словах Пушкина. Они весьма примечательны как оценка нравственных качеств его противников; даже если достоверность описанного Булгаковым эпизода нельзя подтвердить, любопытно, что слова эти вложены в уста Пушкина человеком, лично его знавшим и считавшим, что он мог так говорить. Глагол «зарезать», например, нес в то время ярко выраженную семантическую окраску; подобно глаголу «отравить» он подразумевал убийство подлое, бесчестное, уголовное. Слова же: «Я не знаю, сколько их там, а я один!» — словно перекликаются со строками Лермонтова из стихотворения «Смерть поэта» («Восстал он против мнений света | Один как прежде. . . и убит»).

В передаче Аммосова, сделанной со слов Данзаса, фраза, которую произнес раненый Пушкин, звучала так: «Подождите, у меня еще достаточно силы, чтобы сделать свой выстрел» (в оригинале по-французски). Булгаков дает иной, более сильный вариант (см. выше, сн. 6).

Откуда мог взять Булгаков описание этого эпизода? Возможно, из неизвестных нам сейчас писем К. К. Данзаса в Москву своему брату Борису Карловичу. Булгаков хорошо знал Б. К. Данзаса; если он и не пользовался привычной перлюстрацией, о подробностях поединка ему мог рассказать и сам брат секунданта.

Дневниковую запись Булгакова можно сравнить с тем, что он писал примерно в то же время о дуэли Пушкина своей дочери: «Человечность и честь предписывали Данзасу не отказывать Пушкину, так как отправься Пушкин один,

он мог быть убит без соблюдения каких бы то ни было правил дуэли» (Красный архив. 1929. Т. 2. С. 225).

Вернемся к страницам дневника Булгакова.

«Я не буду рассказывать о происходившем в доме Пушкина, когда привезли его туда раненого. Все подробно было в письме ко мне Вяземского, которого выписку от слова до слова (смотри) ниже. Изложу токмо о милостях, излиянных государем на опустелое семейство убитого поэта. Вдове назначено 5000 пенсии, каждому из детей (их четверо) по 1500 до их совершеннолетия, все имение выкуплено в Опекунском совете, и государь принял на себя уплату всех его долгов (до 45 т.). Сверх того повелено напечатать все сочинения Пушкина на иждивение кабинета, и пользу от продажи сей предоставить также семейству. Узнав, что у Пушкина найдено токмо 200 р. после его смерти, государь пожаловал 10 т. руб. на похороны. Вся история сия покрыта еще каким-то мраком, время все объяснит, но все лица, в ней участвовавшие, играют роль весьма неблагоприятную: Дантес брал жену, не любя ее, из видов побочных, незаконных. Как сестра, зная истинные чувства своего жениха, решилась за него выйти, как Пушкина, зная чувства Дантеса, жертвовала счастьем своей сестры? Я не говорю о Пушкине, он действовал тут как иступленный, коего страсть завлекла в пропасть, он на все смотрел глазами оскорбленного самолюбия. Зачем не уехал он из Петербурга? Зачем не увез жену с собою? (. . .) Она, говорят, плакала: верю этому для чести ее, но если бы она была и преступна, могло ли быть ужаснее последствие? Это великая наука для наших модных дам. Кокетство называют вздором, шалостью, безделицей, но искра одна тоже ничего не значит, а поднеси к ней бочонок пороху, и все взлетит на воздух. Вот так-то безделица уничтожает в одну минуту все семейственное счастье! Всякой жене должно знать нрав своего мужа, не доводить вещей до крайности (. . .) Всем известно, что Пушкин несколько раз писал язвительные сатиры на покойного государя, что он всегда хулил все действия правительства, не признавая никакой власти, даже отцовскую, был наказываем, ссылаем, получил прощение и не исправился, был благодарен к тем, кто делал ему добро. Одним словом, талант его был столь же превосходен, сколь и безнравственность. На что же употребил он талант сей? На прекраснейшие, но пустые стихи. Карамзин трудился 25 лет и оставил после себя вечный, похвальный памятник: историю своего отечества. Зачем Пушкин не воспел 1812 год? (. . .)

В Петербурге две гласные партии, они друг друга беспощадно раздирают; разумеется, пушкинская сильнее, но не хотят размыслить, что в Пушкине два лица: поэт и человек. Удивляйся поэту, но не превозноси человека. Хотя нет нейтральных, но я третьей партии, хуля и Пушкина и соперника его. Я мало знал покойного, хотя встречи у Вяземского были всегда довольно ласковы (. . .) Впрочем, друзья его должны утешиться — ежели бы Пушкин прожил еще 60 лет, он не мог бы быть семейству своему столь полезен, какова была полезна ему смерть его по милосердию государя. Конечно, пройдя буйные лета молодости, он, может быть, бы остепенился, обратил талант свой необыкновенный на сочинения полезные. Мы видели уже начало хорошее, он начал историю Петра Великого и дополнил бы труд Карамзина, а потому я того мнения, что Пушкин более унес с собою, нежели оставил после себя. Многие из сих рассуждений невольно вкралась в письма моих к Тургеневу и Вяземскому. Это дало ему последнему мысль написать мне следующее длинное письмо от 5-го февраля. Оно делает честь чувствам Вяземского, он хотел защитить память своего друга, но я останусь при

своих мнениях. Я не строго сужу Пушкина. Я знаю, что и Вяземский некогда слишком свободно говорил, он за это пострадал, но я его никогда не поставлю на одну доску с Пушкиным. Оба они умны, остры, имеют дух сатирический, а сии качества делают нас всегда наклонными скорее к хуле, нежели к одобрению, но у Вяземского видно было одно желание блеснуть и поразить умом, а у Пушкина цель безвозвратно сразить выбранную им жертву. Можно было ему и простить слова его (например, насчет дяди его, столь доброго, безвредного, кроткого человека: «Василий Львович, — говорил Пушкин-поэт, — мне дядя по крови, но по Парнасу совсем не брат!») — но шутки его переходили далеко за пределы (<...>).

«Милости» Николая I, тот золотой дождь, который пролился над семейством Пушкина, произвели на современников большое впечатление. Пенсия в 5000 р., назначенная молодой вдове, равнялась годовому окладу, который получал Пушкин в последние годы, внушительны были и другие суммы. Но выполнив пожелание Жуковского (от которого исходила эта инициатива) в материальной части, главного, что хотел Жуковский, государь исполнить не пожелал. Жуковский ждал от него указа, манифеста, мечтал о каком-либо приличном случае государственным акте; он хотел, чтобы вдова Пушкина с детьми подобно вдове Карамзине получила пенсию на основании гласно объявленного постановления. Царь же никак не мог пойти на этот шаг, ибо он означал бы официальное признание заслуг Пушкина перед Россией. Николай I мог блеснуть перед русским и зарубежным общественным мнением «частной благотворительностью» поистине царского размаха, однако Пушкин и после смерти оставался для него фигурой подозрительной, неуживчивой, строптиво-самостоятельной. Как же равнять такого с Карамзиным!

Замечательно в своем роде по неприкрытому цинизму высказывание Булгакова о «полезности» смерти Пушкина в материальном отношении для его семьи. Признаемся, что подобного даже в высказываниях злейших врагов поэта встретить не приходилось. Показательно, что, начав запись о смерти Пушкина с высокой ноты («Россия лишилась великого своего поэта...»), Булгаков не выдерживает этого тона до конца. То и дело прорывается его настоящий голос: «... талант (<...>) столь же превосходен, сколь и безнравственность...». «... прекраснейшие, но пустые стихи...». Несомненно, Булгаков не забыл тех сознательных и вопле им заслуженных оскорблений, которыми Пушкин в 1834 г. заклеил в своих письмах почтового чиновника. И вот затаенная неприязнь находит себе выход на страницах дневника, смешиваясь с неумеренным верноподданничеством. В дневнике Булгакова записаны слова Николая I, обращенные к нему, когда вновь назначенный почт-директор представлялся императору: «Я рад, что мы тебя завербовали!». Точнее не скажешь. Существовали у «завербованного» почт-директора и причины личного характера для благоговения перед монархом: Николай I весьма отличал его младшую дочь, юную красавицу княгиню Долгорукову. Он даже был крестным отцом ее ребенка.

Довольно характерна данная Булгаковым оценка роли Н. Н. Пушкиной: она является отражением царившего среди большей части светского общества непонимания истинных причин трагической гибели поэта. Поведение Н. Н. Пушкиной надолго стало темой салонной болтовни, и суждения Булгакова за пределы этого круга не выходят.

Любопытны заключения Булгакова о поверхностном либерализме П. А. Вяземского; судя по его словам («Вяземский некогда слишком свободно говорил»), уже к 1837 г. обозначился переход бывшего «декабриста без декабря», всего шесть лет назад резко осуждавшего подавление польского восстания, на охранительные позиции.

Упоминаемые слова Пушкина о его дяде Василии Львовиче приводят на память ранее стихотворение поэта «Дяде, назвавшему сочинителя братом» (1816):

Я не совсем еще рассудок потерял
От рифм бахических — шатаюсь на Пересе —
Я не забыл себя, хоть рад, хотя не рад.
Нет, нет — вы мне совсем не брат:
Вы дядя мне и на Парнасе.

(1, 204)

В дневнике приводится «выписка от слова до слова» известного письма Вяземского к Булгакову, посвященного кончине Пушкина. Это письмо от 5 февраля 1837 г. неоднократно перепечатывалось, и воспроизводить его мы не будем, тем более что текст в передаче Булгакова существенных различий с опубликованными ранее не имеет. Отметим только, что к словам Вяземского о мужественном поведении Пушкина на смертном одре: «Дай бог нам каждому такую кончину» — Булгаков сделал сноску и внизу страницы приписал: «Нет, не согласен я на сие. Я желаю себе совсем иного рода кончину, чем Пушкина».

Далее Булгаков продолжает:

«Я бегло разберу письмо Вяземского. Усилия его стремятся к тому <чтобы> доказать, что Пушкина невинна. Нет у меня в уме упрекать ее в противном, но убеждение в том самого умирающего Пушкина есть ли доказательство? Это может знать токмо она и Дантес. Зачем же теперь Пушкин, убежденный в ее невинности, дрался? Говорят о безымянных письмах: но тогда спокойствие, счастье, честь всякого семейства будут зависеть от <презрительного?> злодея, тайно действующего! Ежели бы Пушкин убил соперника, или, жертвуя собственной жизнью, омыл честь свою и жены своей, нечего было бы говорить, но все остается как прежде, хотя представились бы еще 20 мстителей, из коих один, наконец, и убил бы Дантеса. Пушкин говорит: „Je suis cocu par la grace du public“.⁷ Князь навел на это публику; имела ли публика причины думать это, делать такие заключения? Кто мог зажать рот публике? Одна только Пушкина? Сделала она это? Видно, нет! <...> Пушкин в истории сей был несчастною, бесполезною жертвою, смертью своею он никого не искупил, не спас. Поведение его было твердо, мужественно, но необдуманно, пристрастно. Он в последние минуты показал твердость необыкновенную. Вообще, смерть его должна примирить с ним тех, которые его не любили, но ежели письмо Вяземского не обратит к покойному общего мнения (я всегда говорю о человеке, а не о поэте), то оно умножит любовь и уважение к тому, который так ревностно защищает друзей своих, к тому, который любит их еще более после смерти их, нежели когда они были живы. Я не прощаю Пушкину, что он умирая не упомянул о своем отце,⁸ который перенес много от него огорчений; великодушие его к своему убийце делает ему честь, но после бога и государя должен он был примириться с отцом своим. Слова Арндта, конечно, хороши. Он говорит: „Для Пушкина жаль, что он не был убит на месте, потому что мучения его невыразимы, но для чести жены его это счастье, что он остался жив. Никому из нас, видя его, нельзя сомневаться в невинности ее и в любви, которую к ней Пушкин сохранил“. Я согласен с последним: Пушкин умер, убежденный в ее невинности, умер с прежнею к ней любовью, но невинность ее в отношении к публике остается все пока под разбором и судом той же строгой, пристрастной, завистливой и несправедливой публики.

Пушкина просила написать Сергею Львовичу, она давала поручение сие Вяземскому, а сама ехала в деревню через Москву и не навестила своего несчастного свекра, не привезла к нему детей своих. Старик говорил мне о сем с соболезнованием и сими словами: „У меня одна нога в гробу, я не знаю, долго ли мне определено жить еще, мне сладко было бы благословить моих внучат. Это дети

⁷ «Я рогоносец по милости публики». (Фр.). В письме Вяземского сказано: «Есть два рода рогоносцев, — говорил он <Пушкин> д'Аршиаку <...>, — настоящие знают, как им быть, но положение рогоносцев по милости публики затруднительнее, а мое именно таково» (в оригинале по-французски).

⁸ «Он вспомнил о Карамзиной» — примеч. на полях в дневнике Булгакова.

моего Александра!“. Сие было сказано мне в ответ, когда я ему заметил, что она не приехала к нему, боясь за себя и за него при первом столь горестном свидании, столь скоро после общего несчастья их постигшего. С(ергей) Льв(ович) был сутки в сем мучительном неведении, но я должен прибавить, что на другой день ездил к нему брат Нат(алья) Николаевны, молодой Гончаров, с поручением от сестры. Она послала его сказать Сер(гею) Львовичу, что доктор запретил ей видеть его, боясь худых последствий для здоровья, но что она просит у него позволения быть в Москве летом со всеми детьми именно для того, чтобы провести с *ним* одним недели две, что тогда будут оба они истинно покойны духом. Это очень утешило старика, но он спросил, что она не прислала брата в самую минуту приезда своего в Москву и что он о приезде сем узнал от посторонних. Сер(гей) Львов(ич) рассказывал мне, что жены лишился он 29-го марта и ровно через 10 месяцев, 29 января, сына. „Как я счастлив, — прибавил он, — что сын мой Лев в Тифлисе, а не в Петербурге. Кто знает . . . может быть, пришлось бы мне оплакивать двух сыновей вместо одного!“.

В. А. Жуковский прислал мне письмо для прочтения и доставления Сер(гею) Львовичу, в коем также описывал смерть Пушкина. Это почти повторение того, что пишет Вяземский, но гораздо полнее (< . . . >) Вообще, русскому нельзя читать равнодушно *смерть Пушкина, описанную Жуковским!* (< . . . >) Письмо сие весьма длинно, но оно столь замечательно, что я отниму у себя от сна, чтобы вписать его здесь, оно пополняет рассказ Вяземского.⁹ Жуковский тоже защищает мужа и жену. Кто может проникнуть в тайны сии? Сам он сознает, что многое покрыто мраком и что время одно откроет многое. Сожалеть должно о Пушкиной, но оправдать ее совершенно нельзя. Женщину не преследует никогда тот, которому не дает она надежды! Истоща все средства, кои были в ее власти, чтобы удалить от себя Дантеса, она могла ему угрожать, жаловаться не только мужу, но даже и государю самому и исполнить это — Дантес оставил бы ее в покое. Но, как я слышал, она, вместо того, уже за несколько дней до поединка мужа своего разговаривала со врагом спокойствия его и ее».

Итак, перед нами еще одно свидетельство современника о дуэли и смерти Александра Сергеевича Пушкина. Пусть записи Булгакова и не добавляют чего-либо существенного к фактической стороне истории последней дуэли поэта, — все равно они очень выразительны. Как яркий пример преломления трагических событий января 1837 г. в сознании той части высшего общества, для которой Пушкин был и остался чужим, дневниковые записи Булгакова заслуживают быть включенными в научный оборот, чтобы пополнить свод уже известных свидетельств о дуэли Пушкина.

С. В. Шумихин, К. С. Юрьев

⁹ Письмо Жуковского Булгаков в дневник не переписал. Как и письмо Вяземского, оно хорошо известно. Долгое время широкие круги читателей знали подробности смерти Пушкина в основном из списков с этого письма. В конце 1920-х гг. П. Е. Щеголев в своем труде «Дуэль и смерть Пушкина» дал очень строгую оценку его фактической достоверности, считая, что оно было написано с целью обелить умершего Пушкина в глазах власти, обеспечить семье его пенсию и благоволение царя. Преследуя в сущности добрые цели, Жуковский сознательно исказил и фальсифицировал картину смерти Пушкина, изобразив самого поэта глубоко верующим христианином и человеком, восторженно преданным императору, а его жену — добродетельнейшей и невинною жертвой случайного стечения обстоятельств.

ИСПАНСКИЙ ЗНАКОМЫЙ ПУШКИНА *

Не исключено, что Пушкин был знаком с несколькими испанцами, однако лишь об одном знакомстве сохранилось его свидетельство. В восьмой главе «Евгения Онегина» герой впервые после разлуки видит Татьяну и спрашивает у своего собеседника: «Скажи мне, князь, не знаешь ты, | Кто там в малиновом берете | С послом испанским говорит?». Этим послом был Хуан Мигель Паэс де ла Кадена. Паэс родился в Санлукаре де Баррамеда 31 июня 1773 г. В возрасте от семи до шестнадцати лет он учился в Королевском Благородном пансионе в Вергаре, в ту пору лучшим учебном заведении Испании. Высшее образование получил в Гранадском университете, став одновременно бакалавром искусств и гражданских прав. Наконец, в университете Орихуэлы он стал доктором в области права, гражданского и канонического. В 1798 г. он был в Ла-Рошели и на острове Экс, принимая в качестве военного судьи участие в войне. Будучи назначен верховным военным судьей армии маркиза де ла Романа, он был участником и свидетелем знаменитой одиссеи испанцев в Дании. В 1807 г., пытаясь помешать заключению блока континентальных держав с Англией и захватить побережье Прибалтики, Наполеон вынудил Испанию послать на север дивизию из 14 тысяч человек под командованием маркиза де ла Романа. Вместе с французской армией маршала Бернадотта дивизия оккупировала Данию и готовилась к нападению на Швецию. Однако когда Наполеон вступил в Испанию, французы из союзников превратились в захватчиков. По этой причине дивизия маркиза де ла Романа оказалась на вражеской территории. Чтобы выйти из этого более чем двусмысленного положения, маркиз де ла Романа вступил в переговоры с англичанами, которые эвакуировали из Дании часть его дивизии. На одном из этих кораблей был Паэс.

Этому событию посвящена обширная литература. Ко времени состоявшегося знакомства Пушкина с Паэсом де ла Кадена о нем стали забывать, однако Пушкин, без сомнения, знал о нем, коль скоро он был знаком с «Театром Клары Гасуль» Мериме, включавшим в себя пьесу под названием «Испанцы в Дании».

В декабре 1823 г. Паэс был представлен к назначению послом в Лондон, однако он отклонил это предложение, мотивируя свой отказ «недостаточной подготовленностью к столь непростой миссии». Это привело к следующим служебным перемещениям: Сеа Бермудес вместо Санкт-Петербурга отбыл в Лондон, а Паэс заступил в должность в Санкт-Петербурге. Назначение Паэса послом в Россию датируется 25 июня 1824 г.

Паэс прибыл в Россию в период, когда ситуация в Испании была нестабильной, что не способствовало авторитету представителя страны. После смерти Фердинанда VII в связи с началом династических войн, в которых Россия склонялась в пользу дона Карлоса, положение Паэса еще более осложнилось.

Когда в конце 1833 г. Паэс представил верительные грамоты, подтверждающие его статус посла, русское правительство отказалось принять их. Это было равносильно разрыву дипломатических отношений между двумя странами. Паэс не торопился с отъездом в Испанию. 12 сентября 1834 г., через пять месяцев после получения приказа покинуть Россию, он еще находился в Санкт-Петербурге. Чем это могло быть вызвано? Не был ли и он, как подозревал министр иностранных дел Испании, сторонником дона Карлоса и не ожидал ли он, что тот назначит его

* Перевод с испанского Вс. Багно.

послом? Объясняя свое затянувшееся пребывание в Петербурге, Паэс ссылался на отсутствие денег на дорогу, что вынудило его продать часть картин, привезенных им из Испании, хотя, по его признанию, он собирался захватить их с собой на родину.

Не исключено, однако, что Паэс продал картины не по необходимости, а используя выгодную ситуацию: Эрмитаж не скупился в средствах, чтобы расширить свою коллекцию. Согласно некоторым исследованиям, основу эрмитажной коллекции испанской живописи составили именно те картины, которые были приобретены у Паэса де ла Кадены. Между тем это неверно. Шесть проданных им полотен принадлежат кисти второстепенных испанских художников XVII в.: Кольянтеса, Антолинеса, Нуньеса де Вильявисенсио, Сересо, Дель Кастильо и одного неизвестного художника.

Счет Паэса в Санкт-Петербурге составил 42 тысячи рублей серебром, не считая многочисленных шкатулок с ценными вещами.

Пушкин и Паэс де ла Кадена познакомились на обеде в доме графа И. Мусина-Пушкина, известного столичного масона. Неизменный интерес, с которым Пушкин относился к Наполеону, побудил его записать рассказ испанского посла: «Господин Паэс, в то время секретарь посольства в Париже, подтвердил мне следующий рассказ Бурьена. Узнав за несколько дней, что готовилось что-то серьезное, он прибыл в Сен-Клу и отправился в залу пятисот. Он видел, как Наполеон поднял руку, требуя слова, он слышал его бессвязные слова, он видел, как Дестрем и Био схватили его за шиворот и трясли его. Бонапарт был бледен (от гнева, отмечает Паэс) . . .».¹

Согласно М. П. Алексееву,² Паэс поддерживал контакты и с другими русскими литераторами, такими, например, как Иван Козлов, переведивший испанскую поэзию на русский язык. Княгиня Зинаида Волконская в письме, адресованном испанскому послу, говорит о блестящем даре («votre plume brillante») испанского дипломата.³ Быть может, подобная оценка и не лишена оснований. Во всяком случае мы знаем, что перу Паэса принадлежат «Сочинения в стихах, предложенные вниманию учащихся пансиона выпускником Королевского Благородного пансиона в Вергаре при посещении им вышеупомянутого города 12 июня 1828 года» (Бильбао, 1828).

Паэс де ла Кадена умер 18 декабря 1840 г. в Дрездене — городе, который он предпочел другим как «место наименее приметнейшее, тихое и не вынуждающее к компромиссам».

Х. Фернандес Санчес

¹ Рукою Пушкина. М.; Л., 1935. С. 209.

² См.: Алексеев М. П. Русская культура и романский мир. Л., 1985. С. 150—151.

³ См.: Рукою Пушкина. С. 210.

ПИСЬМО ПРИШЛО ПО ГОРОДСКОЙ ПОЧТЕ...

4 ноября 1836 г. утром на квартиру Пушкина в доме Волконских («на Мойке близ Конюшенного моста...») были доставлены три конверта с анонимными письмами.¹

Первое из них, адресованное самому Пушкину, прибыло по городской почте. В девятом часу утра его принес письмоносец. Второе несколько часов спустя доставил посланный от Е. М. Хитрово (Елизавета Михайловна, полагая, что к ней по ошибке попало письмо на имя Пушкина, велела тотчас же отнести его на квартиру поэта). Третий экземпляр в то же утро вручил Пушкину В. А. Соллогуб.

В тот же день четверо друзей и знакомых поэта получили точно такие же письма для передачи Пушкину, но, заподозрив неладное, распечатали их и оставили у себя.

Одним из тех, кто получил 4 ноября 1836 г. пасквильный «диплом» на имя Пушкина, был М. Ю. Виельгорский. Адресованный ему экземпляр поступил затем в III Отделение е. и. в. канцелярии, ныне же он хранится в ИРЛИ (ф. 244, оп. 2, № 3).² На этом единственном дошедшем до нас конверте отчетливо виден штемпель в виде прямоугольника, в котором отгиснуто: «Городская почта 1836 ноя. 4 утро», а в правом верхнем углу есть чернильная помета «58—». Это номер пункта, где письмо было принято для пересылки по городской почте.

В свое время в работах А. Г. Петрова³ и Ю. Плашевского⁴ высказывалось сожаление о том, что им не удалось установить, где находится приемный пункт № 58 «городской почты».

Нам повезло — мы нашли адрес этого приемного пункта (а также адреса других приемных пунктов, открытых к тому времени).

Как известно, «городская почта в (...) Столице возымела действие свое (...) 17 января»⁵ 1833 г. «Санкт-Петербургские ведомости» сообщали: «Правила сей пересылки и приемные для того места означены в особых объявлениях Почтамта»,⁶ а «Северная пчела» дополняла: «Подробное о сем объявление раздается при нынешнем номере „Сев(ерной) Пчелы“ здешним на оную подписчикам».⁷ Найти эти «объявления Почтамта» нам пока не удалось, но в одном из номеров «Journal de St.-Petersbourg»⁸ есть объявление об открытии «городской почты», к которому приложен список «приемных мест», составленный по «официальным источникам (...) Н. И. Соколовым»; объявление такого же содержания помещено и в «Почтово-телеграфном журнале»,⁹ где указывается, что к тому времени в Петербурге были открыты 42 «приемных места».

В конце марта 1833 г. «Северная Пчела» сообщала: «...открыт прием писем

¹ См. Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 г.: Предыстория последней дуэли. Л., 1989. С. 5.

² См.: Пушкин. Письма к жене. Л., 1986. С. 197.

³ Петров А. Две догадки // Ленинградский рабочий. 1982. 5 февраля. № 6 (2410).

⁴ Плашевский Ю. О происхождении пасквильного «диплома» // Простор. 1983. № 4. С. 177—184.

⁵ См.: СПб. ведомости. 1833, 17 января. № 13.

⁶ Прибавление к «СПб. ведомостям». 1833, 17 января. № 13.

⁷ Северная пчела. 1833, 30 марта. № 71.

⁸ Journal de St.-Petersbourg. 1833, 14/26 Janvier. Samedi. N 6.

⁹ Почтово-телеграфный журнал. 1894, апрель. Отдел неофициальный. С. 471—490.

в тридцати одном новых местах».¹⁰ О том же извещало и «Объявление от Санкт-петербургского Почтамта», в котором, в частности, говорилось: «Санктпетербургский Почтамт честь имеет известить чрез сие, что сверх приемных мест Городской Почты, о коих опубликовано было в Генваре сего года, в Санктпетербургских Ведомостях, Северной Пчеле, открыты ныне еще 31 таковых же приемных мест». Объявление было напечатано на русском, немецком и французском языках.¹¹ По справочнику «Нумерация домов в С.-Петербурге с алфавитными списками. . .» (СПб., 1836) нетрудно установить, что под № 58 было открыто «приемное место» в «Большой Коломне, в Прядильной или Покровской улице, в доме мещанина Фокина».

Прядильная улица — это та, что идет «от большой Грязной ул. близ цепного Египетского моста, до Глухого переулка».¹² «Дом мещанина Фокина» расположен по левой стороне Прядильной улице «4 Адмиралт(ейской) части» и имел «старый № 366».

Современный адрес «приемного места» № 58 — угол пр. Маклина (д. 45) и ул. Лабутина (д. 26).¹³

И. Г. Алямовский

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К ЛИРИКЕ ПУШКИНА

«Алина, скажитесь надо мною. . .»

(Из комментария к «Признанию» А. С. Пушкина)

Александра Ивановна Беклешова, урожд. Осипова, обязана памятью о себе пушкинистов стихотворному «Признанию» поэта. История ее взаимоотношений с Пушкиным не возбуждает любопытства исследователей в такой степени, как, например, увлечение поэта Е. К. Воронцовой. Довольно распространенное мнение по этому поводу выразил Н. Лернер, охарактеризовав роман Пушкина с Беклешовой как «самый слабый и мимолетный».¹ Несколько прямолинейным и в этом смысле излишне понятным предстает в пушкиноведении и образ этой женщины.² А между

¹⁰ Северная пчела. 1833, 30 марта. № 71.

¹¹ См.: Вилетение в комплект «СПб. ведомостей» за 1833 г., между № 69 и 70 (ГПБ).

¹² Нумерация домов в С.-Петербурге. . . СПб., 1836. С. 391.

¹³ В статье Л. А. Черейского «Тайна номера 58» («Ленинградский рабочий» от 12 февраля 1988 г.) современный адрес «приемного места» указан неверно. См. также об этом: К р а с н о в а Е. Тайна номера 58 // Ленинградский рабочий. 1988, 23 сентября. № 39 (2756).

¹ Библиотека великих писателей: Пушкин / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1909. Т. 3. С. 545.

² См. о ней: Щеголев П. Е. Любовный быт пушкинской эпохи // Вульф А. Н. Дневники: (Любовный быт пушкинской эпохи) / Ред. и вступ. ст. П. Е. Щеголева. М., 1929. С. 24—28; В е р е с а е в В. Спутники Пушкина. М., 1937. Кн. 1. С. 360—363. См. также публикации материалов из архива Вревских с комментарием М. Л. Гофмана (по указателям): 1) Письма А. Н. Вульфа к А. Н. Вульф // Пушкин и его современники. СПб., 1906. Вып. 1. С. 81—119;

тем история взаимоотношений Пушкина и Беклешевой, женщины пылкой и увлекающейся, не была столь уж простой; многого о ней мы просто не знаем, начиная с года рождения и кончая судьбой детей Беклешовых. Значимы ли эти вопросы? Видимо, да, если ответы на них позволят нам хотя бы предположительно проследить странную историю с пушкинским письмом к Беклешовой 1835 г. Каким образом письмо, которое Н. Лернер, впервые опубликовавший его в 1899 г.,³ буквально держал в руках, оказалось в конце концов за границей в собрании С. Лифаря?⁴ Наконец, и самый образ Алины нуждается в некоторой конкретизации и прояснении, что бы мы и хотели сделать в своей заметке.

А. И. Беклешова (1805 или 1806⁵—1864) была падчерицей П. А. Осиповой и дочерью И. С. Осипова от первого брака. Положение падчерицы многое определило в ее судьбе, характере, манере поведения. Это утверждение не противоречит привычному для Беклешовой обращению «сестра» в переписке урожденных Вульф — Анны и Евпраксии, — а также других членов семейства П. А. Осиповой.

Многое выделяло Александру Осипову в этой семье — и необычная пылкость, страстность натуры (в этом смысле она была близка лишь своей сестре по отцу М. И. Осиповой), и воспитание, полученное ею. Думается, особая музыкальность (она, как вспоминала М. И. Осипова, «дивно играла на фортепиано»⁶) передавалась Алине от матери, ибо никто в тригорском семействе в такой степени данным качеством не обладал. Вместе с тем она единственная среди Осиповых-Вульф не писала по-французски и в своих письмах особо оговаривала просьбу отвечать ей только по-русски.⁷ Возможно, это было связано с тем, что в семью Прасковьи Александровны она вошла в 1817 г., по-видимому, двенадцатилетним ребенком (см. примеч. 5), когда ее отец И. С. Осипов женился вторым браком на П. А. Вульф. Таким образом, первоначальное образование Сашенька, как ее звали тригорские обитатели, получила в ином, нежели они, доме.

М. А. Цявловский в своей «Летописи» с уверенностью сообщил о дружбе Пушкина в 1817 г. (12 июля—19? августа) с тогда еще совсем юными тригорскими

-
- 2) Выборки из заметок в месяцесловах и календарях // Там же. С. 139—153; 3) Из Пушкинских мест // Там же. Пг., 1914. Вып. 19—20. С. 95—116; 4) Дневник А. Н. Вульфа. 1828—1831 // Там же. Пг., 1916. Вып. 21—22. С. 1—291; 5) Письма А. Н. Вульф к баронессе Е. Н. Вревской и П. А. Осиповой // Там же. С. 311—354; 6) Из Вревского архива // Там же. С. 355—413.

³ Письмо А. С. Пушкина к А. И. Осиповой // Русский архив. 1899. № 9. С. 172—173.

⁴ Советская Россия. 1965. № 141 (17 июня).

⁵ Год ее рождения неизвестен. Р. В. Иезуитова, ссылаясь на опубликованный В. Д. Смиречанским список прихожан на 1825 г. И. Е. Раевского (Из Псковской старины. 1. Псков, 1916. С. 16), указала на 1806 г.: Александре Ивановне, как следует из этого документа, в 1825 г. было 19 лет (Пушкин. Письма последних лет. 1834—1837. Л., 1969. С. 366). Однако сверка возраста других членов семьи Осиповых-Вульф, указанных в документе, с фактически известными датами их рождения показала, что составлен он был в начале 1825 г. Так, П. А. Осиповой 44 года исполнилось лишь в конце этого года, именно поэтому в списке Раевского и указано, что в 1825 г. ей было 43 года. Л. А. Черейский так определил годы жизни А. И. Беклешовой: ок. 1805?—1864 (Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1975. С. 32). Мы бы хотели внести следующее уточнение: годом рождения Беклешовой был один из двух — 1805 или 1806.

⁶ Семейский М. И. Прогулка в Тригорское // Вульф А. Н. Дневники: (Любовный быт пушкинской эпохи). С. 36.

⁷ Письмо А. И. Беклешовой к Б. А. Вревскому от 23 июня 1832 г. — ПД, ф. Вревских, № 31221, л. 1.

барышнями — Анной, Евпраксией и Александрой.⁸ А между тем его знакомство с последней в 1817 г. сомнительно, поскольку мы не знаем, когда было совершено бракосочетание Осипова и Вульф. Встреча Пушкина с Алиной в 1824 г. принесла с собой увлечение, отмеченное в «Дон-Жуанском списке» поэта.⁹

Алина была для Пушкина одной из тригорских красавиц, увлекшей его в какой-то момент михайловского «затворничества». Более или менее точно датировать увлечение Пушкина Осиповой не удается; говорим это с сожалением, ибо вопрос о времени создания послания к ней остается открытым. Н. В. Измайлов датировал его следующим образом: ноябрь(?) 1824—август 1826 (III, 1129). Сравните, как хронологически определяет увлечение Пушкина Осиповой М. А. Цявловский: 1824, сентябрь—1826, август, т. е. едва ли не с момента приезда Пушкина в Михайловское (9 августа) до его освобождения из ссылки.¹⁰ Измайлов, сдвинувший возможную датировку стихотворения к ноябрю 1824 г., по-видимому, руководствовался следующими соображениями (комментарий «большого» Академического собрания это не оговаривает). Приехавший в Михайловское поэт некоторое время (до отъезда родителей в начале ноября 1824 г.) был отвлечен семейными неурядицами. Общение с обитателями Тригорского началось у Пушкина сразу же после его приезда в Михайловское. Однако стихотворение, по мнению исследователя, обнаруживает такое знание уклада жизни барышень в Тригорском, и в частности Александры, для которого нужно было время. По-видимому, эти соображения и заставили Н. В. Измайлова несколько сдвинуть датировку произведения.¹¹ К вопросу о времени создания пушкинского «Признания» мы еще вернемся.

При жизни Пушкина стихотворение опубликовано не было. Причиной этому несомненно была его особая интимность: в стихотворении раскрывались те стороны жизни дома Осиповых-Вульф, которые не были рассчитаны на постороннего зрителя. Герой «романа» Алины, о котором с сердечным сожалением упоминает автор «Признания», был для тригорских обитателей легко узнаваем. Речь шла о сводном брате Алины А. Н. Вульфе, который, будучи студентом, неоднократно приезжал на каникулы в имение матери в 1824—1826 гг. П. Е. Щеголев без опоры на какие-либо свидетельства считал, что его роман с Сашенькой завязался в конце 1826 г., после отъезда Пушкина из Михайловского.¹² Между тем поэт в своем «Признании» явно намекал на то, что увлечение Алины было внутрисемейным, «домашним»:

Сказать ли вам мое несчастье,
Мою ревнивую печаль,
Когда гулять, порой в ненастье,
Вы собираетесь в даль?
И ваши слезы в одиночку,
И речи в уголку вдвоем,
И путешествия в Опочку,
И фортепьяно вечерком? . . .

(III, 28—29)

⁸ Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 1. М., 1951. С. 132.

⁹ Рукою Пушкина: Несобр. и неопubl. тексты / Подгот. и коммент. М. А. Цявловского, Л. Б. Модзалевского, Т. Г. Зенгер. М.; Л., 1935. С. 629, 635.

¹⁰ Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 1. С. 519.

¹¹ Иных текстологических или мемуарных оснований для этого нет: автограф не сохранился; списки, сделанные до появления стихотворения в печати, также до нас не дошли.

¹² См.: Вульф А. Н. Дневники. С. 23.

ром для опубликования, последовавшего тем не менее еще при жизни героини «Признания».

Смысл намеков в стихотворении был настолько прозрачен, что ни упоминающий о нем, ни тем более его копий в кругу тригорских обитателей нами не обнаружено. Возникает подозрение: да было ли это стихотворение вообще известно в окружении Алины?! Красавица Сашенька слыла умницей, это ее качество неоднократно подчеркивал в своем дневнике А. Н. Вульф.¹⁹ По-видимому, она отличалась скрытностью, что определялось ее положением в доме Осиповой. Не об этом ли писал и Пушкин в своем стихотворении:

Но притворитесь! Этот взгляд
Все может выразить так чудно!

(III, 29)

И тем не менее роман Саши Осиповой и Алексея Вульфа, на брак с которым у нее надежды не оставалось, впоследствии перестал быть секретом в семье Прасковьи Александровны,²⁰ причем отметим, что досужих рассуждений по этому поводу мы ни у кого из ее членов не встретили. Чувство Саши было, по-видимому, вполне искренним, ибо Алексей Вульф в постоянстве его не сомневался: «Саша всегда меня будет одинаково любить...».²¹ Нам остается только предполагать, насколько тяжело переживалась Алиной эта история, тянувшаяся много-много лет...

О том, какие отношения связывают сводных брата и сестру — Александру Осипову и Алексея Вульфа, поэт мог сделать наблюдения в один из шести приездов последнего в Тригорское: 10?—20? августа 1824 г., 15?—18? декабря 1824 г. — 18? января 1825 г., июль—15? августа 1825 г., 20 декабря 1825 г.—10? января 1826 г., апрель 1826 г., июнь—июль 1826 г.²² Если традиция, которая исходила от Анненкова, указавшего на 1824 г., имеет под собой основание, то тесное общение с Вульфом сразу же после приезда поэта в Михайловское, по-видимому, позволило ему сделать верное заключение о характере их отношений. В этом смысле не случайным представляется финал послания Пушкина к Вульфу в письме, которое датируется 20 сентября 1824 г.:

Дни любви посвящены,
Ночью царствуют стаканы,
Мы же — то смертельно пьяны,
То мертвецы влюблены

(XIII, 109)

Это письмо заключает приписка Анны Н. Вульф, которая особо выделила в своем тексте слово «мы», объединив тем самым себя и поэта. Однако Пушкин

¹⁹ См., например: В у л ь ф А. Н. Дневники. С. 185.

²⁰ Откровенное замечание по этому поводу в письме А. Н. Вульф Алексей Вульф отметил в своем дневнике. См.: В у л ь ф А. Н. Дневники. С. 260.

²¹ Там же. С. 228.

²² См: Ц я в л о в с к и й М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. С. 506, 544, 620, 631, 660, 700, 710, 715, 718. Цявловский не везде считал необходимым точно (или даже приблизительно) определять хронологические рамки пребывания Вульфа в Тригорском (как, например, на с. 506). Устанавливая свои, весьма приблизительные, сроки мы опирались на прямые или косвенные сообщения в «Летописи» о Вульфе (или Языкове) в Тригорском.

в своем послании явно намекал на чувство самого Вульфа, «приманивая» его в Тригорское: «Приезжай сюда зимой» (XIII. С. 108).

Как видно из этого послания, Пушкин и Вульф за те неполные две недели 1824 г., когда судьба свела их на псковской земле, сошлись самым дружеским образом. Полагаем, что у поэта, вопреки мнению Измайлова (см. выше), была возможность сразу же после своего приезда довольно близко познакомиться с укладом жизни обитателей Тригорского и отметить особую симпатию Вульфа к одной из красавиц, не связанных с ним узами родства. Видимо, «по горячим следам», вскоре после отъезда Пушкина из Тригорского, и было написано «Признание» — т. е. в августе—сентябре 1824 г.

Анненков, указывая на этот год, мог опираться на свидетельства членов семейства П. А. Осиповой. Вероятно, со знанием обстоятельств жизни Пушкина в Михайловском связан и выпуск, который был сделан исследователем при публикации «Признания». «Путешествия в Опочку» не связывались напрямую с «героем» романа Алины, который жил в том же доме, что и она. Видимо, поэтому он и предположил здесь искажение текста произведения.

Наконец, в пользу нашей датировки свидетельствует и сам способ обращения Пушкина к Сашеньке; в этом смысле стихотворение резко выделяется на фоне иных посланий, посвященных обительницам Тригорского: «Я вас люблю, — хоть я бешусь» и проч. Так писать Пушкин мог лишь в самом начале своего общения с семейством Осиповой. В дальнейшем стиль его не опубликованных при жизни обращений к барышням Тригорского значительно упростился. Выражение симпатий приняло у поэта более ироничный и, пожалуй, «обтекаемый» характер. Прямое же признание в любви было возможно лишь в самом начале михайловского «затворничества», когда поэт только входил в новый для него круг красавиц.

Итак, в ухаживаниях за Сашей Осиповой Пушкин, по-видимому, впервые стал соперником Алексея Вульфа. Таким же предметом столкновения для них стала впоследствии А. П. Керн, причем известие о ее связи с Вульфом глубоко уязвило поэта. То, что ухаживания за Алиной не были для Пушкина безуспешными, Вульф, судя по всему, не знал. А вот с чьим именем было связано Сашино увлечение, Пушкин знал хорошо,²³ отсюда и ироничная информация о ней, которую поэт поспешил сообщить Вульфу в письме из Малинников 16 октября 1829 г.

Ухаживания Пушкина за Александрой Осиповой не промелькнули для нее бесследно, о чем в кругу родных стало известно, по-видимому, не сразу. П. А. Осипова не считала необходимым вместе с дочерьми и племянницами увозить от «чудного знатока сердца» и свою падчерицу; во время их разъездов Алина неизменно оставалась в Тригорском.²⁴ Возможно, что сдержанная и умая Сашенька

²³ По-видимому, последним отзвуком романа Осиповой и Вульфа прозвучал у Пушкина мотив двух неведомых поэту влюбленных в стихотворении «Цветок» (1828). Нам удалось атрибутировать рисунок в черновой рукописи этого стихотворения (ПД 838, л. 102). Портрет Алексея Вульфа нарисован поэтом рядом со строками, разрабатывающими тему возможной любви тех, кем был сорван этот цветок (см. II, 704—705 — варианты, отражающие работу автора над этим фрагментом стихотворения). Ср. с пушкинским портретом Вульфа, воспроизведенным в кн.: Э ф р о с А. М. Пушкин портретист: Два этюда. М., 1946. С. 219 (№ 52). По-видимому, какая-то книга с засохшим цветком, попавшая в руки Пушкина в Малинниках, где он в это время гостил, заставила поэта вновь вспомнить именно об этих влюбленных.

²⁴ См.: Ц я в л о в с к и й М. А.. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. С. 504—726.

лишь после своего замужества открыла сестрам тайное тайных ее взаимоотношений с Пушкиным, что нашло отражение в их переписке середины 30-х гг. По словам А. Н. Вульф, Пушкин был «l'astre du bien et du mal de la Bekl.»²⁵ Е. Н. Вревская писала А. Н. Вульфу 26 сентября 1837 г.: «Наш приятель Пушкин умел занять чувство у трех сестер <...> Сестра <А. И. Беклешова>, вероятно, тебе опишет подробно поездки свои в Вел. Луки и последствия оных. Она меня пугает своим воображением и романтизмом...»²⁶ Комментируя этот фрагмент, М. Л. Гофман писал: «Речь идет, очевидно, о приятеле — поэте Пушкине, „заявшем чувство“ у трех сестер: безнадёжное, безответное чувство Анны Николаевны, легкое увлечение, перешедшее в дружбу, Евпраксии Николаевны <...> и неплатоническую страсть Александры Ивановны Осиповой-Беклешовой».²⁷ Какие поездки Беклешовой имела в виду Вревская, судить трудно; однако несомненно, что целью их были не Великие Луки, а Опочка. Это видно из письма Пушкина к Беклешовой 1835 г., где поэт не просто цитировал свое давнее «Признание», но и напоминал о самом значительном в их взаимоотношениях: «Я пишу к Вам, а наискось от меня сидите Вы сами во образе Марии Ивановны Осиповой. Вы не поверите, как она напоминает прежнее время

И путешествия в Опочку

и прочая» (XVI, 49). Письмо обнаруживает и другую параллель с «Признанием» Пушкина. Сравните: «Мой ангел, как мне жаль, что я Вас уже не застал...» и «Мой ангел, как я вас люблю!». Сопоставив эти пушкинские тексты, Л. С. Сидяков пришел к совершенно справедливому выводу: «Письмо это, самим поэтом аттестованное как „дружеская болтовня“, свидетельствует, таким образом, о том, насколько памятным осталось для него „Признание“, равно как и все, с чем было связано появление стихотворения».²⁸

Памятно это стихотворение было и для Беклешовой. В мае 1837 г. «Признание» с подзаголовком «К Александре Ивановне О-ой <Осиповой>» появилось в «Библиотеке для чтения» (см. примеч. 15). Замечателен был уже сам факт публикации произведения не в пушкинском «Современнике», а в журнале Сенковского. Это была своего рода демонстрация, вызвавшая справедливое негодование Опекы Пушкина.²⁹ Кто же послал стихотворение Сенковскому? Думается, это могла сделать только сама Беклешова, которая, будучи уже замужней дамой и находясь со своим мужем в весьма сложных отношениях, рискнула опубликовать «Признание», да еще с подзаголовком, чрезвычайно прозрачным по своему смыслу. Однако, на наш взгляд, все это в полной мере соответствует образу страстной и безудержной в своих порывах женщины, на которую соприкосновение в юности со столь разными по своим устремлениям людьми, как Пушкин и Вульф, наложили свой неизгладимый отпечаток.

Александра Ивановна вышла замуж 5 февраля 1833 г. Ее муж Петр Николаевич Беклешов, в прошлом моряк,³⁰ был в то время псковским полицеймейстером.

²⁵ звездой добра и зла Бекл(ешовой). (Фр.) — Пушкин и его современники. Вып. 21—22. С. 337 (письмо к Е. Н. Вревской от 13 мая 1836 г.).

²⁶ Там же. С. 413.

²⁷ Там же.

²⁸ Сидяков Л. С. Изменения в системе лирики Пушкина 1820—1830-х годов // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1982. Т. 10. С. 56.

²⁹ Летописи Гос. Лит. музея. Кн. 5: Архив Опекы Пушкина / Ред. и коммент. П. С. Попова. М., 1939. С. 369 (протокол заседания Опекы от 26 мая 1837 г.).

³⁰ Числослов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи на 1828 г. СПб., 1828. Ч. 2. С. 69.

В пушкиноведении стало своего рода штампом при упоминании о Беклешове с пренебрежением отмечать его служебное положение.³¹ А между тем он принадлежал к хиреющей ветви знатного дворянского рода, о котором в российском гербовнике было сказано так: «Род Беклешовых происходит от древней благородной фамилии. . . Беклешовы . . . служили российскому престолу дворянские службы в знатных чинах и жалованы поместьями».³² Этим браком Александра Ивановна породнилась с псковскими помещиками Беклешовыми, занимавшими на протяжении всего XIX в. видные посты в этой губернии. Была у нее и довольно богатая родня по мужу в Петербурге (об этом ниже). Мы не знаем, было ли у Беклешовой приданое, доставшееся ей от матери. У Петра же Николаевича, как это следует из его писем, небольшое имение было, и располагалось оно где-то неподалеку от имения Вревских Голубово.³³

Брак А. И. и П. Н. Беклешовых был несчастлив. Беклешов обладал характером грубым и вспыльчивым. Об этом писала М. И. Осипова,³⁴ в этом же каялся и сам Беклешов, не стеснявшийся в выражении своих эмоций не только сестер Алины, но даже и П. А. Осиповой.³⁵ Своеобразной жизненной позиции придерживалась и А. И. Беклешова. «А о мнении света, — писал Беклешов Е. Н. и Б. А. Вревским, — она всегда говорила: „Что ей до того, как об ней мнит свет, знала бы она сама себя, а мы, имея жизнь кратковременную, не должны ничего упустить к наслаждению своему“».³⁶ Как все это близко А. Н. Вульффу, писавшему в 1828—1833 гг. ставший ныне известным дневник, характеризующий не столько «любовный быт пушкинской эпохи», как считал П. Е. Щеголев, сколько его автора, человека холодного, развращенного и расчетливого! Самое слово «наслаждение» взято из его лексикона, оно неизменно присутствует на тех страницах, где речь идет о его отношениях с Сашей.³⁷ Несмотря на всю сложность характера этой женщины, П. Н. Беклешов горячо любил ее, свидетельством чего являются его письма-исповеди к Вревским, написанные в критические для их союза времена и буквально залитые его слезами.³⁸ Эти письма 1835 и 1844 гг., в которых Беклешов обращался к Вревским с просьбой умиротворяюще воздействовать на свою супругу, обнаруживают обстоятельства, бывшие причиной неблагополучия их союза: различие воспитания, репутация Алины до ее замужества, наконец, ее супружеская неверность. «. . . но боже милостивый, и за все то, с чем взял, и то, что еще досталось», — писал Беклешов в 1844 г.³⁹

В силу своего характера, по-видимому, довольно неуживчивого, Беклешову часто приходилось менять место службы, что давало основания Александре Ива-

³¹ См., например: Щеголев П. Е. Любовный быт пушкинской эпохи. С. 26.

³² Бобринский А. Дворянские роды, внесенные в общий гербовник Всероссийской империи. СПб., 1890. Ч. 2. С. 66.

³³ См., например: ПД, ф. Вревских, № 31221, л. 4—5 об., 6—7 (письма А. И. Беклешовой от 21 января и 31 июля 1840 г.).

³⁴ Пушкин и его современники. Вып. 21—22. С. 290.

³⁵ ПД, ф. Вревских, № 31231, л. 7 (письмо Беклешова к Б. А. и Е. Н. Вревским от 8 января 1844 г.).

³⁶ Там же, л. 6 об.

³⁷ См., например: Вульф А. Н. Дневники. С. 193.

³⁸ ПД, ф. Вревских, № 31231 (письма Беклешова к Б. А. и Е. Н. Вревским от 17 декабря 1835 г. и 8 января 1844 г.); № 31230, л. 5—6 (письмо Беклешова к Вревским от 9 февраля 1844 г.).

³⁹ ПД, ф. Вревских, № 31231, л. 7 об.

новне сравнивать себя с цыганкой.⁴⁰ В начале 1835 г. она жила в Петербурге. Это видно из письма Е. Н. Вревской к мужу от 26 января 1835 г.: «Nous avons été voir „Le cheval de bronze“, un très bel opéra, mais l'arrivée inattendue d'Alex (andrine) Beklécheff et différentes choses désagréables que j'ai appris sur leur vie m'on tellement dérangé les nervs, que je n'ai pas pu jouir du plaisir d'entendre une belle musique <...> J'ai trouvé un grand changement dans Alexandrine: elle est devenue si maigre, qu'elle a l'air d'avoir plus de trente ans».⁴¹ Вревские в этот свой приезд жили у Пушкиных, Беклешовы же, возможно, остановились у своих родственников Н. С. и М. В. Беклешовых, людей весьма гостеприимных и общительных. Е. А. Ладыженская в своих «Замечаниях на „Воспоминания“ Е. А. Хвостовой» писала о доме Беклешовых: «В этом гнезде <...> неизменно находили радушных, но чинный прием кровные и друзья — родственники новых родственников, друзья друзей, знакомые и соседи».⁴² Единственное свидетельство знакомства Пушкина с этим семейством — запись, которую он оставил 7 апреля 1835 г., в первый день Пасхи, в альбоме воспитанницы Беклешовых Ел. А. Сушковой, в замужестве Ладыженской.⁴³ Не исключено, что во время этого посещения Пушкин мог видеть А. И. Беклешову, а в таком случае совершенно особый смысл приобретает пушкинское письмо к ней, написанное 14—18 сентября 1835 г. и выражавшее надежду поэта на свидание с Алиной: он обращался не к той девушке, которую некогда запечатлела его память, а к замужней даме, которая была ему по-прежнему очень интересна. «Приезжайте ради бога; хоть к 23-му. У меня для вас три короба признаний, объяснений и всякой всячины. Можно будет, на досуге, и влюбиться» (XVI, 48). По свидетельству Е. Н. Вревской, «поэт по приезде сюда (в Голубово) был очень весел, хохотал и прыгал по-прежнему, но теперь, кажется, он впал опять в хандру. Он ждал Сашеньку с нетерпением, надеясь, кажется, что пылкость ее чувств и отсутствие ее мужа разогреет его состаревшая физическая и моральные силы».⁴⁴ Действительно, П. Н. Беклешов получил в это время назначение в Новую Ладогу, куда и выехал один, без семьи. Е. Н. Вревская не называет причины, помешавшей сестре приехать в Голубово. Однако из тех откликов о Пушкине, которые прозвучали в письмах Анны Вульф и Вревской со слов самой героини «Признания» в 1836 и 1837 гг., становится ясно, что отношения с поэтом оставили в душе Алины горький осадок.

Несмотря на всю сложность союза столь непохожих и в такой же степени сложных людей, как А. И. и П. Н. Беклешовы, они прожили всю жизнь вместе. Два их сына Леонид (род. 1837 (?)) и Евгений (род. 1839 (?)) пошли по стопам отца, став моряками. По сообщению С. Б. Вревской, они умерли в молодости.⁴⁵ Дочь Елизавета (род. 1833 (?)), в замужестве Наседкина, воспитывалась сначала

⁴⁰ ПД, ф. Вревских, № 31221, л. 2.

⁴¹ «Мы смотрели „Бронзовый конь“, очень хорошую оперу, но неожиданный приезд Алекса (андрины) Беклешовой и различные неприятные вещи, которые я узнала об их жизни, так расстроили мне нервы, что я не могла наслаждаться слушанием прекрасной музыки <...> Я нашла большую перемену в Александрине: она стала так худая, что выглядит старше тридцати лет». (Фр.) — Пушкин и его современники. Вып. 21—22. С. 389.

⁴² Сушкова (Хвостова) Е. Записки. 1812—1841 / Ред., введ. и примеч. Ю. Г. Оксмана. Л., 1928. С. 323.

⁴³ А. С. Пушкин. Два новых автографа / Публ. Л. Б. Модзалевского // Звенья. 1. М.; Л., 1932. С. 52—56.

⁴⁴ Пушкин и его современники. Вып. 19—20. С. 107.

⁴⁵ ПД, картотека Б. Л. Модзалевского.

в доме Вревских, а затем — в Смольном монастыре.⁴⁶ Видимо, по линии Наседкиных и передавалось впоследствии письмо Пушкина, оказавшееся в конце концов за границей. Возможно, что в семье Наседкиных хранился и пушкинский автограф «Признания», однако никаких следов их архива нами не обнаружено. Умерла А. И. Беклешова в 1863 г. в Петербурге.

С. В. Березкина

К вопросу о датировке стихотворения Пушкина «〈Няне〉». («Подруга дней моих суровых...»)

Стихотворение «〈Няне〉» («Подруга дней моих суровых...») впервые было напечатано П. В. Анненковым в Собрании сочинений Пушкина в 1855 г.¹ Анненков датировал его 1827 г. (С тех пор в собраниях сочинений Пушкина это стихотворение помещали либо в разделе «Отрывки неизвестных годов», либо в ряду стихотворений 1827 г.). Подразумевалось, что написано оно как бы в ответ на письмо Арины Родионовны Пушкину из Михайловского 30 января 1827 г. (XIII, 313).

Сомнения в этой датировке были высказаны дважды: Г. Н. Геннади и С. А. Венгеровым.² Геннади предположительно назвал 1826 г. В 1931 г. приложением к журналу «Красная Нива» издается Полное собрание сочинений Пушкина, в котором М. А. Цявловский называет более определенную дату: октябрь 1826 г.³ Эту дату уточняет Т. Г. Зенгер-Цявловская в Академическом Полном собрании сочинений в 16 т. (II, 1131); и с тех пор временем создания стихотворения считается конец сентября—октябрь 1826 г., местом написания — Москва. Никаких публикаций у Цявловских по этому вопросу не было; с архивом же их ознакомиться пока нет возможности, поэтому трудно сказать, чем они мотивировали эту датировку. Нам же кажется, что она нуждается в уточнении.

Известен единственный автограф стихотворения, который ранее некоторыми исследователями считался «черновым наброском»,⁴ а Цявловская определяла его как белой с поправками автограф. Находится он в рабочей тетради Пушкина, известной под названием Третья масонская (ПД 836, л. 43), в той ее части, которую поэт заполнял с конца, после записей народных сказок и песен, сделанных во время ссылки в Михайловском. Пушкин, как известно, прибегал к такому способу разделения произведений, различных по жанру. Эту тетрадь он завел в 1824 г. для переделки поэмы «Цыганы».

⁴⁶ ПД, ф. Вревских, № 31230, л. 3—4 (письмо П. Н. Беклешова к Е. Н. и Б. А. Вревским от 24 июля 1845 г.).

¹ Пушкин. Соч. / Под ред. П. В. Анненкова. СПб., 1855. Т. 1. С. 5.

² Пушкин А. С. Соч. / Под ред. Г. Н. Геннади. СПб., 1859. Т. 1. С. 584; Пушкин А. С. Полн. собр. соч. 2-е изд. СПб., 1870. Т. 1. С. 526; Пушкин. Соч. / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1910. Т. 4. С. IV.

³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л., 1931. Т. 6, кн. 12. С. 42.

⁴ Пушкин А. С. Соч. / Под ред. П. О. Морозова. СПб., 1887. Т. 2. С. 26.

Интересующее нас стихотворение окружено текстами, датировка которых и позволяет уточнить традиционную датировку стихотворения «〈Няне〉».

На предыдущих листах находятся: черновые строфы XXI—XXIV 5-й главы «Евгения Онегина» (л. 50, 49 об.), черновые наброски записки «О народном воспитании» (л. 49—44), черновая строфа XXV 5-й главы «Онегина» (л. 43 об.). Автограф стихотворения «Подруга дней моих суровых. . .» расположен на одном листе с XXVI строфой и написан явно ранее, так как строки «Онегина», дойдя до конца листа (вернее, до рисунка в конце листа), далее пишутся на поле стихотворения, огибая его с левой стороны.

На следующих за стихотворением листах находятся: конец записки «О народном воспитании» (л. 42 об.), черновые XXVII—XXXVIII строфы 5-й главы «Евгения Онегина» (л. 42—38 об.).

Мы хотим остановиться на том, каким же образом, по нашему мнению, заполнялась эта часть тетради. При этом нужно сказать, что ни один из исследователей не сомневался, что все записи здесь сделаны в ноябре 1826 г. в Михайловском. Никогда не высказывалось мнение, что какая-либо из этих записей могла быть сделана в Москве. Однако стихотворение, обращенное к няне, является исключением.

Возвратившись 8 ноября из Москвы в Михайловское, Пушкин вскоре начинает работу над запиской «О народном воспитании», вернее, продолжает работу, начатую в Москве (так считает Н. В. Измайлов⁵). Перебеленный текст записки он переписывает в специальную сшитую тетрадь (ф. 244, оп. 1, № 1734) и в конце, на л. 12 об. ставит дату: «Михайловское. 1826. Ноябрь〈я〉 15». Черновую же работу, как мы знаем, он вел в рассматриваемой нами тетради ПД 836.

Работа над запиской была для Пушкина сложной: во-первых, необычность предмета; во-вторых, щекотливость ситуации — он «ясно понимал 〈. . .〉 испытательный характер»⁶ поручения и в то же время не хотел «пропускать такого случая, чтоб сделать добро».⁷ Знакомство с известным нам черновиком показывает, с каким трудом облекалась в слова каждая мысль. Для последующих записей он оставлял чистые листы. Так, приступив к работе над запиской, он оставил две чистые страницы. — л. 50 и 49 об., — следующие после записей народной песни, сделанной еще во время ссылки.

И вот на одном из оставшихся не использованными при работе над запиской листов, 43-м, возникает стихотворение «Подруга дней моих суровых. . .». Написано оно чернилами, чернилами нарисован и профиль на поле, рядом с последней строкой.

Черновые наброски записки Пушкин начинает карандашом, а правку с конца л. 47 делает чернилами, с л. 45 об. основной текст также пишет чернилами. Покончив с официальным заказом, давшимися ему, по всей видимости, нелегко, или на последнем этапе работы над ним Пушкин обращается к стихам: пишет стихотворение «〈Няне〉» и XXI—XXXVIII строфы 5-й главы «Евгения Онегина». Вскоре он уже перебелил 5-ю главу, о чем сообщает проставленная им дата: «22 ноябрь〈я〉» (ПД 935).

Почему же текст, окруженный со всех сторон произведениями, работа над которыми закончена 15 и 22 ноября в Михайловском, датируется сентябрем—

⁵ Измайлов Н. В. Вновь найденный автограф Пушкина — записка «О народном воспитании» // Временник Пушкинской комиссии. 1964. Л., 1967. С. 9.

⁶ Там же. С. 8.

⁷ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1974. Т. 1. С. 416.

октябрем 1826 г., временем пребывания в Москве? Может быть, потому что трудно представить себе Пушкина пишущим это послание не из далекой Москвы, а находясь близ няни — в Михайловском?

Здесь прежде всего задумаемся: откуда известно, что Пушкин брал с собой эту тетрадь, когда в ночь с 3 на 4 сентября собирался в Москву, в полную неизвестность?⁸ Была ли у поэта возможность взять эту большую, в лист, тетрадь и нужна ли она была ему в Москве? Ведь в ней находился перебеленный, переходящий в черновой текст «Цыган», с одной стороны, и необработанные записи народных сказок и песен, с другой. «Цыганы» были для Пушкина пройденным этапом. В Москве, как известно, он читал «Бориса Годунова», «Песни о Стеньке Разине», «У лукоморья дуб зеленый».⁹ Вероятно, рукописи этих произведений он взял с собой при отъезде. Никаких утверждений по поводу того, что у Пушкина в Москве в сентябре—октябре 1826 г. была или могла быть Третья масонская тетрадь, до сих пор не высказывалось, и ни один из ее текстов, исключая автограф «〈Няни〉», не датируется этим временем.

Но даже если Пушкин взял эту тетрадь (успел взять, захотел взять), раскрывал ли он ее в Москве? Москва, по словам Н. В. Измайлова, «короновала» Пушкина (XIII, 297). Свобода, слава, общение, знакомства, увлечения. Пишет ли он в это время? Мы знаем два небольших стихотворения, относящихся к тому периоду: «К. А. Тимашевой» («Я видел вас, я их читал»), записанное в ее альбом 20 октября (III, 1131) и К*** («Зачем безвременную скуку. . .»), записанное 1 ноября (ПД 900; II, 1079); предположительно к этому времени относят также стихотворение «Ответ Ф. Т***», датируемое «1826 г., серединой сентября—октябрем или двадцатыми числами декабря» (ПД 808; III, 1134).

Совершенно не вспоминать свою михайловскую жизнь и все, что с нею связано, Пушкин безусловно не мог. Особенно вначале. Так, 16 сентября он пишет П. А. Осиповой: «Москва шумна и занята празднествами до такой степени, что я уже устал от них и начинаю вздыхать по Михайловскому, то есть по Тригорскому» (XIII, 296, 559). Собираясь выехать из Москвы «самое позднее через две недели» (XIII, 296, 559), поэт появится в Михайловском лишь в начале ноября.

И вот здесь-то, как нам кажется, Пушкин прочувствовал то, что выразил в своем стихотворении «Подруга дней моих суровых. . .». Ему, естественно, рассказали о том, как тревожились после его неожиданного и непонятого отъезда, как его ждали. Известно, что Арина Родионовна даже заказала молебен, когда он вернулся.

О том, какие сильные чувства в Пушкине вызвало возвращение в Михайловское, мы знаем из его письма к П. А. Вяземскому от 9 ноября: «Ты знаешь, что я не корчу чувствительность, но встреча моей дворни, хамов и моей няни — ей-богу приятнее щекотит сердце, чем слава, наслаждения самолюбия, рассеянности и пр. Няня моя уморительна. Вообрази, что 70 лет она выучила наизусть новую молитву *о умилении сердца владыки и укрощении духа его свирепости*, молитвы вероятно сочиненной при ц(аре) Иване. Теперь у ней попы дерут молебен и мешают мне заниматься делом» (XIII, 304).

Такая встреча, да сама атмосфера Михайловского, конечно же, умилили и растрогали Пушкина. Тогда, вероятно, и появляется стихотворение «〈Няне〉», —

⁸ См.: Там же. Т. 1. С. 426; Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., 1951. Т. 1. С. 726.

⁹ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 28—29.

во всяком случае тот автограф, который мы знаем (ПД 836, л. 43), или черновик, с которого Пушкин переписал его в тетрадь. Но предположения, касающиеся существования черновика, его датировки, а также проблема завершенности — вопрос отдельный.

Что же касается вопроса, мог ли Пушкин написать это стихотворение в Москве, то представляется, что положительный ответ как бы накладывает дополнительный глянец на отношения Пушкина и Арины Родионовны. Неудивительно, что Т. Г. Цявловская, склонная к некоторой идеализации этих отношений, делает ошибочный, на наш взгляд, вывод: «После смерти Арины Родионовны Пушкина в Михайловское не тянуло»,¹⁰ тогда как ни Пушкин, ни его отношение к Арине Родионовне в идеализации не нуждаются.

В. А. Елисеева

«...как говорит бог Иова или Ломоносова»

Книга Иова всегда пользовалась особым вниманием Пушкина. В 1832 г. П. В. Киреевский писал Н. М. Языкову: «Пушкин был недели две в Москве, и третьего дня уехал. Он учится по-еврейски, с намерением переводить Иова».¹ В литературе уже отмечалось, что этот не воплощенный в жизнь замысел все же получил отражение в творчестве Пушкина — в его поэме «Медный всадник».² Несколько раньше, в 1828 г., он предполагал предпослать стихотворению «Чернь» цитату из Книги Иова: «Послушайте глагол моих» (см. III, 715).

Первые же упоминания имени Иова мы находим в переписке Пушкина периода южной ссылки: «милейшим Иовом Ловеласом» («aimable Job lovelace») называет он своего корреспондента (А. Н. Раевского?) в октябрьском письме 1823 г. (XIII, 71), а 29 июня 1824 г. взывает к А. А. Бестужеву: «Мужайся — дай ответ скорей, как говорит бог Иова или Ломоносова» (XIII, 101).³

В этой связи обратим внимание на реминисценцию из «Оды, выбранной из Иова» Ломоносова в пушкинском стихотворении «Кто, волны, вас остановил».

Ср. у Ломоносова:

Кто море удержал брегами
И бездне положил предел,
И ей свирепыми волнами
Стремиться дал не велел?⁴

¹⁰ Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. М., 1970. С. 69.

¹ Исторический вестник. 1883. № 12. С. 535.

² См.: Тархов А. Е. Повесть о петербургском Иове // Наука и религия. 1977. № 2. С. 63.

³ У Ломоносова: «Мужайся, стой и дай ответ» (см.: Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1959. Т. 8. С. 387), в Библии: «Я буду спрашивать тебя и ты объясняй Мне» (Кн. Иова, 38, 3).

⁴ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 387; в Библии: «Кто затворил море воротами, когда оно исторглось, вышло как бы из чрева» (Кн. Иова, 38, 8).

У Пушкина:

Кто, волны, вас остановил,
Кто оковал [ваш] бег могучий,
Кто в пруд безмолвный и дремучий
Поток мятежный обратил?

(II, 288)

Это стихотворение появляется в черновиках первой главы «Евгения Онегина» (ПД 834, л. 9) вслед за вопросом «Что ж был ли счастлив наш Евгений» (VI, 243). Оно отражает душевное состояние поэта, тяжело переживавшего подавление революционных движений в Европе и усиление аракчеевской реакции в России, разочарованного в своих романтических идеалах. Но мятежная душа поэта не покорена «дремой лени», и потому стихотворение заканчивается на отчаянной ноте протеста:

Взыграйте, ветры, взройте воды,
Разружьте гибельный оплот —
Где ты, гроза — символ <свободы>?
Промчись поверх невольных вод.

(II, 288)

Строки эти находятся в разительном противоречии с концовкой ломоносовской оды («В надежде тяготу сноси|И без роптания проси»⁵), но в свою очередь также могут быть прочитаны как своеобразный отклик на следующую строфу Ломоносова:

Возмог ли ты хотя однажды
Велеть ранее утру быть
И нивы в день томящей жажды
Дождем прохладным напоить,
Пловцу способный ветер направить,
Чтоб в пристани его поставить,
И тяготу земли тряхнуть,
Дабы безбожных с ней сопхнуть?⁶

Нельзя не заметить, что яркая картина «стройного чина», воссозданная в ломоносовской «Оде, выбранной из Иова», отзовется в первом значительном произведении Пушкина, знаменующем преодоление душевного кризиса, — в его «Подражаниях Корану».

А. Г. Чижев

«Зачем крутится ветер в овраге. . .»:

Источники, поэтика, концепция поэта и поэзии

«Зачем крутится ветер в овраге. . .» создается А. С. Пушкиным в качестве так называемого второго отступления о свободе поэтического творчества в неоконченной поэме, печатающейся под условным названием «(Езерский)». Отрывок составляет строфу XIII.

⁵ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 392.

⁶ Там же. С. 388—389.

История этого второго отступления весьма любопытна. В альбоме 1833—1835 гг. (ПД 845), в котором записывался «〈Езерский〉», листы с «Зачем крутится. . .» вырваны.¹ Они оказались у В. А. Жуковского, а позднее — в собрании А. Ф. Онегина (через сына Жуковского — П. В. Жуковского) и были опубликованы в 1886 г. в «Русской мысли».² Между тем, когда в 1836 г. Пушкин опубликовал отрывок из «〈Езерского〉» в «Современнике» под названием «Родословная моего героя», строфы, посвященные поэзии, были опущены. П. А. Ефремов считал, что строфы, попавшие к А. Ф. Онегину, поэт поправлял и переписывал «для следующих книжек „Современника“».³

Вместе с тем в так называемой последней тетради (ПД 846) обнаруживается черновик стихотворения «Поэт идет. . .».⁴ Этот черновой набросок П. Бартенева отнес к работе Пушкина над первой импровизацией итальянца в «Египетских ночах».⁵

Между тем остается в силе и другая идея, имеющая право на существование. Н. О. Лернер предполагал, что этот черновой набросок «может иметь и самостоятельное значение».⁶ В свою очередь уже значительно позднее С. М. Бонди убедительно доказал, что строфа XIII из «〈Езерского〉», пусть и в измененном виде, должна была войти в состав этого недописанного стихотворения.⁷

Однако включение в состав «Египетских ночей» лишало текст художественной самостоятельности, с одной стороны, с другой же — заставляло видеть в нем реализацию эстетических представлений импровизатора-итальянца, а не Пушкина.

История текста дает возможность предположить, что Пушкин мог выделить из состава «〈Езерского〉» отдельное стихотворение, точно так же как он вычленил из «〈Езерского〉» «Родословную моего героя».

Однако поскольку дальнейшее движение замысла Пушкина остается гипотетичным, представляется корректным остановиться на строфе XIII из «Езерского», осознав ее как самостоятельный текст. Отметим, что это предложение — не оригинальное. Еще Н. Ф. Сумцов предлагал считать строфу XIII самостоятельным произведением,⁸ что позволяет рассматривать данный отрывок в контексте таких произведений Пушкина, как «Пророк» (1826), «Поэт» (1827), «Поэт и толпа» (1828), «Поэту» (1830), «Эхо» (1831), «〈Гнедичу〉» (1832), «Я памятник себе воздвиг нерукотворный. . .» (1836).

Текст этот выглядит так:

Зачем крутится ветер в овраге
Подъемлет лист и пыль несет,
Когда корабль в недвижной влаге
Его дыханья жадно ждет?
Зачем от гор и мимо башен
Летит орел, тяжел и страшен.

¹ См.: Рукописи А. С. Пушкина. Фототипическое издание. Альбом 1833—1835 года. Тетрадь № 2374. Комментарий / Под ред. С. М. Бонди. М., 1939. С. 41.

² Русская мысль. М., 1886. Кн. 5. С. 1.

³ Сочинения А. С. Пушкина / Под ред. П. А. Ефремова; Изд. А. С. Суворина. 1905. Т. 8. С. 444.

⁴ Русская старина. 1884, декабрь. С. 526.

⁵ См.: Русский архив. М., 1882. Кн. 1. С. 221—226.

⁶ Лернер Н. О. Труды и дни Пушкина. 2-е изд. СПб., 1912. С. 348.

⁷ Бонди С. М. Новые страницы Пушкина. М., 1931. С. 192—193.

⁸ Сумцов Н. Ф. Исследования о поэзии А. С. Пушкина: Харьковский университетский сборник в память А. С. Пушкина (1799—1899). Харьков, 1900. С. 46.

На черный⁹ пень? Спроси его.
Зачем Арапа своего
Младая любит Дездемона,
Как месяц любит ночи мглу?
Затем, что ветру и орлу,
И сердцу девы нет закона.

(V, 102)

Далее в разных текстах отрывок имеет два варианта финала.

В «(Езерском)»:

Гордись: таков и ты поэт,
И для тебя условий нет.

(V, 102)

В «Египетских ночах»:

Таков поэт: как Аквилон
Что хочет, то и носит он —
Орлу подобно, он летает
И, не спросясь ни у кого,
Как Дездемона избирает
Кумир для сердца своего.

(VIII, 269)

Проблема источников стихотворения¹⁰ была поставлена лишь однажды Н. Ф. Сумцовым. Впрочем предложенные им варианты решения кажутся странными. Он провел параллели с малороссийскими школьными виршами XVII в. и фольклором,¹¹ подчеркнув распространенность сравнения поэзии с ветром и орлом.

Представляется, однако, возможным говорить о более конкретном источнике — о Ветхом завете, в котором обнаруживаются несколько текстов, имеющих отношение к пушкинскому стихотворению. Во-первых, это отрывок из Книги Притч царя Соломона: «Три вещи непостижимы для меня, и четырех я не понимаю: Пути орла на небе, пути змея на скале, пути корабля среди моря и пути мужчины к девице» (Притчи, 30, 18—19), где обнаруживаются не только образный параллелизм, близкий пушкинскому стихотворению, но и композиционное сходство. Отметим мотив «непостижимости», который связан с этим комплексом образов. В Экклесиасте мотив «непостижимости» отчасти проясняется Божьим промыслом: «Как ты не знаешь путей ветра и того, как образуются кости во чреве беременной: так не можешь знать дело Бога, Который делает все» (Эккл., 11, 5). Можно указать еще один возможный источник, ведущий к Книге Иова.

Для пушкинского стихотворения важен своеобразный полигенетизм реминисценций. Стихотворение возникает как переплетение нескольких мотивов из разных

⁹ В варианте 1835 г.: «чахлый».

¹⁰ Далее мы будем говорить о «Зачем крутится...» как о самостоятельном стихотворении.

¹¹ Сумцов в Н. Ф. Исследования о поэзии А. С. Пушкина. С. 48—50.

частей Ветхого завета, которые в своем источнике употреблены в разных, но близких контекстах. Соответственно в пушкинском тексте происходит «слияние» различных оттеночных значений, одновременно совпадающих и не совпадающих с библейскими.

Связь стихотворения с третьим отрывком — из Книги Иова — требует особого доказательства. Прежде всего подчеркнем, что все мотивы, представленные в Притчах и Экклезиасте, как бы сливаются в Книге Иова, к которой Пушкин проявлял особый интерес, отразившийся, например, в стихотворении «Дар напрасный, дар случайный» (1828). Причем, как отметил Д. Д. Благой, «строки эти не являются ни переложением (как у Ломоносова¹²), ни „подражанием“ (как в пушкинских стихотворениях на мотивы «Песни песней»¹³). . . Но не только по интонации (серия вопросов), а, главное, по всему своему содержанию они представляют собой прямую параллель сетованиям многострадального Иова. . .»¹⁴

Известно также, что Пушкин собирался учить древнееврейский язык с намерением переводить Иова, о чем сообщает И. В. Киреевский в письме Н. М. Лыкову от 12 октября 1832 г.¹⁵ Начало же работы над «Езерским» датируется как раз 1832 г. Оборвав работу над поэмой, Пушкин занялся «Медным всадником», который как бы поглотил замысел «Езерского».¹⁶ Современные исследователи отмечают перекличку Книги Иова с петербургской повестью.¹⁷ Все это говорит о том, что библейская книга не только присутствовала в сознании поэта, но и о том, что он работал, очевидно, непосредственно с текстом.

В Книге Иова находим следующие отрывки: «Где место разделения ветров | и восточному вихрю где путь»¹⁸ (ср. канонический перевод: «По какому пути разливаются свет и разносится восточный ветер по земле», — Иов, 38, 24); «По твоему ли слову взлетел орел, | На высотах вьет свое гнездо? | Обитание его — на скале, | На крутизнах и оврагах — ночной приют; | Отселе он высматривает себе снедь, | И в даль вперяются его глаза»¹⁹ (ср. канонический перевод: «По твоему ли слову возносится орел и устрояет на высоте гнездо свое? (. . .); оттуда высматривает себе пищу: глаза его смотрят далеко», — Иов, 39, 27, 29).

Если в случае со стихотворением «Дар напрасный, дар случайный» Пушкин дает «параллель сетованиям многострадального Иова» (Д. Д. Благой), то теперь он использует образы из речи Бога, выбирая, между прочим, как раз те главы, которые в свое время выбрал М. В. Ломоносов (38, 39, 40 и 41 у Ломоносова и 38—39 у Пушкина):

Возмог ли ты хотя однажды
Велеть ранее утру быть
И нивы в день томящей жажды

¹² Имеется в виду «Ода, выбранная из Иова. . .».

¹³ «Вертоград моей сестры» и «В крови горит огонь желанья».

¹⁴ Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826—1830). М., 1967. С. 176.

¹⁵ Исторический вестник: Историко-литературный журнал. Пг., 1883, декабрь. С. 535.

¹⁶ См.: Соловьева О. С. «Езерский» и «Медный всадник»: История текста // Пушкин: Исследования и материалы. М.: Л., 1960. Т. 3. С. 268—314.

¹⁷ Тархов А. Повесть о петербургском Иове // Наука и религия. 1977. № 2. С. 63—64.

¹⁸ Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973. С. 618 (пер. С. С. Аверинцев).

¹⁹ Там же. С. 621.

Дождем прохладным напоить,
Пловцу способный ветер направить,
Чтоб в пристани его поставить <...>

Твоей ли хитростью взлетает
Орел, на высоту паря,
По ветру крила простирает
И смотрит в реки и моря?
От облак видит он высоких
В водах и пропастях глубоких
Что я ему на пищу дал.
Толь быстро око ты ль создал? ²⁰

С библейской традицией оба текста роднит близость синтаксических конструкций, которые представляют собой ряд параллельных вопросительных предложений, объединенных анафорическим зачином. Именно такие синтаксические структуры, по наблюдению В. В. Виноградова, «характерны для „библейского стиля“ русской поэзии с XVIII века». ²¹

Любопытно то, что вопросы, возникающие в стихотворении Пушкина, имеют свой ответ в библейской книге. В самом общем виде этот ответ можно сформулировать следующим образом: «Такова воля Божия». С. П. Шевырев в «Истории поэзии» так выразил основную мысль Книги Иова: «Мысль, одушевляющая Книгу Иова, есть всемогущество Божие, ничтожность человека самого праведного, самого благочестивого перед Богом». ²²

Как уже говорилось выше, образы, использованные Пушкиным, взяты из речи Бога, в которой он, с одной стороны, рисует облик космически организованной вселенной, а с другой — подчеркивает недостижимость для человеческого сознания этой гармонии. Человеку доступны лишь частности, которые в отрыве от целого воспринимаются им дисгармонично. ²³

²⁰ Ломоносов М. В. Стихотворения. Л., 1935. С. 145—146 (Б-ка поэта. Б. сер.).

²¹ Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1941. С. 494.

²² Шевырев С. П. История поэзии. 2-е изд. СПб., 1887. Т. 1. С. 161—162.

²³ Ср., например: Иов, 39,13—18. Культурно-историческое значение Книги Иова огромно. Опираясь на нее, строит свою знаменитую теодицею Аврелий Августин, ему вторит Фома Аквинский (см.: Соколов В. В. Средневековая философия. М., 1979. С. 61, 363). Подражением Иову является «Пролог на небесах» в «Фаусте» Гете (см.: Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М., 1981. С. 147). Эта традиция ощутима в «Братьях Карамазовых» Ф. М. Достоевского, в пьесе Л. Андреева «Анатема». Она жива и по сию пору. Ср.:

А утром солнышко взойдет, —
Кто может средство отыскать
Чтоб задержать его восход?
Остановить его закат?
Вот так, поэзия, она
Звенит — ее не остановишь!
А замолчит — напрасно стонешь!
Она незрима и вольна...
И не она от нас зависит, а мы зависим от нее...
Рубцов Н. Посвящение другу. Л., 1984. С. 20.

В пушкинском стихотворении отношения между явлениями полны противоречий (ср., например, с одой Ломоносова): в несогласии находятся ветер и корабль, жадно ждущий его дыхания; орел, обладая удивительным зрением, летит не на добычу, а на чахлый пенёк; «белая» Дездемона любит «черного» Арапа. . . Контрастность, несогласованность, противоречивость царят в мире. Отсюда и вывод: «Затем, что ветру и орлу, |и сердцу девы нет закона». Но так ли это? Для мира нет закона с точки зрения обычного человека, ограниченного в познании пространством и временем, в силу чего он не «прозревает» этого закона (так же как Иов не прозрел Божьего промысла). Но закон оказывается внятн Богу, пророку и. . . поэту.

Впрочем, противоречие между выводом («нет закона») и структурой художественной логики стихотворения, утверждающей наличие этой закономерности, выявляется не только в контексте литературной традиции (книги Ветхого завета, ода Ломоносова). Оно подчеркнуто самим строением художественной мысли: настойчиво повторяющаяся алогичность оборачивается утверждением некоей иной логики.

В поэзии пушкинской поры сравнение поэта с орлом — общее место. Однако именно поэтому важна конкретность интерпретации. В стихотворении С. П. Шевырева «Сила духа» (1825) образ орла оформляет романтическую идею недостижимости и невыразимости Идеала:

Вы зрели ль, как молодой орел,
Младые силы испытую,
Парит сквозь огонь громовых стрел,
Над тучей грозно торжествуя.
.....
В нем пламень доблестный хладеет;
Чуть движет трепетным крылом,
Падет — лишь миг — и прах на нем
Оков враждебных тяжелеет.
Я пал, к родной стремясь мете;
Минутный вечного свидетель,
Зрел Истину и Добродетель
В согласной неба Красоте
Я пал. . .²⁴

У А. С. Хомякова в стихотворении «Жаворонок, орел и поэт» (1833) образ орла подчеркивает оппозицию «поэт—толпа», «небесное—земное»:

Орел, добычу забывая,
Летит, — и выше сизых туч,
Как парус крылья расстилая,
Всплывает — весел и могуч.
Зачем поют? Зачем летают?
Зачем горячие мечты
Поэта в небо увлекают
Из мрака дольней суеты?
.....

²⁴ Шевырев С. П. Стихотворения. Л., 1939. С. 3 (Б-ка поэта. Б. сер.).

Затем, что с выси небосклона
Отрадно видеть край земной
И робких чад земного лона
Далеко, низко под собой.²⁵

Легко заметить, что романтическая концепция принципиально строится на заострении трагических антитез «небесного—земного», «праха—духа», «высокого—низкого» и т. д.

В пушкинском тексте все это есть, но есть и нечто такое, что абсолютно меняет звучание этих мотивов. И самое главное — это концепция мира, утверждающая его гармоничность, ценность в нем каждого элемента. Дисгармония — это лишь недостаточно проявленная гармония. . . Напомним, что подобного рода идея родилась у поэта в момент утверждения ценности «ничтожного» героя. Возможно, что эта мысль отразилась в авторской точке зрения в «Медном всаднике», где гимн Петру соседствует с его низложением, где ода Петербургу соединяется с его проклятием. Подобный взгляд приводил к расширению предмета поэзии.

Ты любишь с высоты
Скрываться в тень долины малой,
Ты любишь гром небес, но также внемлешь ты
Жужжанью пчел над розой алой.
[Таков прямой поэт. Он сетует душой
На пышных играх Мельпомены,
И улыбается забаве площадной
И вольности лубочной сцены.]

(III, 286)

Возникла идея такой поэзии, которая способна не только вобрать в себя мир, но, прорываясь через его внешнюю дисгармонию, выразить его глубинную красоту и целесообразность.

Другая реминисценция отсылает к трагедии Шекспира «Отелло». В «Отелло» тоже есть ответ на вопрос «Зачем Арапа своего младая любит Дездемона?». Вернее, их два. Один принадлежит Дездемоне: «Для меня | Краса Отелло — в подвигах Отелло»,²⁶ что, между прочим, корреспондирует с обликом поэта, который, как и Дездемона, способен за внешним безобразием увидеть скрытую красоту. Другой ответ принадлежит отцу Дездемоны Бранцио:

Ты чарами ее опутал, дьявол!
Тут магия, я это докажу.
.....
Ты тайно усыпил ее сознание
И приворотным зельем опойл.²⁷

Так в трагедии возникает мотив чар, магии, колдовства.

В пушкинском стихотворении тема поэзии тоже приобретает двойственный

²⁵ Хомяков А. С. Стихотворения и драмы. 2-е изд. Л., 1969. С. 101—102 (Б-ка поэта. Б. сер.).

²⁶ Шекспир В. Полн. собр. соч.: В 8 т. М., 1960. Т. 6. С. 302.

²⁷ Там же. С. 292—293.

характер. С одной стороны, это нечто объективное и реальное, подобное кружению ветра и полету орла, а с другой — чарующе-волшебное, подобное любви Отелло и Дездемоны.

Смысл в установлении источников стихотворения в данном случае особый, так как пушкинский текст часто воспринимается как выражение абсолютной поэтической свободы, граничащей с беззаконием: «Гордись! Таков и ты, поэт! И для тебя условий нет!». «Этим „гордись“, — пишет М. О. Гершензон, — Пушкин подрывает все основы нравственности и общежития. . . Пусть толпа подчиняется законам разума, — гордится вправе перед нею тот, кто ощущает в себе незаконность стихийной воли».²⁸ Или: «Таков и поэт, — интерпретирует Е. Г. Эткинд, — он творит свое искусство, не руководствуясь ни логикой, ни целесообразностью, и воспевает то, что подсказывает ему прихоть; поэтическое творчество не подчиняется „условиям“, т. е. разумным законам».²⁹

Все как раз наоборот. Пушкин утверждает законосообразность творчества, которая лишь непосвященным кажется беззаконием. И это — принципиально важно. Дело в том, что и в поэму «〈Езерский〉», и в стихотворение «Поэт идет. . .» «Зачем крутится. . .» входит как составная часть полемики Пушкина, отстаивающего свое творческое право в споре с толпой. Как раз толпа предлагает поэту «закон»:

Стремиться к небу должен гений,
Обязан истинный поэт
Для вдохновенных песнопений
Избрать возвышенный предмет.

(VIII, 269)

Глупец кричит: куда? куда?
Дорога здесь. Но ты не слышишь. . .

(V, 103)

Толпа выступает как последний и полномочный представитель закона. С ее точки зрения, творчество поэта незаконно, своевольно, алогично. Но, как показывает Пушкин, творчество отнюдь не незаконно, просто его законы — другие. В ответе толпе поэт одновременно сопрягает две точки зрения: толпы, которой видим лишь диссонанс (ветер крутится не там, где надо; орел летит не туда, куда следует; красавица Дездемона любит безобразного Арапа), и поэта, которому доступно увидеть за всем этим гармоническую целесообразность. Раньше, в стихотворении «Поэт и толпа», эти две точки зрения были представлены двумя субъектами речи — поэта и толпы. Теперь же благодаря поэтике алогизма и цитатной природе текста Пушкин создает такое произведение, которое при одном субъекте речи разом воспроизводит обе точки зрения.

Насколько осознанно это сделано, говорят первые строки стихотворения «Поэт идет. . .», которые воспроизводят тот же принцип алогизма, на котором строится реминисцентная речь поэта:

[Поэт идет]: открыты вежды,
Но он не видит никого.

(VIII, 269)

²⁸ Гершензон М. О. Мудрость Пушкина. М., 1919. С. 32.

²⁹ Эткинд Е. Г. Разговор о стихах. М., 1970. С. 15.

Здесь обнаруживается то же субъективное расслоение: поэт идет и его вехи открыты, а прохожему кажется, что он не видит никого.

Следует подчеркнуть, что все стихотворение очень органично вписывается в контекст произведений Пушкина, посвященных теме поэта и поэзии.

Во-первых, мы обнаруживаем близкую символику:

Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.

(Поэт. 1827, — III, 65)

Зачем сердца волнует, мучит,
Как своенравный чародей?
Как ветер песнь его свободна <...>

(Поэт и толпа. 1828, — III, 141)

Прослеживается параллель «Бог-поэт»:

Ты сам свой высший суд.

(III, 223)

Веленью божию, о муза, будь послушна <...>

(III, 424)

Во-вторых, само обращение Пушкина к символике Библии в связи с темой поэта закономерно. Аналогичный случай — «Пророк».

В-третьих, композиционно «Зачем крутится...» соотносимо со стихотворением «Эхо», которое построено по принципу уподобления.

В-четвертых, реминисцентный характер текста оказывается не случайным, а глубоко осознанным принципом, о котором не однажды размышлял поэт. Так, рецензируя книгу Сильвио Пеллико «Об обязанностях человека», Пушкин писал: «*Это уж не ново, это было уж сказано* — вот одно из самых обыкновенных обвинений критики. Но все уже было сказано, все понятия выражены и повторены в течение столетий: что ж из этого следует? Что дух человеческий уже ничего нового не производит? Нет, не станем на него клеветать: разум неистощим в *соображении* понятий, как язык неистощим в *соединении* слов. Все слова находятся в лексиконе; но книги, поминутно появляющиеся, не суть повторение лексикона. *Мысль* отдельно никогда ничего нового не представляет; *мысли же* могут быть разнообразны до бесконечности» (XII, 100; ср.: VIII, 50; VIII, 270).³⁰ Осознанию зависимости творческого процесса от предшествующей литературной традиции посвящены несколько строк в рецензии Пушкина на книгу В. Теплякова «Фракийские элегии»: «Талант неволен, и его подражание не есть постыдное похищение — признак умственной скудости, но благородная надежда на свои собственные силы, надежда открыть новые миры, стремясь по следам гения, — или чувство, в смиренности своем еще более возвышенное: желание изучить свой образец и дать

³⁰ Ср.: «...мир так уже стар, уже столь многие тысячелетия в нем жили и мыслили замечательные люди, что в наше время трудно найти и сказать что-нибудь новое... Но то, что и я нашел и заново сформулировал, то, что я изо всех сил старался вновь открыть истинному доступ в этот путанный мир, это уже моя заслуга» (Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. С. 275).

ему вторичную жизнь» (XII, 82). Итак, «новые миры» хранят в себе следы предшествующего гения.

Обращение к пьесе Шекспира позволяет обнаружить еще одно очень яркое на фоне текста отступление Пушкина от всемирно известной трагедии. У Шекспира Отелло ни разу не назван арапом. Он — мавр. Это позволяет «прочитать» образ «арапа» в ином контексте — в контексте автобиографических мотивов.

Автобиографический мотив, связанный с «арапским» происхождением поэта, впервые возник в послании «Юрьеву» (1820), где, как писал Виноградов, намекаются контуры «острого автопортрета»: ³¹

А я, повеса вечно-праздный,
Потомок негров безобразный,
Взрощенный в дикой простоте,
Любви не ведая страданий,
Я нравлюсь юной красоте
Бесстыдным бешенством желаний.

(II, 139—140)

«Для Пушкина, — писал Ю. Н. Тынянов, — биографически кончился лицейский грим (<...> <В послании> Юрьеву (<...>) поэт сбрасывает его (<...>) Исключительно биографическими причинами эту смену „лирического героя“ объяснить (<...>) нельзя: „взрощенный в дикой простоте“ — мотив, противоречащий и лицейской лирике, и биографии одновременно. Но смена „поэта“ совершилась, выступает „поэт с адресом“: потомок негров безобразный (<...>) Это было (<...>) новым лирическим героем и новой темой „литературную личность“ одновременно». ³² Не менее выразительным в этом послании и заключительные строки:

С невольным пламенем ланит
Украдкой нимфа молодая,
Сама себя не понимая,
На фавна иногда глядит.

(II, 140)

Финал этот удивительным образом напоминает Дездемону, которая, «сама себя не понимая», полюбила Отелло.

Однако фактом литературного сознания стихотворение стало лишь в 1829 г., когда без ведома Пушкина оно было напечатано в альманахе «Северная звезда».

В 1830 г. возник инцидент, который активизировал эту деталь пушкинской родословной: «Однажды, — вспоминает Н. И. Греч, — кажется, у А. Н. Оленина, Уваров, не любивший Пушкина, гордого и не низкопоклонного, сказал о нем: „Что он хвалится своим происхождением от негра Аннибала, которого продали в Кронштадте (Петру Великому) за бутылку рома“». ³³ Булгарин, услышав это, не преминул воспользоваться случаем и повторил этот отзыв в «Северной пчеле»: «Рассказывают анекдот, что какой-то Поэт в Испанской Америке, также подражатель Байрона, происходя от Мулата, или, не помню, от Мулатки, стал доказывать, что один из предков его был Негритянский Принц. В Ратуше города

³¹ Виноградов В. В. Стиль Пушкина. С. 195

³² Тынянов Ю. Н. Архаисты и новаторы. JL, 1929. С. 238—239.

³³ Греч Н. И. Записки о моей жизни. СПб., 1886. С. 456.

доискались, что в старину был процесс между шкипером и его помощником за этого Негра, которого каждый из них хотел присвоить, и что шкипер доказывал, что он купил Негра за бутылку рома! Думали ли тогда, что к этому Негру признается стихотворец!». ³⁴ В ответ на выпад Булгарина появилась «Моя родословная», где Пушкин писал:

Решил Фиглярин, сидя дома,
Что черный дед мой Ганнибал
Был куплен за бутылку рома
И в руки шкиперу попал.

(III, 263)

Работая в 1832—1833 гг. над «〈Езерским〉», Пушкин включает в контекст поэмы и «Мою родословную»:

Мне жаль, что сих родов боярских
Бледнеет блеск и никнет дух.
Мне жаль, что нет князей Пожарских,
Что о других пропал и слух,
[Что их поносит шут Фиглярин].

(V, 100)

Так факт биографии, попав в текст, позволил осмыслить замену мавра на арапа как значимое указание на личность самого Пушкина.

Связь образа арапа с биографической основой подчеркивается аналогичным контрастом пар: Отелло (мавр) — Дездемона и Пушкин (арап) — Гончарова, брак с которой состоялся в 1831 г. Даже беглый просмотр свидетельств современников подтверждает реальные основы для возникновения такой аналогии. «Моя невестка очаровательна <...〉 Александр, я думаю на седьмом небе <...〉 Физически — они две противоположности: Вулкан и Венера, Кирик и Улита, и т. д., и т. д.», — писала О. С. Павлицева мужу в середине августа 1831 г. ³⁵ «Он, кажется, очень ухаживает за молодой женою и напоминает при ней Вулкана с Венерою». ³⁶

Итак, появление в 1829 г. в печати послания «Юрьеву», родословная тема в «〈Езерском〉», воскрешающая в памяти полемику с Булгариним по поводу арапа Ганнибала, женитьба «Вулкана» Пушкина на «Венере» Гончаровой — все это вместе вводит в подтекст стихотворения конкретный образ поэта Пушкина, что придает тексту особый лиризм, а поэтической декларации — характер автопризнания. Это, впрочем, не удивительно. А. Л. Слонимский считал, что лирика Пушкина «представляет собой ... стройное здание, опирающееся на биографический фундамент и вершиной уходящее в сферу отвлеченной мысли». ³⁷

А. Ильичев

³⁴ «Второе письмо из Карлова на Каменный остров» // Северная пчела. 1830, 7 августа, № 94. С. 4.

³⁵ Пушкин и его современники. СПб., 1911. Вып. 15. С. 84 (оригинал на фр. яз.).

³⁶ Русский архив: Историко-литературный сборник. М., 1902. № 1. С. 54.

³⁷ Слонимский А. Л. Мастерство Пушкина. 2-е изд. М., 1963. С. 165.

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К «ЕВГЕНИЮ ОНЕГИНУ»

«...И кудри черные до плеч»

Эту деталь внешности Ленского из первой авторской характеристики впервые появляющегося героя Ю. М. Лотман комментирует следующим образом: «Короткой стрижке денди противопоставлялись длинные кудри вольнодумца. На проекте иллюстрации к первой главе, который Пушкин набросал на обороте письма к брату Льву, изобразив себя со спины, отчетливо видны длинные до плеч волосы поэта».¹

При таком понимании «восторженная речь» и «кудри черные до плеч» семантически отождествляются как «учености плоды» с «вольнолюбивыми мечтами», «духом пылким и довольно странным»; в этот же ряд вписываются эпитеты «геттингенский» и «поклонник Канта» с их особым общественным значением,² а вся характеристика приобретает семантическую одноплановость, выраженную системой политически насыщенных слов-сигналов и политически значимых внешних и внутренних признаков.

Но между тем заключительное двестишесте строфы VI второй главы несет еще один, прямо противоположный оттенок смысла. Оно является почти точной автоцитатой из эпиграммы Пушкина «〈На Колосову〉», написанной поэтом в 1819 г.³ Как известно, эта эпиграмма послужила причиной довольно длительной ссоры Пушкина с актрисой; в написании эпиграммы поэт позже раскаивался, и это раскаяние выразилось в незавершенном послании к «Зеленой лампе» и послании «Катенину» (1821).

Обратимся к тексту эпиграммы.

«〈На Колосову〉»

Все пленяет нас в Эсфири:
Упоительная речь,
Поступь важная в порфире,
Кудри черные до плеч,
Голос нежный, взор любви,
Набеленная рука,
Размалеванные брови
И огромная нога!

(II, 110)

Эта автореминисцентная соотнесенность внешности Ленского с внешностью загримированной актрисы заставляет увидеть в заключительном двестишесте строфы VI первую улыбку Пушкина в адрес Ленского, при том что характеристика

¹ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л., 1983. С. 183.

² Там же. С. 182—183.

³ Согласно воспоминаниям А. М. Колосовой (Каратыгиной) эпиграмма была написана на ее дебют в роли Эсфири. Спектакль состоялся 3 января 1819 г. См.: Каратыгин П. А. Записки. Л., 1929. Т. 1. С. 146; Л., 1930. Т. 2. С. 268—270.

продолжает оставаться амбивалентной. «Кудри черные до плеч» могут быть восприняты и как сигнал вольнодумства Ленского, и — в плане авторского повествования — как деталь, обличающая его позу. Ассоциативная память жанра, которую несет автореминисценция (в данном случае это память об эпиграмме), бросает иронический отсвет на образ Ленского уже в самой первой его характеристике.

Тот факт, что эпиграмма, откликнувшаяся в строфе VI второй главы «Евгения Онегина», связана с конкретными театральными впечатлениями Пушкина, позволяют уточнить два значимых смысловых момента в романе. Во-первых, это реальная подоплека некоторых театральных строк романа; во-вторых — проекция мотива театра, театральности и — шире — игры как модели жизненного поведения на его центральные образы.

«Колосовский сюжет», связанный с дебютами начинающей актрисы в конце 1818—начале 1819 г., ее соперничеством с Е. С. Семеновою и спорами на «Чердаке» князя Шаховского и в «Зеленой лампе» о сравнительных достоинствах двух актрис и методах обучения актерскому мастерству их наставников П. А. Катенина и Н. И. Гнедича,⁴ как известно, отозвался в строфе XVII первой главы «Евгения Онегина». Так, Ю. Г. Оксман, комментатор записок А. М. Колосовой (Каратыгиной), видит «⟨. . .⟩ тонкий, но тем не менее совершенно определенный намек на отсутствие у А. М. Колосовой серьезного дарования» в следующих стихах строфы XVII:

Онегин полетел к театру,
Где каждый, вольностью дыша,
Готов охлопать *entrechat*,
Обшикать Федру, Клеопатру,
Моину вызвать (для того,
Чтоб только слышали его)

(VI, 12)

И здесь же исследователь усматривает иронию в адрес Катенина, который «⟨. . .⟩ открыто выступал врагом Семеновою и сторонником Колосовой и, с другой стороны, любил обращать на себя внимание общества» в театре.⁵

Неоднократно высказывавшаяся мысль о том, что по коронным ролям трагического репертуара двух актрис под именем Федры здесь подразумевается Е. С. Семенова, а Моины — А. М. Колосова,⁶ подтверждается автореминисценциями из незавершенного послания к «Зеленой лампе» и послания «Катенину», связанных с «колосовским сюжетом» в строфе XVII.

⁴ Об этом см.: То м а ш е в с к и й Б. В. Пушкин. Кн. 1 (1813—1824). М.; Л., 1956. С. 271—279; К а р а т ы г и н П. А. Записки. Т. 1. С. 146—147; Т. 2. С. 138—143, 270—271. — А. М. Колосова дебютировала 16 декабря 1818 г. в роли Антигоны («Эдип в Афинах» В. А. Озерова); 30 декабря 1818 г. выступила в роли Моины («Фингал» В. А. Озерова); и эта роль принесла ей наибольший успех, так что имя героини стало нарицательным для актрисы; 3 января 1819 г. — в роли Эсфири («Эсфирь» Ж. Расина, пер. П. А. Катенина).

⁵ Оксман Ю. Г. Пушкин и Колосова // К а р а т ы г и н П. А. Записки. Т. 2. С. 316—317.

⁶ См.: К о р о л е в а Н. В. Декабристы и театр. Л., 1975. С. 177—178.

Сравним:

Строфа XVII

Послание к «Зеленой лампе»

Театра злой законодатель,
Непостоянный обожатель
Очаровательных актрис,
Почетный гражданин кулис <...>

И ты, о гражданин кулис,
Театра злой летописатель,
Очаровательниц актрис
Непостоянный обожатель.⁷

(VI, 11—12)

В послании к «Зеленой лампе» это четверостишие обращено к Д. Н. Баркову, постоянно выступавшему с театральными отчетами на заседаниях общества. В одном из этих отчетов речь шла о переводе П. А. Катениным трагедии Расина «Эсфирь» и игре Колосовой в роли Эсфири на представлении от 21 мая 1819 г.,⁸ т. е. в той самой роли, которая подала Пушкину повод к написанию эпиграммы «〈На Колосову〉».

Д. Н. Барков выступал открытым приверженцем театральной партии Катенина — Колосовой. Поэтому в послании к «Зеленой лампе» вслед за цитированным четверостишием органично возникает сюжет об отношении Пушкина к Колосовой и их ссоре:

И я любил их острогу,
Веселость, ум и разговоры,
Любил улыбку, речи, взоры;
Но оскорбил я красоту:

Когда она блистала славой
В дыму пылающих кадил,
В досаде, может быть, неправой
Хвалы я свистом заглушил.⁹

В контексте послания к «Зеленой лампе» эти строки адресованы Баркову, а не Катенину, имя которого стоит рядом с именем Семеновой в заключительных строках послания:

И для нее любовник славы,
Наперсник важных аонид,
Младой Катенин воскресит
Софокла гений величавый
И ей порфиру возвратит.¹⁰

Заметим тут же, что имена Катенина и Семеновой соседствуют и в статье Пушкина «Мои замечания об русском театре», автореминисценции из которой находятся в строфах XVII, XVIII и XXI первой главы «Евгения Онегина»: ¹¹ «〈...〉 в ее устах понравились нам славянские стихи Катенина, полные силы и огня, но отверженные вкусом и гармонией» (XI, 10), и в строфе XVIII первой главы:

⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. М., 1963. Т. 2. С. 29.

⁸ Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 1. С. 278.

⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 29—30.

¹⁰ Там же. С. 30.

¹¹ Ср.: «Пред началом оперы, трагедии, балета молодой человек гуляет по всем десяти рядам кресел, ходит по всем ногам, разговаривает со всеми знакомыми и неизвестными» (XI, 9):

Все хлопает. Онегин входит,
Идет меж кресел по ногам.

(VI, 13)

Там Озеров невольны дани
Народных слез, рукоплесканий
С младой Семеновой делил;
Там наш Катенин воскресил
Корнеля гений величавый <...>

(VI, 12)

Несколько позже строки о Колосовой из послания к «Зеленой лампе» становятся самостоятельным посланием «Катенину»; начальное его четверостишие, которому нет аналога в обращении к Баркову исходного текста, тем не менее автореминисцентно с ним соотносится:

Послание к «Зеленой лампе»

Катенину

Очаровательниц актрис
Непостоянный обожатель.

Талантов обожатель страстный,
Я прежде был ее поэт.

(II, 181)

Вся эта сложная ассоциативно-автореминисцентная цепь, складывающаяся из эпиграммы «〈На Колосову〉», статьи «Мои замечания об русском театре», незавершенного послания к «Зеленой лампе» и послания «Катенину», приводит в конечном счете к строфам XVII—XVIII первой главы романа, где предстает формулой «Непостоянный обожатель» (вариант — «Талантов обожатель страстный», т. е. постоянный обожатель) и соединением имен Катенина и Семеновой, очевидно, в особой степени окруженных для Пушкина ореолом театральности и служащих своеобразным символическим эквивалентом понятия «театр» вообще. Это соединение происходит в идеальном, воображаемом и вспоминаемом мире театра, тогда как реальные театральные партии были представлены другими сочетаниями: Семенова—Гнедич, Катенин—Колосова.

Имена Гнедича и Колосовой остались неназванными. Но отзвуки этих имен слышны в ассоциативно-автореминисцентном подтексте строф XVII—XVIII. Катенин в строфе XVIII охарактеризован формулой, восходящей к незавершенному посланию «Зеленой лампе», которая, однако, прошла и через послание «〈Из письма к Гнедичу〉» (ср.: «О ты, который воскресил Ахилла призраком величавый», — XIII, 27). Колосова подразумевается не только именем персонажа ее коронной дебютной роли — Моина (ср. в черновых вариантах незавершенного послания Колосовой: «Моина, слава нашей сцены», — II, 985), но и всем ассоциативным планом автореминисцентного контекста стихотворений, связанных с историей эпиграммы «〈На Колосову〉».

Таким образом, театральная полемика вокруг дебюта Колосовой формирует реальный субстрат театральных строф первой главы романа. Но «колосовский сюжет» откликается не только в реально-историческом подтексте романа в стихах. Автореминисценция из эпиграммы «〈На Колосову〉» в заключительном двустии строфы VI второй главы дает возможность эстетического комментария; здесь важно отметить, что в плане авторского повествования с образом Ленского соотносены не только элегия как ультраромантический жанр и ода как сигнал вольномыслия,¹² но и эпиграмма, связанная с театральными впечатлениями Пушкина.

¹² Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 184—191, 297—300.

Эпиграмматическая острота как деталь характеристики Ленского дополняется эстетической категорией театральности как модели жизненного поведения.

Несмотря на то что Ленский нигде в тексте романа прямо с миром театра не связан, театральность — то, что определяет одну из граней его бытового поведения. Этот мотив запрятан в романе глубоко и выходит на поверхность лишь дважды: в автореминисценции из театральной эпиграммы и в строфе XXXVII второй главы:

Своим пенатам возвращенный,
Владимир Ленский посетил
Соседа памятник смиренный,
И вздох он пеплу посвятил;
И долго сердцу грустно было:
«Роог Jogick! — молвил он уныло, —
Он на руках меня держал.
Как часто в детстве я играл
Его Очаковской медалью!
Он Ольгу прочил за меня,
Он говорил: дождусь ли дня? . . .»
И полный искренней печалью,
Владимир тут же начертал
Ему надгробный мадригал.

(VI, 48)

К английской цитате Пушкин делает характерное примечание: «„Бедный Иорик!“ — восклицание Гамлета над черепом шута. (См. Шекспира и Стерна)» (VI, 192). Таким образом, сцена из «Гамлета», наивно разыгранная Ленским на могиле Дмитрия Ларина,¹³ в авторском плане повествования вновь предстает в амбивалентном освещении: здесь сочетаются искренняя скорбь, жанровым выражением которой является ссылка на трагедию Шекспира, и пародийно-ироническое применение высокого искусства к бытовой ситуации (ссылка на роман Стерна).

Начиная со второй главы, с этих двух моментов, фиксирующих театральность, позу в бытовом поведении Ленского, любое естественное движение его души (ср.: «И полный искренней печалью») обретает наигранное воплощение или в литературном штампе, или в театрализованной позе бытового поведения. Мотив игры прочно связывается с любым действием Ленского.

Сравним:

Чуть отрок, Ольгою плененный,
Сердечных мук еще не знав,
Он был свидетель умиленный
Ее младенческих забав;
В тени хранительной дубравы
Он разделял ее забавы.

(VI, 40)

¹³ Бочаров С. Г. Поэтика Пушкина. М., 1974. С. 63 и далее. — Мысль исследователя о «бессознательной разностильности» мира Ленского органично дополняется соображением о сознательной разностильности авторского повествования о Ленском.

Простите, игры золотые!
Он рощи полюбил густые,
Уединенье, тишину,
И Ночь, и Звезды, и Луну,
Луну, небесную лампаду,
Которой посвящали мы
Прогулки средь вечерней тьмы,
И слезы, тайных мук отраду. . .

(VI, 41)

— Я модный свет ваш ненавижу;
Милее мне домашний круг,
Где я могу. . . — «Опять эклога!».

(VI, 51)

Уединясь от всех далеко,
Они над шахматной доской,
На стол облокотясь, порой
Сидят, задумавшись глубоко,
И Ленской пешкою ладью
Берет в рассеянье свою.

(VI, 84).

В этом стиливом диссонансе искренних движений души Ленского и игрового штампа, позы, которые их облекают, вновь обнаруживается опыт Пушкина-театрала — знатока и ценителя актерской игры и тонкого театрального критика. В частности, для комментария эстетического эффекта, производимого подобного рода стиливым диссонансом, вновь может пригодиться «колосовский сюжет».

В эпиграмме «(На Колосову)» обращает на себя внимание как раз двойственность, семантическая разноплановость «пленяющих» признаков внешности. Ряд внешних деталей, действительно могущих вызвать восхищение: «Упоительная речь», «Поступь важная в порфире», «Голос нежный, взор любви» — связан перечислительной интонацией с прямо противоположными качествами: «Набеленная рука, Размалеванные брови | И огромная нога». Этот резкий семантический слом только подчеркивается их синтаксической однородностью и составляет смысл эпиграмматического point.

Тот же прием видим в амбивалентных характеристиках Ленского: и в уже цитированной строфе VI второй главы, и в строфе X той же главы: «Он пел поблеклый жизни цвет, | Без малого в осьмнадцать лет» (VI, 35). Более того, будучи сам охарактеризован в сочетании семантически и интонационно разнородных качеств, Ленский так же воспринимает и характеризует других (ср.: «Ах, милый, как похорошели у Ольги плечи, что за грудь! Что за душа!», — VI, 93). Любопытно, что в черновом варианте строфы стих читался иначе: «И что за стан!» (VI, 376). Таким образом, заменяя «стан» «душой», Пушкин вполне сознательно разбивал семантически однородный ряд признаков. «Душа», следующая за «плечами» и «грудью», рождает тот же самый иронический эффект, что и «кудри черные до плеч», поставленные в один ряд с «душою прямо геттингенской» в качестве «плодов учености».

Истоки этого особого иронического эффекта, основанного на семантической несопоставимости признаков, объединенных обобщающим словом, синтаксической

однородностью и перечислительной интонацией, обнаруживаются опять-таки в театральных впечатлениях Пушкина 1819 г.

Весь смысл полемики вокруг дебютов Колосовой и её соперничества с Семеновой заключался в том, что Колосова по своему актерскому амплуа и данным не соответствовала статусу тех трагических ролей, в которых выступала, тогда как Семенова воплощала это соответствие в высшей степени. Впоследствии, как известно, Колосова сменила амплуа и стала великолепной комической актрисой. Особый успех ей принесли роли героинь «высокой комедии», что, кстати, отметил Пушкин, изменив в своем послании «Катенину» один стих. В первой публикации 1826 г. стих читался: «Она виновна, милый друг, | Пред Мельпоменой и Моиней». Здесь Моина — Колосова отождествляется с музой трагедии, что в целом не соответствовало ни ее амплуа, ни восприятию ее таланта Пушкиным. В публикации 1829 г. Пушкин заменил «Мельпомену» на «Селимену», намекая на успехи Колосовой в «высокой комедии».¹⁴ Своеобразным предощущением такой эволюции выглядит статья Пушкина «Мои замечания об русском театре», обобщившая размышления поэта о соперничестве Колосовой и Семеновы.

Смысловым центром статьи является именно проблема соответствия и несоответствия амплуа и роли, рождающих в зависимости от варианта высокий или иронический эффект. Сравним, с одной стороны: «Говоря об русской трагедии, говоришь о Семеновой и, м<ожет> б<ыть>, только об ней» (XI, 10). Однако, с другой стороны: «Было время, когда хотели с нею <Семеновой> сравнивать прекрасную комическую актрису Валберхову, которая в роли Дидоны живо напоминала жеманную Селимену так, как в роли *Ревнивой жены* напоминает она и теперь Карфагенскую царицу. Но истинные почитатели ее таланта забыли, что видели ее в венце и мантии, которые весьма благоразумно сложила она для платья с шлейфом и шляпки с перьями» (XI, 11). Совершенно аналогична характеристика Колосовой: «17 лет, прекрасные глаза, прекрасные зубы (следовательно частая, приятная улыбка), нежный недостаток в выговоре обворожили судей траг<ических> талантов <...> Чем же все кончилось? <...> в ее бенефис, когда играла она роль Заира — все заснули и проснулись только тогда, когда христианка Заира, умерщвленная в 5 действии трагедии, показалась в конце довольно скучного водевиля в малиновом сарафане, в золотой повязке, и пошла плясать по-русски с большою приятностию на голос: „Во саду ли, в огороде“» (XI, 11—12).

Христианка Заира, пляшущая по-русски, — это сочетание производит тот же по своей природе иронический эстетический эффект, что и сцена из «Гамлета», разыгранная на могиле русского провинциального помещика. У истоков этого эффекта — разрушение театральной условности, которая запрещает отождествлять актера с ролью; естественный бытовой комизм, вызванный соединением трагедии и водевиля в одном представлении с одной актрисой в главных ролях; способность Пушкина увидеть в водевиле не актрису Колосову, а персонажа ее предыдущей роли.¹⁵

¹⁴ Оксман Ю. Г. Пушкин и Колосова // Каратыгин П. А. Записки. Л., 1930. Т. 2. С. 317.

¹⁵ Ср. другой вариант этого же соединения условности искусства с реальными жизненными обстоятельствами, способность Пушкина за амплуа видеть конкретного актера: «Ты перевел Сиду; <...> Скажи: имел ли ты похвальную смелость оставить пощечину рыцарских веков на жеманной сцене 19-го столетия? <...> Радуюсь, предвидя, что пощечина должна отяготеть на ланите Толченова или Брянского» (Письмо П. А. Катенину от 19 июля 1822 г. — XIII, 41).

Подобного рода соединение трагедии и водевиля, жизни и литературного штампа, искреннего движения души и театрализованной позы в одном человеке определяет каждый шаг Ленского в романе. Благодаря автореминисценции из эпиграммы «〈На Колосову〉» этот скрытый пласт театралных впечатлений, отчасти формирующих поэтику образа Ленского, выводится на поверхность.

Так же как и все центральные герои романа, Ленский причастен миру театра, хотя с конкретным пространством театра он не соприкасается, как это происходит с автором, Онегиным и Татьяной. Сфера причастности Ленского театру лежит на грани искусства и быта, равно как его поэзия связана с пограничной областью между высокой патетикой и литературным штампом. Характерное свойство этой пограничной области — ее амбивалентность, постоянная вибрация между патетикой и комизмом, возможность вариативной трактовки или в категориях высокого искусства, или в категориях быта. В этой пограничной сфере законы условности искусства нарушаются и перемешиваются с бытовыми моделями поведения и ситуации, что дает двойственный эффект, возможность двуединой трактовки каждого поступка Ленского. Так соотносительность с театральной эпиграммой уже самой первой характеристики героя как бы предвдывает знаменитые варианты его жизненного пути, в которых вновь оживают мотивы «восторженной речи» (ср.: «Погиб животворящий глас», — VI, 133) и, так сказать, прически и головного убора (ср.: «И кудри черные до плеч», — VI, 34; «В деревне счастлив и рогат», — VI, 133), замыкающие судьбу и образ Ленского в автореминисцентное кольцо.

О. Б. Лебедева

ПУШКИНСКИЙ ЗАМЫСЕЛ СТАТЬИ О БАРАТЫНСКОМ

Вопрос об отношении Пушкина к творчеству Баратынского изучен еще недостаточно. Пушкинские оценки, как правило, вспоминаются исследователями, пишущими о Баратынском, но почти не вспоминаются пишущими о Пушкине (редкие исключения встречаются в основном в пушкинистике тридцатых годов¹). Разумеется, в двух этих случаях должны ставиться различные акценты, должен привлекаться различный литературный контекст.

Баратынский — один из центральных героев в пушкинском критическом наследии. Пушкин относился к нему с особым вниманием, видел в нем своего крупнейшего литературного современника. Доказательством тому служат — помимо многочисленных упоминаний о поэте и его произведениях в письмах — три дошедших до нас критических фрагмента. Они тщательно изучены в текстологическом отношении,² но не рассмотрены в своей совокупности с точки зрения проблематики, жанра, композиции. Между тем без такого анализа невозможно понять, были ли обращения Пушкина-критика к творчеству Баратынского слу-

¹ См.: Путьодитель по Пушкину. М.; Л., 1931. С. 388 (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 6); Бонди С. Статьи Пушкина о Баратынском // Бонди С. Новые страницы Пушкина. М., 1931. С. 115—129; Розанов Ив. Н. Пушкин — рецензент поэтов // Волга. 1974. № 6. С. 127—130 (работа написана в 1939—1940 гг.).

² См.: Бонди С. Статьи Пушкина о Баратынском. С. 115—129.

чайными, эпизодическими, или же они имели концептуальный характер; что дают они для понимания собственно пушкинских творческих принципов, его литературной и общественной позиции; каков, наконец, был общий замысел Пушкина.

Современники были склонны ставить рядом имена Пушкина и Баратынского. Когда в 1827 г. Вяземский упомянул в одной из статей о «молодых первоклассных поэтах наших», он назвал только два этих имени.³ Воспринимали их и как соперников. В 1831 г. Языков пишет брату по поводу «Повестей Белкина»: «Баратынский тоже пишет повести в прозе: его будут гораздо лучше, он вообще мастер рассказывать».⁴

Да и сам Пушкин в переписке не раз сравнивает Баратынского с собой. Сравнение в этих случаях обычно дается на уровне отдельных произведений: «Баратынский — прелесть и чудо, *Признание* — совершенство. После него никогда не стану печатать своих элегий» (XIII, 84): «Пришли же мне Эду Баратынскую. Ах он чухонец! да если она милее моей Черкешенки, так я повешусь у двух сосен и с ним никогда знаться не буду» (XIII, 127). Подобные сопоставления возникают в пушкинских письмах двадцатых годов неоднократно.

Л. Г. Фризман объясняет это общностью идейных позиций и творческих исканий двух поэтов во второй половине двадцатых годов. «Создание пушкинских статей о Баратынском (1827—1830), — пишет исследователь, — не случайно совпало с периодом, когда в критике наметилось охлаждение к обоим поэтам. Poleмичность статей Пушкина, их взволнованность и страстность объясняются тем, что, отставив Баратынского, Пушкин отставил не одного писателя, а целую литературную платформу, свои собственные позиции в литературе».⁵ В самом деле, общность обнаруживается на уровне не только отдельных произведений, но и творческих судеб.

1

В 1827 г. вышла в свет книга «Стихотворения Евгения Баратынского». Познакомившись с ней, Пушкин в августе того же года начинает писать рецензию, предназначавшуюся, как принято считать, для «Московского вестника»: на этот журнал, только что основанный, Пушкин поначалу возлагал большие надежды, собирался сотрудничать с ним. Рецензия, однако, осталась незаконченной.⁶

В первых абзацах складывается образ поэта — «первоклассного», но, «(быть может) еще недовольно оцененного своими соотечественниками» (XI, 50). Так в самом начале рецензии проступает пушкинская мысль о непонимании настоящего поэта публикой, критикой — мысль, воплощенная в эту же пору в стихотворении «Поэт и толпа». Переключка рецензии с лирикой приоткрывает особый, личный ее характер.

Пушкинская фраза о «недооценке» может быть прокомментирована конкретным эпизодом литературной жизни того времени. В 1826 г. из-под пера Пушкина выходит пятистишие, обращенное к Баратынскому — автору поэмы «Эда»:

³ См.: Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 72.

⁴ Карпов А. А. Эпоха 1830-х годов в письмах Н. М. Языкова // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983. Т. 11. С. 277.

⁵ Фризман Л. Г. Творческий путь Баратынского. М., 1966. С. 84.

⁶ Предполагается, что это не первая попытка Пушкина написать о Баратынском. В одной из пушкинских тетрадей сохранились обрывки листа с отдельными словами, среди которых читается и слово «Эду» (см.: Рукоя Пушкина. М.: Л., 1935. С. 160—161).

Стих каждый в повести твоей
Звучит и блещет, как червонец.
Твоя Чухоночка, ей-ей,
Гречанок Байрона милей,
А твой Зоил прямой чухонец.

(III, 11)

В последнем стихе говорится о Ф. В. Булгарине, напечатавшем в «Северной пчеле» (1826, 16 февраля. № 20) недоброжелательную рецензию на издание поэм Баратынского. «Пиры» рецензент назвал «приятной литературной игрушкой», а в «Эде» не нашел «ни одной сцены занимательной, ни одного положения поразительного», отметил «скудость предмета» поэмы и счел стихи и язык ее «не отличными».

Булгарин вскоре станет злейшим врагом Пушкина, но в 1826—1827 гг. открытая литературная война поэту еще не объявлена. Можно было бы счесть пушкинскую поэтическую реплику «странным сближением», но ничего странного здесь в сущности нет. После декабря 1825 г. Булгарин заметно «поправел»; проявились черты его политического, духовного ренегатства. Нападающий на Баратынского по всей логике вещей должен был рано или поздно напасть и на Пушкина, хотя в рецензии на поэмы Баратынского Пушкин был упомянут с положительной стороны как автор поэм, исполненных «пиитической, возвышенной, пленительной красоты». Похвала, однако, не могла обмануть поэта. «Хотя в ранних статьях Булгарина, — замечает А. А. Гозенпуд, — нет ничего похожего на пасквили 1830 г., и в 20-х годах ластивые похвалы Пушкину содержали толику яда. Булгарин не пропускал случая задеть пушкинскую литературную группу, а косвенно и самого Пушкина».⁷ Так и в нашем случае: похвала Пушкину рядом с нападками на его товарища выглядит весьма двусмысленно.

Вот еще одна параллель: «Первые произ(ведения) Баратынского, — пишет Пушкин, — обратили на него внимание. — Знаюки с удивлением увидели в первых опытах стройность и зрелость необыкновенную» (XI, 50). Известно, как восторженно был встречен поэтический дебют самого Пушкина, как высоко оценили его юный талант «знаюки» (Державин, Карамзин, Жуковский), мнение которых поэт вспомнит позже в известных строках восьмой главы «Онегина».

«Сие преждевременное развитие всех поэтических способностей, — продолжает рецензент, — может быть, зависело от обстоятельств, но уже предрекало нам то, что ныне выполнено поэтом столь блистательным образом» (XI, 50).

О каких обстоятельствах говорит Пушкин? Конечно, об исключении Баратынского из Пажеского корпуса, об уходе его на военную службу нижним чином. Баратынский прослужил в Финляндии несколько лет и смог оставить армию лишь в 1826 г., будучи произведенным в офицеры (1825).

В сентябре 1826 г. в Москву из ссылки возвращается Пушкин. Хронологически сроки военной службы Баратынского (1819—1826) и ссылки Пушкина (1820—1826) почти совпали. Пушкин, «всегда чрезвычайно внимательно относившийся к сближениям дат»,⁸ не мог этого не заметить: он вообще был склонен искать параллели своей судьбе гонимого (Овидий, Шенье и др.). Кстати, еще

⁷ Гозенпуд А. А. Из истории литературно-общественной борьбы 20-х—30-х годов XIX в.: («Борис Годунов» и «Дмитрий Самозванец») // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1969. Т. 6. С. 252.

⁸ Фомичев С. А. Поэзия Пушкина: Творческая эволюция. Л., 1986. С. 189.

в 1822 г. в пушкинском послании «Баратынскому. Из Бессарабии» адресат прямо был назван «Овидием живым»:

Еще доныне тень Назона
Дунайских ищет берегов;
Она летит на сладкий зов
Питомцев Муз и Аполлона,
И с нею часто при луне
Брожу вдоль берега крутого;
Но, друг, обнять милее мне
В тебе Овидия живого.

(II, 235)

Рецензия получает автобиографический подтекст. Но здесь разговор переходит в иное русло, в область собственно литературную, приобретает даже полемический характер: «Первые произв(едения) Баратынского были элегии и в этом роде он первенствует. Ныне вошло в моду порицать элегии — как в старину старались осмеять оды; но если вялые подража(тели) Ломоносова и Баратынского равно несносны, то из того еще не следует, что роды лирическ(ий) и элегическ(ий) должны быть исключены из разрядн(ых) книг поэтической олигархии» (XI, 50).⁹

Здесь легко узнаются мотивы полемики Пушкина с Кюхельбекером, выраженные также в заметке «О статьях Кюхельбекера в альманахе „Мнемозина“» (1825—1826) и четвертой главе «Онегина» (1827—1828). В статье Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» (1824) содержался призыв к Пушкину (и другим поэтам) «сбросить с себя поносные цепи немецкие» (речь шла о жанрах элегии и послания) и статья «русским».

Поэтому, вступаясь в своей рецензии за Баратынского — автора элегий, Пушкин вступается тем самым и за себя. И здесь уже не так важно, что сами Пушкин и Баратынский неоднозначно относились к элегическому жанру. «Избавь нас, боже, | От элегических куку!» (II, 431), — писал Пушкин в эпиграмме «Соловей и кукушка» (1825). Прочитав эпиграмму, Баратынский заметил в письме к нему: «...как ты отделал элегиков в своей эпиграмме! Тут и мне достается, да и поделом» (XIII, 254). Не знаем, действительно ли среди тех, в кого метил Пушкин, был и Баратынский. Но так или иначе в набросанной спустя два года рецензии никаких критических мотивов нет. Пушкин пишет об элегиях Баратынского с точки зрения общности литературных позиций, несмотря на различие самой элегической манеры двух поэтов.¹⁰

В последнем абзаце разговор становится вовсе «узкоспециальным», теоретическим, касается судьбы жанра элегии: «Да к тому же у нас почти не существует чистая элегия. У древних отличалась она особым стихосложением, но иногда сбивалась на идиллию, иногда входила в трагедию, иногда принимала ход лирической (чему в новейшие времена видим примеры у Гете)» (XI, 50). На этом рукопись обрывается.

⁹ Пушкин высоко отозвался о Баратынском — авторе элегий еще в 1822 г.: «...он пол(о)н истинной элегической поэзии» (XIII, 44).

¹⁰ См. об этом: Мальчукова Т. Г. О жанровых традициях в элегии А. С. Пушкина «Воспоминание» // Жанр и композиция литературного произведения. Петрозаводск, 1984. С. 20—43.

Итак, сначала в рецензии были даны общие характеристики, затем автор перешел к теоретической проблеме. Но жанр рецензии требует обратиться наконец к анализу произведений, а до этого Пушкин как раз и не доходит, ибо ему важнее тема поэта, намечающиеся в подтексте параллели судеб двух художников. И как только он начал углубляться в историю элегического жанра, работа потеряла для него интерес, ибо от этого вопроса вернуться к прежней, столь важной для Пушкина теме было уже трудно.

2

Во второй раз Пушкин берется за перо с целью написать о Баратынском в 1828 г. Поводом послужило появление в альманахе «Северные цветы на 1828 год» отрывка из поэмы Баратынского «Бал». По-видимому, эта незавершенная работа, заметно превосходящая по объему рассмотренный выше текст, тоже предназначалась для «Московского вестника».

Новая работа Пушкина-критика развивает, дополняет положения, концептивно сформулированные в более ранней рецензии. Пушкин начинает с претензий к критике, раздающей незаслуженные комплименты, порой сравнивающей «бледное подражание <...> с бессмертными» произведениями Гете и Байрона» (XI, 74). По мнению автора, «истинный талант доверяет более собственному суждению, основанному на любви к искусству, нежели малообдуманному решению записных Аристархов» (XI, 74). Эти размышления легко вписываются в контекст лирических высказываний Пушкина-поэта. Спустя два года он напишет в сонете «Поэту»: «Ты сам свой высший суд; | Всех строже оценить умеешь ты свой труд» (III, 223).¹¹

После такого вступления критик переходит непосредственно к своему герою: «Из наших поэтов Баратынский всех менее пользуется обычной благосклонностию» журналов. Оттого ли, что верность ума, чувства, точность выражения, вкус, ясность и стройность менее действуют на толпу, чем превеличие (exagération) модной поэзии, потому <ли> что наш поэт некоторыми эпиграммами заслужил негодование братии, не всегда смиренной, — как бы то ни было, критики изъявляли в отношении к нему или недобросовестное равнодушие или даже неприязненное расположение» (XI, 74). Слова эти тоже можно спроецировать на творческую судьбу самого Пушкина. Хотя в молодости поэта встретили шумные похвалы, со временем, во второй половине двадцатых годов, отношение критики к нему становилось все более настороженным. В это время складывается лагерь литературных противников Пушкина: Булгарин, Греч, Полевой. Обогнавший свое время художник объективно не мог надеяться на общее понимание.

Перечислив отрицательные журнальные отклики на поэму Баратынского «Эда» (среди которых, кстати, вновь упоминается «неприличная статейка» Булгарина; в эту пору Булгарин осознается уже как общий литературный недруг), Пушкин замечает: «Между тем Баратынский спокойно усовершенствовался — последние его произведения являются плодами зрелого таланта» (XI, 74). Здесь как бы предвосхищены пушкинские мысли, настроения последних лет жизни, когда поэт все больше будет задумываться о независимости, «самостоянии человека».

¹¹ В ряд пушкинских произведений 1830 г. на тему «личность и народ» ставит эту статью Н. Н. Петрунина, ошибочно, однако, относя ее к 1830 г. (см.: Петрунина Н. Н. «Полководец» // Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов. Л., 1974. С. 304).

художника. Мотив «спокойного совершенствования» «зрелого таланта» пройдет через ряд пушкинских произведений тридцатых годов: «Александр Радищев» («глупец один не изменяется»), «Вольтер» («независимость и самоуважение. . .») и др. Конечно, оттенки его будут различны, но общая линия пушкинских размышлений — идея независимости от голоса «черни», от мнения власти — остается неизменной.

В статьях тридцатых годов за фигурой героя — будь то Радищев или Вольтер — узнается и сам автор, встают интересующие его проблемы, личные биографические и творческие аллюзии. Это общая особенность пушкинского восприятия исторических, литературных событий, лиц, явлений, начиная со «Слова о полку Игореве»¹² и кончая современниками. Думается, рассмотренная нами первая часть статьи о Баратынском 1828 г. тяготеет к жанру, который в это время в пушкинском творчестве еще даже не сформировался, — к жанру «историко-литературного эссе, или (. . .) интерпретации, — жанру, по характеру своему беллетристическому, с очень сильно выраженной собственной трактовкой чужого произведения (или, добавим, чужой судьбы, — А. К.)».¹³

Однако можно ли назвать краткий пушкинский набросок о Баратынском «беллетристическим»? На первый взгляд, кажется, что нет. Но в этом кратком, почти конспективном изложении намечается своя сюжетная линия — история «совершенствования» поэта («Между тем Баратынский спокойно усовершенствовался. . .») и следствий этого совершенствования. Это, кстати, общий мотив для всех трех набросков о Баратынском.

У Пушкина была своя концепция развития поэтического таланта как развития постепенного. В 1824 г. он писал о Байроне: «Он весь создан был на выворот; постепенности в нем не было, он вдруг созрел и возмужал — пропел и замолчал; и первые звуки его уже ему не возвратились. . .» (XIII, 99). О творческом развитии Баратынского Пушкин был, как это видно из его статьи, иного мнения. Такая «постепенность» была и в нем самом.

Сюжетообразующий — уже иной — мотив звучит, например, и в более поздней (1836) статье «Александр Радищев», несомненно принадлежащей к выделенному С. А. Фомичевым жанру: «Время изменяет человека как в физическом, так и в духовном отношении. Муж, со вздохом или с улыбкою, отвергает мечты, волновавшие юношу» и т. д. (XII, 34). Мы видим, что у пушкинской документально-художественной прозы свои сюжетные закономерности. Здесь есть мотив, вносящий в публицистическое как будто произведение элемент беллетризации. Мотив этот так или иначе связан с идеей «совершенствования» героя.

Это явление можно увидеть в контексте общего сближения в зрелом творчестве Пушкина художественной и аналитической мысли. Связь эта диалектична и обусловлена общими эстетическими задачами, которые выдвинули перед русской литературой тридцатые годы. Именно в это время появятся, с одной стороны, отмеченные печатью «самосознания» литературы стихотворения Баратынского, с другой — во многом субъективные, обильно снабженные поэтическими эпиграфами первые статьи Белинского. У истоков этого процесса стоит Пушкин, одним из первых (если не первый) почувствовавший необходимость такого сближения. Общую характеристику этой особенности пушкинского творчества дал Ю. Н. Тыня-

¹² См.: Фомичев С. А. Пушкин и древнерусская литература // Русская литература. 1987. № 1. С. 32—39.

¹³ Там же. С. 36.

нов: «Литературная эволюция, проделанная им (Пушкиным — А. К.), была катастрофической по силе и быстроте. Литературная его форма переросла свою функцию, и новая функция изменяла форму. К концу литературной деятельности Пушкин вводил в круг литературы ряды внелитературные (наука и журналистика), ибо для него были узки функции замкнутого литературного ряда. Он переросстал их».¹⁴

Вернемся к статье о Баратынском. Рассуждения о творческой судьбе поэта достигли своей кульминации: «Пора Баратынскому занять на русском Парнасе место, давно ему принадлежащее». (XI, 74). «Общая» часть статьи оказалась на этом исчерпанной. Вновь надо было переходить к разбору конкретного поэтического материала. Переход довольно условен: «[Его] последняя поэма „Бал“ (<...>) подтверждает наше мнение» (XI, 75). Дальнейший разбор уже никак не связан с предыдущими рассуждениями о поэте, его восприятии критикой и т. п. Сам разбор дается автору трудно: общая идея его не вырисовывается, суждения о характере героини, об авторском отношении к ней перемежаются с пересказом. Пушкин, наконец, откладывает перо. Причиной этому, конечно, вовсе не неумение его разбирать стихи — просто он в сущности хотел писать *не об этом*. К анализу конкретного произведения его привела инерция жанра критической статьи. Поэт еще не осознал, что фактически он пишет уже *в другом, новом жанре*, где разбирать стихи не требуется.

Любопытно, что Пушкин на деле принял «Бал» не столь безоговорочно, как это может показаться по тексту наброска. В несохранившемся письме его к Баратынскому (1828) содержалось замечание, не вошедшее в набросок статьи. Об этом свидетельствует сам Баратынский в письме к Дельвигу (октябрь—начало ноября 1828 г.): «Я получил письмо от Пушкина, в котором он мне говорит несколько слов о моем „Бале“. Ему, как тебе, не нравится речь мамушки».¹⁵

В наброске статьи Пушкина интересуют прежде всего характеры героев. Он пишет о Нине, затем об Арсении и как раз в этот момент прекращает работу. Можно предположить, что дальше он должен был перейти к той самой «мамушке» героини, чья речь его не удовлетворила. Но это значило высказывать критические замечания, что едва ли входило в задачу Пушкина. Наверное, не случайно текст обрывается именно в этом месте: Пушкина в данном случае интересуют не те отдельные недостатки, которые он как читатель заметил в поэме Баратынского, а сама фигура поэта и его творческие достижения. С точки зрения традиционной критической статьи, это предвзятость, односторонность; но Пушкин и пишет не критическую статью.

3

Третий набросок, тоже не имеющий заглавия и начинающийся словами «Баратынский принадлежит к числу отличных наших поэтов», датируется исследователями различно. В «большом» академическом издании он отнесен к болдинской осени 1830 г. Действительно, набросок отдельными своими мотивами близок, как мы увидим ниже, ряду других болдинских произведений Пушкина. Датировка Ю. Г. Оксмана в десятилетнике Гослитиздата более осторожна: конец 1830—начало 1831 г. Она основана, с одной стороны, на том, что бумага имеет водяной знак «1830» и, с другой стороны, на том, что Пушкин упоминает только о двух

¹⁴ Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968. С. 165.

¹⁵ Лит. наследство. М., 1952. Т. 58. С. 83.

поэмах Баратынского, еще не зная о «Наложнице», увидевшей свет весной 1831 г. (цензурное разрешение 20 марта).¹⁶

Однако есть основания уточнить датировку. «...Поэма Барат(ынского) чудо» (XIV, 142), — делится Пушкин с Плетневым в письме от 7 января 1831 г. Так можно писать только о новинке, пока неизвестной адресату, т. е. о «Наложнице». Пушкин и Баратынский в это время находились в Москве, и Баратынский, видимо, познакомил Пушкина с поэмой до ее полной публикации. Косвенным подтверждением тому является записка Баратынского к И. В. Киреевскому, условно датированная декабрем 1830—началом января 1831 г.: «Давно с тобою не виделся от того, что занят был Пушкиным (...). Написал ли ты повесть? моя готова».¹⁷ Если бы Пушкин был знаком с поэмой в момент работы над статьей, он не преминул бы упомянуть о ней как о новинке и стал бы разбирать скорее «Наложницу», чем «Эду», вышедшую в свет уже несколько лет назад. Следовательно, набросок мог появиться не позднее 7 января 1831 г.

В свое время М. Л. Гофман заметил, что в последней статье о Баратынском Пушкин выразил «те же мысли о поэте, обгоняющем свое поколение»,¹⁸ что и в письме самого Баратынского Пушкину (1828). Мнение С. М. Бонди более категорично: Пушкин «использовал» «одно место из письма».¹⁹

Соглашаясь с исследователями в главном, будем осторожнее со словами. Пушкин едва ли «использовал» письмо Баратынского, тем более если набросок действительно появился в Болдине: не повез же Пушкин с собой письмо двухлетней давности. Идеи, что называется, носились в воздухе и постоянно занимали сознание Пушкина и писателей его круга. Но показателен сам факт, что пушкинские мысли оказываются знакомы нам по письму именно Баратынского и именно к Пушкину. Два поэта близки не только своими творческими судьбами: они и мыслят, и судят об этом сходно.

Безусловно, прав С. М. Бонди, считавший, что Пушкин работает теперь «по тому же плану, что и в 1828 г.: сначала рассуждения о причинах неуспеха Баратынского в публике и критике (...) затем должен был идти разбор поэм его».²⁰ Идущие вначале общие рассуждения выдержаны в духе прежних набросков о Баратынском. Исходная мысль автора такова: «Первые, юношеские произведения Б(аратынского) были некогда приняты с восторгом. Последние, более зрелые, более близкие к совершенству, в публике имели меньший успех. Постараемся объяснить причины» (XI, 185).

Причин, по Пушкину, три:

1) «...самое сие усовершенствование и зрелость его произведений» (XI, 185; ср. в наброске 1828 г.: «...верность ума, чувства, точность выражения, вкус,

¹⁶ См.: Оксман Ю. Примечания // Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1976. Т. 6. С. 488.

¹⁷ Баратынский Е. А. Стихотворения; Письма; Воспоминания современников. М., 1987. С. 200. — Л. Б. Модзалевский (см.: Пушкин. Письма. М.; Л., 1935. Т. 3. С. 156) полагал, что в письме Баратынского речь идет именно о «Наложнице». Напротив, С. Г. Бочаров, автор комментария в цитируемом издании сочинений Баратынского (с. 451), считает, что под «повестью» Баратынский подразумевает прозаическое произведение «Перстень». Но даже если это и так, «Наложница» в ту пору тоже была готова.

¹⁸ Гофман М. Л. Баратынский о Пушкине // Пушкин и его современники. СПб., 1913. Вып. 16. С. 148.

¹⁹ Бонди С. Статьи Пушкина о Баратынском. С. 122.

²⁰ Там же.

ясность и стройность», — XI, 74). Здесь Пушкин дает формулу той ситуации, в которой он сам будет все более и более чувствовать себя в тридцатые годы: мужание таланта, неизбежное отдаление от читателей, уединение, творчество «для себя».

2) «...отсутствие критики и общего мнения» (XI, 185). Точно нащупав большое место современного ему литературного процесса, Пушкин одновременно вкладывает в эти слова глубокий личный смысл. Журналы, которые судят обо всем «по наслышке, безо всяких основательных правил и сведений, а большею частью по личным расчетам» (XI, 185; ср. в наброске 1828 г.: «...недобросовестное равнодушие или даже неприязненное расположение», — XI, 74), — эти известные журналы к началу тридцатых годов составили уже вполне оформившуюся оппозицию Пушкину. Личный мотив звучит и в словах: «Б<аратынский> никогда за себя не вступался, не отвечал ни на одну журнальную статью» (XI, 186). В ту же болдинскую осень Пушкин пишет в полемических заметках «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений»: «...в течении 16-ти летней авторской жизни я никогда не отвечал ни на одну критику...» (XI, 166). Подобные размышления на рубеже двух десятилетий были вызваны условиями обострившейся литературной борьбы. Показательно, что осенью 1830 г. поэт, бывший и без того в близких отношениях с Дельвигом, почтывал это родство с новой силой, что и выразилось в болдинском стихотворении «Мы рождены, мой брат названный...». Во всяком случае мотив гордого противостояния обоих поэтов «литературному торгу» звучал там отчетливо. Думается, нечто похожее происходит и в отношении Пушкина к Баратынскому.

3) «...эпиграммы Бар<атынского> — сии мастерские, образцовые эпиграммы на щадили правителей русского Парнаса» (XI, 186; ср. в наброске 1828 г.: «...некоторыми эпиграммами заслужил негодование братии...», — XI, 74).

Упоминание об эпиграммах Баратынского звучит у Пушкина весьма актуально. «В большинстве эпиграмм, направленных против Булгарина, Каченовского, Надеждина, Полевого, Баратынский защищал позиции поэтов пушкинского круга...».²¹ Любопытно, что эпиграмма Баратынского на Булгарина «Журналист Фиглярин и Истина» была написана при участии Пушкина. В том же году Пушкин сочинил совместно с Баратынским эпиграмму «Князь Шаликов, газетчик наш печальный...».

Пушкин выносит в примечание рассуждение о жанре эпиграммы, сравнивает два типа ее: классическую («словцо, украшенное двумя рифмами»), определенную «законодателем фр<анцузской> пиитики» Буало, и эпиграмму Баратынского, «менее тесную», где «сатирическая мысль приемлет оборот то сказочный, то драматический и развивается свободнее, сильнее. Улыбнувшись ей как острому слову, мы с наслаждением перечитываем ее как произведение искусства» (XI, 186). Как отмечено в «Путеводителе по Пушкину», в начале творческого пути поэту был свойствен первый тип эпиграммы, построенный «на простой игре слов и традиционных комических положениях. Позднее, около 1825 г., под влиянием Ж. Б. Руссо и русских эпиграмм *Баратынского* (курсив наш, — А. К.) Пушкин меняет свою эпиграмматическую манеру. Вместо коротких эпиграмм, построенных на одном остром слове, Пушкин пишет развитые эпиграммы, содержащие краткое повествование, в которых остроумие заключается в самом рассказе и комическом тоне».²² Так что достижения Баратынского в жанре эпиграммы оказались созвучны твор-

²¹ Ф р и з м а н Л. Г. Творческий путь Баратынского. С. 52.

²² Путеводитель по Пушкину. С. 388.

ческому поиску самого Пушкина и даже повлияли на него. Именно поэтому столь пристрастен он в наброске статьи к этому жанру.

Чрезвычайно важен итог этих рассуждений. В одном пушкинском абзаце сходятся многие мотивы его собственного творческого поведения. «Неизменное равнодушие к успеху и похвалам» (XI, 186) отмечает критик в Баратынском, и слова эти вновь напоминают о пушкинских стихах: «Так пускай толпа его бранит. . .» и т. д. «Никогда не старался он малодушно угождать господствующему вкусу и требованиям мгновенной моды, никогда не прибегал к шарлатанству, преувеличению для произведения большего эффекта, никогда не пренебрегал трудом неблагодарным, редко замеченным, трудом отделки и отчетливости, никогда не тащился по пятам увлекającego свой век Гения, подбирая им оброненные колосья; он шел своею дорогой один и независим» (XI, 186). Все в этом фрагменте столь явно «пушкинское», что необходимость в комментировании отпадает. Обратимся лишь к письму Пушкина А. А. Бестужеву (конец мая—начало июня 1825 г.), где Пушкин возражает адресату, считавшему, что поэты в России не получали «ободрения», т. е. государственного, официального признания: «Из неободренных вижу только себя да Баратынского — и не говорю: Слава богу! *Ободрение может оперить только обыкновенные дарования*» (XIII, 178—179; выделено Пушкиным). Здесь сопоставление двух поэтов получает особый смысловой оттенок, впрочем, легко вписывающийся в контекст пушкинских размышлений о Баратынском: независимый поэт, не испытывающий нужды в высочайшем покровительстве.

Последняя фраза этой части наброска опять заставляет вспомнить набросок 1828 г.: «Время ему занять степень, ему принадлежащую, — и стать подле Жуковского и выше певца Пенатов и Тавриды» (XI, 186). В канонических текстах набросков мотив сопоставления Баратынского с Жуковским и Батюшковым появляется впервые. Но еще в автографе рецензии 1827 г. после слов «самым блистательным образом» есть наброски плана: «Соперн(ики) Бар(атынского) — Батюшк(ов) и Жук(овский) сравн.» (XI, 321). Оказывается, это тоже мотив постоянный; дело лишь в том, что в первом наброске он остался нераскрытым, хотя и был наметен.

Так завершается первая часть статьи, имеющая в подтексте творческую судьбу самого Пушкина.

Сохранился набросок пушкинского послания 1827 г., адресатом которого одно время считался Вяземский. С. М. Бонди обратил внимание на то, что характеристика адресата в стихах напоминает характеристику Баратынского в прозаических набросках о нем и более всего — в третьем.

О ты, который сочел
С глубоким чувством вкус толь верный,
И точный ум, и [слог примерный],
[О ты, который] избежал
[Сентиментальности] манерной
[И в самый легкой <?> мадригал
Умел]

(III, 85)

Не повторяя наблюдений исследователя,²³ заметим, что мотивы поэтического послания 1827 г. более отчетливо отзовутся не в рецензии того же года, а в двух более поздних набросках. Это обстоятельство лишний раз подчеркивает постоянство

²³ См.: Бонди С. Статьи Пушкина о Баратынском. С. 127—129.

пушкинских размышлений, по-своему связывает различные высказывания о Баратынском рубежа двух десятилетий, получающие своеобразный лирический камертон. Тема Баратынского для Пушкина — это еще и тема лирическая, стало быть, очень личная.

В своих «Рассказах о Пушкине» С. П. Шевырев вспоминал, что «про Баратынского стихи при нем (Пушкине, — А. К.) нельзя было и говорить ничего дурного...». Современник поэта объяснял это «особенной страстью Пушкина (<...> поощрять и хвалить труды своих близких друзей».²⁴ Это душевное качество поэта общеизвестно, шевыревское объяснение в какой-то мере справедливо,²⁵ но, думается, недостаточно. Наверное, дело еще и в том, что все, связанное с Баратынским, принимало для Пушкина особый, личный характер.

По замечанию Ив. Н. Розанова, размышления поэта в третьем наброске статьи о Баратынском текстуально перекликаются с его размышлениями о П. А. Катенине в рецензии 1833 г. на «Сочинения» последнего, а также с отдельными местами «(Путешествия из Москвы в Петербург)» (1833—1835).²⁶ Болдинский (мы называем его так условно) набросок становится своеобразной творческой лабораторией, где формулируются сквозные для зрелого Пушкина идеи о равнодушии публики к подлинному таланту, о нравах современной журналистики и т. п.

Вернемся к тексту статьи. Далее, как и в прежних набросках, автор обращается к конкретному литературному материалу — на этот раз к «Эде». Здесь аналитическая часть статьи оказалась меньше, чем в наброске 1828 г. Пушкина интересует прежде всего то, «с какою глубиной чувства развита в ней (Эде, — А. К.) женская любовь» (XI, 186—187). Но дальше нескольких фраз дело не идет, работа оставлена на полуслове.

В незавершенном разборе особый интерес представляет для нас его начало: «Перечтите его Эду (которую критики наши нашли *ничтожной*; ибо, как дети, от поэмы требуют они происшествий)...» (XI, 186). Полемическое замечание Пушкина входит в контекст его более широких размышлений о назначении и содержании искусства. Иные критики требовали и от него назидательности, «морали». Такие требования он иронически отводил — достаточно вспомнить финал болдинской же поэмы «Домик в Коломне». Личный смысл пушкинских слов очевиден и здесь.

Не случайно Пушкин внимателен и к поэтическому воплощению Баратынским психологии женской любви. Для него это тоже тема близкая — достаточно вспомнить Татьяну из «Онегина» или Марию из «Полтавы».

Композиция наброска здесь, повторим, та же, что и в наброске 1828 г.: «общая» часть и незавершенный разбор. «Общая» часть в обоих случаях (и даже в наброске рецензии 1827 г.) целостна, логична, завершена. Особенно это заметно в последнем тексте, самом развернутом, с подробной аргументацией. Не случайно В. Г. Загвозкина сочла его «более других близким к завершению»,²⁷ несмотря на то что аналитическая часть как раз скомкана и оставлена в самом начале работы над ней.

²⁴ Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1985. Т. 2. С. 51.

²⁵ В то же время оно чревато крайностями, от которых не уберется в свое время Б. Садовской, списавший положительный пафос пушкинских оценок Баратынского на счет «благодущия и снисходительности», якобы свойственных «царям и великим поэтам» (Садовской Б. Ледоход. Пг., 1916. С. 108).

²⁶ См.: Розанов Ив. Н. Пушкин — рецензент поэтов. С. 125. Ср.: Машинский С. Поэзия критической прозы // В мире Пушкина. М., 1974. С. 467.

²⁷ Загвозкина В. Г. Баратынский в рисунках Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1980. Л., 1983. С. 44.

Ученые по-разному понимают характер взаимосвязи трех пушкинских набросков: «...статья <...> к которой он (Пушкин, — А. К.) обращался трижды», при этом «использовал свои же предыдущие заметки о творчестве Баратынского» (Ю. Г. Оксман);²⁸ «...он начал новую статью <...> по тому же плану» (С. М. Бонди). Хотя Пушкин каждый раз начинал работу заново, все же думается, что ближе к истине первый автор: три наброска связаны общим кругом идей, общей концепцией, общей логикой и т. д. Налицо даже текстуальная переключка.

Если от всех трех набросков отсечь разборы, то останутся три завершенных текста, каждый из которых развивает идеи предыдущего. Пушкин вынашивает по сути дела *одно* эссе и по инерции никак не может избавиться от разборов, в этих случаях ненужных. Поэтому предмет разбора каждый раз меняется в зависимости от повода обращения к фигуре Баратынского (выход в свет сборника или произведения). Да и не в предмете разбора дело. Пушкина интересует судьба Баратынского и собственная судьба.

У Пушкина было свое понимание жанра монографической статьи о писателе. Когда Плетнев опубликовал в «Литературной газете» (1831, 16 января, № 4) посвященную Дельвигу «Некрологию», Пушкин сообщил ему свое мнение об этой публикации: «Твоя статья <...> прекрасна <...> Но надобно подробностей — изложения его (Дельвига, — А. К.) мнений — анекдотов, разбора его стихов etc.» (XIV, 152). По сути дела Пушкин хочет видеть вместо «некрологии» (уместны ли в ней «анекдоты» и даже разбор стихов?) полнокровную статью о поэте — столь глубоко в нем устойчивое представление о жанре. А ведь эти строки написаны уже после наброска «Баратынский принадлежит...». Стало быть, набросок создавался в то время, когда поэт-критик еще держался за привычное для себя понимание статьи, требующей непременно «разборов» или «анекдотов».

В этом смысле любопытно сопоставить пушкинские заметки о Баратынском (любой из набросков) с более поздними (1830-е гг.) заметками его о Дельвиге, где Пушкин попытался реализовать намеченную в письме к Плетневу программу. В разных томах «большого» академического издания напечатаны порознь набросок «Дельвиг» (XI, 273—274) и «<Отрывок из воспоминаний о Дельвиге>» (XII, 338). В первом случае перед нами общие размышления о поэзии Дельвига, о его литературных интересах, творческом складе личности и т. д.; во втором — «анекдоты». Впоследствии два фрагмента печатались вместе. Как бы то ни было творческая мысль автора движется здесь по тому же пути, что и в набросках о Баратынском. «Общая» часть выглядит полностью завершенной, имеет логическую концовку, напоминающую концовки аналогичных текстов о Баратынском: «Но такова участь Дельвига: он не был оценен при раннем появлении на кратком своем поприще; он еще не оценен и теперь, когда покоится в своей безвременной могиле!» (XI, 274). Воспоминания же («анекдоты») о друге Пушкин лишь начал и прекратил работу в самом ее начале. Если два фрагмента относятся к одному замыслу, то не почувствовать их разнородность автор не мог.

В свое время П. В. Анненков отнес пушкинский (по-видимому, третий) набросок о Баратынском к тем «собственноручным отметкам Пушкина», характер которых «проявляется столь же в их сжатой форме, сколько и в содержании, прямо

²⁸ Путеводитель по Пушкину. С. 49; Оксман Ю. Примечания. С. 488.

излагающем одну мысль без отступлений и осмотра ее со всех сторон, как бывает в настоящем критическом разборе. Таков был вообще способ чтения у Пушкина».²⁹ Действительно, «настоящего критического разбора» Пушкин не дает ни в одном из трех набросков о Баратынском. Но первый пушкинист ошибался, на наш взгляд, в определении причины такого явления. Он объяснял его особенностями читательской психики поэта; относил многие его работы («Баратынский»), «Вольтер», «Байрон» и др.) к «непосредственным впечатлениям чтения»; считал, что они возникли, «так сказать, в самом пылу его».³⁰ Думается, дело здесь в поисках нового жанра, когда привычный стереотип критической статьи как будто и владеет Пушкиным, и в то же время подспудно вытесняется в его сознании жанром историко-литературного или литературно-критического эссе с личностным подтекстом.

Ив. Н. Розанов предполагал, что набросок 1830 г. не закончен потому, что, говоря о причинах охлаждения публики к Баратынскому, «Пушкин почувствовал, что оно применимо и к нему самому, а жаловаться он, конечно, не хотел. Другое дело заступаться за других».³¹ Думается, такое объяснение упрощает и даже отчасти искажает ход творческой мысли Пушкина: он «почувствовал» автобиографизм ситуации безусловно не в ходе работы, а брался за перо уже с этим чувством, далеким, кстати, от желания пожаловаться. Главная причина прекращения работы, на наш взгляд, носит эстетический характер и связана с поисками новой жанровой формы, точнее, с тем, что она, эта форма, еще не была найдена Пушкиным в 1830 г. Поэтому трудно согласиться с Ив. Н. Розановым и в том, что во всех трех случаях мы имеем дело с «набросками рецензий на Баратынского»,³² тем более что сам исследователь аргументировал эту точку зрения по отношению лишь к первому наброску, действительно начатому как рецензия, но в сущности уже содержащему зерно новой жанровой структуры. Кстати, то же можно сказать и о более поздней рецензии на «Сочинения» Катенина.

Пушкин, может быть, невольно, но «пробивается» к новому жанру. Если о «Бале» во втором наброске им было написано сравнительно много, то об «Эде» в третьем сказано лишь несколько слов. Разбор явно редуцирует. Вернись Пушкин к своему замыслу в четвертый раз, уже в последние годы жизни, — и из-под пера вышла бы статья (эссе), подобная «Александру Радищеву» или «Вольтеру», где уже не было бы места подробному анализу отдельных произведений.

Но к своему давнему замыслу Пушкин больше не вернулся. Наступившее в тридцатые годы охлаждение в отношениях двух поэтов исследователи резонно относят на счет различия их эстетических и идейных позиций в эти годы. Соответственно исчезла и почва для сопоставления двух поэтических судеб. Может быть, не случайно и современники, чьи высказывания мы приводили в начале статьи, были склонны сопоставлять Пушкина и Баратынского именно в пору их наибольшей близости, в пору возникновения пушкинских набросков — в 1827—1831 гг.

Позже героями пушкинских произведений отмеченного жанра будут лица, уже ставшие историческими, будь то Вольтер или Радищев. Баратынский (как и Дельвиг) — современник Пушкина и его друг. «Историко-литературный» жанр

²⁹ Апиенков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М., 1984. С. 241.

³⁰ Там же. С. 241.

³¹ Розанов Ив. Н. Пушкин — рецензент поэтов. С. 130.

³² Там же. С. 127.

пушкинской прозы прошел сначала через осмысление современных явлений. За этими «близкими» параллелями возникнут позже параллели «далекие», уходящие в другие эпохи и культуры.

А. В. Кулагин

ОБ АДРЕСАТЕ ОДНОГО ИЗ ПИСЕМ ПУШКИНА

В тетради ПД 834 на л. 43 сохранился черновик письма Пушкина к неизвестному: «Посылаю вам, генерал, 360 рублей, которые я вам так давно должен; прошу принять мою искреннюю благодарность. Что касается извинений, у меня не хватает смелости их принести. — Мне стыдно и совестно, что до сих пор я не мог уплатить вам этот долг — я погибал от нищеты.

Примите, генерал, уверения в моем глубочайшем почтении» (XIII, 90, 390; во фр. оригинале).

Письмо почтительно и вежливо, но судя по обращению (прост *général*) подразумевает близкие, приятельские отношения Пушкина с адресатом; в ином случае тон послания, посвященного к тому же столь деликатной материи, звучал бы непочтительной дерзостью. Уже по этой причине, как нам кажется, неправомерно связывать его с именем генерала И. Н. Инзова даже предположительно, как это делается во всех собраниях сочинений и писем Пушкина.

Имя адресата проясняется недавно расшифрованным денежным подсчетом Пушкина на л. 3 об. тетради ПД 835, датирующимся тем же периодом, что и приведенное выше письмо:¹

200 Б.
300 О.
300 Ч.
200

Справедливо отмечалось, что общая сумма этих чисел обозначает размер части гонорара, полученной в начале марта 1824 г. Пушкиным от Вяземского за поэму «Бахчисарайский фонтан», а буквы — фамилии кредиторов (ср. в письме к Вяземскому: «Уплачу старые долги и засяду за новую поэму», — XIII, 89). Некому О. он был должен 300 рублей. Среди близких знакомых Пушкина, чьи фамилии начинались с этой буквы, были только одесский ресторатор Ц. Л. Отон и генерал М. Ф. Орлов. Следовательно, французскую записку об уплате долга мы можем твердо отнести к Орлову. Некоторое расхождение суммы долга в записке (360) и в подсчете (300) не должно в данном случае нас смущать. Здесь возможно двойное объяснение. Или же среднюю цифру в записке следует читать как 0 (вся сумма написана скорописью, и такое чтение вполне возможно), или же наряду с давней единовременной суммой денег, взятых некогда в долг у Орлова, Пушкин учитывает и мелкие задолженности ему же, возникшие позже (рядом с основным подсчетом в тетради ПД 835 он записывает, постепенно их уточняя, ряд мелких сумм).

Т. И. Левичева

¹ См. Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983. Т. 11. С. 30—31.

ОБЕТЫ=ОБЕДЫ?

(К фонологии Пушкина)

В «Словаре языка Пушкина» (III, 16) в числе примеров употребления слова *обет* («торжественное обещание») для формы вин. п., мн. ч. указано следующее место из послания «К Языкову» (1824):

В деревне, где Петра питомец,
Царей, цариц любимый раб
И их забытый однодонец,
Скрывался прадед мой Арап,
Где, позабыв Елизаветы
И двор и пышные обеты,
Под сенью липовых аллей
Он думал в охлажденны леты
О дальней Африке своей,
Я жду тебя.

(II, 322—323)

Однако истолкованное таким образом словосочетание *пышные обеты*, неясное и само по себе, в данном контексте, в сопоставлении с *двором Елизаветы*, и вовсе лишено смысла. Остается предположить, что здесь перед нами смело образованный Пушкиным дублет слова *обеды*, опирающийся на аналогию формы им. п., ед. ч. *обед*, где противопоставление «д» — «т» нейтрализовано.

В известной мере эта поэтическая вольность, допущенная Пушкиным в дружеском послании, может быть поддержана наличием в языке других случаев нейтрализации звонкости как дифференциального признака, ведущей к образованию дублетов, хотя и без возникновения омонимии.

Ср. в «Сцене из Фауста»:

Две обезьяны, бочки злата,
Да груз богатый шоколата. . .

(II, 438)

И с другой стороны: «Утром возвращаясь из Главного штаба заходил я обыкновенно в низенькую конфетную лавку, и за чашкой шоколаду читал литературные журналы» («История села Горюхина», — VIII, 130).

Я. М. Боровский

НЕТОЧНЫЕ ПЕРЕВОДЫ

1. Эпиграф из Кольриджа.

It is a poison-tree, that pierced to the inmost
Weeps only tears of poison.

(III, 699)

Двустиишие из трагедии Кольриджа «Озолио, или Раскаяние», взято Пушкиным в качестве эпиграфа к стихотворению «Анчар» в черновой редакции. В «большом» академическом собрании оно переведено следующим образом:

Есть древо яда, пронизывающее отравой все сокровенное
Оно плачет лишь ядовитыми слезами.¹

(III, 1315)

В целом русский текст не вызывает ощущения странности, натяжки. Однако перевод неверный. Если принять то понимание грамматической структуры первой строки, которая положена в его основу, т. е. видеть в *pierced* глагол активного залога, переводить первую строку, ее конец, следовало бы прошедшим временем: *пронизывавшее отравой*. Но тогда общий смысл двустииших туманится — ведь в следующей строке настоящее время: *плачет*. Спрашивается, что случилось? Какая связь между его, дерева, прошлым, когда оно пронизывало все сокровенное своим ядовитым дыханием, и плачевным настоящим? Кстати, примечательно, что между двумя сказуемыми — если опять-таки следовать грамматическому чутью переводчика — должна бы быть запятая или союз, однако ничего этого нет в английском тексте (как и в русском).

Неудовлетворительна подобная грамматическая трактовка стихов Кольриджа и с поэтической точки зрения. Совершенно очевидно, что *pierced* как глагол активного залога плохо сочетается со словом *tree*, к которому формально относится. Дело в том, что *pierced* включает в себя значения: 'прокалывать', 'пробираться', 'пробивать'. Представьте себе русского поэта, который поставил бы в подобной фразе глагол, означающий, что дерево не только пронизывает, что ему нужно, своей отравой, но одновременно прокалывает, пробуравливает, прорывает и пробивается. Дерево не может сверлить. Оно наполняет собой все вокруг, а не пробивает. И так, Кольридж как поэт выступает с очень неприглядной стороны. Мало того, что он перепутал время, не поставил запятой, он еще и выбрал совершенно неподходящий глагол.

Ничего подобного, конечно, нет. Просто грамматическая структура первой строки иная, чем представлена в академическом переводе. *Pierced* — это *Passive*, сокращение от *being pierced*; дерево является не субъектом, а объектом действия. Его прокалывают, пробивают, пробуравливают и проч. И если так случается, тогда оно плачет ядовитыми слезами. Двустиишие Кольриджа должно по-русски звучать примерно так (заодно попробуем уточнить в этом переводе некоторые другие оттенки, менее важные):

Вот древо яда; пронзенное до сердцевины,
Оно плачет лишь ядовитыми слезами.²

¹ Перевод этот принадлежит Д. П. Якубовичу. См.: Лит. наследство. М.; Л., 1934. Т. 16—18. С. 869.

² Примерно так переведен этот текст в издании «Рукою Пушкина» (Л., 1935. С. 506):

Это — ядовитое дерево, которое будучи проколото до глубины,
Плачет только слезами яда.

(Перевод А. А. Ахматовой или Г. О. Винокура).

Как видим, Кольридж точно описывает биологический факт: если глубоко пробить (пробуравить, проколоть) ствол анчара, польется ядовитый сок. И уж затем этот биологический факт (потерянный в прежнем переводе) получает индизонхательный смысл: среди людей встречаются иногда такие, что и сраженные смертельным ударом (pierced to the inmost), психологическим или физическим, когда бы надо думать о собственном спасении, продолжают мстить, творить зло и проч.

У Пушкина эти строки обретают иное метафорическое применение. Анчар — образ царской власти, построенный даже на музыкальном созвучии: царь—анчар. Эпиграф добавляет к этой параллели важный оттенок: внутренне сломленный (pierced to the inmost), уже обреченный абсолютизм продолжает источать яд, губя все вокруг. Мысль об «обломках самовластья», о том, что монархический образ правления, согласно исторической закономерности, умирает (не в России только, но во всей Европе), характерна для молодого Пушкина. Новым и до известной степени неожиданным является факт, что он думал так в конце 20-х годов, после разгрома всех европейских восстаний и почти полного торжества абсолютизма. Именно это вытекает из выбранного у Кольриджа эпиграфа.

Примечательно в этой связи, что убийственное изображение царизма как древа яда соседствует по времени написания со стансами «Друзьям» («Нет, я не льстец. . .»). Очевидно, здесь мы сталкиваемся с противоречивой парой, подобной «Стансам» («В надежде славы и добра. . .») и посланию в Сибирь («Во глубине сибирских руд. . .»). Там противоречие мнимое.³ Пушкин просто уравнивал вторым стихотворением одностороннюю истину первого. Так же и здесь. Нет никаких оснований сомневаться в искренности пушкинского признания: «Его я просто полюбил. . .». Он действительно находился в это время под обаянием личности Николая I, но при этом не был удовлетворен царской властью как институтом. О личности царя — стансы «Друзьям», а о царской власти — «Анчар».

Можно догадаться теперь, отчего Пушкин, решившись на публикацию, снял эпиграф: он еще более усиливал смысл стихотворения, резкая направленность которого против монархии и без того была очевидна.⁴

2. Эпиграф из Катутла к стихотворению «Мальчику».

Minister vetuli, puer.

(III, 283)

Перевод «большого» академического собрания: «Мальчик, прислужник пира» (III, 1310). Однако в эпиграфе нет слова «пир»; напротив, есть непереуведенное прилагательное *vetuli*. В издании «Художественной литературы» читаем: «Старого фалернского, мальчик».⁵ «Пир» исчез, «прислужник» тоже, но появилось «фалернское». Напрасно, однако, искать это слово в латинском тексте эпиграфа. Его нет.

³ См. об этом: Непомнящий В. С. Пoesия и судьба: Над страницами духовной биографии Пушкина. 2-е изд. М., 1987. С. 88—127.

⁴ Почему Пушкин решил вдруг опубликовать стихотворение, продержав его в столе три года; отчего выбрал именно осень—зиму 1831/32, когда его отношения с царем были наилучшими? Может быть, именно для уравнивания своей позиции в глазах общественного мнения?

⁵ Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1974. Т. 2. С. 280.

В чем же дело? Minister значит 'слуга', 'прислужник', 'служитель' (ср. minister (англ.) — священнослужитель); vetuli — прилагательное одного происхождения с русским «ветхий», означает 'старый, старенький', стоит в родительном падеже, так что надо без всякого сомнения переводить: «старого» puer — 'мальчик', 'отрок'. Итак, получается: «Служитель старого, мальчик...». Пушкин сократил строку Катулла: «Minister vetuli puer Falerni» (carmen XXVII).

В Древнем Риме на пирах у каждого сорта вина был свой служитель, так что это обращение, зов: *эй, мальчик, служитель старого фалернского...* Далее Катулл продолжает (2-я строка):

Inger mi calices amariore. . .

(Наполни мне горькую чашу. . .).

Грамматически перевод «большого» академического собрания точнее других: слово minister передано существительным. Но поскольку читатель не знает, что эта фраза — обращение, то воспринимается она как законченная: мальчик — прислужник пира, — и всякий намек на Фалерн, на приказание наполнить чашу — а оно скрыто присутствует в отрывке Пушкина — исчезает. Очень важно понять, почему поэт обрывает строку. Стихотворение «Мальчику» (1832) посвящено памяти Дельвига. Это первое после долгого перерыва (по меньшей мере семь лет — предшествующее сочинение в этом роде «Вакхическая песнь» публиковалось им под 1825 г.) вакхическое стихотворение Пушкина. У Дельвига тоже было стихотворение «К мальчику» и тоже подражание Катуллу, написанное не позднее 1819 г. (несколько строк его исправлены Пушкиным в этом году). И этот образ, и вообще эпикурейские мотивы характерны для ранней поэзии Дельвига. Ограничимся напоминанием одной знаменитой строки:

Мальчик, наполни фиал фалерским вином искрометным!

(«К Диону». 1814) ⁶

Пушкинский перевод из Катулла сделан вскоре после того как поэту пришлось уничтожить (в связи с политическими неприятностями, вызванными стихотворением «Анчар») тираж сборника «Стихотворения Александра Пушкина из „Северных цветов на 1832 год“», ⁷ задуманного как памятник Дельвигу. Пушкин поминал этим стихотворением Дельвига, лицейские уроки и лицейские пиры — там звучала и эта строка из Катулла, — общую юность, единое чувство поэзии и жизни. *Мальчик* был служителем прошлого, вечным и неизменным символом молодости. В его руках — сосуд, полный горьких и сладостных воспоминаний, «вина минувших дней». 18 февраля, когда написано стихотворение «Мальчику», был днем годовщины свадьбы, а также мальчишника накануне свадьбы, ⁸ который — во всяком случае официально — был последним пиром, где пили «чашей молодости» (Дельвиг, «К мальчику»), иначе говоря, в духе страстного и безудержного Катулла.

⁶ Дельвиг А. А. Полн. собр. стихотв. Л., 1959. С. 153.

⁷ Стихотворение «Мальчику» написано одновременно с черновым письмом Бенкендорфу с объяснениями по поводу «Анчара».

⁸ Первым указал на это совпадение В. М. Файбисович в своей статье «К источнику перевода Пушкина „Из Катулла“» (Временник Пушкинской комиссии. 1977. Л., 1980. С. 71, прим.).

Итак, сокращение строки, сделанное Пушкиным, вполне значимо; здесь не нужно продолжения. Мальчик олицетворял лицейское прошлое (puer значит мальчик-отрок, не дитя). Таким образом, надо оставить это сокращение, сделав перевод буквальным, во всяком случае в Академическом издании:

Minister vetuli puer.

(Служитель старого, мальчик...).

Правда, переход от такого эпитафия к стихотворению не совсем ясен, необходим комментарий. Чтобы сделать эпитафия понятным без пояснения, вероятно, стоит в популярных изданиях пойти по старому пути:

Налей старого, мальчик...

Хотя такой вариант формально неточен, он передает и общий смысл фразы Катулла, из которой вырван эпитафия, и пушкинскую мысль.

В. А. Сайганов

НУЖНА ЛИ ПОПРАВКА?

Изучая материалы о Булавином восстании 1707—1709 гг., я заглянул в «Историю Петра» Пушкина и прочел следующее: «Гвардии майор кн. Долго-рукий везде одерживал верх над мятежниками; наконец 7 июля войск(овой) атам(ан) Илья Зернов напал на Булавина в Курске; и Булавин после отчаянной обороны застрелился. Труп его привезли в Азов» (X, 117).

Но ведь доподлинно известно, что Булавин погиб в Черкасске (ныне Старо-черкасск). Это далеко от Курска. Может быть, ошибка издания? Однако и в шестнадцатитомном академическом собрании сочинений Пушкина, где впервые увидел свет дошедший до нас текст «Истории Петра», напечатано то же самое. Выходит, ошибся Пушкин? Если же нет, то как попала ошибка в текст? «Историю Петра», как известно, Пушкину при жизни выпустить не удалось. Только в 1855 г. русский литературный критик и мемуарист П. В. Анненков опубликовал незначительную часть из «Истории Петра». После революции отыскались 22 тетради оригинала и писарские копии некоторых утраченных тетрадей. Отыскались в таком состоянии, что прочесть их было трудно. К тому же Пушкин писал эти материалы для себя, сокращенно, начерно, наскоро. Попробуй расшифруй все правильно, прочитай то, что стерто или не понято переписчиком!

Тогда я обратился к материалам, которыми пользовался Пушкин.

Основным источником поэту служил многотомный труд по истории Петра, написанный И. И. Голиковым, под заглавием «Деяния Петра Великого, мудрого Преобразователя России». Во втором томе второго издания этого сочинения читаем: «...а наконец июля 7 войсковой атаман Илья Зернов, с войском Донским напал на самого злодея в курене, и сей изверг, обороняясь отчаянно, но видя бессилие свое, застрелил себя сам, а труп его привезли в Азов».

Можно с большой степенью вероятности предположить, что при расшифровке

пушкинского текста слово «курене» прочитано как «Курске». Ведь написание этих слов от руки очень похоже.

И. И. Голиков писал «Деяния Петра Великого...» по документам первой четверти XVIII в.

«Отписка Азовского губернатора И. А. Толстого в Разряд...», датированная 9 июля 1708 г., гласит: «Пришед к куреню вора и изменника проклятого Кондрашки Булавина, и чтоб его вора с ево единомышленники поймать».

В «Доношении кн. В. В. Долгорукого...» царю Петру I от 14 июля 1708 г. читаем: «А в те же числа в Черкасском и вора Булавина самого убили и выбрали атамана Илью Зернщикова».

Уже по этим документам, опубликованным в сборнике документов «Булавинское восстание (1707—1708 гг.)» (М., 1935), видно, что Кондратий Булавин погиб в Черкасске, в курене (изба, дом на Дону); что напавшего на него звали Илья Зернщиков (Зернов — бытовавшее в те времена искажение фамилии); что Зернщиков был избран войсковым атаманом только после гибели Булавина (ведь Булавин был атаманом восставшего войска Донского).

Но наша задача, конечно же, не исправлять подготовительные материалы, которые использовал Пушкин, а воспроизвести правильно его записи. В этой связи, быть может, стоит внести поправку в печатный текст пушкинской «Истории Петра»?

Б. Рябухин

НЕСКОЛЬКО РУССКИХ КНИГ ИЗ БИБЛИОТЕКИ ПУШКИНА

К расшифровке описи книг, не сохранившихся в библиотеке

В настоящее время необходимо более точное, комментированное издание каталога библиотеки А. С. Пушкина. Б. Л. Модзалевский описал пушкинскую библиотеку через семьдесят лет после смерти поэта, после ее разбора Опекой, многократных переездов.¹ Л. Б. Модзалевский, сравнивая опись Б. Л. Модзалевского и писарскую опись Опеки из «Дела № 2 по недвижимому и движимому имуществу, оставшемуся после смерти А. С. Пушкина», обнаружил значительные расхождения: 278 названий книг отсутствуют в описи Опеки, но есть в описании Б. Л. Модзалевского, и, наоборот, присутствуют 187 новых названий книг, не сохранившихся в библиотеке, приобретенной Пушкинским Домом.² По логике, наиболее точной должна считаться опись, составленная Опекой, ибо она сделана в квартире поэта сразу после его смерти. Но ряд фактов подтверждает, что посмертная опись была неполной. Из 278 «сомнительных», по определению Л. Б. Модзалевского, отсутствующих в посмертной описи книг, 35 несомненно принадлежали поэту (что подтверждают дарственные подписи на книгах, владельческие записи рукою

¹ Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. СПб., 1910.

² Модзалевский Л. Б. Библиотека Пушкина: Новые материалы // Лит. наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 985—1024.

Пушкина; ряд книг куплен Пушкиным у А. Ф. Смирдина, Ф. М. Беллизара, о чем есть письменные свидетельства, и т. д. и т. п.).

Кроме того, следует указать, что опись Опеки была крайне библиографически неграмотной, с искажениями авторства, названий книг, с ошибками в нумерации и другими неточностями. По этой причине Л. Б. Модзалевскому не удалось идентифицировать 11 русских и 12 иностранных книг. Последние расшифрованы М. П. Алексеевым и Б. Г. Реизовым.³ В нашу задачу входит расшифровка списка русских книг. У Л. Б. Модзалевского он выглядит следующим образом:⁴

«Книги, заглавия которых не удалось определить точно.

I.123. (178) Полная кухмистерская книга Сахарова. — 1 (эту книгу нам не удалось отыскать).

II.124. (302) Карта России в футляре (подобных карт было издано множество).

III.125. (374) Четьи-Минеи. — 3.

IV.126. (448) Портреты Императрицы Екатерины II и Вас. Ал. Перовского (портрет Екатерины II, очевидно, гравированный; ср. Д. А. Ровинского «Словарь русских гравированных портретов», т. I, стр. 642—762).

V.127. (467) Почтовый дорожник в футляре (подобных дорожников было издано множество).

VI.128. (514) Уроки из российской истории (ср. в письме В. А. Жуковского к Пушкину конца 1836 года в «Переписке Пушкина», т. III, стр. 435).

VII.129. (590) Сказка о лягушке и богатыре (очевидно, лубочное издание, в государственных книгохранилищах нам удалось обнаружить лишь новейшие издания этой книжки).

VIII.130. (598) Российский песенник.

IX.131. (819) Оракул. — 1.

X.132. (999) Разные старинные французские драматические пьесы. — 1.

XI.133. (1057) Подвиги Кардицы. — 1».

Практически каждая запись дает ряд вариантов книг. Наша задача идентифицировать, где это возможно, писарскую запись с конкретными изданиями. По причине множества изданий с одинаковым названием и схожим содержанием Л. Б. Модзалевский сопроводил заглавия книг «Карта России в футляре» и «Почтовый дорожник в футляре» (№ 302, 467 по описи; II, V у Модзалевского) справедливым комментарием «...подобных карт (дорожников) было издано множество». Такой комментарий вполне можно применить и к записям № 125 и 598 по описи (III и VIII у Модзалевского).

Запись «Четьи-Минеи. — 3» означает издания книги «Четьих-Миней» кирилловской печати. Таких изданий было несколько.⁵ Пушкин имел 3 книги, — возможно, на три четверти года.⁶

Если обратиться к записи «Российский песенник» (№ 598 по описи; № VIII у Модзалевского), то она дает нам также множество вариантов изданий. С 1753 по 1837 г. вышло большое количество сборников русских песен, но ни один

³ Алексеев М. П. Несколько английских книг из библиотеки А. С. Пушкина // Научный бюллетень ЛГУ. 1946. № 6. С. 27—32; Реизов Б. Г. Несколько французских книг из библиотеки А. С. Пушкина: К расшифровке описи книг, не сохранившихся в библиотеке // Учен. зап. ЛГУ. № 200. Сер. филол. наук. Л., 1955. Вып. 25. С. 228—236.

⁴ Модзалевский Л. Б. Библиотека Пушкина: Новые материалы. С. 1013.

⁵ Например, см.: Ундольский В. М. Очерк славяно-русской библиографии. М., 1871.

⁶ Об использовании Пушкиным агиографической литературы см.: Фомичев С. А. Пушкин и древнерусская литература // Рус. лит. 1987. № 1. С. 28—32.

не имел такого же точно названия. Учитывая искажения, допущенные при подготовке описи книг, остается предположить, что в библиотеке Пушкина имелась одна из 16 книг, включавшая в свое название слова «российский песенник». В период с 1791 по 1837 г. были изданы три «Новых российских песенника», двенадцать «Новейших российских песенников» и один «Всеобщий российский песенник».⁷ Несмотря на общее название эти сборники русских песен отличались и по объему, и по составу; некоторые издавались с нотами. В «Литературной газете» при жизни Пушкина четыре раза рецензировались сборники, содержащие русские народные песни, но ни один из них не имел в названии словосочетания «российский песенник».

Далее будем идентифицировать издания в порядке вышеприведенного списка Л. Б. Модзалевского.

Запись № 178 (I) «Полная кухмистерская книга Сахарова» может соответствовать только одному изданию — наиболее полному тогда «поваренному» сборнику: «Полная и ручная кухмистерская книга, выбранная из книжек: 1. Прибавление к опытному повару; 2. Полный кухмистер и кондитер со многими прибавлениями; содержащая объяснение поварских терминов, и рисунок печи для Московских калачей. Составленная из собственных опытов Герасимом Степановым» (М., 1835). Что касается несоответствия фамилии составителя, то это, очевидно, можно объяснить не раз встречающейся в описании библиотеки ошибкой при обозначении автора. Благодаря своей популярности эта книга сейчас является библиографической редкостью.

Вызывает определенный интерес и запись № 448 (IV) «Портреты Императрицы Екатерины II и Вас Ал. Перовского». Л. Б. Модзалевский справедливо указывает, что портрет Екатерины II, «очевидно, гравированный». Действительно, в указателе Д. А. Ровинского⁸ отмечено множество портретов Екатерины II, однако гравированного портрета В. А. Перовского нам обнаружить не удалось.⁹ Вместе с тем отсутствие указания на такой портрет у Д. А. Ровинского, в каталогах множества коллекций гравированных портретов наводит на мысль, что этого портрета вообще при жизни Пушкина не было.

В настоящее время известны два живописных портрета В. А. Перовского работы К. П. Брюллова — один находится в Государственной Третьяковской галерее, местонахождение другого неизвестно. Эти портреты относят к 1837 г.¹⁰ Есть некоторые основания предполагать, что у Пушкина хранился именно живописный портрет (этюд к портрету) Перовского. Как известно, К. П. Брюллов и А. С. Пушкин встретились в Москве в мае 1836 г. на квартире графа А. А. Перовского. Пушкин желал заказать Брюллову портрет жены, но художнику Наталья Николаевна не понравилась, а когда Брюллову не нравилась модель, то никто и ничто не могло заставить его писать портрет. Есть свидетельства, что

⁷ Русская народная песня: Библиографический указатель. 1735—1945 / Сост. В. М. Сидельников. М., 1962. С. 5—15.

⁸ Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб., 1886—1889. Т. 1—4.

⁹ Имеются указания на два литографированных портрета В. А. Перовского, но они сделаны после 1837 г. См.: Морозов А. В. Каталог моего собрания русских гравированных и литографированных портретов. М., 1912. Т. 3. Стб. 843.

¹⁰ См.: Ацаркина Э. Карл Петрович Брюллов: Жизнь и творчество. М., 1963. С. 345—346, 399. (В ГТГ хранится также этюд К. П. Брюллова к портрету В. А. Перовского, датированный примерно 1837 г.).

25 января 1837 г. Пушкин, находясь в мастерской Брюллова, просил подарить ему рисунок «Съезд на бал к австрийскому посланнику в Смирне». Художник не смог выполнить эту просьбу (рисунок был обещан княгине Салтыковой), однако он предложил написать портрет самого поэта и даже назначил время для сеанса.¹¹

В то же время Пушкин был в близких отношениях с В. А. Перовским. Уже в письмах Жуковскому от 17 августа 1825 г. он упоминает Перовского как общего знакомого (XIII, 212). В 1836—1837 гг. Перовский жил в Петербурге и неоднократно встречался с Пушкиным, поэтому не исключена возможность, что у поэта находился живописный портрет или этюд к портрету Перовского работы Брюллова. Если в дальнейшем найдутся дополнительные факты, подтверждающие эту гипотезу, следует включить портрет в экспозицию музея-квартиры поэта на Мойке.

Известные трудности возникают с определением записи № 514 (VI) «Уроки из российской истории». Ни в XVIII в., ни до 1837 г. книга с таким названием не издавалась. Ни один из библиографов, включая В. И. Межова, автора «Русской исторической библиографии», не отметил издания книги с таким или похожим названием. Нет такой книги и в библиотеках Москвы и Ленинграда. Л. Б. Модзалевский справедливо указывает на идентичность данной книги и книги, которую упоминает В. А. Жуковский в письме А. С. Пушкину в конце 1836 г.: «Да возврати также и мою книгу Уроки российской истории» (XVI, 205). В первом издании данного письма П. Бартеневым¹² и в издании А. С. Архангельского данный момент не комментируется. Впоследствии комментаторы делали, на наш взгляд, неправильный вывод. В частности, в комментарии И. Д. Гликмана к четырехтомному Собранию сочинений В. А. Жуковского предполагается, что Жуковский имел в виду книгу А. О. Ишимовой «История России в рассказах для детей».¹³ Хотя книге Ишимовой и предпослан эпитафия из Жуковского, такая точка зрения представляется нам неверной. Во-первых, в выходных данных этой книги значится 1837 г., а во-вторых, Жуковский спустя несколько месяцев в открытом письме С. Л. Пушкину дает совершенно правильное название данной книги.¹⁴

Таким образом, следует признать верным комментарий И. Б. Мушиной, которая соотносит эту книгу с напечатанной в конце 1830-х гг. работой В. А. Жуковского «Черты истории государства Российского».¹⁵ Этот труд был издан отдельным изданием в ограниченном количестве экземпляров для особ императорской фамилии.¹⁶

В 1836 г. в печати появилась информация о скором издании исторических таблиц, составленных Жуковским.¹⁷ В 1837 г. была осуществлена попытка издать «Черты истории государства Российского» более широко — в «Журнале Министер-

¹¹ См.: Брюллова - Шаскольская Н. Пушкин и Карл Брюллов // Искусство. 1937. № 2. С. 170—175.

¹² Русский архив. 1889. Кн. 3. С. 123.

¹³ Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1960. Т. 4. С. 526.

¹⁴ Жуковский В. А. Письмо к С. Л. Пушкину 15 февраля 1837 г. // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2. С. 343.

¹⁵ Переписка А. С. Пушкина. М., 1982. Т. 1. С. 132—133.

¹⁶ Древняя и новая Россия. 1881, февраль. С. 319—343.

¹⁷ Краевский А. Об исторических таблицах В. А. Жуковского // Журнал Министерства народного просвещения. 1836, 4 октября. Отд. 2. С. 409—438.

ства народного просвещения». Но «благодаря» Л. В. Дубельту эта идея осталась неосуществленной.¹⁸

У нас есть свидетельства того, что крайне ограниченным числом экземпляров ряд учебных книг В. А. Жуковского по отечественной истории был напечатан для обучения наследника Александра Николаевича. Это «Введение в историю государства Российского» (77 с., в 8-ю д. л.); «Хронологические таблицы истории государства Российского» (56 с., в 8-ю д. л.).¹⁹ В силу своей редкости данные книги практически не имели хождения, не сохранились они и в библиотеке Государственного Эрмитажа. Рукописи этих книг хранятся в ГПБ, конспекты учебных курсов («Введение в историю государства Российского»; «Вопросы из истории Российского государства»; «Хронологические таблицы истории государства Российского. . .»; «История государства Российского») — в Научной библиотеке Томского государственного университета.²⁰

Гипотеза И. Б. Мушиной вполне обоснована, ибо «Черты истории государства Российского» не что иное, как краткий курс (уроки) отечественной истории, по которому В. А. Жуковский (вкуче с «Хронологическими таблицами. . .») обучал наследника.

Разговор о широком издании текста «Черт истории государства Российского» шел в 1837 г., а искомый экземпляр, вероятно, был напечатан ранее. О факте подготовки такого издания свидетельствуют два рукописных экземпляра данной книги. Один выполнен рукой самого Жуковского, другой переписан рукой писца.²¹

«Черты истории государства Российского» нельзя считать статьей (как полагают Ф. З. Канунова²² и И. Б. Мушина) или историческим трудом, а надо рассматривать как учебное пособие. Даже в рукописной писарской копии подчеркнуто, что «они составлены В. А. Жуковским».²³ Тот факт, что речь идет о книге, автором которой был Жуковский, косвенно подтверждается в самом письме, где только по отношению к ней используется притяжательное местоимение («Да возврати также и мою книгу Уроки российской истории. . .»); при упоминании других изданий в том же письме обязательно называется автор (XVI, 205).

Таким образом, вероятнее всего, в библиотеке Пушкина находился уникальный экземпляр учебной книги В. А. Жуковского «Черты истории государства Российского».

Среди ряда сборников русского фольклора, пропавших из библиотеке поэта, был еще один, о котором ниже пойдет речь. Так, Л. Б. Модзалевскому не удалось идентифицировать запись № 590 (VII) «Сказка о лягушке и богатыре». Исследователь предполагал, что это лубочное издание, однако в указателе Д. А. Ро-

¹⁸ Бычков И. А. Попытка напечатать «Черты истории государства Российского» В. А. Жуковского в 1837 году // Русская старина. 1903. № 12. С. 595—599.

¹⁹ Годы учения Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича Александра Николаевича, ныне благополучно царствующего Государя Императора. СПб., 1880. Т. 1. С. 117—195. (Сб. Имп. Русского исторического о-ва. Т. 30).

²⁰ Библиотека В. А. Жуковского: Описание. Томск, 1981. С. 76.

²¹ См.: Бычков И. Бумаги В. А. Жуковского, поступившие в Императорскую Публичную библиотеку в 1884 году. СПб., 1887. С. 169—171.

²² Канунова Ф. З. Русская история в чтении и исследованиях В. А. Жуковского // Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Томск, 1978. Т. 1. С. 444.

²³ Бычков И. Бумаги В. А. Жуковского, поступившие в Императорскую Публичную библиотеку в 1884 году. С. 171.

винского²⁴ лубок с таким сюжетом не отмечен. Скорее всего в пушкинской библиотеке находилась отдельно переплетенная «Сказка о лягушке и богатыре» из сборника «Веселая старушка, забавница детей, рассказывающая старинные были и небыли» (М., 1790). Издание представляет собой объединенные в издательский конволют десять книжек (в каждой — одна сказка) с самостоятельным титульным листом, отдельным цензурным разрешением, отдельной пагинацией. Перед нами известная сказка, имеющая более популярное название «Царевна-лягушка» (сюжет 402 по указателю сказочных сюжетов²⁵). В пушкинской библиотеке было еще одно издание, также крайне редкое, аналогичное по форме вышеописанному, — «Старая погудка на новый лад, или Полное собрание древних простонародных сказок» (М., 1795).

Большое количество вероятных вариантов изданий может соотноситься с записью № 819 (IX) «Оракул — 1». Можно предположить, что в библиотеке Пушкина была одна из гадательных книг,²⁶ где посредством кидания костей, чечевичного зерна на цифровой круг или другим способом можно было найти ответ на интересующий вопрос. Кстати, известный сонник Мартына Задеки тоже именовался как «Древний и новый всегдашний гадательный оракул, найденный после смерти одного стошестилетнего старца Мартина Задека, по которому узнавал он судьбу каждого чрез круги счастья и несчастья человеческого, с присовокуплением Волшебного зеркала или толкования снов; также правил Физиогномии и Хиромантии, или Наук как узнавать по сложению тела и расположению руки или чертам свойства и участь мужеского и женского пола с приложением его же Задека предсказания любопытнейших в Европе происшествий, событием оправданное, с прибавлением Фокус-Покус и забавных загадок с отгадками» (М., 1814). Ю. М. Лотман справедливо указывает на возможность того, что эта книга имела в библиотеке Пушкина.²⁷

Вместе с тем у нас нет оснований отвергать наличие в пушкинской библиотеке двух других возможных вариантов книг, которые могла означать данная запись. Один из них — это книга «Оракул новых философов, или Кто таков г. Вольтер. Критические замечания» (М., 1803). Издание, которым мы пользовались, на корешке переплета имело только одно слово: «Оракул» (экземпляр ГБЛ). Здесь следует отметить, что при составлении описи, как мы уже говорили, часто давалось только начало заглавия без указания имени автора.

Автор книги — К. М. Гийон — в своих воображаемых разговорах (спорах) с Вольтером дает интересную иллюстрацию критических мыслей философа, правда, по-своему интерпретируя их. Несмотря на довольно скептическое отношение автора к Вольтеру, русский перевод книги был поистине уникальным, ибо в этом издании цитировалось большое количество сочинений французского философа, еще не переведенных на русский язык.

Уже на третьей странице устами своего «друга» Вольтер назван Оракулом: «Благодаря его просвещению, здесь все — Философы, и мы торжественно провоз-

²⁴ Ровинский Д. А. Русские народные картинки. СПб., 1881. Кн. 1—5.

²⁵ Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. Л., 1979. С. 128.

²⁶ В начале XIX в. вышло множество гадательных книг, в названии которых фигурировало слово «Оракул» («Древний оракул...», «Египетский Оракул...», «Кабалистический Оракул» и др.).

²⁷ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л., 1983. С. 277.

гласили нашего патрона Оракулом». Далее, буквально на каждой странице книги. Вольтер продолжает именоваться Оракулом. Пушкин, как мы знаем, уже в своих лицейских стихах неоднократно называл Вольтера Оракулом:

Так, ты прав, оракул Франции,
Говоря, что жены, слабые
Против стрел Эрота юного,
Все имеют душу добрую,
Сердце нежно непритворное.

(I, 70)

Следующий вариант издания, которое могло скрываться под записью «Оракул — 1», — комедия Сен Фуа (Жермен Франсуа Пуллен де) «Оракул», изданная в Петербурге в 1759 г. Пьеса отличалась необыкновенной комичностью, и ее авантурный сюжет также мог привлечь внимание Пушкина.

Запись № 999 (X) «Разные старинные французские драматические пьесы» не сводится к конкретному изданию. Книга с таким названием (или похожим) в России не выходила,²⁸ поэтому в библиотеке Пушкина скорее всего находился конволют с рядом неизвестных нам французских пьес. Практика переплетения в единый том нескольких книг в мягкой обложке была широко распространена, и такие издания неоднократно встречаются в различных собраниях.

Точной расшифровке поддается последняя неидентифицированная запись из списка Л. Б. Модзалевского: «Подвиги Кардицы — 1». Это книга «Подвиги и приключения капитана Кардицы, во время войны с Турками», вышедшая в Москве в 1829 г. Пушкин имел скорее всего именно это — второе, несколько дополненное — издание книги о капитане И. Н. Кардице. Первое издание, вышедшее в 1828 г., имело название «О подвигах и приключениях капитана Кардицы». Писарская запись по названию более соответствует второму изданию. Таким образом, в пушкинской библиотеке, вероятно, была книга с посвящением Анне Алексеевне Орловой-Чесменской. Второе издание было анонимным, первое подписано инициалами «И. Т.». Точно определить авторство книги пока не удалось. Указатель «Русские анонимные и подписанные псевдонимами произведения печати (1801—1926)» информации о ней не содержит, как, впрочем, и указатель А. Ф. Смирдина. Этим, возможно, и объясняется тот факт, что книга не была определена Л. Б. Модзалевским.

Вместе с тем данное издание представляет значительный интерес. Герой книги — И. Н. Кардица, грек, по призыву Екатерины II оставляет венецианскую службу и в чине капитана русского флота участвует в русско-турецкой войне. Он мобилизует греков на войну с турками, героически сражается в морских битвах 1790—1791 гг., чудом избегает плена, выполняет дипломатические поручения князя Г. А. Потемкина. Впоследствии греки избирают его своим депутатом для «исходатайствования у Российской Монархини о плане переселения их на берега Черного моря». После насыщенного невероятными приключениями путешествия Кардица прибывает в Россию. Рассмотрев переданное им ходатайство, Екатерина II разрешает грекам поселиться в Коджабее (Хаджибей, с 1795 г.

²⁸ Сборники переводов французских пьес издавались очень редко, и ни один из них по названию не может быть соотнесен с цитируемой записью. Например, см.: Вороблевский В. Лирические переводы. М., <не ранее 1780>. Ч. 1.

переименован в Одессу), выделяет Кардици сумму для вспомоществования вдовам павших греков, осыпает его милостями. Конец книги весьма пессимистический: после смерти Екатерины II Кардици оказывается в бедственном положении, однако в заключение высказывается надежда, что «по окончании войны с Оттоманскою Портою» Николай I проявит к нему милосердие.

Следует отметить, что другой информации об И. Н. Кардици в русских источниках нам обнаружить не удалось — его имя не встречается ни в многочисленных трудах по истории русского флота, ни в трудах по истории Одессы. Отсутствует упоминание о нем и в большом репортаже «Взгляд на военные действия россиян на Черном море и Дунае в 1787—1791 годах» А. Висковатого, опубликованном в 47—52 номерах «Славянина» в 1828 году.²⁹

Услышать о Кардици Пушкин мог от знакомых греков уже в 1821 г. в Кишиневе. Кроме того, не исключена возможность участия Кардици в греческом восстании 1821 г. В посвященной ему биографической книге практически ничего не говорится о деятельности капитана после 1793 г. Но Пушкин в своих «Note sur la révolution d'Ipsylanti» (XII, 190) упоминает об участнике восстания 1821 г. по имени Лампро. Речь идет о греческом корсаре Ламбро Кациони, который в 1790 г. снарядил в Триесте эскадру для операций против турок и отличился в сражениях на Архипелаге.³⁰ Под его началом, как сообщается в книге «Подвиги и приключения Кардици...», и служил в 1790 г. И. Н. Кардици.³¹

Вышеперечисленный список — только малая часть книг, бесследно ушедших из библиотеки поэта (исчезло как минимум более двухсот изданий). В разборе библиотеки в разной степени участвовали М. Ю. Виельгорский, П. А. Вяземский, барон Вельзберх, А. А. Краевский, Ф. Н. Немцов, И. И. Панаев, И. П. Сахаров, Г. А. Строганов, П. А. Тарасенко-Отрешков, Н. И. Тарасенко-Отрешков. Последний оставил о себе печальную славу как расхититель архива поэта.³² Не все современники правильно понимали значение библиотеки Пушкина — были предложения и о ее аукционной распродаже (С. А. Соболевский). Следовательно, не исключена возможность находки книг из библиотеки поэта путем исследования архива лиц, участвовавших в разборе библиотеки.³³

²⁹ Хотя журнала с таким названием и нет в библиотеке Пушкина, эти номера были ему несомненно известны; здесь печатались стихи, посвященные поэту, положительный отклик на «Графа Нулина».

³⁰ См.: Боевая летопись русского флота: Хроника важнейших событий военной истории русского флота с IX в. по 1917 год. М., 1948. С. 127.

³¹ Е. М. Двойченко-Маркова считает, что Пушкин в «Заметке о восстании Ипсиланти» упоминает другого Лампро. См.: Временник Пушкинской комиссии. 1973. Л., 1975. С. 24.

³² См.: Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина. Л., 1924. С. 130; Баргтенев П. И. Рассказы о Пушкине со слов друзей. М., 1925. С. 27, 76—77.

³³ Так, из библиотеки Пушкина исчезло большое число изданий, связанных с русским фольклором (книги В. И. Даля, сборники сказок, песен, сказаний), в связи с чем мы обратились к архиву известного фольклориста и страстного собирателя И. П. Сахарова. Изучение архива не принесло каких-либо результатов, а библиотеку И. П. Сахарова, видимо, постигла печальная судьба: «остатки его бумаг были проданы с пуда и поступили летом 1869 года на толкучий рынок в СПб». Здесь же есть факты о продаже его книг (Летопись занятий археографической комиссии. СПб., 1871. С. 163).

В будущем необходимо издание комментированного каталога библиотеки Пушкина, который включал бы не только книги, точно входившие в ее состав, но и книги, предположительно знакомые поэту. Выявить эти книги помог бы анализ творчества и переписки Пушкина.

В. В. Головин

АНРИ ТРУАЙЯ ВСПОМИНАЕТ...

В статье, напечатанной в сборнике «Звенья» и озаглавленной «Новые материалы для биографии Пушкина»,¹ М. А. Цявловский — один из крупнейших наших пушкинистов — дал характеристику биографии Пушкина, написанной крупнейшим французским писателем Анри Труайя. В частности, М. А. Цявловский пишет: «В 1946 году в Париже вышла в свет двухтомная биография Пушкина, принадлежащая перу автора ряда французских романов и книги о Достоевском Анри Труайя. (В настоящее время нам известны следующие романизированные биографии писателя: «Достоевский» (1940), «Пушкин» (1—2, 1946), «Необычайная судьба Лермонтова» (1952), «Толстой» (1965), «Гоголь» (1971), — на русский язык вышеперечисленные книги не переводились, — И. С.). Книга Труайя, несомненно, значительное явление не только в истории освоения Пушкина Францией, но и вообще зарубежной пушкинианы. Биография, написанная Труайя, владеющим русским языком и в общем неплохо знающим пушкиноведческую литературу на русском языке, заслуживает специального подробного разбора. Далекая по содержанию и тону от научной биографии великого поэта, работа Труайя в живом художественном изложении знакомит читателя с жизнью Пушкина, давая образ его как человека и поэта. Ни политической биографии Пушкина, ни историко-литературной интерпретации его творчества Труайя не дает. Все это совершенно вне поля его зрения. И тем не менее, несмотря на это и на ряд разного рода промахов, недостатков, ошибочных утверждений и ложных концепций, книга Труайя проникнута чувством глубокого восхищения и даже благоговения перед нашим великим поэтом. Книга дает французскому читателю такое представление о Пушкине, какого он не найдет ни в одной из работ о великом поэте, вышедших за пределы России. Но русскому читателю книга Труайя интересна главным образом публикацией новых материалов, относящихся к Пушкину».²

Анри Труайя работал над биографией Пушкина три года. В 1945 г., получив письмо от внука барона Геккерн-Дантеса, писатель ознакомился с его архивом и переработал биографию поэта, так как обнаружил в архиве барона множество неизвестных писем, относящихся к трагедии, которая произошла в 1837 г. в Петербурге. Позже Труайя опубликовал их в книге «Пушкин». Его особое внимание привлекли два письма Дантеса к своему приемному отцу, голландскому посланнику барону Луи Геккерну, жившему в то время за границей. Первое письмо датировано

¹ Цявловский М. А. Новые материалы для биографии Пушкина // Звенья. М., 1951. Т. 9. С. 172—185.

² Там же. С. 172—173.

20 января 1836 г., второе — 14 февраля 1836 г. М. А. Цявловским были опубликованы французский текст и перевод этих писем.³

Почему же в семье Дантеса столько лет хранили в тайне эти и другие письма и документы? Были ли попытки у других исследователей узнать о материалах, хранящихся в их архиве?

Оказывается, были. Приведем отрывок из статьи, опубликованной недавно в «Альманахе библиофила» К. И. Черняком: «Сама история, кажется, карала убийцу Пушкина. Его младшая дочь Леония-Шарлотта, одаренная девушка, самостоятельно изучившая русский язык, прочла Пушкина, и поэт стал ее кумиром. Тогда она поняла тяжесть вины, лежавшей на ее отце. Она бросила ему в лицо тяжкое обвинение. С этого момента растет ее ненависть к отцу; она старается с ним не встречаться. Переживания оказались слишком тяжелы: с нарушенной психикой она умирает в 1888 году в психиатрической больнице. Сын Дантеса не выражал явно своего отношения к Пушкину и к отцу, но увлечение сестры, разговоры с нею, воспоминания о неожиданной встрече в детстве в Париже с Натальей Николаевной Пушкиной-Ланской, которая прошла, не остановившись, мимо Дантеса и его сына, — оставили глубокий след. В нем нарастали чувство уважения к личности Пушкина и интерес к его творчеству.

Один вопрос мучил Онегина, вопрос, казавшийся ему психологической загадкой: как Дантес мог решиться совершить свой роковой выстрел? И он задал его. „Мы же дрались на пистолетах, — ответил Дантес, — он мог убить меня“. — „Но Пушкин ведь национальная гордость России! Как могла у вас подняться рука на него?“ — „Ведь и я пэр Франции, сенатор. . .“

Онегин поднялся, откланялся и направился к выходу. Это была первая и последняя встреча (она состоялась в 1887 г., — *И. С.*). Через 8 лет Дантес умер. С детьми Дантеса Онегин встречался и беседовал. Среди материалов архива Онегина найдены адресованные ему три письма сына Дантеса. Два написаны в 1911-м и одно в 1920-м году. В письме от 25 июня 1911 года мы читаем следующие строки: „27 или 28 этого месяца я доставлю себе удовольствие посетить Вас, чтобы рассказать новые сведения. О чем они беседовали? Какие новые сведения сообщил создателю музея Пушкина сын его убийцы, подпавший под обаяние личности и поэзии человека, к которому, казалось, должен был чувствовать посмертную неприязнь? „Дорогой меесь, — писал Дантес Онегину 13 декабря 1920 года, — будет ли нескромным попросить у Вас фотографию какой-либо рукописи, подписанной г. Пушкиным? Я буду Вам очень обязан, если Вы сможете доставить мне это удовольствие“.

. . . Какой ценностью был бы для нас дневник Онегина!».⁴

В настоящее время трудно судить о том, что сообщил сын Дантеса Александру Федоровичу Онегину, однако некоторые выводы мы сделать можем. На наш взгляд, потомки Дантеса постоянно ощущали тяжесть лежавшей на них вины. Об этом и рассказывает Анри Труайя в своей статье. Но прежде чем привести ее перевод, хочется выразить глубокую благодарность французскому писателю за любезно присланную им статью, а также за его теплые и дружеские письма. Надеемся, что статья Анри Труайя «Как я обнаружил неизданные письма о Пушкине», напи-

³ Там же. С. 173—176. Предварительную оценку этих писем см.: Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 году: (Предыстория последней дуэли). Л., 1989. С. 9—17.

⁴ Черняк К. И. В парижском домике Онегина // Альманах библиофила. М., 1981. № 11. С. 167—168.

санная спустя 36 лет после первой публикации его книги «Пушкин» и публикуемая впервые, даст новый толчок к поискам неизвестных материалов о нашем великом поэте.

А н р и Т р у а й я

Как я обнаружил неизданные письма о Пушкине.

Это было в июне 1945 года. Я только что передал моему издателю большую биографию Пушкина, над которой работал три года, как получил письмо барона Геккерна-Дантеса — внука человека, который убил поэта на дуэли. Предупрежденный о моем замысле, он мне писал весьма изысканно, что владеет некоторыми документами, которые могут меня заинтересовать. Зная, что велись всевозможные поиски в этой области самыми предприимчивыми пушкинистами, я не надеялся обнаружить ничего неизвестного. (О факте общения собирателя и хранителя пушкинских реликвий А. Ф. Онегина с бароном Жоржем Дантесом и его сыном мы уже знаем. Можно предположить, что и Б. Л. Модзалевский, будучи в Париже в мае 1908 г. и работая в музее Онегина, тоже предпринимал некоторые поиски в этой области. Не исключено, что и А. Б. Дерман, посетив Париж весной 1911 г. и рассказав в своей статье в журнале «Огонек», № 14 за 1941 г. довольно подробно о своем визите к Онегину, интересовался этими вопросами, — *И. С.*). Тем не менее я встретился с моим корреспондентом. Он принял меня в своей квартире на улице Шеффер с беспокойной любезностью, настолько был у него жив след, оставленный насильственной смертью Пушкина. Каждый раз, когда кто-нибудь пытался ворошить эту старую историю из грязи и крови, вся семья Геккерна-Дантеса чувствовала себя довольно забрызганной. Я это понял, сидя в гостиной между хозяином и его женой. На стенах висели портреты, миниатюры, сероватые эстампы, изображающие некоторых героев драмы. Стекланные шкафчики были битком заполнены сувенирами о Жорже и Катрин. Я сразу же оказался в самой сердцевине этой истории! Барон Геккерн (внук Жоржа Дантеса, — *И. С.*) — отяжелевший старик, высокий, сильный, с энергичным лицом — спросил меня о моей концепции событий, возразил мне по некоторым пунктам и в конце концов признался, что у него было несколько неизданных писем для меня. Увы! Письма, которые он мне показал, относились к событиям после дуэли и представляли лишь второстепенный интерес. Тем не менее я решил их упомянуть в своей работе, согласился оставить вариант рукописи в руках барона и вернулся к себе, довольно разочарованный.

Через несколько дней барон позвонил и объявил мне взволнованным голосом, что он прочел мою биографию, и вся эта история трагически ожила в нем. Поэтому он хотел бы немедленно меня увидеть. Час спустя он был в моем кабинете с изменившимся лицом.

— Всю эту ночь, после того, как я прочел Вашу рукопись, в моей душе происходила борьба, — сказал он мне. У меня есть несколько писем, о которых я Вам не говорил и которые ни я, ни мой отец никому не хотели показывать из опасения, чтобы их не использовали дурно, во зло. (Можно предположить, что обещая Онегину рассказать новые сведения, сын Дантеса имел в виду и эти несколько писем. К сожалению, Онегин не вел дневника и жил замкнуто, — *И. С.*) Но Ваша работа мне показала весьма значительной, чтобы я мог скрыть эти документы. Я их Вам покажу. Но при одном условии: Вы их никогда не будете упоминать в Вашей книге.

— Для чего мне эти документы, если я не смогу их опубликовать, — возразил я.

А он отвечает:

— Для того чтобы раскрыть Вам, какие были отношения Натали Пушкиной и моего деда.

Сказав эти слова, он вынул из портфеля пожелтевшие бумаги, написанные тонким почерком, и положил их передо мной.

Я понял с первых же строчек, что речь шла о двух письмах Жоржа Дантеса к своему приемному отцу барону Геккерну, голландскому посланнику. В одном из этих писем, датированном 20 января 1836 года, молодой человек, в частности, писал по-французски:

«... я безумно влюблен! Да, безумно, так как я не знаю, как быть; я тебе ее не назову, потому что письмо может затеряться, но вспомни самое прелестное создание в Петербурге и ты будешь знать ее имя. Но всего ужаснее в моем положении то, что она тоже любит меня и мы не можем видеться до сих пор, так как муж ее бешено ревнив...».

(Здесь мы вынуждены дать некоторые объяснения. Почему Жорж Дантес так осторожен? Далее в этом же письме он прямо пишет: «... Повторяю тебе еще раз — ни слова Брогу <или Брагу?>, потому что он переписывается с Петербургом и достаточно одного его сообщения супруге, чтобы погубить нас обоих!...». Есть основания полагать, что Дантес не всегда верил в порядочность и искренность своего приемного отца, — *И. С.*).

В другом письме, датированном 14 февраля 1836 года, кавалергард рассказывал о том, как он просил Натали стать его любовницей и с каким грустным и благодарным видом она ему ответила.

«Та женщина, у которой обычно предполагают мало ума, не знаю, дает ли его любовь, но невозможно внести больше такта, прелести и ума, чем она вложила в этот разговор; а его было очень трудно поддерживать, потому что речь шла об отказе человеку, любимому и обожаемому, нарушить ради него свой долг: она описала мне свое положение с такой непосредственностью, так просто, просила у меня прощенья, что я в самом деле был побежден и не нашел ни слова, чтобы ей ответить. Если бы ты знал, как она меня утешала, потому что она видела, что я задыхаюсь и что мое положение ужасно; а когда она мне сказала: „Я люблю Вас так, как никогда не любила, но не просите у меня никогда большего, чем мое сердце, потому что все остальное мне не принадлежит, и я не могу быть счастливой иначе, чем уважая свой долг, пожалейте меня и любите меня всегда так, как Вы любите сейчас, моя любовь будет Вашей наградой“, — право, я упал бы к ее ногам, чтобы их целовать, если б я был один...».

Письмо продолжалось в том же тоне. Что касается меня, то я испытывал ощущение, что слышу в ответе Натали точное эхо ответа Татьяны Евгению Онегину в последней главе поэмы Пушкина. Все вокруг Натали восхищались этим произведением и прославляли в Татьяне идеал русской женщины. Без сомнения, Натали была смущена всеми этими похвалами литературного персонажа. И, оказавшись теперь в ситуации, подобной той, в которой находилась героиня Пушкина, она более или менее сознательно ей подражала.

— Дайте мне переписать эти письма! — воскликнул я, потрясенный.

Барон Геккерн-Дантес, столь же взволнованный, как и я, попросил еще ночь на размышление и унес драгоценные послания.

Что касается меня, то я не спал. Эти письма, проливающие новый свет на

связь Натали и Дантеса, не выходили у меня из головы. В них пытались доказать, что речь шла не о простой интриге, а об абсурдной, неистовой любви молодого человека к самой красивой женщине столицы.

На следующий день я отправился к барону Геккерну-Дантесу. После долгой дискуссии, в ходе которой мне нужно было победить одно за другим все его сомнения, он согласился перепечатать для меня, под моим наблюдением, данные письма. Его жена села печатать на машинке. Мы стояли за ней оба, в то время как она печатала. Между тем одно соображение мучило барона Геккерна-Дантеса. Письма его деда содержали орфографические ошибки. Я уверял его, что в то время очень немногие высокопоставленные особы писали без ошибок. Тем не менее он потребовал их выправить. Я согласился, но зато попросил разрешения сфотографировать эти письма. Учитывая важность открытия, я должен, объяснил я, иметь возможность подкрепить мои рассуждения фотографиями с неизданных писем. Немного спустя я добился его согласия на то, чтобы вставить фотографии двух главных писем в самое первое издание моего Пушкина (в последующие издания биографии «Пушкина» Анри Труайя эти фотографии не включал, — *И. С.*).

Откровенная сердечность установилась между нами в результате этих контактов, и барон Геккерн-Дантес дал мне прочесть, в конце концов, все письма, которыми он обладал, датированные этой эпохой (пушкинской, — *И. С.*) и относящиеся к этому делу. Но я не нашел ни одного, которое бы по своей исторической ценности стоило бы тех, которые я уже процитировал. Я запомнил, тем не менее, некоторое количество из них, также неизданных, которые фигурируют в моей книге.

Позже, по его приглашению (внука Дантеса, — *И. С.*), я совершил путешествие в Сульц (близ Сульца находилось имение отца Жоржа Дантеса, — *И. С.*), где похоронены члены семьи Геккерн-Дантеса (среди них Жорж и Катрин — сестра Натали). И здесь я тоже смог найти маленькие колоски воспоминаний.

В свете этих открытий я переработал свою книгу. Удивительная вещь, посещая эту семью, я понял больше, чем открыв эти документы; я как бы вновь ощутил горячую атмосферу этой трагедии. Сколько раз, болтая с внуком Жоржа Дантеса, я имел ощущения провала времени. Мы больше находились не в Париже 1945 года, а в Петербурге 1837 года.

Пушкин только что был убит на дуэли. И мы, его современники, пытаемся узнать, как и почему?... И если мы могли сказать, что молодой кавалергард не отдавал себе отчета в тот момент, в той ужасной роли, которую он взял на себя перед потомством, убив pistolетной пулей самый чистый Гений русской литературы, то я сейчас в состоянии утверждать, что потомки этого человека постоянно ощущают огромную ответственность. Жест их предка как бы сковал их через его могилу. Они продолжали нести тяжесть его вины и продолжали пытаться всеми способами ее объяснить, оправдать, как будто бы самим освободиться от угрызений совести.

Моя биография Пушкина была опубликована в 1946 году.⁵ Барон Геккерн-Дантес теперь уже умер. Но я предполагаю, что его сыновья (т. е. дети внука Дантеса, — *И. С.*) сохранили в своих архивах письма, с которыми мне было суждено познакомиться.

*Вступительная статья, комментарии,
перевод и публикация И. Н. Спектора.*

⁵ Позже во Франции было опубликовано новое издание этой работы Анри Труайя.

IV. ХРОНИКА

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ 1986 г.

В Пушкинских Горах заложен фундамент научно-культурного центра, в котором разместятся выставочные залы, библиотека, кинотека, концертный зал. Фондохранилище центра вместит более 13 тысяч экспонатов Музея-заповедника А. С. Пушкина.

(«Советская Россия», 3 января)

Новый экслибрис с изображением Пушкина создан в подарок Пушкинскому Дому московским мастером графики Ф. Домогацким.

(«Литературная Россия», 3 января)

Для экспозиции музейного комплекса в Михайловском ленинградский художник Энгель Насибуллин создал цикл рисунков к драме А. С. Пушкина «Русалка».

(«Ленинградская правда», 9 января)

Всесоюзный музей А. С. Пушкина и клуб книголюбов г. Пушкина «Арион» провели совместный литературно-музыкальный вечер «Отечественная война 1812 года в пушкинском журнале „Современник“».

(«Вперед» (г. Пушкин Ленингр. обл.), 25 января; «Вечерний Ленинград», 28 января)

20—21 января в Вашингтонском институте Кеннана состоялся советско-американский симпозиум на тему «Проза Пушкина».

С советской стороны с докладами выступили: В. Щербина. «Традиции А. С. Пушкина в русской прозе XIX века»; П. Палиевский. «О границе между прозой и поэзией у Пушкина»; Р. Иезуитова. «Неосуществленные прозаические замыслы Пушкина»; С. Бэлза. «Принципы исторической достоверности в пушкинской прозе».

С американской стороны с докладами выступили: Ч. Мозер. «Пушкин и русский рассказ»; С. Сандлер. «Пушкин, Кольбридж и Table Talk»; А. Коджак. «О вступительных текстах у Пушкина»; В. Боржковец. «Образы женщин в малой

прозе Пушкина»; И. Уайл. «Язык и голос рассказчика в „Египетских ночах“: переходы между прозой и поэзией».

(«Литературная газета», 5 февраля)

В Пушкинских Горах состоялся торжественный вечер, посвященный 149-летию со дня смерти Пушкина.

(«Пушкинский край», 8 февраля)

Памяти А. С. Пушкина было посвящено торжественное заседание, состоявшееся 10 февраля в Ленинградской академической капелле им. М. И. Глинки.

(«Вперед» (г. Пушкин Ленингр. обл.), 15 февраля)

18 февраля в Москве открылся мемориальный отдел Государственного музея А. С. Пушкина «Квартира Пушкина на Арбате».

(«Литературная Россия», 14 февраля; «Московский комсомолец», 14 февраля; «Лесная промышленность», 15 февраля; «Известия», 16 февраля; «Вечерняя Москва», 18 февраля; «Ленинское знамя», 19 февраля; «Советская культура», 19 февраля; «Правда», 19 февраля; «Комсомольская правда», 20 февраля; «Советская Россия», 21 февраля; «Вечерний Новосибирск», 26 февраля; «Уральский рабочий» (г. Свердловск), 27 февраля; «Калининградская правда», 2 марта; «Гудок» (г. Москва), 23 марта; «Ригас Балсс», 8 мая)

На киностудии «Мосфильм» завершены съемки совместного советско-польского двухсерийного фильма, снятого по мотивам трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов». Постановщик и исполнитель главной роли — народный артист СССР, кинорежиссер С. Ф. Бондарчук.

(«Ленинградский рабочий», 21 февраля)

Киностудия «Ленфильм» начала съемки новой киноленты о Пушкине «Последняя дорога». Сценарий ленинградского писателя Я. Гордина и кинорежиссера Л. Менакера. В роли Пушкина снимался артист Ленинградского театра «Эксперимент» Юрий Хамутянский.

(«Советская культура», 28 марта; «Известия», 4 апреля; «Ленинское знамя» (г. Москва), 4 сентября)

Более месяца в Воронеже работала выставка «Портрет и пейзаж пушкинского времени» из фондов Всесоюзного музея А. С. Пушкина.

(«Советская культура», 15 апреля)

Изданы традиционные специальные выпуски «Литературной газеты» и «Литературной России», посвященные XX Всесоюзному пушкинскому празднику поэзии.

(«Литературная Россия», 30 мая)

В Суйде, Кобрине, Выре и Гатчине состоялся первый областной праздник в честь 187-й годовщины со дня рождения А. С. Пушкина.

(«Вечерний Ленинград», 2 июня; «Ленинградская правда», 3 июня; «Смена», 3 июня)

В Большом театре СССР состоялась премьера оперы Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане». Режиссер — Г. Ансимов, художник — Н. Золотарев.

(«Известия», 4 июня)

XX Всесоюзный пушкинский праздник поэзии широко отмечался по всей стране: в Москве и Ленинграде, в Пушкиногорье и Северной Осетии, Оренбургской, Горьковской, Ленинградской и Калининской областях, в Яропольце, Йошкар-Оле, Гурзуфе, Иркутске, Челябинске, Кишиневе, Ташкенте, Калуге, Одессе, в с. Каменка и Захарово, д. Языково Ульяновской области, на БАМе.

(«Горьковский рабочий», 3 июня; «Знамя (г. Калуга), 3 июня; «Литературная газета», 4 и 11 июня; «Восточно-Сибирская правда» (г. Иркутск), 6 июня; «Гатчинская правда», 6 июня; «Литературная Россия», 6 июня; «Марийская правда» (г. Йошкар-Ола), 7 июня; «Правда Востока» (г. Ташкент), 8 июня)

В Вильнюсе, в Маркучяе, открылся после реставрации и капитального ремонта Литературный музей А. С. Пушкина.

(«Советская Литва», 6 июня; «Рабочий путь» (г. Смоленск), 3 августа; «Учительская газета», 19 августа; «Советская культура», 23 августа).

В Суйде, на гатчинской земле, состоялось открытие народного музея «Имение Ганнибалов».

(«Смена», 8 июня; «Ленинградская правда», 24 июня; «Гатчинская правда», 2 июля)

После реставрации в Уральске первых посетителей принял дом-музей Емельяна Пугачева — старинный казачий дом, подробно описанный Пушкиным в «Истории Пугачева».

(«Вечерняя Москва», 19 июня; «Неделя», 23—29 июня)

В музее-квартире А. С. Пушкина (г. Одесса) развернута выставка новых поступлений.

(«Сельская жизнь», 10 июня)

Во Вьетнаме вышла в свет новая книга избранных произведений А. С. Пушкина в переводах известных вьетнамских литераторов.

(«Правда Востока» (г. Ташкент),
12 июня)

В преддверии дня рождения А. С. Пушкина по венгерскому и советскому радио прошла совместная программа, посвященная великому русскому поэту.

(«Советская культура», 12 июня)

В Таганроге открыт памятник Пушкину, выполненный народным художником РСФСР Г. Неродой.

(«Правда», 21 июня)

К дню рождения Пушкина Московский государственный театр балета СССР подготовил премьеру вокально-хореографического спектакля «Пушкин. Размышления о поэте». Постановщики — лауреаты Государственной премии СССР народная артистка РСФСР Н. Касаткина и заслуженный деятель искусств РСФСР В. Василёв.

(«Литературная газета», 11 июня; «Советская культура», 21 июня; «Известия», 12 июля; «Вечерний Ленинград», 11 ноября)

В составе Государственного музея-заповедника А. С. Пушкина в Псковской области появился новый объект — водяная мельница в деревне Бугрово.

(«Горьковский рабочий», 2 июля; «Знамя»
(г. Калуга), 29 июля)

В Мадриде издана «Биография Пушкина» — первое жизнеописание поэта на испанском языке.

(«Литературная газета», 30 июля)

Исполком Моссовета принял решение открыть в архитектурном памятнике XIX в., церкви Большого Вознесения, концертный зал. Это место у Никитских ворот связано с именем Пушкина. Здесь стоял храм, в котором венчался поэт.

(«Вечерняя Москва», 7 августа; «Известия»,
8 августа; «Советская Россия», 8 августа;
«Волжская коммуна» (г. Куйбышев), 17 сен-
тября)

В Елагином дворце открылась выставка «Портрет и пейзаж пушкинского времени», организованная Всесоюзным музеем А. С. Пушкина.

(«Ленинградская правда», 10 августа)

Ленинградской студией документальных фильмов завершены съемки картины «Памяти Пушкина». Режиссер — В. Наумов, автор сценария — Б. Галантер.

(«Смена, 15 августа; «Вечерний Ленинград»,
8 сентября)

В финском городе Куопио установлен памятник А. С. Пушкину (работа скульптора О. Комова). Это дар советского города-побратима Пскова к 20-летию установления дружеских связей между обоими городами.

(«Советская культура», 6 и 13 сентября; «Литературная газета», 1 октября; «Правда»,
11 ноября)

В Москве на IX Международном конгрессе по эфиопским исследованиям с докладом «Калибан при царском дворе: заметки об „Аране Петра Великого“ А. С. Пушкина» выступил руководитель отдела афро-американских и африканских исследований Рутгерского университета (США, штат Нью-Джерси) д-р Жан-Пьер Венделл.

(«Книжное обозрение», 19 сентября)

В с. Большое Болдино Горьковской области состоялась традиционная пушкинская конференция — XVI Болдинские чтения.

(«Горьковский рабочий», 25 сентября)

Портрет А. С. Пушкина, выполненный сотрудницей Института языкознания АН Азербайджанской ССР Земфирой Алекперовой, на XIII Всесоюзном празднике поэзии удостоен медали «За большой вклад в Пушкиниану».

(«Труд», 25 октября)

В псковском городском Доме культуры прошли литературные чтения «Слово о Пушкине».

(«Псковская правда», 20 декабря)

В Москве, в Центральном Доме архитектора состоялась премьера моноспектакля «Пушкин и Натали». Авторы — режиссер Художественного театра К. Гинкас и актер Московского театра миниатюр В. Гвоздицкий.

(«Вечерняя Москва», 27 декабря)

В мою заметку, посвященную лицейской надписи Пушкина к дивану («Известно буди всем») и напечатанную в 22-м выпуске «Временника Пушкинской комиссии», вкралась досадная оплошность: я механически воспроизвела ошибку, допущенную Б. В. Томашевским при первой публикации надписи и повторенную Т. Г. Цявловской в дополнительном (XVII) томе Академического издания и в десятитомнике издательства «Художественная литература». Третий стих надписи в списке С. С. Чирикова — единственном источнике этого текста — отчетливо читается:

Ногами не марать парчевого дивана.

При соседстве фототипии списка и печатного текста на с. 92 «Временника» ошибка бросается в глаза.

Приношу читателям «Временника» свои извинения.

Н. Н. Петрунина

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абамелек А. Д. 46
 Абрамович С. Л. 42, 46, 47, 59, 120, 121, 130, 191
 Абызова Е. Н. 42
 Августин Аврелий 148
 Аверинцев С. С. 147
 Агеева Л. 42
 Агранович С. З. 42, 50
 Аделунг Ф. П. 29
 Айзерман Л. С. 42, 63
 Айни С. 45
 Аксаков С. Т. 5
 Алекперова З. 199
 Александр Николаевич, вел. кн., впоследствии Александр II 186
 Александр I 51, 94, 97, 115
 Александрина см. Гончарова А. Н.
 Алексеев М. П. 82, 129, 183
 Алексеев Н. С. 32, 33
 Алексис В. 49
 Алешкевич А. А. 57
 Альми И. Л. 44
 Алямовский И. Г. 130, 131
 Аммосов А. Н. 120, 123
 Андреев Л. Н. 148
 Анкин А. В. 57
 Анна Павловна, принцесса Оранская 118
 Анненков П. В. 36, 48, 55, 86, 106—109, 113, 134—136, 140, 173, 174, 181
 Ансимов Г. 197
 Антокольский П. Г. 42, 47
 Антолинес Х. 129
 Арапова А. П. 121
 Арборе Г. 97, 100, 101
 Арборе К. см. Ралли К.
 Арборе С. 97
 Арбуре Д. 101
 Арбуре Л. 101
 Арбуре Я. Д. 101
 Арендт Н. Ф. 126
 Арина Родионовна см. Яковлева А. Р.
 Аристарх 166
 Аркин И. И. 63
 Арндт см. Арендт Н. Ф.
 Артамонов М. Д. 63
 Артюхов К. Д. 105
 Архангельский А. 42
 Архангельский А. Н. 42
 Архангельский А. С. 185
 д'Аршиак О. 122, 123, 126
 Асадуллин А. М. 50
 Асеев Б. Н. 42
 Ахматова А. А. 42, 43, 57, 116, 178
 Ахундов М. Ф. 59
 Ацаркина Э. 184
 Ашимбаева Н. 43
 Бабаджанова К. 43
 Бабаев Э. Т. 53
 Багирзаде И. К. 43
 Багно Вс. Е. 43, 64, 128
 Багратион П. И. 33
 Баевский В. С. 3, 47, 65, 78
 Бажов П. П. 43
 Байрон Дж. Н. Г. 7, 16, 47, 48; 85, 99, 118, 153, 164, 166, 167, 174
 Бакунин М. А. 96, 97, 103
 Балаян Р. 48, 49, 58
 Баратынский (Baratynskii) Е. А. 65, 66, 68—71, 75, 104, 162—174
 Баринов М. 43
 Барков Д. Н. 157, 158
 Баргенов П. И. 84, 103, 106, 113, 145, 185, 190
 Баруздин С. А. 43
 Бархатов А. 43
 Бархударов С. Г. 66
 Басина М. Я. 54
 Басманов А. Е. 43, 63
 Батурова Т. К. 43
 Батюшков (Batiushkov) К. Н. 48, 56, 65, 66, 69—71, 75, 171
 Бауман Е. 43
 Беглиева М. Н. 43
 Безвикони (Bezveconnii, Bezviconi) Г. 99, 100, 103
 Беззубов А. Н. 75
 Безъязычный В. 65
 Беклешов Е. П. 139
 Беклешов Л. П. 139
 Беклешов Н. С. 139
 Беклешов П. Н. 137—140
 Беклешова (Bekléchéff) А. И., урожд. Осипова 131—140

- Беклешова Е. В., в замужестве Наседкина 139
- Беклешова М. В. 139
- Беклешовы 138, 139
- Белая Е. В. 43
- Беленький Г. И. 44
- Белинский В. Г. 34, 35, 37, 44, 48, 53, 167
- Белинский Ю. Г. 47
- Беллизар Ф. М. 183
- Белый А. (псевд. Б. Н. Бугаева) 66, 108, 111
- Бельчер, боксер 94
- Бенкендорф А. Х. 46, 116, 121, 179
- Бенуа А. Н. 46
- Бердников Г. П. 60
- Березкина С. В. 131, 139
- Беркопец О. 38
- Бернадот Ж.-Б. 128
- Бессараб М. Я. 109, 110
- Бестужев А. А. 143, 171
- Бикбулатова И. Х. 44
- Билинкис Я. С. 44
- Билокур (Bilokur) Б. 70
- Био см. Бион Ж.-М.
- Бион Ж.-М. 129
- Битов А. Г. 44
- Благой Д. Д. 6, 8, 17—19, 21, 22, 27, 41, 66, 147
- Блок А. А. 52, 59, 66
- Блюхер Г. Л. 94
- Бобринская Е. 44
- Бобринский А. А. 138
- Богаевская К. П. 57
- Богатырева Т. Н. 78
- Бокий И. С. 44
- Бологова Е. 44
- Бонапарт см. Наполеон I
- Бондэрчук С. Ф. 43, 196
- Бонди С. М. 45, 57, 145, 162, 169, 171, 173
- Борев Ю. Б. 45
- Боржковец В. 195
- Боровский Я. М. 176
- Бородин С. 43
- Бочаров И. Н. 63
- Бочаров С. Г. 45, 159, 169
- Бочарова Н. Е. 53
- Бочкарев В. А. 45, 50
- Брагинский И. С. 45
- Бражник Е. 51
- Бриггс А. 54
- Брик О. М. 77
- Брог (или Браг) 193
- Бродзинский В. 33
- Брюллов К. П. 184, 185
- Брюллова-Шаскольская Н. 185
- Брюсов В. Я. 17
- Брянский (Григорьев) Я. Г. 161
- Буало Н. 170
- Букалов А. М. 45
- Булавин К. А. 181, 182
- Булгаков А. Я. 116—118, 120—127
- Булгаков К. Я. 116
- Булгарин Ф. В. 88, 89, 92, 117, 153, 154, 164, 166, 170
- Бунтова И. А. 105
- Бурсов Б. И. 55
- Буртин Ю. Г. 48
- Буртина Е. Ю. 48
- Бурьен Луи-Антуан Фовле де 129
- Бух К. А. 106
- Бычков И. А. 186
- Бэла С. И. 195
- Бядуля З. 45
- Бялик Б. 45
- Бялый Г. А. 63
- Вальберхова М. И. 161
- Ванников Ю. В. 46
- Ваншенкин К. Я. 45
- Варфоломеи 98
- Василёв В. 198
- Ваттемар (Vattemare) А. 80—83
- Вацуро В. Э. 45, 46, 57, 117
- Вейдемейер (Херхеулидзе) Т. С. 52
- Вельдберх, барон 189
- Вельтман А. Ф. 104
- Вельяшев Вл. 63
- Венгеров С. А. 63, 131, 140
- Венделл Ж. П. 199
- Веневитинов Д. В. 43, 68
- Венедиктов Г. К. 46
- Венелин Ю. И. (подлинное имя — Хуца) 34, 35, 46
- Вересаев В. В. 17, 19, 87, 113, 121, 131, 134
- Верховский С. С. 47
- Вершинина Н. Л. 56
- Ветловская В. Е. 57
- Вигель Ф. Ф. 102, 103
- Видок Э. Ф. 15, 117
- Виельгорская А. М. 62
- Виельгорский М. Ю. 119, 130, 189
- Виже-Лебрен Л. Е. 50, 51
- Викторович В. А. 44
- Виленчик Б. Я. 46
- Вильборг А. 46
- Вильгельм, принц Оранский 118
- Вильскер Л. Е. 46
- Виноградов В. В. 66, 148, 153
- Винокур Г. О. 66, 178
- Винокуров Е. 78
- Висковатый А. 189
- Власова Л. Д. 46
- Вовк И. И. 46
- Вогман Л. 46
- Войнич Л. В. 46
- Волков, секретарь 97
- Волков Г. Н. 46
- Волконская А. П., в замужестве Дурново 62

- Волконская З. А., уржд. Белосельская-Белозерская 129
- Волконская М. Н., уржд. Раевская 64
- Волконские 130
- Волконский В. М. 94
- Волович Н. М. 46
- Вольперт Л. И. 44, 57
- Вольтер (подлинное имя — Ф.-М. Аруэ) 45, 99, 167, 174, 187, 188
- Вороблевский В. 188
- Воронина Е. З. 105, 107, 108, 114
- Воронцов М. С. 84
- Воронцова Е. К. 131
- Востоков А. Х. 34, 35, 39, 40, 75
- Враская О. 46
- Вревская Е. Н., уржд. Вульф 132, 133, 137—140
- Вревская С. Б. 139
- Вревские 131, 138—140
- Вревский Б. А. 132, 138—140
- Вуич Л. И. 54, 63
- Вульф Ал. Н. 85, 131—138
- Вульф А. Н. 131—133, 135, 137, 139
- Вульф Е. Н. см. Вревская Е. Н.
- Вульф П. А. см. Осипова П. А.
- Вучич, воевода сербский 32
- Высочина Е. И. 58
- Вьялицина Н. В. 43
- Вяземские 87
- Вяземский П. А. 10, 30, 87, 92, 93, 117—120, 123—127, 142, 163, 171, 175, 189
- Вяземский П. П. 83, 84, 96
- Гаврилов А. 47
- Гаврилов Е. П. 58
- Гагарин И. С. 120
- Галантер Б. 199
- Гальцева Р. А. 45
- Ганнибал А. П. 61, 153, 154
- Ганнибалы 197
- Гарбер Е. 47
- Гаспаров М. Л. 46, 47, 65, 75, 78
- Гастева М. Ю. 60
- Гвоздикова И. М. 47
- Гвоздицкий В. 200
- Гдалин А. Д. 47
- Гейдебрехт Э. 51
- Гейченко С. С. 42, 47, 58, 63
- Геккери Л.-Б. де Беверваард 119—122, 190, 193
- Геккери-Дантес Ж. см. Дантес-Геккери Ж.
- Геккеры 120, 122
- Геккеры-Дантесы 192, 194
- Геннади Г. Н. 140
- Герцен А. И. 49, 53, 56
- Гершензон М. О. 151
- Герштейн Э. Г. 42, 43
- Гете И. В. 34, 39, 47, 63, 148, 152, 165, 166
- Гийон К. М. 187
- Гиллельсон М. И. 45, 46
- Гинкас К. 200
- Гиршман М. М. 75
- Гликман И. Д. 185
- Глинка М. И. 196
- Глинка Ф. Н. 50
- Глушакова Ю. П. 63
- Гнедич Н. И. 47, 56, 156, 158
- Гнутов В. П. 52
- Гоголь Н. В. 5, 6, 8, 34, 47, 50, 53, 60, 88, 190
- Гозенпуд А. А. 57, 164
- Голике Р. 46
- Голиков И. И. 181, 182
- Голицына В. Н. 56
- Головин В. В. 46, 182, 189
- Голышева А. И. 47, 56, 65
- Голяк М. 54
- Гомер 47, 71, 98, 99
- Гончаров И. А. 53
- Гончаров С. Н. 127
- Гончарова А. Н., в замужестве бар. Фризенгоф 42
- Гончарова Е. Н., в замужестве Дантес-Геккери 192, 194
- Гончарова Н. Н. см. Пушкина Н. Н.
- Гончарова Н. Н. 63
- Горбачева С. 63
- Гордин А. М. 46
- Гордин Я. А. 56, 196
- Горчаков В. П. 104
- Гофман М. Л. 131, 137, 169
- Грабовская 98
- Гребенщиков И. В. 105, 112
- Грей (Gray) Т. 10
- Грейч А. С. 114
- Грехнев В. А. 44, 47
- Греч Н. И. 33, 92, 109, 110, 113, 114, 153, 166
- Грибоедов А. С. 42, 47
- Грибушин И. 65
- Григорьев А. А. 47
- Григорьев В. М. 63
- Григорьева Е. Н. 48
- Гримм И. 33, 34
- Гринев Р. 48
- Гришунин А. Л. 60
- Грозный Иван см. Иоанн IV Васильевич
- Громачевский А. 49
- Громов В. А. 48
- Грошева Е. А. 58
- Гуляев Н. А. 48
- Гуляев П. 102
- Гусев В. Е. 3, 29, 35
- Гущо О. Р. 48
- Давидсон А. Б. 61
- Давыдов Д. В. 95

- Дали 107
 Даль В. И. (псевд. — Казак Луганский) 84, 92, 104—116, 190
 Данзас Б. К. 123
 Данзас К. К. 120, 122, 123
 Данте Алигьери 7
 Дантес-Геккерн Е. Н. см. Гончарова Е. Н.
 Дантес-Геккерн Ж.-К. 118—124, 126, 127, 190—194
 Дантес-Геккерн Л.-Ж. 191, 192
 Дантес-Геккерн Л.-Ш. 191
 Дантес-Геккерн, внук Дантеса 192—194
 Дацкевич А. 58
 Двойченко-Маркова Е. М. 41, 103, 189
 Дебрецени П. 54
 Дейч Г. М. 48
 Делорм Жозеф, псевд.; см. Сент-Бев Ш.-О
 Дельвиг (Delvig) А. А. 10, 34, 43, 47, 53, 54, 75, 92, 168, 170, 173, 174, 179
 Дементьев М. А. 111
 Демин В. 48, 58
 Дербенев Г. И. 48
 Державин Г. Р. 5, 164
 Дерлеменко Е. А. 54
 Дерман А. Б. 192
 Дерюгин А. А. 48
 Дестрем Г. 129
 Джексон, боксер 93, 94
 Джуанышпеков Н. 48
 Дмитриев В. Г. 48
 Дмитриев И. И. 30, 31, 35, 45
 Дмитриева Е. Е. 48, 56
 Добролюбов Н. А. 48
 Довгалло Г. И. 47
 Долгорукий, кн.; см. Долгоруков В. В.
 Долгоруков В. В. 181, 182
 Долгоруков П. В. 120
 Долгорукова О. А., урожд. Булгакова 125
 Домогацкий Ф. 195
 Донич А. 103
 Доризо Н. К. 49
 Достоевский Ф. М. 5, 50, 59, 62, 64, 148, 190
 Дружинин П. М. 57
 Дубельт Л. В. 186
 Дуганов Р. 18, 27
 Дудин М. А. 47
 Дурново П. Д. 120
 Духин И. А. 63
 Дьяконов И. М. 16
 Дьяконова Е. М. 55
 Дюма А. 47
 Егоров Б. Ф. 47
 Едлевский (Jedlewski) Л. 84, 85, 92
 Екатерина II 112, 183, 184, 188, 189
 Елагины 57
 Елизавета Петровна, имп. 176
 Елисева В. А. 140, 143
 Енишерлов В. П. 49, 63, 80
 Епатко Ю. 49
 Еремеев А. Э. 49
 Еремин Б. 49
 Еремин М. П. 49
 Ершофф Г. 57
 Есенин С. А. 46, 57, 61
 Ефремов П. А. 145
 Ёнэкава Т. 60
 Жадимеровский П. А. 115
 Жегалова С. К. 63
 Живкович Ст. 32
 Жирмунский В. М. 77
 Житомирская С. В. 49
 Жуков Ю. Н. 49, 58
 Жуковский В. А. 31, 48, 52, 57, 64, 75, 78, 80, 87, 106, 117—119, 123, 125, 127, 145, 164, 171, 183, 185, 186
 Жуковский П. В. 145
 Заборов П. Р. 80, 83
 Загвозкина В. Г. 172
 Загоскин (Zagoskine) М. Н. 80—83
 Задека М. 187
 Зайцева В. В. 3, 42, 46, 57
 Захаров Р. В. 58
 Заяц В. С. 64
 Зварич В. 112
 Звонцов В. М. 47
 Звягинцев Л. И. 63
 Земфира, цыганка 98, 99
 Зенгер Т. Г. см. Цявловская Т. Г.
 Зенон 71
 Зернов И. см. Зернщиков И.
 Зернщиков И. 181, 182
 Зильберштейн И. С. 63
 Зименко Е. 63
 Зимин Н. В. 47
 Золотарев Н. 197
 Зуева Т. В. 49
 Ибрагимбеков Р. 49
 Иванов Н. 112
 Иванова Т. 49
 Иванчук И. А. 49, 61
 Иган (Egan) П. 85
 Иезуитов А. Н. 49
 Иезуитова Р. В. 132, 195
 Измайлов В. В. 142
 Измайлов Н. В. 15, 104, 105, 115, 133, 136, 141
 Ильичев А. В. 49, 144, 154
 Инзов И. Н. 103, 175
 Иоанн IV Васильевич 114
 Ипсиланти (Ipsylanti) А. К. 189
 Ипсиланти Е. К. 55

- Ирвинг В. 47
 Ишимбаева Г. Г. 49
 Ишимова А. О. 56, 185
- Каверин В. А. 91
 Каверин П. Н. 93
 Каверин П. П. 86, 87, 89, 93
 Казарин В. П. 50
 Кайдалов Н. А. 105, 112
 Калайдович К. Ф. 29
 Кальдерон П. 43
 Каменский Н. М. 33
 Кант Э. 155
 Канунова Ф. З. 186
 Каныгин И. 51
 Каплан И. Е. 50
 Каплан Л. 117
 Карагеоргий см. Черный Г. П.
 Карджич (Караџић) В. С. 3, 29—41
 Карамзин Н. М. 30, 31, 57, 87, 124, 125, 164
 Карамзина Е. А. 87, 125, 126
 Карамзины 42
 Каратаев М. 50
 Каратыгин П. А. 155, 156, 161
 Кардици И. Н. 183, 188, 189
 Карина Б. Е. 50
 Карлос Старший дон 128
 Каро и Суредра П., маркиз де ла Романа 128
 Карпов А. А. 50, 163
 Касаткина В. Н. 50
 Касаткина Н. 198
 Кассин Е. П. 47
 Кастильо Хуан дель 129
 Катакази 98
 Кателина Л. С. 50
 Катенин П. А. 156—158, 161, 172, 174
 Катон М. П. Утический 71
 Катулл Кай Валерий 178—180
 Кациони Ламбро 189
 Каченовский М. Т. 31, 32, 170
 Кашкимбаева Б. 50
 Квасов Д. Д. 56
 Кеппен П. 29, 30
 Керн А. П. 52, 136
 Кибальник С. А. 47, 50, 57
 Кимура Сёити 53
 Киреев А. Н. 88, 96
 Киреевский И. В. 147, 169
 Киреевский П. В. 34, 143
 Кириллук З. В. 50
 Кирнозе З. И. 50
 Кирпотин В. Я. 50
 Кирша Данилов 29
 Киселев П. Д. 32
 Кистер М. О. 91
 Клей Джон Рэндольф 61
 Клейтон Дж. Д. 54
 Кнабе Г. С. 46
 Князев А. В. 50
- Князева Т. А. 63
 Кобекин В. 51
 Ковалевская Е. А. 51
 Коваль Р. 58
 Коган Л. А. 51
 Когыльничану М. 97
 Коджак А. 195
 Козинцев Г. 51
 Козлов И. И. 35, 80, 129
 Козлов Н. Т. 98, 99
 Колганов А. В. 47
 Коломенский С. 57
 Коломинов В. В. 51
 Колосова А. М., в замужестве Каратыгина 155—162
 Колосова Н. А. 52
 Кольбридж С. Т. 71, 177, 178, 195
 Колцов А. В. 34, 75, 77
 Кольянтес Ф. 129
 Комарович В. Л. 104
 Комаровская С. В., урожд. Веневи-тинова 62
 Комов О. К. 64, 199
 Компанец Н. 45
 Кондильяк Э.-Б. де 99
 Кононыхина В. 52
 Констан де Ребек Бенжамен Анри 42, 43
 Константинова Н. Г. 52
 Константинова-Витт Н. Г. 61
 Кончин Е. В. 50
 Копанев В. 51
 Корецкий В. И. 51
 Корман Б. О. 51
 Кормилов С. 65
 Корнель П. 158
 Коробков С. 51
 Королева Н. В. 156
 Косичкин Феофилакт (псевд. А. С. Пушкина) 92
 Космократов Тит, псевд.; см. Титов В. П.
 Кочубей В. Л. 13
 Кошелев А. И. 108
 Краевский А. А. 53, 185, 189
 Красиков А. А. 64
 Краснобородько Т. И. 51, 57
 Краснов Г. В. 44, 60
 Краснов Н. 51
 Краснова Е. 131
 Красухин Г. Г. 43
 Кременцов Л. П. 51
 Крибб, боксер 94
 Криштоф Е. Г. 51
 Крупенские 98
 Крупенский А. Н. 102, 103
 Крылов И. А. 80
 Крыстева Д. Н. 56
 Крюков А. 51
 Ксенофан Колофонский 46
 Кугультинов Д. Н. 51

- Кудрявцева Л. С. 51
 Кузнецова А. А. 55
 Кузнецова О. В. 51
 Кузнецова-Селезнева М. 63
 Кузьмин Н. 45
 Кузьмина Л. И. 51
 Кулагин А. В. 51, 162, 175
 Кулаковский А. Е. 51
 Кулаковский Пл. 38
 Кулешов В. И. 51, 65
 Куликов Н. И. 88
 Кулинич А. В. 51
 Кульмин Н. 57
 Кумпан К. А. 52
 Кунин В. В. 49
 Курганов Е. Я. 52
 Курихара Сигэо 60
 Курьелина З. 52
 Кусака Сотокити 60
 Кутузов М. И. 33, 49
 Кюхельбекер (Kuchelbecker) В. К. 10,
 57, 165
- Лавров В. 42
 Ладыженская Е. А. см. Сушкова Е. А.
 Лазарев В. 60
 Ланкло Нинон де 71
 Ланская Н. Н. см. Пушкина Н. Н.
 Лапшина Н. В. 66
 Латынина А. 52, 65
 Лацис А. 46, 52
 Лебедев Е. Н. 52
 Лебедева О. Б. 155, 162
 Лебедева Э. С. 52
 Левин Ю. Д. 69
 Левитин Е. С. 61
 Левичева Т. И. 175
 Левкович Я. Л. 47, 52, 57
 Левшин А. И. 115
 Лейченко А. Е. 52
 Лемин А. Ю. 57
 Лермонтов М. Ю. 47, 50, 51, 53, 60,
 61, 63, 65—68, 71, 75, 77, 86, 117, 190
 Лернер Н. О. 114, 131, 132, 145
 Лизунова Е. В. 50
 Липранди И. П. 32, 40, 84, 97, 101,
 102, 104
 Листов В. С. 44, 47
 Лифарь С. М. 132
 Лихачев Д. С. 52, 61, 63
 Лобанова Л. П. 51
 Лобачевский Н. И. 44
 Логвиненко А. И. 52
 Логвиненко В. Я. 52
 Ломоносов М. В. 52, 55, 60, 64, 143,
 144, 147—149, 165
 Ломоносов Н. Г. 47
 Лотман М. Ю. 57, 59, 75, 77
 Лотман Ю. М. 57, 59, 60, 118, 155,
 158, 187
 Лоутер, лорд 94
- Лугинин Ф. Н. 101—104
 Луганский В. 109, 110
 Лузянина Л. Н. 52
 Лукашев М. Н. 83, 96
 Лукашин А. 52
 Лукьянова Л. М. 52
 Лысенкова Е. И. 56
 Любарева Е. 65
- Магазанник Э. Б. 53
 Мазепа (Калединский) И. С. 13
 Мазья М. Г. 53
 Майков Л. Н. 107, 108, 134
 Майлс (Miles) Г. Д. 94
 Маймин Е. А. 53, 56
 Майстровский М. Я. 62
 Макаров А. А. 53
 Макаровская Г. В. 50, 53
 Македонские 32
 Макогоненко Г. П. 20, 50, 53, 60
 Максимов Г. 111
 Малиновская-Барина С. 43
 Малиновский А. Ф. 29
 Малиновский В. Ф. 97
 Мальчукова Т. Г. 53, 165
 Мамонов А. И. 53
 Мандельштам О. Э. 56, 71
 Манн Ю. В. 47
 Маргалитадзе Р. А. 53
 Маркс К. 57
 Мартиновская А. И. 53
 Мартиросян И. Г. 53
 Мартынов Н. С. 117
 Матяш С. А. 75
 Мацапура В. И. 51
 Машенко Н. М. 64
 Машинский С. И. 44, 47, 172
 Меджнис А. Ч. 122, 123
 Медовой М. И. 63
 Медриш Д. Н. 41, 50, 53
 Межов В. И. 185
 Мейен Е. 53
 Мейлах Б. С. 6, 8, 65
 Мекш Э. Б. 57
 Мельник В. И. 53
 Мельников В. П. 46, 58
 Мельников Л. 53
 Мельников П. И. 106
 Менакер Л. 56, 196
 Мендоза (Mendoza) 92
 Меренберг Н. А., урожд. Пушкина 120
 Мериме П. 33—37, 39, 50, 128
 Мерлин В. В. 47, 53
 Милованова О. О. 53
 Минералов Ю. И. 65
 Мирабо О. Г. В. Р. 95
 Митрошкин В. Ю. 66
 Михаил Витязул (Храбрый) 99
 Михайлов Ал. 54
 Михайлова Н. И. 44, 47, 57, 58
 Михайлова О. И. 46

- Михайлова Р. Ф. 54
 Михельсон И. И. 33
 Мишик М. Ю. 110
 Могилевская Н. М. 50
 Модестов Н. Н. 105, 106, 108, 109, 113
 Модзалевский Б. Л. 63, 140, 182, 192
 Модзалевский Л. Б. 133, 140, 169, 182—186, 188
 Мозер Ч. 195
 Молкосян Вас. 3, 96, 104
 Молоствов П. Х. 87
 Морозкина Е. Н. 54
 Морозов А. В. 184
 Морозов П. О. 140
 Москвичева Г. В. 44
 Мудров Ю. 54
 Муза Е. В. 54
 Муравьев М. В. 63
 Муравьева О. С. 3, 17, 37, 38, 54
 Мурьянов М. Ф. 54
 Мусатов В. В. 56
 Мусин-Пушкин И. А. 129
 Мусоргский М. П. 42
 Муханов В. А. 120
 Мушина И. Б. 185, 186
 Мушицкий Л. 31
 Мясоедова Н. Е. 54
- Нагибин Ю. М. 54
 Надеждин Н. И. 34, 170
 Назарова Л. Н. 54
 Назон см. Овидий Назон Публий
 Наполеон I Бонапарт 10, 39, 94, 128, 129
 Наседкина Е. П. см. Беклешова Е. П.
 Наседкины 139
 Насибулин Э. 195
 Наумов В. 199
 Нащокин П. В. 87—91
 Нгуен Вьет Тъы 54
 Небольсин С. А. 54
 Негруци К. 103
 Некрасов Н. А. 50
 Немцов Ф. Н. 189
 Ненадович, воевода сербский 32
 Непомнящий В. С. 18, 24, 44, 45, 178
 Нерода Г. 198
 Нессельроде М. Д. 117, 119
 Никита см. Козлов Н. Т.
 Никитенко А. В. 46
 Никитин А. Г. 60, 111, 112
 Никитин И. С. 50
 Никишов Ю. М. 44
 Николай I 97, 109, 118, 119, 122, 125, 178, 189
 Никольская Т. 54
 Никольский В. А. 54
 Николюкин А. Н. 54, 55
 Нинон см. Ланкло Нинон де
 Новиков В. И. 54
 Новиков И. А. 54
 Новикова-ПРИНЦ М. 54
- Новинская Л. П. 75
 Новокшенов П. 65
 Нодье Ш. 39
 Нольман М. Л. 50, 55
 Нуньес де Вильявисенсио П. 129
- О'Белл Л. 54
 Ободовская И. М. 111
 Ободовский П. 35
 Обренович М. 32, 37, 40, 41
 Овидий Назон Публий 164, 165
 Овчинников Р. В. 57, 105, 111, 113
 Овчинникова С. Т. 55, 56, 63
 Огинская Л. Ю. 63
 Одинокоев В. Г. 55
 Озеров В. А. 156, 158
 Озеров Л. А. 55
 Оксман Ю. Г. 140, 156, 161, 168, 169, 173
 Оленин А. Н. 153
 Оленина А. А. 64
 Оливер, боксер 94
 Олсуфьев В. Д. 93
 Онегин А. Ф. 49, 58, 145, 191, 192
 Оранский см. Вильгельм, принц Оранский
 Органджиева (Органџијева) Цв. 35, 38, 41
 Ордынский Г. 47
 Орлов М. Ф. 175
 Орлов Ф. Ф. 84
 Орлова О. А. 75
 Орлова-Чесменская А. А. 188
 Орловский Б. И. 60
 Осипов И. С. 132, 133
 Осипов Ю. И. 55, 63
 Осипова А. И. см. Беклешова А. И.
 Осипова М. И. 132, 137, 138
 Осипова П. А., урожд. Вындомская, в первом замужестве Вульф 132, 133, 135, 136, 138, 142
 Осиповы-Вульф 132, 133
 Осповат А. Л. 43, 57
 Осповат Л. С. 57
 Отон Ц. Л. 175
- Павлищев Л. Н. 107
 Павлищева О. С. 154
 Павлов А. 45
 Павлов Г. 55
 Павлова Е. В. 54, 63
 Палиевский П. В. 195
 Папаев И. И. 189
 Папаева (Головачева) А. Я. 55
 Панова Е. А. 55, 61
 Парсамов В. С. 55
 Пахольюк З. А. 55
 Пашнина Г. В. 55
 Пас де ла Кандена Хуан Мигель 128, 129
 Пейтнер, боксер 94

- Пеллико С. 152
 Пентич (Пенчий) С. 38—41
 Перовский А. А. 184
 Перовский В. А. 105—109, 111—113, 115, 183—185
 Песков А. М. 59
 Петр Великий см. Петр I
 Петр I 10, 56, 57, 59, 63, 124, 150, 153, 176, 181, 182, 199
 Петричейку-Водэ, молдавский господарь 100
 Петров А. Г. 130
 Петров А. П. 53
 Петрунина Н. Н. 57, 166, 200
 Пирназаров М. 56
 Питолина Н. В. 56
 Пихоя Р. Н. 56
 Платов М. И. 94
 Платон 71
 Плашевский Ю. 130
 Плетнев П. А. 6, 63, 87, 169, 173
 Плутарх 48
 Погодин М. П. 62
 Поддубная Р. Н. 56
 Пожарские 154
 Пожарский, содержатель трактира в Торжке 63
 Поздняев М. К. 56
 Поздняков А. 56
 Полевой Н. А. 34, 35, 166, 170
 Полегика И. Г., урожд. Обергей 121
 Полковникова И. В. 56
 Полонский Я. П. 75
 Полторацкая А. П. 97, 103
 Полторацкий А. П. 103
 Полторацкий М. А. 103
 Поляков М. Я. 56
 Пономарева Е. А. 56
 Попов А. В. 106
 Попов П. Е. 109
 Попов П. С. 137
 Попов С. А. 109, 113
 Попова Н. И. 56
 Порудоминский В. И. 56, 109, 113, 115
 Посысаева Т. 102
 Потемкин-Таврический Г. А. 188
 Потресов В. 56
 Прозоров Ю. М. 56
 Прозоровский А. А. 33
 Прункул К. И. 98
 Пруст М. 71
 Прянишников Н. Е. 113
 Пугачев В. В. 57
 Пугачев Е. И. 52, 57, 61, 104—106, 110, 115, 197
 Пушкин В. Л. 116, 125
 Пушкин Г. Г. 57, 58
 Пушкин Л. С. 127, 155
 Пушкин С. Г. 56
 Пушкин С. Л. 86, 116, 118, 119, 126, 127, 185
 Пушкина Н. А. см. Меренберг Н. А.
 Пушкина Н. Н., урожд. Гончарова, во втором замужестве Ланская 48, 81, 116, 119—121, 124—127, 154, 184, 191, 193, 194, 200
 Пушкины 44, 51, 63
 Пушин И. И. 50
 Пьянов М. Д. 115
 Рабинович М. Б. 47
 Равдин Б. 57
 Радищев А. Н. 59, 167, 174
 Раевский А. Н. 143
 Раевский В. Ф. 50
 Раевский И. Е. 132
 Раевский Н. А. 58, 88
 Разин С. Т. 110
 Разумовская М. В. 58
 Разумовская М. Г. 121, 122
 Рак В. Д. 47
 Ралли 96, 97, 99—103
 Ралли Г. З. 101—103
 Ралли (Ralli) Дж. 97, 99
 Ралли Дионисий 99
 Ралли Дм. З. 101
 Ралли Эк.З. см. Стамо Е. З.
 Ралли Ел. З. 97, 101
 Ралли Замфираки 100
 Ралли З. Е. 97, 99—101
 Ралли И. З. 97, 100—104
 Ралли К. З. 97—103
 Ралли Кристоф 97, 99
 Ралли М. З. 101, 103
 Ралли Мария З. 97, 101, 103
 Ралли Мих.З. 97, 101, 103
 Ралли О. 101
 Ралли Смаранда, урожд. Арбуре 97, 101
 Ралли Ст. И. 100
 Ралли-Арборе (Ralli-Arbure) 97, 99, 104
 Ралли-Арборе З. К. см. Ралли-Арборе З. К.
 Ралли-Арборе (Ralli-Arbure) З. К. 96, 98—102, 104
 Расин Ж. 7, 156, 157
 Рассовская Л. П. 42, 50
 Рахимкулов М. Г. 109
 Рева Д. 97
 Рева О. 97
 Рейзов Б. Г. 58, 183
 Рейзен М. О. 58
 Рейн, боксер 93
 Рехо К. 60
 Рецеттер В. Э. 14
 Решетников Л. В. 58
 Ризнич А., урожд. Рипп 21
 Римский-Корсаков Н. А. 197
 Ричмонд, боксер 94
 Робинсон Д. В. 47
 Ровинский Д. А. 183, 184, 186, 187
 Рогинский А. 43

- Роднянская И. Б. 45
 Рождественский Р. 65
 Розанов И. Н. 162, 172, 174
 Розанова С. 58
 Романа де ла, маркиз; см. Каро и Су-
 реда П.
 Романенко Н. 58
 Романович В. И. 34
 Романович И. К. 66
 Россина А. 44
 Ростопчин Ф. В. 93
 Рубцов Н. 148
 Руденская М. П. 58
 Руденская С. Д. 58
 Руднев П. А. 65
 Румянцев Н. П. 29
 Рунин Б. 48, 58
 Руссо Ж.-Б. 170
 Руссо Ж.-Ж. 99, 102
 Рыбин М. В. 59
 Рылеев К. Ф. 7
 Рыльский М. Ф. 59
 Рябухин Б. 181, 182
- Савельева Л. И. 59
 Савченко Н. К. 59
 Савыгин А. М. 58
 Садовский Б. 172
 Садыхов М. З. 59
 Сайтанов В. А. 46, 59, 177, 180
 Салиева Л. К. 59
 Салтыков-Щедрин М. Е. 54, 64, 96
 Салтыкова Е. В., урожд. Долгорукова
 185
 Сальков А. А. 120
 Самвелян Н. Г. 59
 Самойлов Д. 72
 Сандлер С. 195
 Сандомирская В. Б. 46
 Сапожков С. В. 59
 Сарнов Б. М. 59
 Сафонов В. А. 59
 Сахаров В. И. 59, 60
 Сахаров И. П. 183, 184, 189, 190
 Сеа Бермудес Ф. 128
 Севастьяновы 47
 Сейфуллин С. 48
 Селезнев Ю. И. 63
 Селиванова С. Д. 57
 Семевский М. И. 120, 132
 Семенова Е. С. 42, 156—158, 161
 Семибратова И. В. 65
 Сен-Фуа (Ж.-Ф. де Пуллен) 188
 Сенковский О. И. 137
 Сент-Бев (Sainte Beuve) Ш.-О.
 (псевд. — Делорм (Delorme) Ио-
 сиф) 22, 23, 28
 Сенчина Л. Т. 75
 Сергеев М. С. 59
 Сересо Матео Младший 129
 Сидяков Л. С. 44, 57, 137
- Синицкий В. М. 61
 Сироткина С. 59
 Скатов Н. Н. 60
 Скачкова О. Н. 57, 60
 Скобелев В. П. 50
 Скобкина Л. 54
 Скотт В. 39
 Славин В. И. 60
 Славич, купец 32
 Славянский Ю. Л. 105, 108, 109
 Слинина Э. В. 56, 63
 Слонимский А. Л. 134, 154
 Смирдин А. Ф. 49, 183, 188
 Смиречанский В. Д. 132
 Смирин В. М. 47
 Смирнов-Сокольский Н. П. 112
 Смирнова Т. И. 61
 Смольников И. Ф. 60
 Соболевский С. А. 189
 Совалин В. С. 77
 Соколов А. А. 60
 Соколов В. В. 148
 Соколов Д. Н. 108, 109
 Соколов Н. И. 130
 Соколова К. И. 56
 Соколова Н. А. 60
 Соллогуб В. А. 130
 Соловский В. 54
 Соловьёва О. С. 82, 147
 Сопровский А. 63
 Сорокин Ю. А. 46
 Сорокин Ю. С. 57
 Сорокина И. 60
 Соронкулов Г. У. 60
 Софокл 157
 Спектор И. Н. 190, 194
 Спроге Л. В. 57
 Срезневский (Срезневски) И. И. 41
 Стамати (братья) 102
 Стамо Е. З., урожд. Ралли, во втором
 замужестве Матиас 97—99, 101, 104
 Старк В. П. 46
 Стендаль (псевд. Анри Бейля) 44, 57
 Степанов Г. 184
 Степанов Л. А. 44
 Стерн Л. 159
 Стефан Великий 101
 Стрежнев И. В. 60
 Строганов Г. А. 189
 Строганов М. В. 60
 Строганова Е. Н. 60
 Студнева А. И. 60
 Стырча В. 97
 Стырча Е. 97
 Суворин А. С. 145
 Сумцов Н. Ф. 145, 146
 Сурад И. З. 64
 Сурков Е. А. 60
 Сухово-Кобылин А. В. 91
 Сушкова (Хвостова) Е. А., в замужест-
 ве Ладыженская 139, 140

- Талон (Talon) П. 87
 Таракановский Г. Г. 60
 Тарасенко-Отрешков Н. И. 189
 Тарасенко-Отрешков П. А. 189
 Тарасов Б. Н. 61
 Тархов А. Е. 143, 147
 Татаринова О. В. 54
 Тацит Кай Корнелий 46
 Твардовский А. Т. 78
 Тепляков В. Г. 152
 Тимашева Е. А. 142
 Тименчик Р. Д. 43, 57, 61
 Тимофеев Л. И. 59, 75
 Титель А. 51
 Титов В. П. (псевд. — Тит Космокра-
 тов) 92
 Тихомирова С. Н. 47
 Тихонов Н. С. 61
 Тоддес Е. А. 57
 Толстой И. А. 182
 Толстой Л. Н. 5, 53, 58, 63, 190
 Толченев П. И. 161
 Томашевский Б. В. 10, 14, 35, 36, 40, 56,
 66, 156, 157, 200
 Томилин В. В. 120
 Трофимов И. Т. 58
 Труайя А. см. Труайя А.
 Труайя А. 190—192, 194
 Трубе Л. Л. 61
 Грубецкой Б. А. 102
 Трубицын Н. Н. 41
 Тулбуре Г. 102
 Турбин В. Н. 61
 Тургенев А. И. 30, 31, 47, 87, 117,
 119, 123, 124
 Тургенев И. С. 48
 Тымчишин В. В. 61
 Тынянов (Tynjanow) Ю. Н. 57, 153, 167,
 168
 Тюнькин К. И. 61
 Тюрин В. В. 61
 Тютчев (Tjutchev, Tjutčev) Ф. И. 57,
 66, 68, 70, 71, 75
 Уайл И. 196
 Уваров С. С. 117
 Ундольский В. М. 183
 Устинов Ю. 51
 Фаворский В. А. 61
 Файбисович В. М. 179
 Файнштейн М. Ш. 51
 Февчук Л. П. 46
 Федоров Ф. П. 57
 Фейнберг И. Л. 43, 61, 62
 Фейнберг М. И. 61
 Фердинанд VII, король испанский 128
 Фернандес Санчес Х. 128, 129
 Фесенко Ю. П. 3, 104, 116
 Фет А. А. 68
 Фикельмон Д. Ф. 121
 Филатов Н. Ф. 44
 Фокин, мещанин 131
 Фома Аквинский 148
 Фомичев С. А. 3, 5, 36, 38, 39, 44,
 57, 61, 164, 167, 183
 Фонвизина Н. Д. 49
 Фортис А. (Fortis) 37, 39
 Фрейлих В. А. 101
 Фридрих В. М. 61
 Фридендер Г. М. 61
 Фризман Л. Г. 163, 170
 Фрумкина Р. М. 67
 Фукс А. А. 104
 Фукс К. Ф. 104
 Хазин М. Г. 102
 Хаит Г. 120
 Хамутянский Ю. 196
 Хамфриз (Humphreys) 92
 Харловы 57
 Хашдеу Б. П. 58
 Хвостова Е. А. см. Сушкова Е. А.
 Хентова С. 61
 Хетсо (Kjetsaa) Г. 67, 68
 Хитрово Е. М. 130
 Ходасевич В. Ф. 17, 19, 61
 Ходоров А. 46
 Хомяков А. С. 120, 149, 150
 Храпченко М. Б. 47
 Хренков Д. Т. 43
 Цветаева (Zwetajewa) М. И. 48, 56, 61
 Цветков Д. А. 62
 Цертелев Н. А. 33, 34
 Цицерон Марк Туллий 71
 Цукуи Садао 60
 Цявловская Т. Г., урожд. Зенгер 21, 57,
 62, 133, 140, 142, 200
 Цявловские 140
 Цявловский М. А. 87, 132, 133, 135,
 136, 140, 142, 190, 191
 Чаадаев П. Я. 46, 53, 61, 71, 72, 89
 Чайковский П. И. 54
 Чванов М. А. 115
 Черейский Л. А. 47, 62, 87, 131, 132
 Черкасский Вяч. 59
 Черкашин А. А. 4
 Чернов И. В. 112
 Черный Г. П. (Карагеоргий) 32, 37, 40,
 41
 Чернышев В. И. 38
 Черняк К. И. 191
 Чехов А. П. 53
 Чиботару Ф. 100
 Чижов А. Г. 62, 143, 144
 Чижова И. Б. 58, 62
 Чириков С. С. 200
 Чистова И. С. 47
 Чуковский К. И. 55
 Чулков В. И. 64
 Чумаков Ю. Н. 62
 Чумаченко А. А. 62

- Шагинян М. С. 103
 Шайтанов И. 62
 Шарафадина К. И. 62
 Шаталов С. Е. 62
 Шафаренко И. Я. 23
 Шахвердов С. А. 75, 77
 Шаховской А. А. 156
 Швидковский Д. 58
 Шевченко В. 54
 Шевырев С. П. 56, 148, 149, 172
 Шекспир В. 150, 153, 159
 Шелашников П. И. 107
 Шелашниковы 107
 Шеншина Н. 62
 Шенья А. 58, 164
 Шереметьев С. Д. 83
 Шешунова С. В. 44
 Шиллер Ф. 56
 Ширинкин В. И. 56
 Шишков А. С. 31
 Шолохов С. Л. 62
 Шостакович Д. Д. 61
 Шоу (Shaw) Дж. Т. 47, 65, 66, 69—
 72, 74, 75
 Штедтке К. 62
 Штейнбен Н. К. 49
 Шубин Б. М. 56, 109
 Шульгин А. В. 62
 Шумихин С. В. 3, 116, 127
 Шустов А. Н. 62

 Щеголев П. Е. 21, 120, 123, 127, 131,
 133, 138
 Щербачев Ю. Н. 93, 94
 Щербина В. Р. 195
 Щербинин А. А. 93, 94
 Щербинин М. А. 93—95

 Эйдельман Н. Я. 45, 52, 57, 62
 Эйхенбаум Б. М. 63, 77
 Эйхенбаум О. 63
 Эккерман И. П. 148, 152
 Эллис (псевд. Л. Л. Кобылинского) 57
 Энгельгардт Е. А. 86
 Энгельс Ф. 57
 Эпштейн М. Н. 63.
 Эткин Е. Г. 151
 Эфрос А. М. 136

 Юдин П. Л. 106, 112, 115
 Юзефович М. В. 89
 Юрьев К. С. 3, 116, 127
 Юрьев Ф. Ф. 153

 Яворская Л. К. 63
 Языков Н. М. 120, 135, 143, 147, 163,
 176
 Языковы 108, 114
 Якобсон (Jakobson) Р. О. 25, 26, 72
 Яковлев А. С. 42

 Яковлев Б. 45
 Яковлев С. 46
 Яковлева А. Р. 140, 142, 143
 Якубович Д. П. 177
 Якубович Л. А. 35, 36
 Якут В. С. 44
 Ямщиков С. 63
 Яр Т. П. 88, 96
 Ярхо Б. И. 66
 Яцимирский А. И. 37
 Яшин М. И. 121

 Baratynskii см. Баратынский Е. А.
 Batiushkov см. Батюшков К. Н.
 Beklécheff А. см. Беклешова А. И.
 Bezveconni; Bezviconi G. см. Безви-
 кони Г.
 Bilokur В. см. Билокур Б.
 Bulgakov М. 48
 Срезневски И. И. см. Срезневский И. И.
 Delorme J. см. Сент-Бев Ш.-О.
 Delvig см. Дельвиг А. А.
 Доброшинович Г. 41
 Egan P. см. Иган П.
 Fortis см. Фортис А.
 Gray см. Грей Т.
 Guiraud P. 68
 Humphreys см. Хамфриз
 Ipsylanti А. см. Ипсиланти А. К.
 Ivask G. 66
 Jakobson R. см. Якобсон Р. О.
 Jedlewski L. см. Едлевский Л.
 Johnson D. S. L. 38
 Караџић В. С. см. Караджич В. С.
 Kjetsaa G. см. Хетсо Г.
 Knigge A. 42
 Kuchelbecker см. Кюхельбекер В. К.
 Lampl H. 65, 66
 Lilly I. K. 66
 Mendoza см. Мендоза
 Miles H. D. см. Майлс Г. Д.
 Органџјева Цв. см. Органджиева Цв.
 Пенчић С. см. Пентич С.
 Platonow A. 48
 Ralli G. см. Ралли Дж.
 Ralli-Arbure см. Ралли-Арборе
 Ralli-Arbure Z. см. Ралли-Арбуре З. К.
 Sainte Beuve см. Сент-Бев Ш.-О.
 Scherr В. Р. 65, 66
 Shaw J. T. см. Шоу Дж. Т.
 Soschtschenko M. 48
 Talon см. Талон П.
 Thun N. 48
 Tiutšev; Tjutšev F. I. см. Тютчев Ф. И.
 Tynjanow см. Тынянов Ю. Н.
 Vattemare A. см. Ваттемар А.
 Venclova T. 38
 Zagoskine см. Загоскин М. Н.
 Zwetajewa M. см. Цветаева М. И.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. С. ПУШКИНА

- Александр Радищев («В конце первого десятилетия царствования Екатерины II...») 167, 174
Ангел («В дверях эдема ангел нежный») 74
Анджело, поэма 16
Анфологические эпиграммы 53
Анчар («В пустыне чахлой и скупой») 44, 45, 177—179
〈Арап Петра Великого〉 10, 45, 57, 199
Арион («Нас было много на челне») 50
- 〈Байрон〉 («Род Байронов...») 174
〈Баратынский〉 («Баратынский принадлежит к числу отличных наших поэтов») 168, 171—174
Баратынскому. Из Бессарабии («Сия пустынная страна») 165
Барышня-крестьянка (Повести покойного Ивана Петровича Белкина) 50
Бахчисарайский фонтан 7, 8, 12, 20, 26, 175
«Безумных лет угасшее веселье» (Элегия) 58
Бесы («Мчатся тучи, вьются тучи») 49, 69
〈Бова〉, наброски сказки 1834 г. 9, 11
Борис Годунов, трагедия 9, 42—44, 47, 56, 58, 61, 142, 164, 196
Братья разбойники, поэма 8
Будрыс и его сыновья («Три у Будрыса сына, как и он, три литвина») 38, 69
«Буря мглою небо кроет» (Зимний вечер) 45
- «В крови горит огонь желанья» 10, 147
В Сибирь («Во глубине Сибирских руд») 44, 178
〈Вадим〉. Отрывок из неоконченной поэмы («Свод неба мраком обложился») 12
«Вертоград моей сестры» 147
«Весна, весна, пора любви» 25
Виноград («Не стану я жалеть о розах») 45
〈Влюбленный бес〉 («Москва в 1811 году...») 11, 57
«Во глубине Сибирских руд» см. В Сибирь
Воевода Милош («Над Сербией смилуйся ты, Боже». Песни западных славян. 12) 40
Возрождение («Художник-варвар кистью сонной») 73
Война («Война!.. Подъяты наконец») 27
Вольность. Ода («Беги, сокройся от очей») 87
Вольтер («Недавно издана в Париже переписка Вольтера...») 167, 174
Воспоминание («Когда для смертного умолкнет шумный день») 20, 165
Воспоминания в Царском Селе («Навис покров угрюмой ночи») 48
Выстрел (Повести покойного Ивана Петровича Белкина) 50
- Гавриилиада, поэма 8, 92
Герой («Да, слава в прихотях вольна») 60
«Гете имел большое влияние на Байрона» (Table-talk. 〈XXV〉) 47

〈Гнедичу〉 («С Гомером долго ты беседовал один») 145
Граф Нулин, поэма 189
Гробовщик (Повести покойного Ивана Петровича Белкина) 11

«Дар напрасный, дар случайный» 147
Две танцовщицы см. «Les deux danseuses...»
Делибаш («Перестрелка за холмами») 15
Дельвиг («Дельвиг родился в Москве») 54, 173
Деревня («Приветствую тебя, пустынный уголок») 60, 87
«Для берегов отчизны дальней» 19, 20
Добрый совет («Давайте пить и веселиться») 73
Домик в Коломне, поэма 14, 16, 24, 47, 61, 172
Дон («Блеща среди полей широких») 15
Дорожные жалобы («Долго ль мне гулять на свете») 15
Дочери Карагеоргия («Гроза луны, свободы воин») 32
Друзьям («Нет, я не лстец, когда царю») 178
Дубровский 9, 47, 50
Дяде, назвавшему сочинителя братом («Я не совсем еще рассудок потерял») 125
Евгений Онегин, роман в стихах 6, 7, 10, 16, 26, 42—48, 51, 52, 56—63,
73, 74, 128, 141, 144, 155—158, 164, 165, 172, 187
Египетские ночи 62, 145, 146, 196
〈Езерский〉 («Над омраченным Петроградом») 10, 144—147, 151, 154

«Жил на свете рыцарь бедный» 57

«Завидую тебе, питомец моря смелый» 46
Заклинание («О, если правда, что в ночи») 19
Заметка о восстании Ипсиланти см. Note sur la révolution d, Ipsylanti
Замечания о бунте 115
Записки П. В. Н(ащокина), им диктованные в Москве, 1830 («Я начинаю
себя помнить...») 90
Зеленой лампе 155—158
Зимняя дорога («Сквозь волнистые туманы») 45

Из Гафиза («Не пленяйся бранной славой») 15
(Из Ксенофана Колофонского) («Чистый лоснится пол; стеклянные чаши блис-
тают») 46, 81
〈Из письма к Гнедичу〉 («В стране, где Юлией венчанный») 158
Из Пиндемонти («Не дорого ценю я громкие права») 26
«Известно буди всем» (Фатам, или Разум человеческий) 200
Илиада Гомерова («Наконец вышел в свет...») 47
История Петра 181, 182
История Пугачева 56, 57, 111, 112, 114, 197
История села Горюхина 50, 176

К*** («Зачем безвременную скуку») 142
К*** («Нет, нет, не должен я, не смею, не могу») 56
К*** («Я помню чудное мгновенье») 57
К. А. Тимашевой см. «Я видел вас, я их читал»
К вельможе («От северных оков освобождая мир») 45
К Пушкину (4 мая) («Любезный именинник») 50
К Чадаеву («Любви, надежды, тихой славы») 87
К Щербинину («Житье тому, любезный друг») 93
К Языкову («Издrevле сладостный союз») 176

Кавказ («Кавказ подо мною. Один в вышине») 10, 15
Кавказский пленник 7, 8, 10, 12, 63, 72
«Как счастлив я, когда могу покинуть» 18, 27, 28
Калмычке («Прощай, любезная калмычка») 15
Каменный гость 21, 26, 27, 42, 43, 47
Капитанская дочка 9—11, 44, 49, 52, 56, 59
Катенину («Кто мне пришлет ее портрет») 155, 156, 158, 161
Кирджали («В степях зеленых Буджака») 53
Клеветникам России («О чем шумите вы, народные витии») 117
«Князь Шаликов, газетчик наш печальный» («Эпиграмма на Шаликова») 170
«Когда б не смутное влеченье» 57
Козак («Раз, полунощной порою») 69
Конь («Что ты ржешь, мой конь ретивый». Песни западных славян. 16) 36
Красавица («Все в ней гармония, все диво») 56
«Кто, волны, вас остановил» 62, 73, 143, 144

Маленькие трагедии 27, 28, 50, 51, 61
Мальчику (Из Катулла) («Пьяный горечью Фалерна») 178, 179
Медный всадник (Der eiserne Reiter). Петербургская повесть 8, 12, 42—45, 49, 55, 61, 143, 147, 150
«Менко Вуич грамоту пишет» 38
Метель (Повести покойного Ивана Петровича Белкина) 60
«Мне бой знаком — люблю я звук мечей» 27
«Мои замечания об русском театре («Должно ли сперва поговорить...») 157, 158, 161
«Мой первый друг, мой друг бесценный» («И. И. Пушкину») 50
Монастырь на Казбеке («Высоко над семью гор») 15
Моцарт и Сальери 62, 64
Моя родословная («Смеясь жестоко над собратом») 154
〈Мстислав〉, планы поэмы 9, 11
«Мы проводили вечер на даче...» 27
«Мы рождены, мой брат названный» («Дельвигу») 170

На выздоровление Лукулла. Подражание латинскому («Ты угасал, богатч молодой!») 117
〈На Колосову〉 («Все пленяет нас в Эсфире») 155, 157, 158, 160, 162
«На холмах Грузии лежит ночная мгла» 15
Наполеон («Чудесный жребий совершился») 10
«Не видала ль девица» 38
«Не пой, красавица, при мне» 20
Недокоченная картина («Чья мысль восторгом угадала») 51
«Нет, я не дорожу мятежным наслаждением» 26
〈Няне〉 («Подруга дней моих суровых») 10

〈О записках Видока〉 («В одном из № Лит. Газеты упоминали...») 15
〈О критике〉 («Критика вообще...») 56
О народном воспитании 141
«О ты, который сочетал» (Орлову) 171
Обвал («Дробясь о мрачные скалы») 15
Опровержение на критики 15
Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений 15, 170
Осень (Отрывок) («Октябрь уж наступил — уж роща отряхает») 22, 23, 25
Ответ Ф. Т*** («Нет, не черкешенка она») 142
Отрок («Невод рыбак расстилал по берегу студеного моря») 48
Отрывки из писем, мысли и замечания 44, 52, 57
〈Отрывок из воспоминаний о Дельвиге〉 («Я ехал с Вяземским...») 173

- Памятник см. «Я памятник себе воздвиг нерукотворный»
 <Папесса Иоанна> («La papesse [fille] d'un honnête artisan...») 11
 «Перечтите его Эду...» см. <Баратынский>
 Песни западных славян 19, 35—41, 53, 60
 Песни о Стеньке Разине 142
 Песнь о вещем Олеге («Как ныне собирается вещей Олег») 42
 Песня о Георгии Черном («Не два волка в овраге грызутся». Песни западных славян. 11) 40, 41, 53
 Пиковая Дама 10, 44, 46, 51, 54, 57, 62, 76
 Пир во время чумы 16, 26, 27, 51
 Повести покойного Ивана Петровича Белкина 10, 44, 163
 «Под небом голубым страны своей родной» 20
 Подражания Корану 144
 Полководец («У русского царя в чертогах есть палата») 166
 Полтава, поэма 8, 12, 13, 49, 53, 57, 172
 «Пора, мой друг, пора! [покою] сердце просит» 52, 59
 Послание Лиде («Тебе, наперсница Венеры») 71
 Поэт («Пока не требует поэта») 145, 152
 Поэт и толпа («Поэт по лире вдохновенной») 51, 143, 145, 151, 152, 163
 «Поэт идет — открыты вежды» 145, 151
 Поэту («Поэт! не дорожи любовью народной») 26, 145, 166
 «Придет ужасный [час] ... твои небесны очи» 20
 Признание («Я вас люблю — хоть я бешусь») 131, 133—137, 139
 Пророк («Духовной жаждою томим») 44, 51, 145, 152
 Прощание («В последний раз твой образ милый») 20
 Путешествие в Арзрум во время похода 1829 г. 44, 53
 <Путешествие из Москвы в Петербург> 172
- <Разговор о критике> («А. Читали вы в последнем №...») 95
 «Раззевавшись от обедни» 69
 «Расходились по поганскому граду» 50
 Родословная моего героя (Отрывок из сатирической поэмы) 145
 <Роман в письмах> 7
 <Роман на Кавказских водах> 9
 Рославлев 12
 <Русалка>, драма 13, 14, 19, 195
 Руслан и Людмила, поэма 8, 9, 58, 64, 69, 87, 142
 <Русский Пелам> 9
 Рыцарь Бедный см. «Жил на свете рыцарь бедный»
- Сестра и братья («Два дубочка выросли рядом». Песни западных славян. 14) 38
 Сказка о золотом петушке 16, 42
 Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях 20, 26
 Сказка о рыбаке и рыбке 59, 64
 Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди 69, 197
 Скупой рыцарь 6, 8, 42, 50
 «Славная флейта, Феон, здесь лежит. Предводителя хоров» (Из Афедея) 81
 Соловей («Соловей мой, соловейко». Песни западных славян. 10) 38
 Соловей и кукушка («В лесах, во мраке ночи праздной») 165
 Стансы («В надежде славы и добра») 178
 Станционный смотритель (Повести покойного Ивана Петровича Белкина) 11, 57, 58
 Сцена из Фауста («Мне скучно, бес») 176
 <Сцены из рыцарских времен> 45
- Таврида 8, 10
 <Тазит>, поэма 8, 12
 Туча («Последняя туча рассеянной бури») 60
 «Ты прав, мой друг — напрасно я презрел» 10

«Увы! зачем она блистает» 22, 47
«У Лукоморья дуб зеленый» см. Руслан и Людмила
Уединенный домик на Васильевском 43
Узник («Сижу за решеткой в темнице сырой») 48

Художнику («Грустен и весел вхожу, ваятель, в твою мастерскую») 60

«Царь увидел пред собой» 42
Цветок («Цветок засохший, безуханный») 136
«Цветы последние милей» 25
«Цезарь путешествовал. . .» (〈Повесть из римской жизни〉) 56
Цыганы, поэма 8, 10, 12, 49, 57, 102, 140, 142

Чернь см. Поэт и толпа («Поэт по лире вдохновенной»)
«Чистый лоснится пол; стеклянные чаши блистают» см. (Из Ксенофана Колофонского)
«Что белеется на горе зеленой» 38

Эхо («Ревет ли зверь в лесу глухом») 145, 152

Юрьеву («Любимец ветренных Лаис») 153, 154

«Я вас люблю — хоть я бешусь» см. Признание
«Я видел вас, я их читал» (К. А. Тимашевой) 142
«Я возмужал [среди] печальных бурь» 47
«Я здесь, Инезилья» 51
«Я памятник себе воздвиг нерукотворный» 43, 62, 63, 145
«Я пережил свои желанья» 62
Яныш королевич («Полюбил королевич Яныш». Песни западных славян. 15)
19, 39

Der eherne Reiter см. Медный всадник
Ex ungue leonem («Недавно я стихами как то свистнул») 45
«Les deux danseuses. . .» 9, 11
Note sur la revolution d'Ipsylanti ("Le hospodar Ipsylanti") 189
Prologue («Я посетил твою могилу») 10
Table-talk 6, 195
Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme («Года два тому назад книжка. . .») 22

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-----------------------	---

I. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

С. А. Фомичев. Замысел и план (Из наблюдений над рукописями Пушкина)	5
О. С. Муравьева. Образ «мертвой возлюбленной» в творчестве Пушкина.	17
В. Е. Гусев. Пушкин и Вук Караджич	29

II. ОБЗОРЫ

В. В. Зайцева. Пушкиниана 1986 года	42
В. С. Баевский. Справочные труды по поэзии Пушкина и его современников	65

III. ЗАМЕТКИ

П. Р. Заборов. Новый автограф Пушкина	80
М. Н. Лукашев. «Пушкин учил меня боксировать. . .»	83
Вас. Молкосян. Рукопись Ралли-Арбуре о Пушкине	96
Ю. П. Фесенко. Сентябрь 1833: А. С. Пушкин и В. И. Даль	104
С. В. Шумихин, К. С. Юрьев. Из дневника московского почт-директора.	116
Х. Фернандес Санчес. Испанский знакомый Пушкина (перевод с испанского В. Е. Багно)	128
И. Г. Алямовский. Письмо пришло по городской почте	130
Из комментария к лирике Пушкина:	
С. В. Березкина. «Алина, сжальтесь надо мною. . .» (Из комментария к «Признанию» А. С. Пушкина)	131
В. А. Елисеева. К вопросу о датировке стихотворения Пушкина «〈Няне〉». («Подруга дней моих суровых. . .»)	140
А. Г. Чижов. «. . . как говорит бог Иова или Ломоносова»	143
А. В. Ильичев. «Зачем крутится ветер в овраге. . .»: Источники, поэтика, концепция поэта и поэзии	144
О. Б. Лебедева. Из комментария к «Евгению Онегину»: «. . . И кудри черные до плеч»	155
А. В. Кулагин. Пушкинский замысел статьи о Баратынском	162
Т. И. Левицева. Об адресате одного из писем Пушкина	175
Я. М. Боровский. Обеты-обеды? (К фонологии Пушкина)	176
В. А. Сайтанов. Неточные переводы	177
Б. Рябухин. Нужна ли поправка?	180
В. В. Головин. Несколько русских книг из библиотеки А. С. Пушкина (К расшифровке описи книг, не сохранившихся в библиотеке)	181
И. Н. Спектор. Анри Труайя вспоминает	189

IV. ХРОНИКА

По страницам газет 1986 г.	194
Указатель имен	200
Указатель произведений А. С. Пушкина	211
Таблица «Родословие А. С. Пушкина» (сост. А. А. Черкашин) (<i>Вкладка</i>)	